

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания**

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 53

**Сборник научных статей,
посвященных памяти В.Н. Телия**

**МАКС ПРЕСС
Москва 2016**

УДК 81
ББК 81
Я410

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (от 16.06.2016 и 23.06.2016)

*Печатается по решению Ученого совета
Института языкознания РАН (протокол № 6 от 23.06.2016)*

*Печатается по решению Ученого совета
Московской международной академии (от 31.06.2016)*

Редколлегия выпуска: М.Л. Ремнева, В.З. Демьянков, Л.М. Терентий,
Е.Л. Бархударова, И.А. Бубнова, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, А.И. Изотов, В.В. Красных

Рецензенты: д.ф.н., проф. О.В. Кукушкина, д.ф.н., проф. А.А. Липгарт,
д.ф.н., проф. В.М. Мокиенко, д.ф.н., проф. Н.В. Уфимцева

Ответственность за высказываемые идеи несут исключительно авторы статей

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных,
А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – 388 с.

ISBN 978-5-317-05348-2

Данный сборник научных статей является 53 выпуском научной серии «Язык, сознание, коммуникация», выходящей с 1997 года. Он посвящен памяти известного отечественного лингвиста, фразеолога, основоположника и главы лингвокультурологической школы – Вероники Николаевны Телия.

В выпуск вошли 33 статьи ведущих специалистов в области общего языкознания, фразеологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии.

Спектр проблем, освещаемых на страницах выпуска, очень широк: общетеоретические вопросы лингвистики, проблемы фразеологии, проблемы лингвокогнитивных и собственно лингвокультурологических изысканий, а также целый ряд вопросов, актуальных для «смежных» с лингвокультурологией наук – этнолингвистики и психолингвистики – и новых направлений в рамках лингвокультурологических исследований: когнитивной лингвокультурологии, теолингвокультурологии, психолингвокультурологии.

Выпуск отличается высоким научным и профессиональным уровнем всех авторов, широта спектра рассматриваемых ими вопросов и разнообразие разрабатываемых ими подходов. Все статьи самым непосредственным образом связаны с научным наследием В.Н. Телия и в той или иной степени продолжают и развивают ее идеи.

Language - Mind - Communication. Issue 53 / Eds. & Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. - Moscow: MAKS Press, 2016.

Present issue contains articles in memory of the prominent Russian scholar professor Veronika N. Teliya (1930-2011) written by her colleagues and disciples.

key words: phraseology, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, stereotype, symbol, codes of culture, personality, tolerance.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-05348-2

© Авторы статей, 2016

Вероника Николаевна Телия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зыкова И.В., Красных В.В.</i> Вероника Николаевна Телия НЕуходящая натура	7
<i>Алпатов В.М.</i> Части речи и семантика	11
<i>Беляевская Е.Г.</i> Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом.....	27
<i>Брилева И.С.</i> Фольклорные слои культуры в образном основании фразеологизмов.....	37
<i>Бубнова И.А.</i> Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования	48
<i>Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.</i> Может ли Иоанн Креститель призывать плевать себе под ноги, или всегда ли прагматическая цель оправдывает лингвистические средства?.....	56
<i>Величко А.В.</i> Фразеологические единицы разных уровней языка. Универсальное и специфическое	62
<i>Гудков Д.Б.</i> Концепт <i>патриот</i> в русском политическом дискурсе (на материале «Новой газеты» и «Завтра»)	68
<i>Гулимова А.Д.</i> Фразеологический статус предложных сочетаний с семантикой времени (на материале английского языка).....	75
<i>Демьянков В.З.</i> Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В.Н. Телия.....	86
<i>Егорова А.В.</i> Чем питается время и что питается временем: к вопросу о персонификации и реификации времени в концептуальных метафорах	91
<i>Заботкина В.И.</i> Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе.....	102
<i>Залевская А.А.</i> К проблеме разграничения языковой ситуации и метаязыковой ситуации.....	112
<i>Захаренко И.В.</i> Эмотивная «составляющая» фразеологизмов как отражение ценностных установок культуры.....	121
<i>Зыкова И.В.</i> Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ	136
<i>Иванова С.В.</i> Актовая речь как культурный код.....	152
<i>Карасик В.И.</i> Сюжетный мотив «нарушение запрета» в разных типах дискурса	161

<i>Кирилина А.В.</i> Фразеологический словарь русского языка (под ред. А.И. Молоткова) с точки зрения гендерной лингвистики.....	176
<i>Красных В.В.</i> Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра.....	181
<i>Кржишиник Э.</i> Словенская фразеология в свете культуры	194
<i>Лазуткина Е.М.</i> Системные отношения как матрица метафоризации	212
<i>Левцкий А.Э.</i> Антропонимы в зеркале английской лингвокультуры	228
<i>Мед Н.Г.</i> Образное сравнение как объект лингвокультурологического анализа (на материале испанского языка).....	237
<i>Мещерякова О.А.</i> Трансформация семантики фразеологизма в коммуникации	246
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности.....	254
<i>Никитина С.Е.</i> Сотериология конфессиональных групп в призме этноконфессиональной лингвистики	266
<i>Опарина Е.О.</i> 'Природное' и 'культурное' в русской фразеологии: Зооморфный код культуры как средство концептуализации «чувств-ощущений» и психологии человека	285
<i>Постовалова В.И.</i> Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления)	294
<i>Сидорова М.Ю., Гостев П.П.</i> Коммуникативные стратегии описания изображений: от предметности к ассоциативности	312
<i>Скляревская Г.Н.</i> Русские демиутивы как языковой и культурный феномен (имена существительные нарицательные).....	323
<i>Фролова О.Е.</i> О наречии <i>душевно</i>	337
<i>Чернейко Л.О.</i> Место связанного значения слова в типологии лексических значений и его роль в языке и речи.....	346
<i>Шаховский В.И.</i> Фразеология русского языка как пристань научной Любви (в память о любимой мною В.Н. Телия)	364
<i>Шулежкова С.Г.</i> Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке	374
Авторы выпуска	383

ВЕРОНИКА НИКОЛАЕВНА ТЕЛИЯ НЕУХОДЯЩАЯ НАТУРА

1 ноября 2015 года была памятная дата –
85-летие Вероники Николаевны Телия –
всемирно известного ученого, внесшего значительный вклад в развитие общей теории языка и заложившего основы новой отрасли междисциплинарного знания – лингвокультурологии.

Писать о ВН и легко и трудно, и просто и сложно.

Легко, потому что она была исключительным, самобытным, ярким человеком, с искрометным чувством юмора, острой на язык и быстрой на реакцию. Любое воспоминание о ней – это всегда отдельный рассказ, чаще смешной, иногда грустный, никогда не скучный, но всегда необыкновенный и интересный.

Трудно, потому что все время спотыкаешься о глаголы в прошедшем времени...

Просто, потому что она оставила удивительное научное наследие, богатое россыпями блистательных идей, эдакие «бриллиантовые копии Вероники» (да проститься нам эта вольность). Кажется, бери любую ее работу – и найдешь там либо подтверждение своим мыслям и рассуждениям (подчас внезапное для себя), либо новый поворот собственным размышлениям и научным изысканиям (зачастую неожиданный и нетривиальный).

Сложно, потому что это лишь кажущаяся простота «алмазно отточенных» формулировок. И, кстати, «прорваться» сквозь максимально конденсированное изложение, столь характерное для ее работ, бывает ох как нелегко. «У меня немецкий синтаксис», – часто говорила Вероника Николаевна, если ей замечали, что ее работы сложно читать. А потом – через короткую паузу: «А Вас что? Легко?»

Неординарность личности, мощь интеллекта, страстность характера, внешняя и внутренняя красота, широчайшая эрудиция и нестандартность подходов – все это и многое другое объединяло самых разных исследователей вокруг Вероники Николаевны Телия.

Настоящий сборник в этом смысле – продолжение телиевских традиций: он объединяет под одной обложкой ученых из самых разных отраслей языкознания, друзей и учеников Вероники Николаевны, ее единомышленников и научных оппонентов, лично ее знавших или знакомых с ней только по ее работам. Он служит ярким свидетельством того, насколько актуально и «живодейственно» научное наследие, не до конца еще, наверное, понятое и осмысленное, столь яркой и неординарной и в науке, и в жизни личности, которой являлась Вероника Николаевна, и насколько многогранным может быть его преломление в ходе разработки самых передовых идей новейшего (постнеклассического) этапа развития гуманитарного знания. Но не стоит, пожалуй, рассмат-

ривать данный коллективный научный труд как исключительно дань памяти выдающему ученому. Эта книга – продолжение научного общения. Обращаясь в своих работах к определенным идеям Вероники Николаевны или конкретным проблемам (вопросам), которые волновали или интересовали ее, к изучению которых она обращалась в разные периоды своего научного творчества, каждый автор продолжает поддерживать с ней тот конструктивный научный диалог, который являлся для Вероники Николаевны излюбленным форматом живого научного общения, с характерным для него столкновением научных позиций и консолидацией взглядов, полемичностью и идейно-порождающей импровизированностью, личным контактом и экспрессией, позволяющими достичь, если и не единства мнений, то, бесспорно, продуктивного обмена научным опытом – одного из главных источников рождения новых прогрессивных научных мыслей и одного из важных условий совершенствования имеющегося в распоряжении научного знания.

Научное наследие Вероники Николаевны Телия масштабно и значительно, оно содержит множество ценнейших идей и научных разработок, которые находят свое применение и обретают новые направления развития в самых разнообразных областях филологического и – шире – гуманитарного знания. Как известно, значительное число трудов Вероники Николаевны было посвящено исследованию таких ключевых проблем лингвистики, как языковая номинация, языковая семантика и прагматика. На протяжении долгого времени в научном творчестве Вероники Николаевны оформлялись и выкристаллизовались представления о культурно-национальной специфике языка, велся активный и успешный поиск средств формализации и экспликации глубинных механизмов взаимодействия культуры и языка, принципов организации культурного знания в формах (или «телах») языковых единиц. Особой областью теоретических изысканий Вероники Николаевны являлось «открывшееся» новое измерение языка, та «новая реальность» – «культурная коннотация», в которую погружен язык и которая является особой средой его бытия, питающей и насыщающей все уровни языковой системы уникальным духовным опытом национального сообщества. Признание личности «вершинной категорией» культурных и языковых процессов позволило Веронике Николаевне в наиболее полном объеме реализовать антропоцентрический подход к изучению культуры и языка, вывести на первый план этические и эстетические аспекты коммуникации, осуществляемой в определенном (меж)культурном пространстве, сфокусировать внимание на нравственных ценностях и моральных установках, которые являются главными ориентирами и мотиваторами в языкотворческой (лингвокреативной) деятельности представителей национального сообщества и их вербального взаимодействия. Существенное значение Вероника Николаевна придавала проблеме метаязыка лингвокультурологии, указывая на важность и необходимость «определить содержание базовых для лингвокультурологии метаязыковых по-

нятий». В своих трудах она проводила разработку целого ряда лингвокультурологических понятий, среди которых такие базовые понятия, как «культурно-национальная специфика», «культурно-языковая компетенция», «культурная референция», «символярий культуры», «культурно-языковая идентичность», «установки культуры», «(лингвокультурный) концепт», «культурно-языковая компетенция», «культурный фон», «коды культуры» и многие другие.

В научных статьях авторов настоящего сборника изложенная выше в довольно лапидарной форме «телиевская» проблематика получает свой вектор определенного преломления в разных областях филологической науки (в общем языкознании, этнолингвистике, переводоведении, психолингвистике), на разном языковом материале (русском, английском, словенском), в рамках разработки разных научных подходов как общетеоретического, так и частнотеоретического плана. На страницах данного коллективного научного труда в фокусе внимания ученых находится широкий круг фундаментальных языковедческих вопросов, касающихся специфики устройства различных языковых подсистем и языковых уровней (грамматического, лексического, фразеологического), форм и механизмов (смыслового) построения дискурса и текста, принципов организации и передачи (социо)культурного знания или (социо)культурной информации в языковых знаках разной протяженности (от слова до текста), различных аспектов языковой личности и лингвокреативных механизмов личностного сознания, форм, технологий и результатов межъязыковых процессов с учетом фактора кросскультурного взаимодействия, специфики языковой концептуализации и ее культурно-национальной обусловленности, формирования и функционирования понятийного аппарата лингвокультурологии. В настоящей книге намечаются пути разновекторного (психологического, теологического, когнитивного и др.) развития общей теории лингвокультурологии.

Вероника Николаевна Телия является в одном лице и классиком, и новатором в филологической науке. Ее научное наследие служит надежной опорой и одновременно благодатной почвой для создания новых научных теорий и методологий в рамках не только лингвистических и лингвокультурологических исследований, но и других дисциплин и междисциплин в целостном пространстве гуманитарного знания. Многие из научных тем, заданных в ее трудах, находятся на стадии их осмысления в контексте новейших тенденций развития отечественной и мировой науки; они «приглашают» всех заинтересованных специалистов к открытому диалогу на общих научных основаниях.

Думается, что научное наследие Вероники Николаевны Телия – это своего рода «научный Present Perfect Continuous», при этом каждое слово в этом определении одинаково значимо и важно.

Она была и остается сверкающей вершиной, загадочной, манящей, притягательной, по-человечески открытой разным идеям и доступной

общению и в то же время по-научному, вероятно, все-таки недостижимой...

Общение с Вероникой Николаевной, казалось бы, уже неповторимо и невозвратно, как «белой акации ветки душистые». Но на самом деле сама Вероника Николаевна всегда с нами: в наших воспоминаниях, в наших размышлениях, в нашей работе...

ВЕРОНИКА НИКОЛАЕВНА, МЫ ПОМНИМ И ЛЮБИМ ВАС!
МЫ С ВАМИ В ДИАЛОГЕ!

*Ирина Владимировна Зыкова,
ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН
Виктория Владимировна Красных,
профессор Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова*

от имени редколлегии выпуска

ЧАСТИ РЕЧИ И СЕМАНТИКА

В.М. Алпатов

PARTS OF SPEECH AND SEMANTICS

V.M. Alpatov

ABSTRACT

The problem of the parts of speech is one of the eternal problems of linguistics. In the European tradition the parts of speech were singled out since antiquity, however some contradiction existed: their definitions were usually semantic but their real characteristics were morphological. The principles of differentiation of the parts of speech in the other linguistic traditions (Indian, Arabic, Japanese) were analogous: their definitions were based on their meaning but their real characteristics were formal (morphological or syntactic). Only the Chinese tradition singled out only “full” (independently used) and “empty” (auxiliary) words without any reference to semantics. Since the end of the XIX century many attempts of a strict singling out of the parts of speech were undertaken, some of them were semantic ones. However the purely semantic word classes do not coincide with the traditional parts of speech; for instance the predicate (abstract) nouns have nominal morphological and syntactic characteristics in many languages but their meanings are verbal or adjective. The difference between the verbal and the adjective meaning or between the adjective and the adverbial meaning is not clear. It is possible to suggest that the notion of parts of speech has a psycholinguistic significance. Words are kept in the memory in the form of some groups with common characteristics. These groups are not necessarily similar in their features but languages use some evident identifiers. The identifiers are different morphological and syntactic signs; they can be various depending on the structure of the language.

Key words: parts of speech; word; linguistic traditions; semantics; semantic word classes, morphology; syntax; memory; keeping in memory; identifiers

АННОТАЦИЯ

Проблема частей речи – одна из «вечных» проблем науки о языке. В Европе части речи выделялись с античного времени. При этом определения частей речи обычно бывали семантическими, но сами классы слов выделялись по формальным, прежде всего, морфологическим признакам. С конца XIX в. предпринимались попытки выделения и определения частей речи на основе строгих критериев; в том числе были и попытки последовательного выделения частей речи на основе их семантики. Однако привычные части речи оказываются семантически неоднородными и значительно отличаются от семантических классов слов. Представляется, что традиционные понятия частей речи, как и понятие слова, имеют психолингвистическую значимость. В памяти человека слова, как можно предполагать, хранятся в виде некоторых групп, имеющих общие свойства. Эти группы слов могут быть не вполне однородны по своим свойствам, но для разных языков типично использование некоторых наиболее очевидных опознавателей, позволяющих легко их идентифицировать. Такими опознавателями вы-

ступают формальные (морфологические, синтаксические) признаки, которые могут по-разному выступать в зависимости от строя языка.

Ключевые слова: части речи; слово; лингвистические традиции; семантика; семантические классы слов; морфология; синтаксис; память; хранение в памяти; опознаватели

Одной из «вечных» проблем науки о языке является проблема классов слов, то есть частей речи. Разумеется, не всякие классы слов принято называть частями речи: этот термин всегда было принято относить лишь к наиболее существенным с той или иной точки зрения классам: «Части речи... – самые крупные группировки слов, отличающиеся общими семантическими и грамматическими свойствами» [Гак 1986: 51]. В таких определениях место семантике, как правило, отводится.

В Европе выделять части речи начали в античное время. Первое дошедшее до нас членение такого рода, включая выделение имен и глаголов, произвел Аристотель в IV в. до н. э.; он отмечал и некоторые свойства частей речи, например, связь глагола с идеей времени [Аристотель 1978: 93–94]. Первая классификация, охватившая все слова языка, была произведена стоиками: Хрисипп (III в. до н.э.) установил пять частей речи: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз и член (артикл) [Оленич 1980]. Наконец, во II в. до н. э. в Александрии для древнегреческого языка появилась каноническая классификация из восьми частей речи, зафиксированная в дошедшей до нас грамматике Дионисия Фракийца (конец II в. до н.э.). Это имя, глагол, причастие, член (артикл), местоимение, предлог, наречие, союз [Античные 1936: 117–123]. Эта система скоро была перенесена на латинский язык лишь с небольшой модификацией: из числа частей речи был исключен отсутствующий в латыни артикл, вместо него добавлено междометие [История 1980: 251–254]. Ранние классификации (Аристотель, стоики) совмещали морфологические принципы с семантическими (что проявилось во включении в части речи собственных и нарицательных имен), но начиная с александрийцев, более последовательно выдерживался морфологический принцип. Например, класс имен включал в себя и существительные, и прилагательные, поскольку морфологически они сходны в обоих базовых языках традиции.

Но имплицитные критерии выделения частей речи могли не соответствовать их определениям, в которых чаще всего выделялись их семантические свойства¹ [Лайонз 1978: 159, 338; Anward, Moravcsik, Stassen 1997; Anward 2000: 12]. Например, определение имени у автора латин-

---

¹ Редким примером последовательно морфологического их понимания был Марк Теренций Варрон (Рим, I в. до н.э.): он определял имена как слова, которые склоняются и не спрягаются, тогда как глаголы спрягаются и не склоняются, причастия склоняются и спрягаются, а наречия не склоняются и не спрягаются [История 1980: 240].

ской грамматики Доната (IV в. н.э.): «Имя есть часть речи, наделенная падежом и обозначающая тело или вещь» [История 1980: 251], хотя не каждое имя обозначает тело или вещь (напомню, что тогда к именам относили и прилагательные). Как справедливо писала Н.Д. Арутюнова, «одной из характерных черт традиционной грамматики является отсутствие соотношенности между применяемыми принципами классификации и определениями полученных классов или категорий <...>. Традиционная грамматика, верно отражая языковое чутье носителей языка, часто давала ему одностороннее (семантическое) истолкование. Но из этого не вытекает, что сами принципы систематизации материала были также односторонне семантическими» [Арутюнова 1964: 270]. Впрочем, и Донат не прибегал к семантике, определяя наречия или причастия.

В Новое время традиционная система подверглась модификациям, главными из которых были объединение в один класс глаголов и причастий и разделение когда-то единого класса имен на имена существительные и прилагательные (иногда также числительные). Выделение в качестве отдельной части речи прилагательных оказалось необходимым в связи с тем, что во многих новых романских, германских и славянских языках они значительно разошлись с существительными морфологически.

Семантическая направленность определений частей речи в Новое время стала еще заметнее. Однако тогда, как и раньше, определения частей речи не играли существенной роли для их выделения: лишь в каких-то спорных случаях необходимо было определение класса слова на основе некоторых критериев. Обычно же, как и в случае выделения слова, путь был обратным: «опытный грамматист, не прибегая к таким определениям, всегда знает, чем является данное слово – прилагательным или глаголом» [Есперсен 1958: 67], а затем надо было подобрать определения к уже выделенным классам. Но определения, безусловно, отражали отмеченное Н.Д. Арутюновой языковое чутье.

Однако системы частей речи для новых языков Европы, закрепившиеся, в частности, в школьном преподавании, в целом стали более эклектичными сравнительно с античным периодом. При сохранении роли морфологических признаков там, где они были применимы, усилилось влияние синтаксических критериев, по-видимому, мало использовавшихся в античный период. Скажем, субстантивированные прилагательные после разграничения имен на два класса стали относить к существительным. При переносе традиционной системы на языки разного строя могли появляться и чисто семантические классы. Так произошло с местоимениями для тех языков, где они не имеют морфологических особенностей; очень часто с числительными. В целом традиционная система частей речи неоднородна по своим основаниям не меньше, чем традиционное выделение слов.

Европейская традиция не является единственной. Особые традиции в разное время складывались в Индии, арабском мире, Китае, Японии.

Везде выделялись первичные единицы анализа, сопоставимые с европейскими словами, хотя их лингвистические свойства могли быть и несколько иными. Эти единицы как-то классифицировались, классификации могут быть сопоставлены с выделением частей речи, хотя выделяли меньшее число классов. Индийцы и арабы выделяли имена, глаголы и частицы. В Японии была система из трех знаменательных и двух служебных частей речи. В Китае различали лишь «полные» и «пустые» слова, то есть знаменательные и служебные единицы, и не знали даже различия имен и глаголов, что было связано с изолирующим строем базового языка. Определения классов (кроме Китая), как и в Европе, основывались на семантике, но принимались во внимание и морфологические, а иногда и синтаксические признаки. Лишь в Китае «полные» и «пустые» слова выделялись только по критерию самостоятельности без обращения к семантике. Подробнее см. [Алпатов 2005: 38–40].

На основе европейской традиции сложилась интернациональная наука о языке. До конца XIX в. она удовлетворялась традиционными классификациями, но затем стали предприниматься попытки уточнить привычные понятия, в том числе и понятие части речи. Это было связано и с постепенным становлением структурных подходов, и с расширением числа изучаемых языков разного строя, для которых прямой перенос традиционных решений часто показывал неадекватность. В течение XX в. лингвисты предлагали разные подходы к выделению и определению частей речи, по-разному и в разной степени связанные с семантикой.

Одни из лингвистов не опирались на семантику или отводили ей второстепенное место: синтаксический подход у Л. Блумфилда, морфологический подход Московской школы и др. Но сохранялось и представление о частях речи как семантических классах; см., например, [Балли 1955: 128–130]. И Л. Теньер, отделяя на первом шагу классификации по синтаксическим признакам знаменательные слова от служебных, затем разделяет знаменательные слова на существительные, прилагательные, глаголы и наречия по тому, какие значения они выражают [Теньер 1988: 73–74]. Но и в XX в. семантический подход больше сказывался в определениях частей речи, чем в реальных основаниях для классификации.

Иногда даже в XX в. считали, что значения предметности, процесса и т. п. «представляют собой обобщение лексических значений слов всей части речи» [Тихонов 1968: 219]. Для каждой традиционной части речи признается особое, так называемое лексико-грамматическое значение, отличное и от обобщенного лексического, и от грамматического значения. Пишут, например, что русское слово *приезд* обладает лексическим значением действия и лексико-грамматическим значением предметности; см., например, [Суник 1966: 31]. По мнению О.П. Суника, в любом языке мира *белый* – прилагательное, а *белизна* – существительное [Там же: 29, 53]. Однако оказывается, что так называемые лексико-

грамматические значения словоформ на практике всегда соответствуют их грамматическим значениям (не всегда соответствуя лексическим). Подобные взгляды ставились под сомнение еще К.С. Аксаковым в 1838 г.: «Один и тот же корень, одно и то же содержание может явиться или именем через форму *слав-а*, или глаголом через форму *слав-ить*» [Хрестоматия 1973: 171].

Казалось бы, на основе семантики части речи выделялись во многих грамматиках «экзотических» языков, особенно в случае, когда нет возможности выявить морфологические классы. Однако реально в таких случаях исходят не столько из значения, обычно строго не описанного, сколько из перевода на эталонный (скажем, английский или русский) язык. То, что эти переводы непосредственно отражают семантику, еще надо доказать.

Распределение слов по частям речи только по значению без опоры на формальные признаки вряд ли может быть строгим, что отмечают многие [Anward 2000: 27; Lasard 2000: 390; Baker 2003: 309]. Но, даже если рассмотреть, какие значения традиционно приписываются тем или иным частям речи, то можно видеть, что привычные части речи могут оказаться семантически неоднородными.

Особенно это очевидно в отношении существительных. Безусловно, ядро данного класса в любом, очевидно, языке, составляет лексика, обозначающая участников того или иного события, но не сами события (понятие события здесь определяется максимально широко, включая всё, что именуется действиями, состояниями, признаками, качествами). Такую лексику называют непредикатной, или термовой [Ревзин 1978: 147–148]. Часто не вполне точно ее называют конкретной лексикой. Такая лексика едва ли не во всех языках оказывается однородной по формальным свойствам и целиком входит в единый класс существительных; исключения составляют разве что личные местоимения (в ряде языков, например, в японском, они по морфологическим и синтаксическим свойствам не отличаются от существительных). Осознание их центрального положения среди существительных отражено и в традиционных определениях этого класса (или имен в целом). По-видимому, существуют языки, где весь класс существительных, выделяемый по морфологическим и/или синтаксическим признакам, состоит из них; например, в айномском языке среди отглагольных имен не отмечены имена действия в чистом виде [Kindaichi, Chiri 1936; Nattori 1971]. По мнению Г.А. Климова, в языках активного строя, к которым он относил в основном языки Америки, все имена непредикатны [Климов 1977: 111]. В таких языках просто нет слов вроде *белизна*, которые считал существительными в любом языке О.П. Суник.

Но в очень многих языках существуют так называемые абстрактные имена вроде русских *белизна*, *работа*, *бег*, *прогулка*, *репутация*, в большинстве отглагольные или образованные от прилагательных, что

не случайно. Они имеют предикатные значения², хотя их формальные свойства – именные, что отметил еще К.С. Аксаков. Поскольку участниками события могут быть и другие события (например, во фразе *Шум мотора мне мешает* обозначает событие *мешать*, одним из двух участников которого является другое событие, способное обозначаться глаголом *шуметь* и существительным *шум*), то эта двойная роль событий – участников отражается в способе их обозначения. Слова, обозначающие события, относятся к лексике, которая в современной лингвистике именуется предикатной и во многих языках распределяется по разным частям речи.

Конечно, носителям языка свойственно семантизировать любые интуитивно ощущаемые ими языковые различия. Как отмечает Д. Гил, многим кажется, что предметы, обозначаемые в его родном языке словами мужского рода, бывают особо твердыми и тяжелыми; точно так же они могут посчитать, что, например, *destruction* ‘разрушение’ – предмет [Gil 2000]. Можно вспомнить и средневековые драматические представления моралите, где персонажами являлись Милосердие, Правосудие, Воля, Разум и даже Колики и Апоплексия, то есть всё что угодно с одним существенным ограничением: для соответствующего значения в языке должно было существовать именное выражение; если оно было только глагольным, оно не могло персонифицироваться. И нынешние идеи о «лексико-грамматических значениях» (встречающиеся и у нас, и за рубежом) продолжают ту же традицию. Здесь, как указывала Т.В. Булыгина, «мы имеем дело с семантически немотивированным удвоением грамматической номенклатуры, то есть выделением квази-семантических ярлыков, полностью дублирующих грамматические понятия» [Семантические 1982: 8]. Такие определения существительных тавтологичны: «Предметность в широком смысле» просто синоним слова «существительное» [Ревзин 2009: 111].

Скорее можно согласиться с Д. Вундерлихом, который считает, что существительные могут обозначать всё [Wunderlich 1996: 18]. Глаголы этим свойством, по-видимому, не обладают, однако в «экзотических» языках они могут передавать и значения, для нас непривычные в качестве глагольных. В австралийском языке илгар слово со значением *мой отец* относят к глаголам [Evans 2000: 103]. Но, по сути, в терминах родства заключены предикаты; например, *мой отец* обозначает событие (признак, отношение), участниками которого являются два человека.

Другой спорный вопрос, связанный с семантическими свойствами частей речи, относится к семантике прилагательных. Традиционное их отнесение к именам было основано на их морфологических особенно-

---

² Традиционное определение предикатных имен как «действий, мыслимых в отвлечении от субъекта» и пр. отражает не их семантику, а их сочетаемость: модель управления глагола обычно требует обозначения участников события (кроме редких случаев вроде *морозит*), тогда как при именном обозначении события обозначение его участников часто не обязательно.

стях в классических языках и никогда не имело разумного семантического обоснования. По значению слова этой части речи относятся к предикатной лексике, что теперь уже общепризнано, см., например, книгу [Семантические 1982]. Предложения вроде *Мальчик спит* и *Мальчик маленький* в равной степени обозначают события, имеющие того же единственного участника. «Качеств. П. (прилагательные – В.А.) считаются “классическими” предикатами, т. к. они не включают никаких др. сем, кроме предикативных» [Вольф 1990: 397]. Тем самым японский язык, где предикативные прилагательные близки к глаголам, более непосредственно отражает свойства этого класса лексики.

Однако в чём семантические различия между прилагательными и другими классами предикатных слов? Традиционно считается, что ядерная часть класса прилагательных, то есть качественные прилагательные (отвлекаемся пока от относительных и притяжательных прилагательных), обозначает качества, или признаки. В отличие от них глаголы обозначают либо действия, либо состояния. Вопрос о грани между этими значениями обсуждается, например, в нескольких разделах книги [Семантические 1982]. Различия между качествами и активными действиями очевидны, но «различие между “качеством” и “состоянием” (если оно вообще не иллюзорно) менее разительно, чем различие между “действием” и “состоянием”» [Лайонз 1978: 343]. Если ядро существительных очевидно, то «ядро части речи прилагательное определить труднее» [Ревзин 2009: 158].

Круг значений, передаваемых прилагательными, нередко в разных языках не совпадает. Например, в русском языке *богатый* – прилагательное, *болеть* (*горло болит*) – глагол, а *много* – спорный класс категорий состояния, но в японском языке *томи* ‘богатый’ – глагол, а *итай* ‘болеть’ и *оои* ‘много’ – прилагательные. При расширении круга привлекаемых языков несовпадений оказывается еще больше: например, в ирокезском языке мохаук значение *хороший* передается глаголом [Вагер 2003: 70].

Обычно специфику адъективной семантики видят в двух параметрах. Во-первых, считается, что качественное прилагательное «обозначает <...> качественный признак предмета, вне его отношения к др. предметам, событиям или признакам» [Вольф 1990: 397]. Фактически речь здесь идет не о семантике, а о синтаксисе: типичные прилагательные многих языков одновалентны. Однако одновалентны и многие переходные глаголы, про которые тоже можно сказать, что они обозначают нечто «вне отношения к другим предметам, событиям или признакам». С другой стороны, даже в русском языке есть двухвалентные прилагательные вроде *равный* (*X равно Y*).

Во-вторых, что более существенно, считается, что качество бывает постоянным свойством некоторого предмета (в широком смысле, включая людей и животных), а состояние – его временным свойством. Эта проблема обсуждается и в исследованиях последнего времени [Smith

2010: 731–734; Baker 2003: 32–34]. Безусловно, семантические различия постоянных и временных ситуаций могут быть существенными, но насколько это связано с различием частей речи³? Часто действительно многие типичные прилагательные самых разных языков обозначают постоянные ситуации (соответственно глаголы – временные). Но прилагательные вроде *веселый* и даже *богатый* могут обозначать и временные состояния, а глаголы вроде *существовать*, *относиться* – постоянные признаки. И.И. Ревзин также указывает, что постоянные признаки могут выражать и глаголы, например, в немецком языке *blauen* ‘синеть’, *altern* ‘стареть’ [Ревзин 2009: 158]. На основании подобных примеров и те лингвисты, которые признают различие глагола и прилагательного базовым, не склонны считать данное различие определяющим [Baker 2003: 310].

Вероятно, предикатные значения образуют некоторый континуум, на одном полюсе которого находятся наиболее типичные действия вроде *бить*, *строить*, а на другом полюсе наиболее типичные качества вроде *большой*, *красный* (точнее, *быть большим*, *быть красным*), состояния находятся в промежутке между ними. Граница же между глагольными и адъективными значениями не может быть строго проведена и в разных языках проходит по-разному.

Следует также отметить, что «во многих языках П. (прилагательное – В.А.) не выделяется как отд. часть речи, имеющая свои морфологич. и/или синтаксич. характеристики» [Вольф 1990: 397]. Примером такого языка является айнский [Hattori 1971; Shibatani 1990: 19]. Прилагательные в этом языке не выделяются, зато имеются два предикатных класса слов с разным спряжением. Это классы переходных и непереходных глаголов: непереходные глаголы имеют показатели согласования с подлежащим, переходные – показатели согласования с подлежащим и прямым дополнением (три ряда показателей различны) [Shibatani 1990: 18–21]. Слова с семантикой типичных прилагательных целиком входят в этот язык в класс непереходных глаголов. Отсутствие каких-либо различий между прилагательными и стативными глаголами отмечают и для языка мохаук [Baker 2003: 4]. Указывают, что и в мон-кхмерских языках «нет прилагательных как отдельной части речи: слова, выражающие признак, свойство вместе со словами, выражающими действие, процесс и состояние, составляют один функциональный класс слов» [Погибенко 2013: 285–286]. Отмечается, что помимо языков, где прилагательные

---

³ Любопытный пример находим в недавней нелингвистической книге (речь идет о психологии испанских конкистадоров, которые считали трусость тягчайшим пороком, но признавались, что иногда испытывали страх): «Трусость и страх – принципиально разные вещи: трусость – это качество, а страх – состояние, так или иначе преодолимое» [Кофман 2012: 213]. Но и данное качество, и данное состояние и в испанском, и в русском языке равно обозначаются предикатными существительными. В русском языке качество также выражается и прилагательным *трусливый*, а соответствующим словом для состояния скорее будет *страшно* (для одних русистов – категория состояния, для других – также прилагательное).

неотличимы от глаголов, есть и языки, где они совпадают по свойствам с существительными, к ним относят кечуа, нахуатль, язык гренландских эскимосов, многие австралийские [Baker 2003: 100, 190]; то же относится и к языку хауса, где прилагательным соответствуют абстрактные имена в посессивных конструкциях [Rijkhoff 2000: 221]⁴. Отмечается такая почти универсалия: прилагательных как отдельного класса нет в языках с классификаторами [Там же: 217] (найден лишь одно исключение).

Что же касается относительных и притяжательных прилагательных, то их семантика совсем другая: основа прилагательного имеет непредикатное значение, а конструкция «прилагательное + существительное» обозначает прямо не обозначенный предикат, имеющий двух участников: *Каменный дом = Дом построен из камня, Машина книга = Книга принадлежит Маше*. Такие прилагательные встречаются еще в меньшем числе языков, чем качественные; им обычно соответствуют существительные в синтаксической позиции определения; в частности, они не свойственны языкам, где слова с качественным значением близки к глаголам.

Всё сказанное приводит многих лингвистов к идее о том, что прилагательное как особая часть речи не может считаться универсальным свойством языков. Э. Сепир указывал, что имя и глагол – единственные необходимые для языка части речи [Сепир 1993: 116]; см. также [Мельчук 2000: 184]. У.Л. Чейф считал, что различие глаголов и прилагательных в тех или иных языках – поверхностное явление [Чейф 1975: 341–342]. Однако не менее распространена и обратная точка зрения об универсальности класса прилагательных, который, наоборот, глубинно существует всегда, а поверхностно в некоторых языках отсутствует [Baker 2003: 88]. Но она уже редко основана на идее о замкнутых классах глагольных и адъективных значений.

«Наречие – это часть речи, которая неизменно выделяется в традиционной грамматике и при этом труднее всего поддается точному определению. Точнее всего было бы определить наречия отрицательно» [Ревзин 2009: 179]. Даже в исконной европейской традиции, начиная с Дионисия, этой части речи часто не давалось никакого семантического определения. Например, Л.В. Щерба считал, что наречие – чисто формальная категория, не обладающая собственным значением [Щерба 1957: 72]. Часто этот класс выделяется, по сути, остаточным, что ещё менее способствует выделению семантического варианта этого класса. Традиционное определение наречия как признака другого признака –

---

⁴ По данным Р.В.У. Диксона, прилагательные составляют именную класс в языках Европы, Северной Азии, Африки, Австралии, глагольный класс в Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Америке, Океании; есть и языки, где они отличны и от существительного, и от глагола: английский [Bhat 2000: 48–49]. М. Бейкер отмечает, что если в каком-то языке глаголы и прилагательные не различаются, то единый класс всегда называют глаголами [Baker 2003: 88–89].

внешне семантическое, но по сути синтаксическое: в русском языке наречия часто подчиняются прилагательным, которые обычно определяются как слова со значением признака. Можно согласиться с такой формулировкой: «Структура номинаций у наречий полностью совпадает с таковой у прилагательных» [Барулин 1990: 74].

Но среди периферийных частей речи действительно есть классы, выделяемые по значению. Местоимения и числительные для «экзотических» языков часто могут быть выделены только на основе семантики. Однако если семантика числительных достаточно ясна, то вряд ли, видимо, в принципе возможно найти семантический инвариант местоимения как единого класса, что отмечал еще О. Есперсен [Есперсен 1958: 90–93]. Там же, где эти классы могут выделяться и иным образом, может возникать конфликт между семантикой и формальными признаками. В русском языке *тысяча*, *миллион* и пр. – существительные по форме и числительные по семантике, конфликт у разных авторов мог решаться разными способами. Наконец, междометия далеко не всегда по своей семантике легко отграничиваются от наречий.

Таким образом, хотя нельзя отрицать определенную корреляцию традиционных частей речи с семантикой, выделение частей речи как чисто семантических классов вряд ли возможно для какого-нибудь языка; иначе, например, с выделением чисто морфологических классов, безусловно, возможным для части языков, хотя далеко не для всех. В последние десятилетия часто указывают, что семантика не может однозначно предсказать частеречную принадлежность слова в том или ином языке [Anward 2000: 27]. И У. Крофт отвергает типологическое значение семантических различий между частями речи, поскольку семантические сдвиги многообразны и специфичны для конкретных языков [Croft 2001: 70–71].

Хотя «проблема поиска семантических оснований для классификации знаменательных частей речи приобрела, по-видимому, дурную репутацию» [Тестелец 1990: 77], семантический в своей основе подход к частям речи не в столь прямолинейном виде продолжает существовать, наиболее известным его представителем является А. Вежбицка. Но он основан уже не на идеях об особых глагольных, адъективных, адвербиальных и пр. значениях, а на понятии прототипического значения. Задолго до А. Вежбицкой прототипический подход использовал И.И. Ревзин [Ревзин 2009: 111] (книга написана в 1973 г.).

А. Вежбицка пишет, что, хотя по морфологическим и/или синтаксическим критериям в любом языке можно выделить некоторые классы слов, ввиду многочисленности и разнородности этих критериев мы не можем на их основе установить соответствия между классами разных языков: это можно сделать лишь на семантической основе [Wierzbicka 2000: 285]. Однако соответствия между классами слов и классами значений в разных языках различны, поэтому выделяя семантику некоторого класса, надо учитывать не все принадлежащие к нему лексические

единицы, а наиболее типичные, соответствующие прототипическим значениям. Она специально предостерегает против того, чтобы исходить из базовой лексики английского языка [Там же: 288], поскольку в других языках она может не иметь однозначных соответствий. К английской базовой лексике относятся, например, *tell* ‘рассказывать’ и *water* ‘вода’, но даже во французском языке первому слову нет однозначного соответствия, а в японском языке есть два слова для холодной (*mizu*) и горячей (*yu*) воды [Там же: 288, 291]. Исходить следует из эмпирически устанавливаемых и интуитивно ясных универсалий языков [Там же: 289]. В итоге она признает прототипическими существительными *человек* и *вещь*, прототипическими глаголами *делать* и *случаться*, прототипическим прилагательным *большой*, прототипическими наречиями *очень* и *похоже (like this)*, для союзов это *если*, для предлогов *с* [Там же: 291–304]. Класс слова с непрототипическим значением определяется его общими формальными свойствами с тем или иным из выразителей прототипических значений. Например, предикатные существительные – слова с предикатным значением с общими синтаксическими и/или морфологическими свойствами со словами, имеющими значение *человек* и *вещь* [Там же: 293–294].

Идеи А. Вежицкой ценны тем, что имеют психолингвистическую основу (см. ниже). Но высокая степень произвольности построений при таком подходе очевидна, а избавиться от ориентации на эталонный язык (прежде всего, английский) трудно (как бы А. Вежицка ни предостерегала против этого).

Однако отсутствие жесткой корреляции между частями речи и семантическими классами слов не означает, что восходящая к древним традициям система частей речи связана со значением. Постоянные попытки определить части речи через их значение, свойственные разным традициям и не исчезнувшие до сих пор, тоже отражают некоторую реальность. Можно согласиться с таким высказыванием А.Е. Кибрика: «Исходная природа классифицирующих категорий всегда семантическая, но в различных языках они могут в разной степени быть оснащены кодирующими средствами и “догружены” вторичными функциями. Поэтому попытки дать общее определение таких категорий в терминах синтаксического или морфологического уровня, более или менее оправданные конкретной языковой спецификой, не отражают их универсальной природы» [Кибрик 1992: 127]. Из этого он делал вывод: «Признание приоритета значения над формой позволит также снять бесперспективный спор об *уровневом статусе* ряда классифицирующих категорий: частей речи, именных классов и т. п.» [Там же: 126]. Однако признание приоритета значения не снимает проблемы частей речи как таковой.

В целом не оправдывают себя и чисто морфологические, и чисто синтаксические концепции частей речи, а попытки комплексных подходов затруднительны из-за того, что разные признаки могут выделять разные классы. Представляется, что больше перспектив открывают

идеи, еще в 1928 г. высказанные Л.В. Щербой. Он писал: «Самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации слов <...>. В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-нибудь ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой <...>. Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются, скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [Щерба 1957: 63–64]. Последняя формулировка, явно направленная против школы Ф.Ф. Fortunatova, не означает чисто семантическое понимание частей речи: автор статьи указывает, что наречия и прилагательные имеют одинаковое значение, различаясь формально [Там же: 72].

Л.В. Щерба не отрицал ни морфологические, ни синтаксические, ни семантические критерии для выделения частей речи, все они учитывались в его анализе русского материала. Однако они – лишь опознавательные знаки для восприятия частей речи, которые существуют независимо от их семантики и формальных свойств.

Но как понимать формулировку: «навязываются самой языковой системой»? «Ученые и умные» классификации, отвергаемые ученым, тоже, как правило, основаны на каких-то свойствах языковой системы, на каких-то различиях, существующих в ней (это мы видели на примере семантических классификаций). Однако Л.В. Щерба подчеркивает, что их может быть много, но «истинная» классификация одна. По-видимому, Л.В. Щерба (начинавший деятельность в 1910-е гг. как сторонник психологического подхода к языку, но с 1920-х гг. пытавшийся от него отойти и всё время к нему в неявном виде возвращавшийся) понимал под «навязыванием» влияние со стороны психолингвистического механизма человека. Носители языка ощущают неоднородность слов, хранящихся в их памяти, и опознают их как принадлежащие к тем или иным группам – частям речи. Этот вывод не сформулирован Л.В. Щербой прямо, но вряд ли его идеи можно интерпретировать как-то иначе.

Позже эти идеи некоторыми лингвистами прямо связывались с психикой: «Слова, являющиеся по соображениям лингвистов, подтверждаемым психологами и психофизиологами, теми языковыми единицами, которые хранятся в памяти, во многих (а может быть, и во всех) современных языках в той или иной мере специализированы в своих грамматических функциях. Естественно поэтому предположить, что одно из членений тотального множества слов языка на подмножества для облегчения и ускорения их поиска в памяти основывается на этой грамматической специализации слов» [Супрун 1965: 17]. Или: «Не грамматические категории “сопутствуют” значению части речи, а значение части речи возникает на основе этих категорий и “сопутствует” им. Это происходит, по-видимому, в результате бессознательного се-

мантического обобщения слов, уже отнесенных к определенному классу по грамматическим признакам <...>. Обобщенные семантические представления являются лингвистической фикцией – эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка» [Леонтьев 1965: 34]. Отметим и такое высказывание Э. Сепира: «Наша условная классификация по частям речи есть лишь смутное, колеблющееся приближение к последовательно разработанному инвентарю опыта» [Сепир 1993: 114]. Иными словами, нечто содержится внутри нас, а классификация по частям речи – некоторая модель этого.

Снова обращусь к идеям Л.В. Щербы. Действительно, если мы исходим из нашего психолингвистического представления, мы можем выделять классы слов, обладающие разнообразными свойствами, которые играют лишь роль опознавателей в сложных случаях. При научной классификации мы либо должны исходить из единого критерия, либо, если мы пользуемся несколькими критериями, установить их иерархию. С психолингвистической точки зрения, возможны случаи, когда одно и то же слово может быть отнесено к нескольким классам, а какие-то слова остаться вне классификации. Это и делал Л.В. Щерба, признавая для частей речи возможность того и другого [Щерба 1957: 66]. Но для научной классификации (что отмечал и Л.В. Щерба) пересечение классов и наличие остатка – пороки, которых стараются избежать. Пересечение классов признают и некоторые современные лингвисты, в том числе испытывавшие влияние идей Л.В. Щербы [Касевич 2006: 567].

При восприятии слов значимы те или иные их опознаватели, которые для многих языков, особенно флективно-синтетических, являются, в первую очередь, морфологическими. Но существующие в человеческой психике классы в связи с главной функцией любых слов воспринимаются как семантические; видимо, решающую роль играет лексическая семантика ядерной части данного класса слов [Ревзин 1978: 139–140]. Языковеды, определяющие имена существительные как слова с предметным значением и пр. неявно исходят не из научного анализа, а из своих психологических представлений носителей языка. Исследования афазий и детской речи в целом действительно подтверждают эти предположения [Лурия 1947: 71–74; Спивак 1980: 145–146; Цейтлин 2009: 274; Baker 2003]. В последние годы всё большее развитие получает нейролингвистика, способная изучать не только частично действующий речевой механизм у афатиков и маленьких детей, но и нормальное функционирование этого механизма. Одной из первых публикации такого рода является статья [Kemmerer, Eggleston 2010], посвященная психолингвистическим коррелятам имени и глагола. В ней указывается на существование особых долей мозга, ответственных за представления размера, цвета, структурных черт воспринимаемого; они действуют и при произнесении или восприятии их именных обозначений. В ответ на слово, обозначающее лошадь на том или ином языке, происходит репрезентация лошадиной формы. Другие доли мозга ответственны за плани-

рование, выполнение и перцептивное понимание действий; они, вероятно, включаются и при обработке глаголов действия. Всё это не зависит от конкретного языка [Там же]. Тем самым противопоставление прототипических существительных и глаголов универсально, но между этим уровнем и уровнем конкретных слов имеется промежуточный уровень подклассов слов, здесь разные языки различаются [Там же]. Правда, как быть с китайским языком, где почти любое слово может употребляться в любой синтаксической позиции, а словоизменения нет? Недаром китайская традиция не знала имени и глагола. Безусловно, такого рода исследования только начинаются, многое остается пока неясным, но они подтверждают гипотезу о том, что среди многих возможных классификаций слов существует лишь одна «навязываемая» носителям языка.

Итак, традиционные понятия частей речи, как и понятие слова, имеют психолингвистическую значимость. В памяти человека слова, как можно предполагать, хранятся в виде некоторых групп, имеющих общие свойства. Особенно важны такие словесные группировки для восприятия речи, когда полученные сигналы сопоставляются с их аналогами в памяти. Хранимые в памяти группы слов могут быть не вполне однородны по своим свойствам, но для разных языков типично использование некоторых наиболее очевидных опознавателей, позволяющих легко их идентифицировать. Такими опознавателями для многих языков выступают морфологические признаки (склонение, спряжение и пр.), могут быть значимы и синтаксические свойства групп слов. Все эти признаки могут по-разному выступать в зависимости от строя языка. Существенно и противопоставление самостоятельных (знаменательных) и несамостоятельных (служебных) слов (недаром оно присутствует во всех лингвистических традициях), среди самостоятельных единиц наиболее значимо различие имени и глагола, хотя в изолирующих языках оно сглажено. Менее значимы такие классы как прилагательные и наречия; прилагательное в одних языках – разновидность имени, в других языках – разновидность глагола. Противопоставление классов, обычно четкое в наиболее типичных случаях, на периферии оказывается размытым.

Литература / References

1. *Аллатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. *Античные теории языка и стиля.* М. –Л.: Соцэкгиз, 1936. – 362 с.
3. *Аристотель.* Сочинения, т.2. М.: Мысль, 1978. – 687 с.
4. *Арутюнова Н.Д.* Американский структурализм. Грамматика // Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964. С. 239–306.
5. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
6. *Барулин А.Н.* Типы семантико-синтаксической организации словоформ и распределение их по частям речи // Части речи: теория и типология. М.: Восточная литература, 1990. С. 51–76.

7. *Вольф Е.М.* Прилагательное // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 397–399.
8. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
9. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.
10. История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. – 258 с.
11. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология // *Касевич В.Б.* Труды по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 373–660.
12. *Кибрик А.Е.* Соотношение формы и значения в грамматическом описании // *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1992. С. 123–130.
13. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. – 319 с.
14. *Кофман А.* Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ, 2012. – 304 с.
15. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
16. *Леонтьев А.А.* «Фиктивность» семантического критерия при определении частей речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л.: Наука, 1965. С. 34–41.
17. *Лурия А.Р.* Травматическая афазия. М.: АМН, 1947. – 367 с.
18. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. III. М. – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 2000. – 628 с.
19. *Оленич Р.М.* Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 214–232.
20. *Погибенко Т.Г.* Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции. М.: ИВ РАН, 2013. – 455 с.
21. *Ревзин И.И.* Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. – 290 с.
22. *Ревзин И.И.* Структура немецкого языка. М.: ОГИ, 2009. – 400 с.
23. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. – 366 с.
24. *Сепир Э.* Язык. // *Сепир Э.* Избранные работы по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – 655 с.
25. *Спивак Д.Л.* Искусственно вызываемые состояния измененного сознания (на материале инсулинотерапии) и их лингвистические корреляции // Физиология человека, 1980, № 1. С. 141–147.
26. *Суник О.П.* Общая теория частей речи. М.: Наука, 1966. – 101 с.
27. *Супрун А.Е.* Грамматические свойства слов и части речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л.: Наука, 1965. С. 17–21.
28. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
29. *Тестелец Я.Г.* Наблюдения над семантической оппозицией «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // Части речи: теория и типология. М.: Восточная литература, 1990. С. 77–95.
30. *Тихонов А.Н.* Части речи – лексико-грамматические разряды слов // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука, 1968. С. 219–228.
31. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1973. – 504 с.
32. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. – 432 с.
33. *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
34. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.
35. *Anward J.* A Dynamic Model of Part-of-speech Differentiation // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin–NY, 2000. P. 3–45.
36. *Anward J., Moravcsik E., Stassen L.* Parts of Speech: A Challenge for Typology // Linguistic Typology. 1997, 1. P. 167–183.
37. *Baker M.C.* Lexical Categories. Verbs, Nouns, Adjectives. Cambridge University Press, 2003. – 372 p. – (Cambridge Studies in Linguistics, 102).

38. *Bhat D.N.S.* Word Classes and Sentential Functions // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin–NY, 2000. P. 47–63.
39. *Crofti W.* Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001. – 364 p.
40. *Evans N.* Kinship Verbs // Approaches to the Typology of Word Classes. Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin: Mouton de Gruyter–NY, 2000. – 529 p. – (Empirical Approaches to Language Typology) P. 103–172.
41. *Gil D.* Syntactic Categories, Cross-Linguistic Variations and Universal Grammar // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin–NY, 2000. P. 173–216.
42. *Hattori Shiroo.* Ainugo no “atsu”, “atataka”, “tsumeta”, “samu” nado o arawasu “kei-yooshi” // Kindaichi hakase beiju kinen ronshuu. Tokyo, 1971.
43. *Kemmerer D., Eggleston A.* Nouns and Verbs in the Brain; Implications on Linguistic Typology for Cognitive Neurosciences // *Lingua*, 120, 2010. P. 2686–2690.
44. *Kindaichi Kyoosuke, Chiri Mashiho.* Ainugohoo-gaisetsu. Tokyo: Tooyoo bunko, 1936. [*Kyosuke Kindaichi* (1936). *アイヌ語法概説*. 岩波書店. p. 230. Retrieved March 1, 2012. (Compiled by *Mashiho Chiri*) (University of Michigan) (Digitized August 15, 2006) [Электронный ресурс] URL: https://books.google.lv/books?id=RiwFAAAAMAAJ&redir_esc=y. Дата последнего обращения – 21.06.2016.]
45. *Lazard G.* La question de la distinction entre nom et verbe en perspective typologique // *Folia Linguistica* (Berlin). 1999, XXXIII (3/4). P. 389–418. [reprinted as *Lazard, Gilbert*. 2001. *Études de linguistique générale: typologie grammaticale*. Paris: Payot]
46. *Rijkhoff J.* When can a language have adjectives? // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin–NY, 2000. P. 217–257.
47. *Shibatani M.* The Languages of Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 411 p.
48. *Smith M.* Pragmatic Function and Lexical Categories // *Linguistics*, v. 48, 2010, 3. P. 717–770.
49. *Wierzbicka A.* Lexical Prototypes as a Universal Basis for Cross-Linguistic Identification of “Parts of Speech” // Approaches to the Typology of Word Classes (Empirical Approaches to Language Typology. 23). Ed. by P.M. Vogel, B. Comrie. Berlin– NY, 2000. P. 285–317.
50. *Wunderlich D.* Lexical Categories. // *Theoretical Linguistics*. V. 22, 1996, 1/2. P. 1–45.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ СЕМАНТИКИ ИДИОМ

Е.Г. Беляевская

THE ROLE OF CULTURE IN SHAPING CONCEPTUAL STRUCTURES UNDERLYING THE SEMANTICS OF IDIOMS

E.G. Beliaevskaya

ABSTRACT

The paper sets out to analyze the role of culture in shaping the cognitive structures underlying the meaning of idioms. It is shown that cultural factors are active in (1) choosing the set of conceptual structures underlying the semantics of the language units, serving to represent the given semantic sphere; (2) choosing concrete conceptual metaphoric and conceptual metonymic models to form phraseological images underlying phraseological meaning; (3) bringing out the focal structures in the conceptual models chosen, and (4) correlating the established conceptual structures underlying the semantics of the lexical and phraseological units to be formed with the worldview of the given language community stemming from its environment and social context. The conception put forward is illustrated by the analysis of English and Russian idioms with the general meaning of “being in somebody’s position or situation”. The approach and methodology worked out are applicable for getting new insights in the sphere of phraseological synonymy as well as for studying multiple choices existing in the process of translating the facts of reality into phraseology.

Key words: semantics of phraseological units; conceptual structures; culture of a language community; cultural information; dynamic processes of forming idiomatic meaning; frame semantics; cross-cultural studies in phraseology

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что при общности когнитивного базиса формирования фразеологической семантики в разных языках фактор «культуры социума» проявляется (1) в выделении множества концептуальных структур, допустимых для репрезентации некоторой тематической области; (2) в выборе конкретных концептуально-метафорических и концептуально-метонимических моделей формирования фразеологических образов, являющихся основой семантики фразеологизмов; (3) в определении фокусировки выбранных моделей, и (4) в соотношении возможных концептуальных оснований со знанием о мире (о конкретных условиях жизни) данного социума. Выдвигаемые положения иллюстрируются примерами анализа английских и русских идиом со значением ‘заменить кого-либо’. Предлагаемый подход позволяет объяснить своеобразие фразеологической синонимии и множественность форм интерпретации фрагмента действительности посредством фразеологических единиц.

Ключевые слова: семантика фразеологизмов; концептуальные структуры; культура социума; культурные смыслы; динамика формирования семантики идиом; фреймвые семантики; сопоставительное изучение фразеологизмов

Утверждение о том, что язык отражает информацию о культуре соответствующего социума, может быть интерпретировано и, следовательно, понято по-разному. Прежде всего, язык как основная система получения, хранения, переработки и передачи информации является средством кодирования не только получаемых знаний о мире, но и информации о культуре социума. В этом плане в современной лингвокультурологии, сложившейся в школе В.Н. Телия, было введено понятие «культурного смысла» как одной из основных форм проявления результатов взаимодействия и взаимопроникновения языка и его экстралингвистического субстрата – концептосферы культуры.

По мнению В.Н. Телия, культурная семантика включает в себя:

- культурные семы, т. е. культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии, которые являются предметом рассмотрения лингвострановедения;
- культурные концепты, значения которых – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей;
- культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе;
- культурные коннотации – интерпретации языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры [Телия 1994: 14–15].

В рамках этой концепции культурная составляющая семантики определяется главным образом по отношению к референту, т. е. к обозначаемому объекту, который, являясь частью окружающего мира, несет информацию о культуре соответствующего социума. Круг языковых знаков, передающих культурные смыслы, значительно шире обычно рассматриваемых в связи с этим реалий, поскольку практически каждый языковой знак может «обрастать культурными коннотациями». Появление культурных коннотаций или дополнительных культурных смыслов у какого-либо языкового знака происходит или вследствие стоящего за ним знания, отражающего культуру социума, или благодаря употреблению языкового знака в дискурсе, который формируется на основе информации об окружающем мире и определенного культурного контекста.

Таким образом, круг «носителей культурных смыслов» намного шире множества языковых единиц, в семантике которых очевидным образом просматривается указание на традиции социума, на его социальную систему, религиозную практику, известные исторические события, или же на фольклор социума и/или его мифопоэтику.

Если принять этот тезис, то сразу встает вопрос о том, какими методами лингвистического анализа следует пользоваться, для того чтобы обнаружить культурную информацию, закодированную в семантике той или иной языковой единицы. Вопрос о методах неразрывно связан с проблемой определения тех когнитивных механизмов, которые обеспечивают кодирование информации о культуре социума в смысловом содержании языковых единиц и текстов.

Проблема способов трансляции культурной информации в семантику языковых знаков является ключевой, однако, в настоящее время недостаточно изученной, поскольку сфера взаимодействия языка и культуры по-прежнему остается одним из наименее исследованных аспектов современной лингвокультурологии [Телия, Дорошенко 2010].

Связь языка и культуры социума постулируется практически во всех лингвистических исследованиях, связанных с лингвокультурологией и фразеологией, однако работ, где описывались бы реальные механизмы «перевода концептуального содержания семиотических систем (и подсистем) культуры в знаковое пространство естественного языка» [Зыкова 2014] очень мало. Подобное исследование предпринимает И.В. Зыкова, которая для описания взаимодействия языка и культуры обращается к понятию *макрометафорической концептуальной модели* – сложной концептуальной структуры, которая образуется по принципу постепенного усложнения и включает в себя целый ряд более простых концептуальных структур, в том числе концептуально-метафорических и концептуально-метонимических составляющих [Зыкова 2014: 22]. Как показывает И.В. Зыкова, макрометафорические концептуальные модели продуцируют фразеологизмы как культурно-языковые знаки, выступая в качестве глубинного основания фразеологических образов. Таким образом, в рамках данной концепции информация о культуре социума сначала через макрометафорическую концептуальную модель кодируется во фразеологическом образе, и затем фразеологический образ формирует семантику фразеологизма, транслируя в нее культурную информацию.

Применение принципов когнитивной лингвистики к анализу взаимодействия культуры и семантики показывает, что одна тематическая область структурируется не одной, а несколькими концептуально-метафорическими моделями. В частности, реконструкция концептуально-метафорических оснований семантики английских фразеологизмов, принадлежащих семантической сфере вербальной коммуникации, проведенная в исследовании И.В. Зыковой, показала, что фразеологические единицы этого множества (более 2,5 тысяч) продуцируются небольшим количеством макрометафорических концептуальных моделей (всего 11 моделей). Интересно отметить, что, по данным И.В. Зыковой, этот же набор макрометафорических концептуальных моделей продуцирует и фразеологизмы, описывающие различные аспекты вербальной коммуникации, в русском языке.

Но не будут ли эти данные опровергать исходное утверждение о том, что информация о культуре социума «проникает» в семантику фразеологизма через ее (т. е. семантики) концептуальное основание – концептуально метафорическую макро модель? Действительно, данные, полученные И.В. Зыковой, показывают, что мы имеем два разных языка и две разные культуры, но одинаковый набор концептуально-метафорических моделей, используемых для репрезентации одной и той же предметной области. Некоторое сходство можно частично объяснить тем, что по некоторым параметрам культура англоязычного социума и культура русскоязычного социума могут рассматриваться как близкие (оба языка относятся к индоевропейской семье языков, а также к европейской христианской традиции), однако и различия этих двух культур совершенно очевидны.

Целью настоящей статьи является подтверждение тезиса о том, что именно концептуальные основания семантики фразеологизмов являются «хранителем» информации о культуре того социума, в языке которого эти фразеологизмы функционируют, т. е. разрешение описанного выше кажущегося противоречия.

Для демонстрации была выбрана небольшая группа фразеологизмов английского языка, объединенная общим значением ‘занять чье-либо место’. Ядро этой группы представлено следующими единицами:

- *serve in one's stead* – *formal* ‘to do something that someone else usually does or was going to do’ [Macmillan... 2002] ~ ‘служить вместо кого-либо’;
- *fill in for someone* – ‘to do someone’s job for them while they are away’ [Macmillan... 2002] ~ *букв.* ‘заполнить место кого-либо ~ встать на чье-либо место’;
- *pinch-hit for someone* – ‘pinch-hitter, baseball player who bats instead of another in emergency, (*fig*) person acting as substitute’ [The Concise... 1976] ~ *букв.* ‘подавать подачу в бейсболе вместо подающего ~ начать исполнять чьи-либо обязанности в его отсутствие’;
- *take the rap (for smth) for someone* – ‘to be blamed or punished, especially for something you did not do’ [Macmillan... 2002] ~ *букв.* ‘взять на себя вину за что-либо’ ~ ‘быть (незаслуженно) обвиненным в чем-либо вместо кого-либо’;
- *go to bat for someone* – *mainly Am E informal* ‘to give someone your support and help’ [Macmillan... 2002] ~ *букв.* ‘взять чью-либо битту ~ начать поддерживать или помогать кому-либо’;
- *be / fill in someone's shoes* – *coll* ‘in someone’s position or situation’ [Longman... 1980] ~ *букв.* ‘быть в чьих-либо ботинках ~ быть на месте другого человека’;
- *step into someone's shoes* – ‘to take over the duties, responsibilities, etc., of someone’s else; take over someone’s job’ [Longman...

- 1980] ~ *букв.* 'надеть чьи-либо (чужие) ботинки ~ занять чье-либо (чужое) место';
- *give place to something/someone*, etc. – 'to be followed or substituted by' [Longman... 1980] ~ *букв.* 'уступить кому-либо свое место';
  - *turn the tables* – *not fml* 'to change a situation so that one gains a position of advantage (over one's opponent or enemy) after being at a disadvantage' [Longman... 1980] ~ *букв.* 'повернуть столы ~ изменить неблагоприятную ситуацию в свою пользу (заяв чужую более благоприятную позицию)';
  - *stand in lieu of* – 'be in the place, instead (of)' [The Concise... 1976] ~ *букв.* 'стоять на месте кого-либо'.

Словари синонимов, в частности, [Rodale 1986], добавляют к этому списку еще одну единицу – *fill a vacancy* ('to provide smb for the job that is available' [Macmillan... 2002]) = *рус.* 'заполнить вакансию'). Данная единица может быть включена в наш материал условно, поскольку в семантике этого фразеологизма фиксируется указание не на *замену* кого-либо, а на *поиск подходящей кандидатуры*.

В ходе исследования выделенной группы фразеологизмов в качестве первого шага следует определить те концептуально-метафорические модели, которые обеспечили их формирование. При анализе фразеологизмов этой смысловой области можно констатировать, что они восходят к разным концептуальным метафорам:

- метафора КОНТЕЙНЕРА: *be / fill in someone's shoes; fill in for someone* и *serve in one's stead; fill a vacancy / space / hole; stand in lieu of*;
- метафора ИГРЫ (указание на разные виды спорта): *pinch-hit for someone, go to bat for someone* (бейсбол); *turn the tables* (шахматы);
- метафора ОБЪЕКТИВАЦИИ: *give place to something / someone; take the rap for someone*.

Эта классификация исследуемого фразеологического материала восстанавливает первый этап процесса номинации – выбор концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, описывающих целевую предметную область, и, если для описания выбирается фразеологическая номинация, первый этап процесса фразеологизации – выбор концептуально-метафорических и/или концептуально-метонимических структур, составляющих концептуальное основание формируемых фразеологических образов.

Приведенные выше примеры относятся к сфере фразеологии, однако, для полноты анализа следует учесть и лексические единицы со значением 'заменить, заместить кого-либо': *succeed, substitute for smb, act for, replace smb, oust* [Rodale 1986]. В семантике этих глаголов реализуются следующие концептуальные основания: 'встать на чье-либо место' (*replace smb, substitute for smb*); 'вытеснить кого-либо с занимаемого

места' (*oust*), 'следовать за кем-либо', т. е. 'прийти на смену кому-либо' (*succeed*), 'действовать вместо кого-либо' (*act for*).

Возвращаясь к фразеологическому материалу, отметим, что выбор концептуально-метафорических оснований фразеологических образов осуществляется из некоторого конечного набора концептуальных метафор – концептуально-метафорического номинативного базиса (о концептуально-метафорическом номинативном базисе, см. [Беляевская 2011]). Именно общностью типовых метафорических проекций, характерных для всех индоевропейских языков, и объясняется сходство в выборе одних и тех же концептуально-метафорических моделей для репрезентации сходных тематических областей в разных языках, в частности, в английском и в русском языках.

Для того чтобы уточнить основания выбора той или иной концептуально-метафорической модели в процессе фразеологизации при описании некоторой предметной области посредством фразеологических единиц, необходимо учесть некоторые особенности методологии когнитивной лингвистики. В структурной лингвистике методы лингвистического анализа были более или менее независимы друг от друга и применялись не *одновременно*, а *последовательно*, например, те результаты, которые не могли быть получены при дистрибутивном анализе, можно было получить, перейдя далее к трансформационному анализу. Анализ по непосредственным составляющим, дистрибутивный анализ, трансформационный анализ – все эти методы были применимы к разным уровням языковой системы, и каждый из них основывался на своей формальной процедуре, не связанной с формальными процедурами других методов. Напротив, *методы когнитивной лингвистики образуют исследовательский методологический комплекс*, где использование одного метода предполагает (и даже требует) применения одновременно и других исследовательских процедур [Беляевская 2014]. Если метод обращения к концептуальным метафорам использовать для анализа фразеологического материала, отобранного по принципу «общего значения», то необходимо учитывать, что тот фрагмент действительности, который отражает группа отобранных для анализа фразеологизмов, представляет собой *фрейм* как структуру данных, воссоздающую знание о мире соответствующего социума.

Это означает, что для уточнения результатов анализа метафорических концептуальных моделей следует обратиться к концептуализации того фрагмента действительности, который послужил основанием для формирования проведенной нами выборки фразеологизмов. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в структуре концепта *ЗАНЯТЬ ЧЬЕ-ЛИБО МЕСТО* имеются два участника и некоторая ситуация, в которой участники действуют. Соответственно, участники могут выступать как соперники или враги, и в этом случае концепт *ЗАНЯТЬ ЧЬЕ-ЛИБО МЕСТО* будет коррелировать с концептом *БОРЬБА*, но могут выступать и как друзья, делающие общее дело. Кроме того, ситуа-

ция может требовать смены позиций участников, но может и не требовать этого. Присутствует здесь также идея улучшения ситуации или ухудшения ситуации *до* или *после* смены позиций.

Дальнейший анализ семантики данных фразеологизмов показывает, что в соответствии со структурой фрейма их можно распределить по нескольким небольшим подгруппам, выделив:

- указание на смену позиции:

be / fill in someone's shoes;
step into someone's shoes;
serve/ do something in one's stead;

- указание на обстоятельства, обуславливающие смену позиции:

fill in for someone – ‘to do someone’s job for them while they are away’ [Macmillan... 2002];
pinch-hit for someone – ‘pinch-hitter, baseball player who bats instead of another in emergency, (fig) person acting as substitute’ [The Concise... 1976];
go to bat for someone – *mainly Am E informal* ‘to give someone your support and help’ [Macmillan... 2002];
to replace – ‘to do someone’s job after they leave it’ [Macmillan... 2002];
to substitute for somebody – ‘to do someone else’s job for a short period of time’ [Macmillan... 2002];
to act for – ‘if you act for someone, you do something as their representative’ [Macmillan... 2002];

- указание на изменение ситуации в свою пользу:

turn the tables – *not fml* ‘to change a situation so that one gains a position of advantage (over one’s opponent or enemy) after being at a disadvantage’ [Longman... 1980];
to succeed – ‘to replace someone in an important or powerful job or position’ [Macmillan... 2002];

- указание на насильственное изменение позиции:

take the rap (for smth) for someone – ‘to be blamed or punished, especially for something you did not do’ [Macmillan... 2002];
to oust – ‘to remove someone from a position of power, especially in order to take that position’ [Macmillan... 2002];

- указание на ненасильственное изменение позиции:

give place to something / someone – ‘to be followed or substituted by’ [Longman... 1980];
stand in lieu of – ‘be in the place, instead (of)’ [The Concise... 1976];
fill a vacancy – ‘to provide smb for the job that is available’ [Macmillan... 2002].

Таким образом, обращение к фреймовой структуре рассматриваемой предметной области обеспечивает более последовательную классификацию исследуемого языкового материала. Но дает ли это что-либо для обоснованных выводов об особенностях отображения культуры социума в семантике лексических и/или фразеологических единиц, описывающих данное смысловое пространство?

Фреймовая структура некоторой предметной области, которая, на первый взгляд, строится просто на логических основаниях, задает некоторую усредненную матрицу, отображающую знание социума о соответствующем фрагменте действительности. То, как данная матрица заполняется языковыми единицами (лексическими и фразеологическими) показывает, на каких аспектах данного фрагмента действительности фокусируется внимание членов соответствующего социума в процессе номинации и в процессе фразеологизации. Подобная фокусировка осуществляется под влиянием культуры социума и его мировидения. Так, рассмотрение представленных выше данных об английских фразеологизмах и лексических единицах показывает, что в ситуации замещения какого-либо человека другим человеком в некоторой ситуации или на некотором посту наибольшее внимание англоговорящего социума привлекает не столько сам факт смены позиции, но *причины* подобного изменения. При этом в качестве основной причины (8 единиц из 17) выдвигается *помощь* тому, кто уступает свою позицию другому человеку. Именно этот аспект номинации обуславливает активность спортивной метафоры при формировании фразеологизмов данной группы и обращение к такому командному виду спорта как бейсбол, где именно совместные действия обеспечивают победу.

Восстановление концептуальной матрицы и определение «заполняемых в ней клеток» важно методологически, поскольку оно, прежде всего, позволяет «не упустить» какие-либо фразеологизмы, относящиеся к данному фрагменту действительности, и обеспечивает полноту анализа, в результате чего возникает возможность оценить активность тех или иных *метафорических концептов*, продуцирующих фразеологизмы на разных участках фрейма.

Не менее важной оказывается подобная матрица для сопоставительного исследования фразеологического материала, например, русского и английского языков, и в частности, для определения национально-культурной специфики процесса фразеологизации.

Обратимся к материалу русского языка, опираясь на уже установленные закономерности концептуальной организации смыслового пространства ЗАНЯТЬ ЧЬЕ-ЛИБО МЕСТО. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что буквальный перевод на русский язык большинства приведенных выше английских фразеологизмов или невозможен, или не позволяет носителю русского языка догадаться, какой смысл передает словосочетание, например, *взять чью-либо битву; повернуть столы; быть в чьих-либо ботинках*.

В русском языке к данной предметной области относится очень небольшое число фразеологизмов:

(по)ставить себя на чье-либо место (на место кого-либо) – ‘становиться в положение кого-либо’ [Фразеологический... 1978];

влезть (влезать) в чью-либо шкуру / кожу (в шкуру кого-либо) – ‘ставить себя на место кого-либо или в положение кого-либо’ [Фразеологический... 1978];

Этот список дополняет значительное число лексических обозначений: *(оказаться) на чьем-либо месте; занять чье-либо место; быть на чьем-либо месте; встать на чье-либо место; уступить кому-либо свое место; быть в таком же положении; поменяться с кем-либо местами*, а также *замещать кого-либо; заменить кого-либо; сменить кого-либо* и т. д.

Интересно отметить, что русская идиома, которая по своему словесному составу должна была бы подходить для описания рассматриваемого смыслового пространства, а именно, *входить (войти) в чье-либо положение*, имеет значение, которое выводит этот фразеологизм за рамки данной семантической сферы: ‘понимая состояние, положение и т. п. кого-либо, относиться к нему с участием, пониманием; сочувствовать ему’ [Фразеологический... 1978].

Как видно из представленных единиц, в английском языке положение или позиция, которую занимает некоторый человек и на которой его заменяет какой-либо другой человек, рассматривается как КОНТЕЙНЕР (*in smb's stead; in someone's shoes; fill in for, fill a vacancy*). В русском языке, в отличие от английского, занимаемое положение чаще всего концептуализируется как МЕСТО НА ПЛОСКОСТИ, о чем свидетельствует употребление предлога **на** (*ставить себя на чье-либо место, быть на чьем-либо месте; встать на чье-либо место* и т. д.). При этом человек выступает в двух ипостасях – как «внутренний человек» (активный деятель), который ставит некоторый объект (внешнего человека) на какое-либо место, меняет это место и т. д., и как «внешний человек» (пациент), которого помещают на некоторую позицию.

В русской идиоматике, как и в английской идиоматике, действуют концептуальные метафоры КОНТЕЙНЕРА (*влезть в чью-либо шкуру, заполнить вакансию, занять чье-либо место*), ОБЪЕКТИВАЦИИ (*поставить себя на чье-либо место*), но отсутствует метафора ИГРЫ. Таким образом, в русском мировидении переход на чью-либо позицию воспринимается как изменение локализации, причем причины, по которым это изменение локализации происходит, в номинацию и фразеологизацию обычно не включаются и, при необходимости, эксплицируются в контексте. Лексические единицы *подсидеть кого-либо* (аналог английского *to oust someone*) и *подставить кого-либо* (аналог английского *to take the rap (for smth) for somebody*) носят скорее разговорный характер.

Таким образом, анализ концептуальных структур, лежащих в основе семантики английских и русских фразеологизмов, принадлежащих семантической сфере ЗАНЯТЬ ЧЬЕ-ЛИБО МЕСТО, показывает, что при общ-

ности концептуального номинативного базиса, т. е. своеобразной «техники» формирования фразеологических и лексических единиц, разные языки весьма по-разному используют эту технику в соответствии со своим мировидением, обусловленным влиянием культуры соответствующего социума. Именно культура и в том числе принятые в данном обществе правила социального поведения (для того смыслового пространства, которое рассматривалось в данной статье) обуславливают особенности «заполнения» концептуальных матриц, воссоздающих фреймовую структуру соответствующего фрагмента действительности, а также выбор концептуально-метафорических моделей и их фокусировку. Иными словами, именно концептуальные основания семантики раскрывают «живую “археологию” культуры в значении и употреблении языковых единиц», позволяя «выявить во фразеологизмах как языковых знаках репертуар воплощенных в их содержание и форму культурных смыслов» [Телия 2006: 778].

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 20(706), Языкознание. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 9–21.
2. *Беляевская Е.Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая концептуализация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. К 100-летию проф. И.И. Чернышевой / Отв. ред. Г.М. Фадеева = Aktuelle Probleme der modernen Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I.I. Černyšova zum 100 Geburtstag. М.: ИПЛ МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
3. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: 2014. – 52 с.
4. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. I. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 14–15.
5. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
6. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2 т. М.; Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. I. С. 5–13.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1978. – 543 с. – [ФСРЯ]
8. The Concise Oxford Dictionary. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 1976. – 1368 p. – [COD]
9. Longman Dictionary of English Idioms. Harlow and London: Longman, 1980. – 387 p. – [LDEI]
10. Macmillan English Dictionary. International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1693 p. – [MED]
11. *Rodale J.I.* The Synonym Finder. Warner Books edition. New York: Warner Books, 1986. – 1361 p. – [RSF]

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЛОИ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗНОМ ОСНОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

И.С. Брилева

FOLKLORIC CULTURAL LAYERS IN THE FIGURATIVE CONTENT OF PHRASEOLOGISMS

I.S. Brileva

ABSTRACT

The article discusses the figurative content of the phraseologisms that correlate with the religious and spiritual codes of culture. In the interpretation of phraseologisms, particular attention is paid to the folkloric cultural layers and axiology. The description of phraseological units is based on the method of linguoculturological analysis developed by Veronika N. Teliya and further successfully applied by a whole team of linguists working under her guidance on the compilation of *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka (the Large Phraseological Dictionary of the Russian Language)*. Chapters from the *Dictionary* are used as a narrative foundation for the present paper. Several phraseological units containing the lexemes 'sin' and 'world' are analyzed in detail. The study shows that the religious and moral worldviews have much to do with the Russian traditional culture. The research carried out makes it evident that folklore as one of the rudimentary layers of culture plays a very important role in the analysis of the figurative basis of phraseologisms.

Key words: linguoculturology; phraseologisms; religious and spiritual code; sin; world

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается образное содержание ряда фразеологизмов, соотносимых с религиозно-духовным кодом культуры. Религиозно-нравственное мировосприятие тесно связано с традиционной культурой, поэтому особое внимание в интерпретации фразеологизмов в статье уделяется фольклорным слоям культуры, народной аксиологии. Этим обусловлен и выбор конкретных фразеологизмов. Описание фразеологических единиц проводится с позиций лингвокультурологического анализа, основная концепция которого была разработана В.Н. Телия и реализована под ее руководством авторским коллективом в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [Большой... 2006].

Ключевые слова: лингвокультурология; фразеологизмы; религиозно-духовный код; фольклор; грех; свет

Мне выпала большая честь работать в авторском коллективе под руководством Вероники Николаевны Телия над созданием «Большого фразеологического словаря русского языка» [Большой... 2006]. Я присоединилась к этому масштабному проекту на завершающем этапе – буквально в последний год. Эту уникальную возможность благодаря Виктории Владимировне Красных и Ирине Владимировне Захаренко я

получила как фольклорист: в то время я заканчивала кандидатскую диссертацию, посвященную анализу концепта *ГРЕХ* в традиционной культуре. Мне выпала только одна личная встреча с Вероникой Николаевной у неё дома. Но эта единственная встреча (научное и просто человеческое общение с такой неординарной личностью) произвела на меня неизгладимое впечатление. Помню, как трудно мне было поверить в реальность происходящего, как в связи с этим я была несколько растеряна и едва поспевала за ходом мысли участников обсуждения. Участие в проекте «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» – одно из самых ярких событий в моей научной жизни. Уважаемая Вероника Николаевна, вечная Вам память!

*****

В данной статье рассматривается ряд фразеологизмов в рамках лингвокультурологического подхода, разработанного В.Н. Телия и реализованного под ее руководством авторским коллективом в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [Большой... 2006]. Одним из важных наблюдений в ходе данного лингвокультурологического анализа стал тот факт, что вскрытые и описанные исследователями «культурные слои» фразеологизмов косвенно или непосредственно проявляются в их значении и употреблении [Телия 2006-б: 779]. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологизмы-идиомы изначально всегда образно мотивированы и представляют собой не только единицы языка, но и языковые средства, используемые культурой для выражения характерных для нее смыслов [Телия 2006-а: 7]. «Благодаря всегда образному основанию фразеологизмов, отображающему мировидение народа <...>, языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры» [Там же: 6].

Свое внимание мы сосредоточим на образном содержании некоторых фразеологизмов, соотносимых с религиозно-духовным кодом культуры. «Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *Homo Sapiens*. Однако их проявления <...>, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда культурно детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2013: 62]. Религиозно-духовный код культуры понимается В.Н. Телия как совокупность религиозно-нравственных установок и представлений. Религиозно-нравственное мировосприятие тесно связано с областью традиционной (народной) культуры. Фольклор, выражающий морально-нравственные установки народной мудрости, выделяется В.Н. Телия как один из важных культурно-смысловых слоев, формирующих образное содержание фразеологизма. Не всегда можно говорить о прямой корреспонденции образа фразеологизма или его компонентов с фольклорными текстами, но обращение к народной аксиологии, включающей и

христианские понятия, и древние мифологические представления, оказывается очень важным.

Для анализа в данной статье было выбрано несколько фразеологических единиц, в состав которых входят лексемы *грех* и *свет*. На примере фразеологизмов-идиом¹ *от греха подальше, этот <такой> грех водится, как на грех, на [белом, этом] свете* (и входящих в данное словарное «гнездо» *появиться на свет [Божий], сжить со света, покидать этот свет, на том свете* (а также *отправиться на тот свет, вытащить с того света*) мы рассмотрим, какие культурные слои прямо или косвенно проявляются в их значении, какие характерные для традиционного мировидения представления запечатлены в образе фразеологизмов и как происходит переосмысление их образного содержания.

Грех – одно из основных понятий христианского вероучения, которое определяется в нем как беззаконие, преступление заповеди Божией [Библейская... 1891: 177], «всякое, как свободное и сознательное, так и несвободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение закона Божия» [Васильев, Андреев 1993: 430], как «действие, состояние и поведение, нарушающее религиозную нравственность и христианский закон» [Толстой 1995: 544]. Этимология слова *грех* не имеет однозначной трактовки. По одной из версий праславянский *грех* связан с глаголом *греть* с первоначальным значением ‘жжение’ (совести) [Фасмер 1987: 456], по другой – с индоевропейским корнем *кривой*, что поддерживается такими значениями лексемы *грех*, как ‘промах, отклонение, ошибка’ [Толстая 2000: 10]. Базовые составляющие концептуального поля *ГРЕХ*: искушение, совершение греха, наказание за грех, раскаяние в грехе, искупление греха, прощение.

В традиционной народной культуре категория греха включена в морально-этическую сферу сознания, которая еще в дохристианские времена была сформирована древними мифологическими представлениями о человеке и окружающем его мире и определяла норму повседневного поведения, связанную с соблюдением целого комплекса обычаев и обрядов. Архаической составляющей категории греха является, таким образом, запрет [Брилева 2007; Концепт греха 2000]. Грех, сводится ли он к запрету или вбирает в себя более сложный комплекс понятий и представлений, выступает как структурообразующий компонент традиционного мировидения: устанавливает связь между человеком и окружающим миром (ближним, родом, социумом), человеком и Богом, земной и посмертными жизнями – «этим светом» и «тем светом».

Фразеологизм *этот <такой> грех <грешок> водится* (за кем-либо) имеет значение ‘свойственно какое-либо отрицательное качество, слабость, порок, совершение предосудительного поступка’. При этом имеется в виду, что некое лицо склонно неоднократно совершать действия

¹ За основу взяты статьи из [Большой... 2006], написанные автором данной работы.

или проявлять качества характера, которые оцениваются говорящим как неблагоприятные. Например:

Правду я говорю далеко не всегда, но, как выясняется, **этот грех водится** не только за мной. *М. Юденич, Стремление убивать*. Толковый она человек, но опаздывает часто. **Водится** за ней **такой грешок**. (реч.) Никогда не был жаден, чего-чего, а **этого греха не водилось**. *М. Юденич, Стремление убивать*. Да, поспать я люблю. **Водится** за мной **такой грешок**. (реч.)

Образ, лежащий в основе фразеологизма, восходит к архетипическим формам осознания мира человеком, в соответствии с которыми категории «добро» и «зло» мыслились в связи с верованиями в добрых и злых духов, помогающих или мешающих человеку. Эти идеи получили развитие в религиозно-христианском учении, согласно которому зло вошло в мир через грехопадение Адама и Евы и с тех пор «преследует» человека через искушения и соблазны (входящие в концепт греха), ведя борьбу за бессмертную человеческую душу [Лосский 1991: 99–101]. В восточнославянском фольклоре выделяется «демонологическое» значение лексемы *грех*: грех – ‘злой дух, чёрт, бес’ [Толстая 2000: 13–15]. Сравним: *бес (чёрт, леший) попутал* и *грех попутал*; *И рад бы в рай, да грехи не пускают*. Это соответствует и религиозной традиции: «*так и аз греху служу*» (из покаянного канона); «*если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю, но живущий во мне грех*» (Рим. 7: 19) и под.

Образ фразеологизма соотносится с религиозно-духовным кодом культуры, а грех выступает как символ морально-нравственной нечистоплотности, человеческой слабости. В основе образа фразеологизма лежат представления о склонности человека к греху и трудности избавления от него. Фразеологизм содержит метафору, которая уподобляет грех мифологическому олицетворенному проявлению отпадения от морально-нравственных установок христианской культуры. В современных нерелигиозных текстах находит отражение стереотипное обиходно-бытовое представление о грехе как об обыкновении совершать несправедливые поступки.

От греха [подальше] (сделать что-либо; уходить, убираться и под.) значит ‘на всякий случай, во избежание неприятностей’. При этом имеется в виду, что некто совершил определенные действия, чтобы предотвратить последующие нежелательные или опасные события. Приведем несколько примеров:

На рассвете ушёл с Сухаревки, **от греха подальше**. Коли Зот Ларионич в околоток ябеду наката, зацапает Сеньку первый же городской в кутузку. *Б. Акунин, Любовник смерти*. Впрочем, потом уже задним числом я вспомнил, что старуха была главной виновницей его нелепой гибели – очевидно, именно поэтому она и решила отсидеться у себя, **от греха подальше**. *М. Фрай, Болтливый мертвец*. Защитники **от греха подальше** поспешили вынести мяч из своей штрафной. *Репортаж о футбольном матче, 2002*. Толстяк вежливо засмеялся и на всякий случай, **от греха**, втащил Лёню в боковую дверь. *Н. Александрова, Охотник за головами*.

В основе образа фразеологизма лежат восходящие к нравственным установкам христианства представления о необходимости воздерживаться от зла, пороков, греха, чтобы избежать искушения и возможных негативных для человека последствий, к которым оно может привести. В христианской традиции жизнь в страхе Божиим воспринимается как благочестие и *боязнь греха*. Известное в православной среде выражение (из завещания старца архимандрита Иоанна Крестьянкина): *ничего не бойтесь в жизни кроме греха*; выдержка из Великого канона Св. Андрея Критского: «Заполнения, якоже Лот, *бегай*, душе моя, *греха*: бегай Содомы и Гоморы, бегай пламене всякого бессловесного желания».

Фразеологизм, таким образом, соотносится с религиозно-духовным кодом культуры. В образе фразеологизма *грех* предстает как олицетворенное нарушение нравственного закона (как и в идиоме *грех водится*). Неприятности, нежелательные или опасные события метафорически уподобляются негативным для человека последствиям совершённого греха. Пространственная метафора отображает стремление избежать греха, желание дистанцироваться от него, о чем свидетельствуют принадлежащие к пространственной сфере компоненты фразеологизма – наречие *подальше* и предлог *от*.

В современных нерелигиозных текстах сакральный смысл *греха* претерпевает упрощение и трансформируется в обиходно-бытовое стереотипное представление о грехе как о «неправедном» или неправильном действии, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. При этом сохраняется осознание связи культурного смысла понятия грех с его библейскими корнями. Фразеологизм в целом выступает как стереотип желания избежать опасно-искушающего поступка. В английском языке, например, есть сходное образное выражение – *out of temptation's way*, где *temptation* – ‘искушение’.

Представления о неотвратимости наказания за грех являются центральными для образного содержания фразеологизма *как на грех* (сделать что-либо; случиться). Фразеологизм значит ‘как будто нарочно, к несчастью’, при этом имеется в виду, что событие или действие произошло в неподходящий момент, некстати и влечет (или может повлечь) негативные последствия. Например:

Покупательница расхохоталась над шуткой служащего, но поблизости, **как на грех**, оказался старший менеджер, который тут же уволил нахала. *Караван историй, 2001*. В магазине была распродажа, а я, **как на грех**, зарплату в тот день получила: всё до копейки потратила. (*реч.*) В понедельник, **как на грех**, случилось на трассе несчастье – прорвало дамбу на готовом участке. В четверг Феллов уже сдавал дела. *Ю. Трифонов, Утомление жажды*.

В основе образа фразеологизма лежит представление о грехе как нарушении закона Божиего и о неотвратимости Божией кары за греховные деяния, совершённые, возможно, еще предками. Образ фразеологизма

соотносится с духовно-религиозным кодом культуры, в котором идея неизбежности расплаты сопряжена с представлением о том, что любое негативное событие в жизни человека или социума является закономерным следствием греха. В связи с этим можно вспомнить русскую поговорку «Всё на свете по грехам нашим даётся», а также привести слова Г.П. Федотова: «Было ли когда-нибудь христианское поколение, христианский народ, который перед лицом исторических катастроф не видел в них карающей руки, не сводил бы счеты со своей совестью?» [Федотов 1991: 47].

Фразеологизм содержит метафору, которая уподобляет досадный, порой случайный проступок или неудачное стечение обстоятельств греху в христианском понимании и отображает «упрощенное» представление о грехе и его последствиях, которые представляются нежелательными и обидными. Грех переосмысливается как все негативное в жизни человека.

Таким образом, в современных контекстах сакральный смысл греха претерпевает упрощение и метафорическое переосмысление, при этом во многом сохраняется осознание связи культурного значения греха с его религиозными корнями и народной этикой, с морально-нравственными установками народной мудрости. Образ, лежащий в основе фразеологизмов, проясняет их значение и употребление.

Одним из базовых в традиционной модели мира является противопоставление земного бытия и посмертного существования, загробного мира. Архаическое (мифологическое) понимание устройства мира претерпело изменение под воздействием христианского вероучения. Все эти представления оставили «свой культурно значимый след» в целой группе фразеологических единиц, содержащих лексему *свет* и образующих словарные «гнезда» (когда при одном фразеологизме помещаются близкие ему по языковому и культурному смыслу фразеологизмы, его аспектуально-грамматические формы [Красных 2006: 15]). Рассмотрим некоторые из них.

На [белом, этом] свете (существовать, происходить и под.) в значении ‘в окружающем мире, в земной жизни во всех ее проявлениях’:

Она никогда не думала, что **на свете** бывают такие красивые мужчины. *А. Маринина, Когда боги смеются*. А что касается сэра Джефа, так и его тоже давно нет **на свете**, не забыли? *М. Фрай, Волонтеры вечности*. Мать, равнодушная ко всему **на свете**, кроме успеха и приличий. Отец, равнодушный ко всему **на свете**, включая успех и приличия. *Т. Устинова, Один день на двоих*. Что творилось в душе обречённого полицейстера? Знал ли он, что доживает **на белом свете** свой последний день? *Б. Акунин, Пелагея и Чёрный монах*. Десятилетний Димка, конечно, слышал, что **на этом свете** он удержался чудом. Мама часто рассказывала ему эту историю. *Московский комсомолец, 2002*.

Появиться на свет [Божий] (реже – *явиться, уродиться, выйти, высколотить* и под. *на свет*), а также вариант *увидеть свет* в значении ‘родиться, возникнуть’:

<...> мальчишки любят, чтобы на них обращали внимание, а о Джоне и сказать-то было нечего: парень **появился на свет Божий** очень толстым, и это всё. *Караван историй, 2001*. Девочка **появилась на свет** здоровенькой. *Д. Донцова, Спят усталые игрушки*. Птенцы буривухов **появляются на свет** крайне редко. *М. Фрай, Волонтёры вечности*. Но, похоже, Клементс-старший **уродился на свет** не под счастливой звездой. *Караван историй, 2000*. Они должны подробно информировать обо всех деталях этих контактов. Я сначала даже не поверил, что такая директива могла **появиться на свет**. *Аргументы и факты, 2001*. Четырнадцатого января 1891 года в Киеве на крутой Институтской улице <...> мне суждено было **увидеть свет** *И. Эренбург, Люди, годы, жизнь*.

Произвести на свет [Божий] в значении ‘родить, дать жизнь’:

Произвести ребёнка **на свет** – это только полдела, его же ещё вырастить надо. (*реч.*) В 18 лет Екатерина, как и задумывала, готовилась **произвести на свет** второго ребёнка. *Караван историй, 2000*. Тон у неё был такой обвиняющий, будто это мы сами, всем коллективом, **произвели на свет Божий** уродливых зомби и только с ней забыли посоветоваться. *М. Фрай, Волонтёры вечности*.

Сжить со света в значении ‘погубить, извести, довести до смерти’. Имеется в виду, что кто-либо своими действиями или словами создает невыносимые условия жизни, становится причиной его смерти:

– Теперь я не умру! – улыбнулся я. – Теперь меня никто **не сживёт со света!** *М. Фрай, Лабиринт*. <...> свекровь просто стала **сживать** молодую невестку **со света**. Сначала не дала разрешения на постоянную прописку на своей жилплощади. *Д. Донцова, Вынос дела*.

Покинуть [белый, Божий, этот] свет в значении ‘умереть’:

Никакие родственники Элины в КГБ не служили, а отец до выхода на пенсию был обычным инженером, каких миллионы. С тем и **покинул белый свет**. *Ф. Незнанский, Просроченная виза*. Теперь моя душа спокойна, и я могу **покинуть этот свет** без страха и сомнений. (*реч.*)

В основе образов фразеологизмов, входящих в данное словарное «гнездо», лежат архетипические оппозиции «СВЕТ – ТЬМА», «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ», «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Согласно древнейшим мифологическим представлениям, солнце, освещая землю, передает ее во власть добрых сил, а скрываясь на ночь, оставляет ее во тьме и во власти зла [СМ: 349]. Таким образом, *свет* – это не только лучистая энергия, воспринимаемая зрением, но и весь мир, который виден, а потому может быть познан, освоен, т. е. входит в круг «своего». Противопоставление «СВОЙ – ЧУЖОЙ» играет основополагающую роль в создании пространственной модели мира [Захаренко 2013].

Образ фразеологизмов восходит к библейским текстам. *Свет*, который был отделен от тьмы первым Божественным деянием (Быт. 1: 1–4), и все существующее на земле имеют Божественное происхождение и подчинены воле Божьей. Неслучайно одно из возможных определений к слову *свет* – *Божий* (*появиться на свет Божий, покинуть свет Божий* и под.). Образное содержание фразеологизмов основано и на архаических представлениях о нерасчлененности времени и пространства: характеристика по времени (рассвет после тьмы, светлое время дня суток) разворачивается в пространственную: *свет* как земные пределы, в которых проходит жизнь человека. «“Свет” [в Древней Руси] существует только здесь, на Земле, он конкретен и пространственно ограничен, он очевиден» [Колесов 2000: 232]. Сочетание компонента *белый* (исначально ‘светлый, прозрачный’) с компонентом *свет* представляет собой, с одной стороны, поэтическую тавтологию типа *путь-дорога, грусть-тоска* и др. С другой стороны, *белый свет* свидетельствует о постепенном разграничении времени и пространства, о выделении пространства в качестве самостоятельной сущности и закреплении его как определенной формы бытия [Колесов 2000: 233–235]. *Белый свет* функционирует как эквивалент *Божьему свету*, что демонстрирую приведенные ранее примеры. В более поздних христианских представлениях *белый свет* (*этот свет*) противопоставляется загробному миру, *тому свету* – месту пребывания душ умерших людей, а также демонических и Божественных сил – как мир явный, осязаемый, временный миру неизвестному, скрытому, непознаваемому, вечному.

Компонент фразеологизмов *свет* соотносится, таким образом, с религиозно-духовным кодом культуры (с представлением об *этом свете* как о временной земной жизни) и с пространственным кодом (представлениями о членении пространства). Пространственно-временная метафора уподобляет видимый земной мир со всем существующим в нем физическому природному явлению. *Свет* выступает в роли символа жизненного бытия.

Картина была бы неполной, если бы мы не рассмотрели группу фразеологизмов, входящих в словарное «гнездо» идиомы *на том свете*.

На том свете (быть, делать что-либо, происходить) – ‘в потустороннем мире, в посмертной жизни’. Например:

Богдан – покойник, Надюша тоже **на том свете**. *Д. Донцова, Хождение под мухой*. Надо мной висит проклятие. Наверное, Анечка **на том свете** не хочет, чтобы в доме появился мужчина. *Д. Донцова, Скелет из пробирки*. Не плачь. **На том свете** мы все встретимся. (*реч.*) Тогда Нинелька распахнула окно, вскочила на подоконник и объявила: – Прощай, сестра, **на том свете** сочтёмся! *Д. Донцова, Снят усталые игрушки*.

Отправиться на тот свет (а также *уйти, отойти, переселиться и под.* на тот свет) – ‘умереть’. Например:

Я был мокрым насквозь, так сильно ч не потел даже в детстве, когда меня чуть не угораздило **отправиться на тот свет** от пневмонии. *М. Фрай, Лабиринт*. Шесть десятков не возраст в наше время, чтобы **отправляться на тот свет**, хотя случается всякое. Однако странная картина вырисовывается! Нестеренко умер, Потапов тоже. *Д. Донцова, Камасутра для Микки-Мауса*. Мне иногда кажется, что лучше уж **уйти на тот свет**, чем жить на спецзоне без всякой надежды на изменение судьбы. *Д. Донцова, Хождение под мухой*). Так что большое им [докторам] спасибо <...> за то, что сумели объяснить муженьку про завещание. А то он совсем уж **на тот свет отъехать** собрался, а о молодой жене забыл. *Д. Донцова, Хождение под мухой*.

Отправить на тот свет (кого-либо) – ‘довести до гибели, убить’.
Например:

Если Шурик узнает, что ты мне угрожал, он лично открутит тебе голову. Он за меня любого **на тот свет отправит**. *Ю. Шилова, Женские игры*. А ну, подвезжай, кому жизнь надоела. В момент **на тот свет отправлю**. *К. Седых, Даурия*.

Вытащить с того света (кого-либо) – ‘вернуть к жизни, спасти’, при этом подразумевается, что кто-либо находится в критическом состоянии и имеет крайне мало шансов выжить; в этой ситуации одно лицо не дало другому (или группе лиц) умереть. Например:

– Рита, я умру... Этот гад выпустил в меня две пули... – Не говори ерунды! И не таких **с того света вытаскивали**. *Ю. Шилова, Женские игры*. Она работала медсестрой в реанимации, каждый день **вытаскивала** кого-нибудь **с того света**. *В. Токарева, Сказать – не сказать*.

Вернуться с того света – ‘счастливым избежать смерти, выжить’, при этом подразумевается, что кто-либо находится в критическом состоянии и имеет крайне мало шансов выжить; имеется в виду, что кто-либо не умер, несмотря на всю безнадежность ситуации. Например:

Они побывали в страшной автомобильной катастрофе, можно сказать, **с того света вернулись**. (*реч.*) Я ведь тогда неделю в коме провалялась. <...> Считай, **с того света вернулась**. *М. Максимова, Двое*.

В дополнение к тому, что было сказано о фразеологизмах с сочетанием *этот свет*, отметим, что в данной группе фразеологических единиц образное содержание восходит к древним мифологическим представлениям о посмертном существовании и о магической связи живых людей с умершими предками (в частности, о влиянии последних на благополучие семьи, на урожай и т. п.). Отношение к умершему предку было неоднозначным: с одной стороны, он как представитель уже иного, неведомого мира был чужим и представлял опасность для живых, а с другой стороны, он почитался как покровитель рода. У славян существовали специальные обряды, связанные с умершими предками: обряд «кормления» умерших [СМ: 150], обряд трупосожжения с целью уничтожения всего, что связано со смертью и умершим [СМ: 314] и др. Со-

гласно христианской традиции, человек обладает двумя судьбами – в этом и в ином мире; переход из одного мира в другой происходит в момент смерти, при этом посмертная участь (ад или рай) во многом определяются праведностью земной жизни. В народных представлениях, совместивших и древние мифологические верования, и христианское учение, *тот свет* подобен земному миру: люди сохраняют там родственные отношения, занимаются привычным трудом, ощущают боль и т. п. В апокрифической литературе («Хождение Богородицы по мукам», «Видение Исаии» и др.) и в фольклорных повествованиях один из распространенных сюжетов – путешествие в загробный мир (*на тот свет*) [Толстые 1979].

Образное содержание фразеологизмов, как и в случае с *этим светом*, соотносится с религиозно-духовным кодом (с представлением о *том свете* как о продолжении жизни после смерти), а также с пространственным кодом культуры. Образ фразеологизмов основан на метафоре, уподобляющей посмертное существование человека его земной жизни и по аналогии переносящей свойства земного мира (*этого света*) на представления о мире потустороннем (*том свете*). *Тот свет* выступает в роли символа сферы посмертного бытия.

Подводя итоги, можно еще раз подчеркнуть, что обращение к фольклору как к одному из базовых культурно-смысловых слоев, к народной аксиологии оказывается исключительно важным в интерпретации образного содержания фразеологизмов.

Литература / References

1. Библейская энциклопедия. М., 1891 (1990 – репринтное издание). [Электронный ресурс] URL: http://bible.ucoz.com/load/biblejskie_ehnciklopedii_i_slovari/ Дата последнего обращения – 06.06.2016. – [БЭ]
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – [БФСРЯ]
3. *Брилева И.С.* Формы архивации в народной памяти концепта «грех» через систему правил // Знание. Понимание. Умение. 2007, № 2. С. 138–144.
4. *Васильев П.П., Андреев И.Д.* Грех // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. С. 430–433.
5. *Захаренко И.В.* Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–32.
6. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 326 с.
7. Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. М.: Пробел, 2000. – 232 с. (Академическая серия, выпуск 5.)
8. *Красных В.В.* Как пользоваться словарем // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 15–18.
9. *Красных В.В.* Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 58–68.
10. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. – 289 с.

11. Славянская мифология (СМ). Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. – 417 с.
12. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006-б. С. 776–782.
13. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006-а. С. 6–14.
14. *Толстая С.М.* Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. М.: Пробел, 2000. С. 9–43.
15. *Толстой Н.И.* Грех // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 544–546.
16. *Толстые Н.И. и С.М.* О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1979. С. 63–65.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. М.: Прогресс, 1987. – 586 с.
18. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии рус. истории и культуры. В 2 т. / Г.П. Федотов; Сост., вступ. ст., примеч. Бойкова В.Ф. Т. 2. СПб.: Изд-во «София», 1991. – 348 с.

ЯЗЫК И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОПОНИМАНИЯ В РОССИИ XXI ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.А. Бубнова

LANGUAGE AND SPECIFIC FEATURES OF NATIONAL WORLD'S VIEW IN RUSSIA IN THE XXI CEN- TURY: MODERN APPROACHES TO INVESTIGATION

I.A. Bubnova

ABSTRACT

The article presents new linguistic approaches called psycho-linguo-culturology and neo-psycholinguistics, which could become new promising directions in the study of interrelations among basic cultural phenomena forming a triad "language – personality – specific features of national world's view". The urgency to develop these approaches as well as their aims, tasks, and expected results are discussed. The author argues that these lines of studies meet challenges of new reality. Thus, such approaches could be helpful in understanding and explaining the specific traits and dynamics of the Russian national world's view in the XXI century in the wake of the changes of the individual language personality as a representative of a definite social group. In the author's opinion, today's observable changes in the structure of a Russian language personality are determined to a considerable degree by a low level of proficiency in the native language. This situation leads to the loss of the ability to interpret the underlying meaning of a cultural sign content.

Key words: psycho-linguo-culturology; neo-psycholinguistics; national world's view; cultural sign; world's view; Russian language personality; a native language; the loss of the ability to interpret

АННОТАЦИЯ

В статье представлены новые лингвистические подходы – психолингвокультурология и неопсихолингвистика, которые могут стать перспективными направлениями в изучении взаимоотношений в триаде «язык – личность – особенности национального миропонимания». Показана актуальность развиваемых направлений, обозначены их цели, задачи, а также предполагаемые результаты. Предлагаемые подходы, по мнению автора статьи, отвечают требованиям сегодняшней реальности и дают возможность выявлять и объяснять своеобразие и динамику национального миропонимания русского лингвокультурного сообщества исходя из изменений в структуре и образе мира отдельной языковой личности как представителе определенной социальной группы, которые в значительной степени обусловлены низким уровнем владения родным языком и, соответственно, утратой способности интерпретировать «закодированные» в культурных знаках тексты.

Ключевые слова: психолингвокультурология; неопсихолингвистика; национальное миропонимание; культурные знаки; образ мира; русская языковая личность; родной язык; интерпретация смыслов

Если согласиться с тем, что словарь поэта – это ключ к тайнам его духа, то, вероятно, можно сказать, что словарь символов культуры как совокупности «всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [Лотман 2004: 395], отражая одновременно и эмпирический опыт народа, и глубинные смыслы, его интуитивные, бессознательные представления об окружающей действительности, является источником знаний о тайнах сознания и духовности определенного этнического сообщества, которые определяют его миропонимание на протяжении тысячелетий. И в этом случае совершенно очевидна ценность такого словаря как своеобразной энциклопедии, дающей представление о культурно-историческом становлении народа и воссоздающей путь его духовного бытия.

Подобный тип уникального в своем роде словаря, в основу концепции которого легли понятия *кодов культуры и культурных коннотаций*, разработанные в трудах основоположника современного направления в лингвокультурологии В.Н. Телия (см., например, [Телия 1996]) и ставшие впоследствии отправной точкой в исследовании фразеологического слоя языка в когнитивном аспекте, был создан под руководством ученого ее единомышленниками и учениками. Тогда впервые в мировой лексикологической практике фразеологизмы были представлены как особые знаки, имеющие не только языковое значение, но и культурную коннотацию и, в силу этого, не просто выступающие в качестве связующего звена между значением единиц естественного языка и пространством культуры, но и отражающие особенности мировидения русского этноса.

Развитием идеи Вероники Николаевны Телия о том, что базовой «категорией культуры является человек, а базовой оппозицией – достойно / недостойно личности» [Красных, Бубнова 2015: 169], стало новое направление исследований – *психолингвокультурология*, призванная «изучать ряд новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (*Homo Loquens*) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук» [Там же: 170]. По мнению авторов разрабатываемого в настоящее время направления, в фокусе внимания в данном случае должны быть культурно-маркированные феномены лингвокогнитивной природы, где неразрывно спаяны слово и воплощенное в нем знание, соотносимое, в самом широком смысле, с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману [Там же]. Особо подчеркнем акцент на слове в предлагаемом подходе, который отнюдь не случаен, так как реальность духа

народа воплощается именно в нем, в слове, которое, как замечает Г. Шпет: «универсально, как само сознание, и потому-то оно – выражение и объективация, реальный и не только условно признанный репрезентант всего культурного духа человечества: человеческих воззрений, понимания, знания, замыслов, энтузиазмов, волнений, интересов и идеалов» [Шпет 2007: 165]. И далее, размышляя о связи слова и духа, выдающийся русский философ подчёркивает: «Дух начинает быть и есть только в выражении, он есть само выражение, – вот это внешнее материальное выражение! Диалектически: чистая материя, ничтожество, дух в потенции, – его становление, одухотворение ничтожества, – осуществление в материальном выражении, материальная реальность исторического бытия» [Там же: 169–170]. Иными словами, дух народа не может быть выражен иначе, как только в слове, в его народном творчестве, фольклоре, его литературе, без которой народ «остаётся до – историческим, до – культурным. <...> У него нет литературы, пока ему нечего запечатлеть, пока его историческое бытие – сомнительно, эфемерно, неоправданно» [Там же]. Именно поэтому с точки зрения психолингвокультурологии, в отличие от уже получившей признание в лингвистической науке лингвокультурологии, необходимо исследовать культурную интерпретацию не только фразеологизмов, являющихся, по мнению В.Н. Телия, наиболее культуруносным слоем языка, но всех тех языковых знаков в самом широком смысле, которые несут в себе следы духовной жизни народа, его духовной атмосферы, определившей главные смыслы его исторического сознания и существования.

Итак, еще раз подчеркнем важный момент: психолингвокультурологический подход предполагает, что внимание исследователя концентрируется, прежде всего, на культурных знаках в языке и их коннотациях в сознании этнического сообщества, на их роли в становлении и развитии понимания этносом мира, на выявлении тех общих глубинных смыслов, которые, объединяя самых разных людей, позволяют представителям самых разных направлений в науке говорить не о населении, живущем на определенной территории, а о народе и его самосознании (см., например, [Красных 2016]).

Второе предлагаемое направление, в рамках которого возможно изучение взаимосвязи языка и специфики мировидения народа, – *неопсихолингвистика* [Бубнова, Красных 2014], в отличие от *психолингвокультурологии* изначально фокусируется на человеке как представителе этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления действительности и выработанной в ходе данного процесса системы ценностей, с другой. В центре ее интересов, соответственно, оказывается *образ мира* отдельной личности, формирующийся в процессе различных видов деятельности человека в обществе и его рефлексии над своим бытием. Если же определять стоящие перед исследователями конкретные задачи, то в качестве основной можно на-

звать выявление отраженного в сознании человека реального мира как результата когнитивной обработки полученных им из внешнего окружения данных. В силу того, что мир в сознании личности может быть представлен только через значения (см. об этом подробнее в работах: [Леонтьев А.Н. 2004, Леонтьев А.А. 1971]), этот подход требует непосредственного обращения к содержанию субъективного значения слова.

Из сказанного выше очевидно, что методологической базой неопсихолингвистики как нового исследовательского направления являются общие с психолингвистикой:

- а) положения общепсихологической теории деятельности;
- б) подходы отечественных психологов к проблеме *образа мира*;
- в) психолингвистическая концепция значения слова, в основе которой лежат главные принципы его исследования в рамках психолингвистики, объединяющая два возможных модуса существования значения: во-первых, как феномена сознания, психического, т. е. сугубо субъективного явления, формирующегося в процессе индивидуального восприятия и осознания мира из комплексов признаков слова, которые отбираются из окружающей действительности в процессе различного вида деятельности; и, во-вторых, как феномена, структура которого, субъективная по своей сути, одновременно ограничена и опосредована конкретно-исторической структурой значений, где отражен совокупный общественный опыт определенной социальной общности или культуры, т. е. языком, а в ее основе лежит знание об условиях употребления слова для названия определенной референтной ситуации.

Таким образом, продолжая психолингвистические принципы исследования значения, неопсихолингвистика расширяет ее традиционные рамки, ставя своей целью:

- 1) изучение реальной интерпретации культурного знака, рассматриваемого как «закодированный» текст¹, в сознании современных представителей разных социальных групп, входящих в одно лингвокультурное сообщество;

- 2) выявление причин, обуславливающих специфику интерпретации культурных знаков в различных социальных группах.

Реализация поставленной комплексной цели позволит определить, насколько существенны расхождения в образах мира представителей различных микросоциумов и, таким образом, смоделировать те последствия, которые они могут иметь для национальной культуры и, шире, для русской цивилизации.

Предлагаемый подход представляется актуальным в силу ряда обстоятельств, главным из которых является неуклонное изменение содержания структуры русской языковой личности, что проявляется уже

---

¹ Под «закодированным» текстом понимается текст, в котором скрыто некое значимое для истории всего народа событие или действие, разворачивавшееся на основе его культурных ценностей и социальных норм и происходившее в определенный период развития этноса).

не только в ходе экспериментов, но и в огромном количестве реальных коммуникативных ситуаций, интерпретация и, соответственно, поведение в которых до начала XXI века определялось традиционными для России культурными нормами и ценностями.

С одной стороны, такое положение кажется закономерным на фоне происходящих глобализационных процессов. Более того, очевидно, что многочисленность связей внутри любого события, определяющая сложность контекста, в который «погружен» культурный знак, не означает априори многогранного его отражения в индивидуальном сознании, и это также может быть причиной вариативности поведения. Однако, с другой стороны, вряд ли вызывает сомнения, что смысл культурно детерминированных действий либо событий всегда, вне зависимости от различных факторов, адекватно понимается личностью, если соблюдены несколько условий. Во-первых, человек должен быть реально «погружен» в свою культуру, внутренне ощущать свою принадлежность к определенному этносу. Во-вторых, он должен иметь достаточно глубокие и, главное, систематизированные знания, касающиеся культурного наследия своей страны и ее истории. И, наконец, он должен обладать развитой способностью к самостоятельному мышлению, обеспечивающему умение выявлять и анализировать многочисленные связи. Именно отсутствие даже одного из перечисленных параметров ведет к различиям, порой кардинальным, в приписываемых культурному знаку смыслах.

Развитие всех качеств личности, о которых было сказано выше, в значительной мере зависит от общества, приоритеты которого находят свое отражение в основных направлениях деятельности различных социальных институтов, ответственных за воспитание, образование и просвещение его членов. Причем ни полноценное образование, ни полноценное воспитание невозможно без нормального владения родным языком, лексический состав и грамматический строй которого не только сохраняет дух народа, но и во многом определяет развитие мышления и обусловленное культурными ценностями поведение человека. Именно на этот факт обращал внимание А.Р. Лурия, развивая положения культурно-исторической теории выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского и неоднократно подчеркивая в своих работах, что источники сознательной деятельности и «категориального» поведения лежат не в глубинах мозга, а во внешних условиях общественной жизни. Сознательная деятельность человека формируется в ходе присвоения им сложной системы кодов, т. е. языка, который «раньше был связан с непосредственной практикой, вплетен в нее, а затем постепенно, в процессе истории, начал становиться системой, которая сама по себе достаточна для того, чтобы сформировать любое отвлеченное отношение, любую мысль» [Лурия 1998: 26]. Такой взгляд на человеческий язык не только «изнутри», но и с другой стороны – социальной, с точки зрения которой главное отличие языка от любого набора знаков, при-

званного отражать аффективные состояния его пользователей, – это способность «к формированию «категориального сознания» [Там же: 31], был всегда характерен для отечественной науки, уже давно доказавшей, что только благодаря этому свойству языка индивид может «врастать» в свою культуру, становясь человеком, отличающимся от иных биологических видов наличием процессов сознательной и произвольной психической деятельности.

Здесь уместно отметить, что такое мнение полностью разделялось даже непримиримыми идеологическими противниками русского этноса. Так, один из основополагающих тезисов идеолога нацизма рейхслайтера по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга гласил, что достаточно уничтожить памятники культуры народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как самостоятельная нация. Собственно, данное высказывание было не чем иным, как конкретизацией программы его шефа, рейхминистра пропаганды Йозефа Геббельса, утверждавшего: «Для уничтожения нации надо уничтожить её культурные ценности» [Мазурицкий 2001]. Причем, прекрасно понимая, что культурные ценности – это не только собственно предметный мир, мир артефактов, который можно разрушить, но и формы идеальные – язык, знания, ценности, устоявшиеся нормы морали, нацисты, одновременно с вывозом предметов искусства, разработали и программу ликвидации духовного наследия русской нации. Следуя указаниям Г. Гимmlера, заявлявшего, что для людей на востоке будет достаточно, если они смогут сосчитать до 500 и написать собственное имя [Хасс 2003], ведомство Розенберга разработало специальную программу школьного образования на оккупированных территориях СССР, где предусматривалось раннее изучение немецкого языка, а требования к знанию русского ограничивались начальными навыками чтения, так, чтобы по окончании начальной школы ученик «мог написать письмо, прошение, расписку». Что касается грамматики², то ее рекомендовалось изучать «постольку, поскольку это необходимо для достижения указанной цели» [Ермолов 2009].

Парадокс состоит в том, что то, что не удалось нацистам, было реализовано уже в современной России в конце XX века. Результаты проводимого в течение нескольких десятилетий широкомасштабного эксперимента в российском образовании хорошо известны сегодня: подавляющее большинство молодых людей не владеют русским языком (но достаточно неплохо знают английский), объясняясь на его упрощенной версии, не предполагающей знания грамматики, стилистических нюансов родного языка и этики речевого поведения.

В целом анализ языковой ситуации, существующей сегодня в России, позволяет утверждать, что в нашей стране в настоящий момент

---

² Л.В. Щерба утверждал, что усвоение грамматической системы языка ведет к качественно новой ступени в развитии мышления.

сформировано и доминирует так называемое совмещенное двуязычие, характерное для «полукультурных» представителей общества, которое является «продуктом», в значительной степени искусственно создаваемым и поддерживаемым различными общественными институтами. И такое положение определяет общее направление исследований, реализация которых возможна в рамках интеграции двух вышеописанных подходов – неопсихолингвистики и психолингвокультурологии, заключающееся в выявлении экспериментальными методами степени разрушения русской лингвокультуры, русского языка и, соответственно, степени изменения русской языковой личности, обусловленными происходящими в социуме процессами.

В заключение выскажем предположение, что, возможно, происходящие сегодня изменения в содержании русской языковой личности являются следствием постепенного исчезновения у людей, входящих в русское лингвокультурное сообщество, чувства непрерывности языка, что связано с уменьшением чувства национального самосознания и ослаблением связей внутри нации как отдельной социальной группы, о чем писал в свое время Л.В. Щерба. Однако эти изменения вряд ли можно назвать результатом случайного стечения обстоятельств. Подобный тип личности может формироваться только путем планомерного разрушения смыслового пространства национальной культуры при помощи самых различных методов, к которым относятся и изменение языковой нормы, и замена слов родного языка иноязычными словами, и отказ от глубокого изучения собственной литературы, истории, и многое другое, что в итоге ведет к изменению национального, обусловленного тысячелетней культурой миропонимания. Более того, в соответствии с законами диалектики количество непременно переходит в качество. В данном случае результатом должна стать полная потеря чувства национальной идентичности у поколений, получающих образование, целью которого является формирование компетенций, а не знаний. А потеря идентичности, представляющей собой важнейший структурный компонент любого государства, позволяющий ему выстоять в жесточайшей конкурентной борьбе в эпоху глобализации – это не только потеря ценностных ориентиров и собственной культуры, это отказ от собственных национальных интересов и, как следствие, потеря национального суверенитета страны. Хотя, может быть, мы наблюдаем неизбежный исторический процесс, о котором так точно сказали древние: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis». В любом случае следует надеяться, что новые направления, представленные в данной статье, окажутся продуктивными для поиска ответов на поставленные вопросы.

Литература / References

1. Бубнова И.А., Красных В.В. Нео-психолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. 2014, № 3(21). С. 128–135.

2. *Ермолов И.Г.* Школьное и профессиональное образование на оккупированных территориях РСФСР // Вопросы истории. 2009, № 12. С. 44–52.
3. *Красных В.В.* Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 179-191.
4. *Красных В.В., Бубнова И.А.* Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015, № 3(25). С. 168–174.
5. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 7–19.
6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2004. – 352 с.
7. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство–СПБ», 2004. – 704 с.
8. *Лурия А.Р.* Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. – 336 с.
9. *Мазурицкий А.М.* Деятельность штаба А. Розенберга в отношении фондов советских библиотек в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс] URL: <http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2001/tom/sem1/Doc4.HTML>. Дата последнего обращения – 06.05.2016.
10. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996. – 288 с.
11. *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история, № 3, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HASS.HTM>. Дата последнего обращения – 06.05.2016.
12. *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры / Отв. ред., сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. (Сер. «Российские Пропилеи») – 712 с.

**МОЖЕТ ЛИ ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ ПРИЗЫВАТЬ
ПЛЕВАТЬ СЕБЕ ПОД НОГИ,
ИЛИ ВСЕГДА ЛИ ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ
ОПРАВДЫВАЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА?**

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни

**MAY JOHN THE BAPTIST CALL THE PEOPLE
TO SPIT UNDER THEIR FEET,
OR DID THE PRAGMATIC PURPOSE
ALWAYS JUSTIFY THE LINGUISTIC MEANS?**

I.I. Valuitseva, G.T. Khukhuni

ABSTRACT

The present paper deals with some questions, connected with the interlingual rendering of the phraseological units and its intercultural aspects. It is mentioned, that many of the influential translation theories, created in the 20th – the beginning of the 21st centuries (dynamic/functional equivalence, skopos theory and others) underline the importance of the pragmatic aspect in translation. Although the said moment actually plays the important (sometimes even the decisive) role in translation, its absolutization seems not justified.

Key words: text; original; translation; dynamic/functional equivalence; skopos theory; adequacy

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с межъязыковой передачей фразеологических единиц, и межкультурные аспекты их передачи. Отмечается, что для многих влиятельных переводоведческих концепций, возникших в XX – начале XXI в., характерно стремление подчеркнуть важность прагматического момента при осуществлении данного процесса (теория динамической/функциональной эквивалентности Ю. Найды, скопос-теория и т. п.). Хотя сохранение прагматической стороны действительно играет важную, а иногда и решающую роль при переводе, ее абсолютизация представляется далеко не всегда оправданной.

Ключевые слова: текст; оригинал; перевод; динамическая/функциональная эквивалентность; скопос-теория; адекватность

Среди богатого и разнообразного научного наследия, оставленного В.Н. Телия, одно из ведущих мест занимает изучение лингвокультурной специфики фразеологии, а принадлежащие ей слова о том, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9], цитируются практически во всех работах, имеющих отношение к данной проблематике.

К их числу относится и вопрос о передаче фразеологических единиц при межкультурной коммуникации. В созданном А.Ф. Тайтлером [Tytler 1978] на рубеже XVIII–XIX вв. «Эссе о принципах перевода» отмечалось, что о мастерстве переводчика можно в значительной степени судить по тому, каким образом он понимает и передает на своем языке идиоматику оригинала. По существу солидарны с ним были и писавшие два столетия спустя наши болгарские коллеги, чей труд, вышедший в 80-е гг. XX в., во многом не утратил актуальности и донныне: «В шкале “непереводимости” или “труднопереводимости” фразеологизмы, или фразеологические единицы (ФЕ) занимают едва ли не первое место: “непереводимость” фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц; на неё неизменно ссылаются сторонники “теории непереводимости”; с трудностями перевода ФЕ на каждом шагу сталкивается переводчик-практик, на них почтительно останавливается теоретик перевода» [Влахов, Флорин 1986: 228]. Действительно: если обратиться к многочисленным научно-методическим и учебным работам, посвященным теории и практике перевода, раздел, посвященный фразеологии, как правило, занимает в них почетное место.

Как нам уже доводилось писать (см. [Хухуни, Валуйцева 2003]), говоря о «непереводимости» фразеологии, целесообразно уточнять, имеется ли в виду ее собственно-лингвистическая сторона или ее лингвокультурный аспект. В первом случае авторы большинства трудов, написанных с традиционных «текстоцентричных» позиций, обычно указывают, что речь идет о подборе соответствующего исходной единице в семантико-стилистическом отношении фразеологического оборота, который может быть квалифицирован как ее функциональный аналог – ср. приводимые в указанной работе С. Влахова и С. Флорина примеры соответствий фразеологизмам со значением «никогда», при рассмотрении которых авторы подчеркивают, что «образы двух аналогов могут не иметь под собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам выполнять исправно свою функцию в переводе» [Влахов, Флорин 1986: 236].

Если мы фокусируем свое внимание на лингвокультурном аспекте, то на передний план выступает центральная для теории перевода проблема: следует ли при передаче текста учитывать культурный фон оригинала? Иными словами, можно ли использовать ради достижения прагматической задачи – сделать перевод отвечающим нормам принимающей культуры – такие образные средства, которые для носителей культуры исходной (или выступающей в роли таковой) представляются явно чуждыми?

В той или иной степени прагматическая сторона учитывалась всегда. Хотя известны случаи, когда какой-либо «элитарный» деятель культуры, говоря о своих переводах, подчеркивал, что «не обращал внимание на то, будут ли они доступны обычному простолыдину» (цит. по: [Ко-

панев 1972: 138]), – но на понимание и соответствующую оценку «непростолюдинов» он при этом явно рассчитывал.

Если говорить о тенденциях, которые характеризовали развитие теории перевода в последние полвека, то есть все основания констатировать, что их прагматическая сторона в подавляющем большинстве не только подчеркивалась, но даже абсолютизировалась. Эта особенность наглядно проявляется в двух наиболее известных концепциях, созданных за последние десятилетия – теории динамической (позже – функциональной) эквивалентности Ю. Найды и его коллег и так называемой скопос-теории, начало которой положили К. Райс и Х. Фермеер. Поскольку вторая теория создавалась в полемике с первой, то в специальной и популярной литературе много говорилось о существующих между ними различиях. Их рассмотрение не входит в задачи настоящей статьи (см., о них, в частности, [Прунч 2015; Десницкий 2015]). Но между ними имеется одна общая черта – отказ от «чрезмерного почтения» к форме (а фактически и содержанию) подлинника. У Ю. Найды оно постулируется в виде тезиса, согласно которому для сохранения содержания сообщения необходимо изменить его форму, а у его коллег-критиков – в лозунге о целесообразности «свержения исходного текста». Этот лозунг доходит до утверждения, согласно которому, «когда скопос переведенного текста расходится со скопосом оригинала, переводчик должен придерживаться оригинального текста, а создать на его основе функционально адекватный перевод» [Теория скопоса].

Но и в том и в другом случае национально-культурную специфику оригинала в большей или меньшей степени предлагается – в угоду «реакции получателя», как у Найды, или «цели перевода» в скопос-теории – игнорировать.

Характерным в этой связи представляется пример, приводимый в работе, посвященной обоснованию концепции «динамической эквивалентности»: «... если у туземцев, для которых переводится Библия, подразумевая раскаяние, говорят “плюнь себе под ноги”, как, например, на языке шиллук в Судане, то переводчик естественно предпочтет эту более понятную им идиому», – с поясняющим примечанием: «Эта идиома возникла в связи с требованием, предъявляемым к истцам и ответчикам, чтобы они, по окончании разбора дела и по вынесении приговора, плюнули на землю друг перед другом. Это должно означать, что дело исчерпано и что обвинения больше возобновляться не будут» [Найда 2007: 7]. Доводя эту мысль до логического конца, придется допустить, что призыв Иоанна Крестителя: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мтф. 3; 2), – должен в переводе на названный язык выглядеть следующим образом: «Плюньте себе под ноги...»

На первый взгляд, ничего принципиально нового по сравнению с традиционным подходом к применению фразеологизмов в переводных текстах, сформулированном в приведенных выше словах С. Влахова и С. Флорина, процитированные слова Ю. Найды не содержат, поскольку

имеет место использование единицы с привычным для носителей переводного языка образом. Считают же наши болгарские коллеги возможным передавать русское *когда рак на горе свистнет* болгарским *когда свинья в желтых шлепанцах на грушу вскарабкается* [Влахов, Флорин 1986: 236]. Как представляется, ситуация в данном случае является более сложной, поскольку «*свистящий рак*» и «*карабкающаяся свинья*» при всей необычности подобных образов для представителей иной этноязыковой общности не содержат каких-либо этнографических или культурологических лакун (поскольку *раки* и *свиньи* равно знакомы как русским, так и болгарам). *Плевание под ноги* же относится к числу лакун, так как – о чем свидетельствует комментарий самого Ю. Найды – оно отражает определенный обычай, свойственный упомянутым носителям языка шиллук, но абсолютно не соответствующий той среде, которая отражена в евангельском тексте.

Российские и советские теоретики перевода, независимо от существовавших между ними разногласий, в данном вопросе занимали близкие позиции, суть которых в присущей ему яркой манере выразил К.И. Чуковский:

Нельзя допускать, чтобы, например, в переводе с английского какие-нибудь сквайры говорили:

– Всё мечи, что ни есть в печи, – так как эта поговорка вызывает представление о русской печи в крестьянской избе.

Или:

– Ехать в Тулу со своим самоваром, – так как ни самоваров, ни Тулы в Англии нет и никогда не бывало.

Точно так же недопустимо, чтобы испанец Санчо Панса говорил:

– Вот тебе, бабушка, и юрьев день!

Или:

– Пропал, как швед под Полтавой!

Или:

– Незваный гость хуже татарина.

Потому что и юрьев день, и незваный татарин, и Полтавская битва – достояние русской истории. Санчо Панса лишь тогда мог бы употреблять эти образы, если бы родился на Оке или на Волге <...> для подобной подмены иностранных пословиц русскими нужно брать только такие из них, которые ни в иностранном, ни в русском фольклоре не окрашены ни историческим, ни национально-бытовым колоритом» [Чуковский 2008: 144–145].

Именно в отказе от воссоздания «национального колорита» (а говоря точнее – от задачи знакомить принимающую аудиторию с культурой, в рамках которой создавался исходный текст) и состоит коренное отличие установок обеих концепций – динамической эквивалентности и скопос-теории от «текстоцентричного» подхода к межъязыковой передаче, суть которого отражает следующий принцип: перевод должен представлять собой именно *воссоздание* исходного текста на переводном языке, а не его *пересоздание*. В концепции динамиче-

ской эквивалентности и скопос-теории же о каком-либо внимании к художественно-стилистическим средствам, использованным в тексте, и к их этнокультурному колориту речь не идет. Иоанн Креститель может не только призывать *плевать себе под ноги*, но и совершать другие, явно не соотносящиеся с подлинником поступки, если они будут отвечать спросу со стороны заказчика, «который будет использовать перевод определенным образом, и именно это определяет требования к переводу <...> При выборе стратегии важнейшую роль играет инициатор или заказчик, то есть человек или организация, которые, собственно, и пожелали получить перевод данного текста на данный язык, очевидно для достижения определенной цели» [Десницкий 2015: 90].

Подобная установка не ограничивается фразеологическими аспектами перевода. Впрочем, и о самом переводе в данном случае приходится говорить с оговорками. Традиционная точка зрения исходит из того, что не всякая межъязыковая коммуникация может быть квалифицирована как перевод. Здесь следует напомнить «Хартию переводчика» 1963 г., согласно которой «всякий перевод может быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала, соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика» [Хартия]). Однако в последние годы все чаще появляются утверждения о том, что «такие виды языкового посредничества как сокращенный перевод и адаптация <...> должны рассматриваться как виды собственно перевода, а не адаптивного транскодирования» [Сдобников 2016: 29].

Если исходить из коммерческого подхода (заказчик платит – переводчик подстраивается под его требования), то никакой необходимости как-то отличать собственно перевод от прочих преобразований исходного текста не возникает. Но насколько при этом за переводчиками сохранится та роль, о которой неоднократно писали многие деятели мировой культуры – быть «почтовыми лошадьми просвещения» и создавать, говоря словами Гёте, нечто такое, для принятия чего нужно еще воспитать вкус массы (“wozu der Geschmack der Menge sich erst heranzubilden muß” [Goethe 2009]) – вопрос, на наш взгляд, достаточно спорный.

Литература / References

1. *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. *Десницкий А.С.* Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 432 с.
3. *Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1972. – 296 с.
4. *Найда Ю.А.* К науке переводить // Лингвистические аспекты теории перевода. Хрестоматия. Ереван: Лингва, 2007. – С. 4–31.
5. *Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. – 512 с.
6. *Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. – 48 с.

7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Теория скопоса. [Электронный ресурс] URL: <http://transeurope.ru/publications/teoriya-skoposa.html>. Дата последнего обращения – 29.03.2016.
9. Хартия переводчика. [Электронный ресурс] URL: http://enru.pro/charter_of_translators.html. Дата последнего обращения – 30.03.2016.
10. *Худуни Г.Т., Валуйцева И.И.* Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. – 172 с.
11. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: ИД «Аквалонг», Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 448 с.
12. *Goethe.* Übersetzungen. // *Barthels N.* Goethe zum Übersetzen. // Bis ans Unübersetzliche. Arbeits- und Übersetzungsjournal, Juli, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nora-bartels.de/2009/07/goethe-sagt-zum-uebersetzen/>. Дата последнего обращения – 30.03.2016.
13. *Tyler A.F.* Essay on the Principles of Translation. John Benjamins Publishing Co.; 3 Revised edition (January 1, 1978). – 264 p.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА. УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

А.В. Величко

PHRASEOLOGICAL UNITS OF DIFFERENT LANGUAGE LEVELS. UNIVERSAL AND SPECIFIC FEATURES

A.V. Velichko

ABSTRACT

The article deals with the phraseological status of V.N. Teliya's theory about the common nature of all phraseological entities of language that is associated with the ability of words and combinations of words to develop an associated value and get a secondary use, and their specific embodiment in phraseological units of different levels. Taking this into account, the paper focuses on the analysis of phraseologicalized sentences (PhS) as one of the types of syntactic idioms. According to the research findings, common features that determine the phraseological character of PhS are shown in a specific embodiment of the latter due to their syntactic nature, the peculiarities of their construction, their semantics and functional purpose.

Key words: phraseology; language level; syntax; phraseologicalized sentence structures

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается положение фразеологической теории В.Н. Телия о наличии единых признаков всех фразеологических единиц языка и о разнообразии их конкретной реализации в зависимости от принадлежности их к тому или иному уровню языка. Более детально с этой точки зрения рассматриваются предложения фразеологизированной структуры.

Ключевые слова: фразеология; уровень языка; синтаксис; предложение фразеологизированной структуры

Важной чертой исследовательской деятельности В.Н. Телия является широта представления и глубина постижения предмета исследования.

Занимаясь в первую очередь лексической фразеологией (ЛФ), она последовательно проводила мысль о фразеологичности как общем, универсальном свойстве, явлений языка, реализуемом в языковых единицах разных уровней языка. Она отмечала: «Специфика связного значения неразрывно сопряжена не только с лексическим составом языка, но и с грамматическим его строем» [Телия 1981: 3].

Исходя из понимания универсального характера фразеологичности, В.Н. Телия выделяла общее, единое основание возникновения фразеологических единиц (ФЕ), лингвистический механизм формирования

фразеологического значения. Другими словами, она определяла в самом языке, в его потенциале, в свойствах его единиц то начало, которое обуславливает процесс фразеологизации и формирование арсенала средств, составляющих фразеологический состав языка. Такое начало фразеологичности языковых средств разных уровней заключено во внутриязыковых процессах, обусловленных универсальным свойством слова – его способностью приобретать, развивать связанное значение, употребляться во вторичном значении. В этом отношении В.Н. Телия выступает не только как фразеолог, но и как теоретик языка.

Ряд внутриязыковых факторов, в первую очередь динамичность языка (внутреннее, органическое его свойство) как знаковой системы приводит «к постоянному расшатыванию первичных функций и форм языковых единиц в силу асимметрии его плана содержания и плана выражения» [Там же: 7].

Причиной появления вторичных связанных значений является в первую очередь «тенденция сочетаний слов к идиоматичности, т. е. к слиянию семантически согласованных в сочетании значений слов и к уменьшению мотивированности отношений между “обычным” значением слова и той информацией, которую оно несет как член данного сочетания, в данном его употреблении» [Там же: 8].

Такой подход к изучению языковых фактов отражает общую тенденцию развития современной лингвистики, которая проявляется в отказе от изолированного исследования языковых явлений, в направленности на системность исследования языка. Характеризуя «атомизм» подхода, при котором языковые явления изучались разобщенно, вне закономерных связей одного явления с другими как неадекватные языковой действительности, Н.Ф. Алефиренко пишет: «Теперь аспекты смещаются в сторону выявления всеобщей связи языковых единиц [Алефиренко 2008: 9].

Признание единой, общей природы, сути всех фразеологических средств способствует более последовательному изучению ФЕ разных уровней, в частности изучению грамматических и синтаксических фразеологизмов, которые пока исследованы недостаточно.

Данная статья посвящена одному типу синтаксических фразеологизмов – предложениям фразеологизированной структуры (ФС). Имеются в виду предложения типа: *Нет бы мне позвонить тебе; Хоть меняй работу; Чтобы он когда-нибудь опоздал!; Не сидеть же здесь до вечера; Что ни день, то неожиданности* и т. п.; см. подробнее [Величко 1996] Цель статьи – охарактеризовать предложения фразеологизированной структуры как имеющие ту же общую фразеологическую природу, что и, например, лексические фразеологизмы, но в ее специфически-индивидуальной реализации, связанной с принадлежностью ФС к синтаксическому уровню языка.

Как и у других ФЕ, основу предложений ФС образуют слова в связанных, вторичных значениях, которые оторвались от своей граммати-

ческой парадигмы и получили другое предназначение. Они являются структурно и семантически образующими, и это служебные слова, которые выполняют конструктивную задачу. Они в сочетании со словами знаменательными формируют фразеологическую модель, которая реализуется в большом количестве конкретных высказываний, благодаря входящему в нее лексически свободному компоненту. Так, модель *ХОТЬ* + ИМПЕР. включает союз *хоть*, утративший свое значение, и форму императива, которая не выражает побуждения (ср.: *Хоть переезжай в деревню!*; *Хоть не выходи из дома!*; *Хоть покупай девочке пианино*), а другую фразеологизированную модель *ТОЖЕ МНЕ* + СУЩ. / ГЛАГ. / ПРИЛАГ. образуют грамматически опустошенные и лексически переосмысленные слова *тоже* и *мне* (ср.: *Тожe мне город*; *Тожe мне помощник*; *Тожe мне выступил*; *Тожe мне талантливый*).

Следует отметить, что специфика фразеологизированных предложений в том, что в них связанность, вторичность значения касается только служебных слов, частиц, междометий, тогда как фразеологические значения лексических фразеологизмов обусловлены переосмыслением именно знаменательных слов.

В семантическом отношении ФЕ также имеют общие черты, которые получают специфическое воплощение, индивидуальность в разных типах фразеологических образований. Эту семантическую общность В.Н. Телия формулирует так: «Основная нагрузка, выполняемая словами в их связанном значении в номинативном инвентаре языка, состоит в пополнении ими недостающих в нем средств наименования элементов предметного ряда или свойств и качеств “непредметных” сущностей...» [Телия 1981: 3].

Дальнейшая конкретизация семантики связана с характером объекта, который именуется. Так, для ЛФ как единиц номинативного уровня это могут быть «элементы предметного ряда» или «свойства и качества “непредметных” сущностей, не воспринимаемых в ощущениях отвлеченных понятий» и т. п. [Там же].

Что касается предложений ФС, то они, являясь единицами синтаксического уровня языка, непосредственно связаны с процессом общения, коммуникации, и именно в процессе коммуникации они проявляют свои семантические возможности, именно здесь раскрываются их специфические свойства фразеологических единиц. Высказывания ФС не передают информацию о явлениях, событиях реального мира, семантически они связаны с интеллектуально-эмоциональной сферой человека, выражают отношение говорящего к содержанию сообщаемого, или, если использовать терминологию В.Н. Телия, отражают «мыслительные акции, психические процессы» [Там же]. Специфика ФС в том, что они выражают только мыслительный процесс, а не его результат, движение, ход мысли, а не законченную мысль. Так ФС модели *ОХ УЖ ЭТОТ МНЕ* + СУЩ. выражает негативную оценку говорящим действий, проявлений объекта, сопровождаемую эмоциональным компонентом неудовольст-

вия, осуждения, но конкретные высказывания, реализующие ее, передают разное содержание в зависимости от ситуации общения: *Ох уж этот мне мороз; Ох уж этот мне помощник; Ох уж эта мне реклама.* По отношению к ним справедливо определение, что их значение – всегда определенная концептуализация ситуации или сообщения. Как коммуникативные единицы они предназначены для выполнения в общении фатической функции и соединяют основные его компоненты: говорящего, адресат, содержание сообщения и действительность.

Коммуникативный процесс акцентирует говорящего как главного участника общения, его инициатора: используя высказывания ФС, говорящий реализует свои коммуникативные потребности, имеет возможность представить свое субъективное восприятие ситуации, интерпретирует ее. Высказыванием *Ох уж этот мне мороз* говорящий выражает негативное восприятие температурного режима на улице; высказыванием *Нет бы мне заранее купить билеты* называет целесообразное действие, которое не было осуществлено, и выражает сожаление по этому поводу; произнося *Всем пирогам пирог* дает положительную оценку названного объекта и т. д. Таким образом, говорящий имеет возможность представить ситуацию такой, какой он ее видит, утверждает свою позицию.

Значимость предложений ФС в том, что они представляют мыслительные образцы, которые играют важную роль в организации общения, часто востребованы пользователями языка. Как отмечает З.Д. Попова, «синтаксические структуры нарабатываются для тех ситуаций внешнего мира, которые возникают в жизни людей, имеют для них важное значение и поэтому являются коммуникативно востребованными» [Попова 2009: 29]. Класс ФС включает большое количество единиц, свыше пятидесяти, что обеспечивает говорящему возможность выражения самых разных реакций на полученную информацию, разных интенциональных значений.

Другим участником общения является адресат. Его роль также очень важна. Он не является пассивным получателем информации. Все высказывания, а в нашем случае – информацию-реакцию, включающую ФС, говорящий направляет своему собеседнику, надеясь на его активный отклик, втягивает его в общение, побуждает его к активному восприятию и к ответной реакции. Тем самым ФС продвигает общение, содержательно осложняет его, обогащает, углубляет.

Говорящий заинтересован в правильном конструктивном общении, поэтому он выстраивает определенную стратегию взаимодействия с адресатом. Выбирая средство своей реакции, осмысляя и интерпретируя ситуацию, он ориентируется на адресат, стремится понять его характер, особенности. Так, он учитывает возможности воспринимать и понимать информацию, рассчитывает на наличие у адресата определенного запаса фоновых знаний. Так, используя для выражения акцентирования высказывания типа *Он учится не где-нибудь, а в МГУ; Я прочитал об это не*

где-нибудь, а в словаре Даля; Он едет не куда-нибудь, а на Сахалин; Лекцию будет читать не кто-нибудь, а профессор Смирнов, говорящий не называет признаки, качества акцентируемого объекта, он акцентирует объект через его именование, рассчитывая, что собеседник хорошо осведомлен о тех свойствах объекта, которые стоят за именованием (МГУ, словарь Даля, Сахалин, профессор Смирнов), так как его название говорит «само за себя». Эту особенность общения выделял Л.П. Якубинский: «Мы тем легче понимаем и воспринимаем чужую речь в разговоре, чем более обща наша апперцепирующая масса с апперцепирующей массой нашего собеседника <...> понимание речи требует знания “в чем дело”» [Якубинский 1986: 42].

Поскольку общение – это взаимодействие, говорящий стремится активизировать адресата (это в интересах обоих) и даже склонить его на свою сторону, используя определенные ФС, ср.: *Чем не праздник!; Чем не помощник; Это ли не удача, Тебе ли не радоваться!*

Ряд ФС в своем построении имитирует диалогическое построение. Например, высказывания *Чего нам не хватает, так это порядка, хорошо здесь только то, что речка рядом; А что самое главное, так это то, что она свободно говорит по-испански* как бы включают вопрос, обращенный к говорящему и его ответ. Обращенные непосредственно к собеседнику, они отражают интерес говорящего к нему, стремление удержать его внимание, активизировать его, вовлечь в активное общение. Их использование придает общению энергию, динамизм, при необходимости оживляет общение.

При выборе некоторых ФС приходится учитывать и другие положения прагматики. Так, координаты «Я – Ты», «Я – Вы» предполагают, что говорящий должен учитывать характер отношений с адресатом, возраст, а также пол собеседника, его статус. Другими словами, здесь актуализируется компонент *КОМУ*. Так, приятелю можно по-дружески сказать: *Какой ты спортсмен!; Ох уж эти мне твои сюрпризы; Тоже мне выступил!*, однако адресовать такие высказывания пожилому родственнику не стоит. Те же высказывания звучат неуважительно и даже грубо, дерзко в другом коммуникативном сегменте – при адресации к старшему по возрасту, к коллеге, к старшему по статусу.

Координаты «Я – Ты – Он» означают, что при употреблении некоторых ФС важно, относится ли заключенное в нем содержание к собеседнику или же к третьему лицу. ср.: *Знаешь, Виктор собирается поступать в консерваторию, но вряд ли он поступит. У него голос слабый и музыкальной подготовки мало. Какой он певец!* Однако та же оценка, адресованная непосредственно собеседнику (*Какой ты певец!*), обидит его. Говорящему, чтобы сохранить отношения, следует подумать, как выразить такую оценку.

Лингвистическая прагматика обращает внимание на ситуацию, в которой проходит процесс общения. В частности, важным параметром, определяющим характер ситуации, является *ГДЕ, КОГДА*. И для адресан-

та, и для адресата важно, разговаривают ли они наедине, без посторонних (т. е. «с глазу на глаз», «один на один») или это дружеская компания, или официальная обстановка, или публичное обсуждение. Например, наедине с сыном мать может поругать его: *Ах ты бездельник! Опять пропустил занятия!* Жена может упрекнуть мужа: *Тоже мне мастер! Гвоздь не можешь вбить!* Однако в присутствии гостей, знакомых, соседей таких оценок стараются избегать. *Ну ты и выступил вчера на собрании! Что за ерунду ты говорил!* В присутствии других такое резкое замечание явно неуместно.

Дискурс, как отмечалось, выделяет более мелкие участки одной и той же коммуникативной ситуации и позволяет более детально проследить коммуникативное использование языковых единиц в ее рамках, т. е. в более конкретных, меняющихся условиях.

Показательна в этом отношении ФС *АХ ТЫ /ОН + СУЩ.* Ее коммуникативная характеристика определяется взаимодействием, переплетением собственно языковых, прагматических и функционально-стилистических факторов. Эта ФС выражает негативную оценку лица, и переменный компонент в ней представляют существительные соответствующей семантики. Степень негативной оценки, эмоциональная окраска, выражаемая конкретным высказыванием этой ФС, и даже целесообразность его использования зависит от того, обращено ли оно к ребенку (*Ах ты озорница, ты зачем надела мамину шляпу?*), юной девушке (*Ах ты сластена, Ах ты ленивица! Опять комнату не убрала*) или лицу, грубо нарушившему правило общественного поведения (*Ах ты нахал! Такие слова произносишь!; Ах ты бандит, Ах он ворюга!*).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что предложения фразеологизированной структуры обладают общими сущностными признаками фразеологичности, но они получают конкретную реализацию, обусловленную принадлежностью их к синтаксическому уровню языка.

Литература / References

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ООО Изд-во «Эллис», 2008. – 272 с.
2. *Величко А.В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 96 с.
3. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981. – 269 с.
4. *Попова З.Д.* Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.
5. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

КОНЦЕПТ ПАТРИОТ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» И «ЗАВТРА»)

Д.Б. Гудков

THE CONCEPT 'PATRIOT' IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (ACCORDING TO THE DATA OF THE NEWSPAPERS "NOVAYA GAZETA" AND "ZAVTRA")

D.B. Gudkov

ABSTRACT

The present paper aims at studying the concept of PATRIOT in the "liberal" and "patriotic" sub-discourses of Russian political discourse. The study is conducted with the help of the conceptual analysis and content analysis. The material of the investigation involves texts of two newspapers, i.e. "Novaya Gazeta" and "Zavtra", as well as texts of the commentaries given on the websites of these newspapers. The research carried out has revealed significant differences in the semantics and functioning of those verbal items that are used to represent the concept of PATRIOT in the two sub-discourses under consideration. In general, the investigation of key concepts of political discourse seems rather promising as it sheds more light on the ways it (i.e. this discourse) is structured.

Key words: political discourse; concept; linguoculturology

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей работы является анализ концепта *ПАТРИОТ* в «либеральном» и «патриотическом» субдискурсах русского политического дискурса с помощью методов концептуального анализа и контент-анализа. Материалом исследования послужили тексты газет «Новая газета» и «Завтра» и комментарии к ним в сети Интернет. Проведенный анализ показал серьезные различия в семантике и функционировании репрезентантов указанного концепта в названных субдискурсах. Продолжение изучения бытования ключевых концептов политического дискурса видится перспективным и позволяет лучше понять структуру этого дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс; концепт; лингвокультурология

Одним из базовых концептов современного русского политического дискурса является *ПАТРИОТ*. Само это слово и его дериваты активно употребляются в текстах различных жанров, при этом легко заметить, что их семантика оказывается весьма неопределенной, соответствующие языковые единицы реализуют не столько денотативную, сколько коннотативную функцию, т.е. не именуют, а характеризуют соответст-

вующий объект. Причем в различных субдискурсах характеристики эти оказываются прямо противоположными. В настоящей работе мы постараемся проанализировать особенности употребления интересующих нас слов в таких субдискурсах, как «либеральный» и «патриотический», обращаясь к текстам печатных СМИ «Новая газета» и газета «Завтра». Представляется, что именно эти издания наиболее ярко выражают, соответственно, либеральные и патриотические идеи, выступая (вполне по В.И. Ленину) «не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но также и коллективным организатором», объединяя вокруг себя сторонников соответствующих политических взглядов. Анализ употребления интересующих нас лексем позволит выделить особенности их семантики в названных субдискурсах.

Остановимся сначала на таких неоднозначно толкуемых в современных гуманитарных науках терминах, как дискурс, концепт, коннотация. Мы не будем сколько-нибудь полно останавливаться на истории и теории вопроса, лишь укажем, как понимаются эти термины в настоящей работе.

Под *дискурсом* мы будем понимать (по М. Фуко, см. [Фуко 1996]) условия производства и восприятия высказываний, существующие в обществе устойчивые практики речевого взаимодействия, соответственно, политическим дискурсом мы называем массив текстов «о политике» в их функционировании в социальном пространстве, т. е. условия порождения и понимания-интерпретации данных текстов.

Концепт мы рассматриваем в лингвокультурологическом аспекте, следуя за В.Н. Телия: «Концепт – это все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания. Концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует “прототип”. <...> Интерпретация приведенной выше триады – это “распределение ролей” на той оси семантического треугольника, которая соотносит смысл (концепт), принадлежащий миру “Идеальное”, категоризацию, порождающую типовой образ – тот объект, который является прототипом объекта из мира “Действительность”, созданного на основе таксономически упорядоченного знания о нем, запечатленном в концепте (в мире “Идеальное”), и референт – объект из мира “Действительное” в той полноте, как он познан» [Телия 1996: 94–95]. Как мы постараемся показать в дальнейшем, если смысл имени *патриот* для всех носителей русского языка относительно сходен, то на уровне прототипа и референта (в терминологии В.Н. Телия), существуют серьезные различия в определенных группах русского лингвокультурного сообщества.

В своем понимании коннотации мы также опираемся на определение В.Н. Телия, указывавшей, что коннотация – «семантическая сущность, узואльно или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в

высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5].

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дает следующее определение имени *патриот*: «Тот, кто любит свое отечество, верен своему народу, готов на жертву и подвиг во имя родины. *Пламенный п. П. Отечества*. Тот, кто привержен, верен чему-л. *П. своего завода П. своего дела*» [Большой толковый... 2000: 787]. *Патриотизм*: «Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. *Воспитывать в духе п. П. во время войны*. Преданность, приверженность чему-л. *Местный п. Заводской п.*» [Там же]. Подчеркнем, что нас интересуют лексемы *патриот* и *патриотизм* только в своих первых значениях.

Обратимся теперь непосредственно к анализу языкового материала. Сразу заметим, что мы отбирали только те случаи, когда автор высказывания, употребляя соответствующее слово, стремился не столько к именованию объекта или явления, сколько к его характеристике, иными словами, те случаи, когда «ассоциативно-образное представление <...> выступало как эмоциогенный “катализатор” для вынесения X-у эмотивного приговора» [Телия 1991: 20]. Анализировались тексты названных изданий и комментарии к ним за первые 4 месяца 2016 года. Обратим также внимание на то, что пунктуацию и орфографию авторов мы оставляем без изменений.

«Новая газета»

Всего было отобрано 48 случаев употребления лексемы *патриот* и ее дериватов. Проведенный анализ дал следующие результаты.

В 18 случаях слова *патриот*, *патриотизм* употреблялись в кавычках. Например:

Все эти «патриоты» и «ненавистники запада» денюжки и детишек держат на том самом западе. // Агрессия присутствует как раз в шестивиях и выступлениях гомофобов, антимайдановцев и прочих «патриотов».

9 раз речь идет об *ура-патриотах*. Например:

Попытайтесь это написать настоящим ватникам и пропутинским *урапатриотам*. // Ой Вы горе-диванные-урапатриоты... Почему вы не хотите на себя лично перенести несчастья других людей?

Однажды появляется зомбопатриотизм:

Ну, а о том, что под дудку зомбопатриотизма внутри страны дали беспредельничать кормящимся от кремлёвских денег – об этом уж молчу...

В 28 из 48 употреблений интересующих нас языковых единиц авторы высказываний графически или морфологически подчеркивают «неправильность» патриотизма «неправильных» патриотов. Видимо, это

призвано указать на неискренность людей, называющих себя патриотами и/или позволяющих себе выразить патриотические идеи.

Если говорить о признаках патриота, то, пожалуй, основным является горячая любовь к Путину, бездумная вера в него (11 случаев). Например:

Судя по озлобленной риторике этой **патриотки**, она не чувствует себя удовлетворённой жизнью. По тому она всю любовь перенесла на Путина. // О том, что Крым был захвачен российскими войсками доложил Сам Путин. Вы ему тоже не верите? Ой, как нехорошо и **непатриотично!**

Патриот интеллектуально примитивен, не способен мыслить, некультурен (9 случаев). Например:

В жизни моей было все же какое-то небольшое количество людей, которые научили меня мыслить. Но вам и соратникам вашим, **патриотические** вы наши. такое счастье не доступно. // Не знаю, что на рожах у этих **патриотов**, но в карманах, наверное, лежит по десять новых сторублёвок с Ласточкиным гнездом, право на двухдневный отгул и по бутылке «Путинки» на рыло. // Вы показываете вашу примитивную ватную сущность «путинского ура**патриота**», насмотревшегося зомбоящика.

Патриот меркантилен, патриотические идеи он использует для получения личной выгоды (8 случаев). Например:

В журналистском сообществе Тулы у Мазова не очень хорошая репутация, зато он вступил в Общероссийский народный фронт. И с прошлой весны, как истинный **патриот**, перестал возвращать «пиндосам» кредит в 100 тыс. долларов. // Очевидцы рассказывают, что вереницы блестящих лимузинов и мигалок, выстроившиеся рядом с 75-м павильоном ВДНХ, явно были не лучшей декорацией для речей о **патриотизме** и заботе о простом избирателе.

Заметим, что большинство употреблений (41 случай), как легко заметить, найдены нами в комментариях к различным статьям, в собственно журналистских материалах таких употреблений всего 7. Но мы сознательно не делали различий между статьями и комментариями, т. к. с точки зрения семантики рассматриваемых лексем разницы не наблюдается.

«Завтра»

Всего было проанализировано 51 употребление.

В данном издании гораздо меньше случаев употребления лексем *патриот*, *патриотизм*, *патриотический(-ая, -ое)*, в которых выражается прямая оценка и эмоциональное отношение автора высказывания к объекту (явлению), обозначенному указанными языковыми единицами. Все это обозначается имплицитно. Например:

У нас в России -политики-**патриоты** еще как-то пробиваются к массам, а вот литераторы, художники, публицисты-**патриоты** -еще пока как изгой на своей земле. // Я как **патриотически** настроенный человек поддержку автора статьи т.к. полностью разделяю его взгляды на мобилизацию экономики. // Им вторит хор пропагандонов, которые клянутся, что царь-батюшка уже совсем скоро олигархов экспроприрует, либерастов придавит да истинных **патриотов** возвысит.

Всего мы насчитали 11 подобных случаев.

Интересно, что едва ли не единственное, в чем совпадают названные издания, это декларация наличия «неправильного», «ложного» патриотизма. Например:

Надо сказать, что публицисты, историки и писатели, создающие этот миф, для того, чтоб подкрасить сегодняшнюю действительность и сделать основных действующих лиц белыми и пушистыми, сами того не зная, становятся предателями интересов России и ее народа. Здесь справедливость отступает перед натиском «квасного» **патриотизма** и возможностью продажным пером заработать на преданности «хозяину». // Первая причина возбуждения нынешнего либерала состоит в том, что он нюхом чует противоречивость нынешнего российского политического класса. С одной стороны, класс амбициозен и готов поиграть в **патриотизм**.

Всего 9 случаев декларации существования подобного «фальшивого» патриотизма. Напомним, что в «Новой газете» их было значительно больше – 28. Прямо или косвенно присутствует мысль о том, что подобный «патриотизм» меркантилен, используется для получения личной выгоды, см. приведенные выше примеры (всего 5 случаев), в этом оба издания сходятся.

При этом одно из серьезных отличий между «либеральным» и «патриотическим» субдискурсами русского политического дискурса заключается в том, что авторы и читатели «Завтра» вовсе не считают преданность Путину обязательным признаком патриота, более того, относятся к президенту скорее настороженно, поддерживая его весьма ограниченно, а демонстрацию любви к нему полагают одним из признаков «неправильного» патриотизма. Например:

С точки зрения русского **патриота** эта идеология, конечно, эклектична, половинчата и конъюнктурна. Но, согласитесь, всё громче звучащие в ней имперские нотки не могут оставить равнодушным даже самого закоренелого скептика-путиноненавистника. // У нынешних начальников свои дети есть, на должностишки поменьше исполнителей в путинюгендах вырастят, а идейные **патриоты** есть не более, чем удобрение и разменная монета.

Напрямую подобное мнение выражается в 6 случаях.

Патриотизм понимается как осознание безусловной ценности государства, понимаемого как «держава», «империя» (толкование семантики этих терминов в анализируемом субдискурсе – тема отдельной работы),

даже если со стороны властных органов самого государства подобная позиция не встречает понимания (7 случаев). Например:

Среди «**патриотической** общественности» обвинения Кремля в отсутствии ясной государственной идеологии стали уже общим местом. Они повторяются из года в год, хотя на деле ситуация в этой области довольно быстро меняется. // Настоящий патриот – это всегда государственный, стоящий за возрождение державы.

Патриотизм драгоценен и необходим, но при этом он постоянно подвергается атакам превосходящих сил противника, унижаем и гоним (11 случаев). Например:

Наивно думать, что борьба двух направлений – неистовой либеральной энергии и униженного, попранного, но не убитого, возрождающегося государственного национального **патриотизма**, что эта борьба увенчалась успехом патриотического сознания. // Русское **патриотическое** начало, которое присутствует в сегодняшней культуре, которое поднимает голову, как трава сквозь асфальт пробивает себе путь к жизни, оно драгоценно. // Больше всех от либерасов пострадал министр культуры, поверивший Путину о необходимости иметь в наличии на всякий случай «**патриотизм**» и написавшего несколько правдивых книг об истории СССР. После чего сразу выяснилось, что подчиненные Мединского начали использовать бюджет «нецелевым способом».

Мы позволим себе не анализировать те случаи функционирования указанных лексем, когда их употребление полностью соответствует приведенному выше словарному употреблению, ничего не добавляя к нему, ограничимся лишь одним примером:

Но **патриот** обязан служить своей Родине после гражданской войны, кто бы в ней не победил. Ибо родина – одна. Поэтому участников Белого движения, эмигрантов, примкнувших к фашистам, я считаю предателями, а воевавших против них в различных армиях и партизанских отрядах Европы, – патриотами.

Обратим внимание на то, что на интернет-сайте «Завтра» безусловно доминирует употребление рассматриваемых единиц в авторских статьях – 36, на долю комментариев приходится лишь 15 употреблений. Это резко отличается от того, что можно увидеть на ресурсе «Новой газеты». Внятного объяснения этому очевидному факту у нас, к сожалению, пока нет.

Подводя итог, сформулируем то понимание «патриота», которое реализуется в анализируемых субдискурсах.

Для «либералов» патриот – некультурный, интеллектуально примитивный человек, очень любящий Путина, декларируемый им патриотизм фальшив и является лишь средством получения личной выгоды.

Для «патриотов» патриот – сторонник сильного государства («державы»), подвергающийся беспрестанным атакам превосходящих сил

либералов. При этом маску патриотизма часто надевают люди недостоинные, лишь притворяющиеся патриотами.

Литература/ References

1. *Ангелова М.М.* «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сб. науч. трудов. Вып. 3. М.: МГИМО, 2004. С. 3–10.
2. Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – [БТСРЯ]
3. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 343 с.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 8–35.
6. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРЕДЛОЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.Д. Гулимова

PHRASEOLOGICAL STATUS OF PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS DENOTING TIME IN THE ENGLISH LANGUAGE

A.D. Gulimova

ABSTRACT

The article looks at the phraseological status of prepositional constructions denoting time, as compared to idioms proper, from the point of view of their conceptual basis. It subjects a number of prepositional constructions describing time relations to etymological and semantic analysis, aiming to discover the conceptual oppositions underlying their semantics and to compare these oppositions with the conceptual metaphors of time realized in idioms proper. The article proves the common nature of the basis of time semantics in idiomatic and lexical units as well as brings out the difference in time presentation accounted for by the presence or absence of evaluative element in their semantics. The article suggests that this common conceptual basis can be employed as a means of determining the phraseological status of language units denoting time.

Key words: phraseology; idioms denoting time; the category of time; conceptual basis of semantics; prepositional constructions

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению английских предложных сочетаний типа *at a wink, in the nick* и др., обозначающих очень короткие промежутки времени, с целью уточнения возможности их отнесения к фразеологическому фонду языка. В.Н. Телия подчеркивает, что построить универсальные методы изучения всего корпуса фразеологизмов невозможно, как и сформулировать универсальные для всех фразеологизмов признаки. Анализируемые единицы представляют собой стандартные сочетания, построенные по модели «предлог + существительное», где предлоги выполняют свои обычные для такой конструкции функции, однако, входящие в них существительные или вообще не встречаются вне подобных сочетаний, или реализуют в свободном употреблении другие значения. В отличие от идиом, которые всегда содержат субъективную оценку события, устойчивые предложные сочетания чаще всего акцентируют объективные признаки. Проведенное исследование, включающее в себя сопоставление идиом и устойчивых предложных сочетаний с одним и тем же значением, показывает, что обе группы единиц имеют общие концептуальные основания семантики и основываются на одних и тех же концептуальных метафорах.

Ключевые слова: фразеология; фразеологизмы с семантикой времени; категория времени; концептуальные основания семантики; предложные сочетания

Начиная с самых ранних работ, посвященных изучению фразеологического состава языка, все исследователи, независимо от того, какой язык являлся объектом изучения, на какие группы подразделялся материал и какая терминология для этого использовалась, сходились во мнении, что фразеологический фонд языка чрезвычайно разнообразен и входящие в него единицы обладают чертами, характерными для фразеологизмов, в разной степени. Наиболее удобной поэтому оказалась концепция, представляющая все множество устойчивых сочетаний языка в виде поля. Ядром поля признавались собственно фразеологизмы или идиомы, т. е. словосочетания с полностью или частично переосмысленным значением. К ближней и дальней периферии поля фразеологизмов относились единицы, в которых отдельные слова-компоненты, входящие в словосочетания, сохраняют свое прямое значение, а также афоризмы, крылатые слова, речевые формулы и т. п. Однако все это обычно относится к словосочетаниям, включающим в себя несколько слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, в то время как сочетания типа «предлог + существительное» чаще всего остаются за рамками исследования и рассматриваются как устойчивые синтаксические структуры, не обладающие единым фразеологическим значением.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о правомерности отнесения к полю фразеологизмов группы английских предложных сочетаний, обозначающих очень краткие промежутки времени, а именно сочетаний *at a blow, at a coup, at / in a stroke, at / in a trice, in a shake, in a jiffy, in a flash, in a snap, in a crack, in a blink, in a heartbeat, in / at / with a twinkling (twinkle), in / at / with a wink*, а также обозначений своевременности действия, а именно: *in the nick, on time* и *in time*. Прежде всего, рассмотрим семантические характеристики выбранных сочетаний и определим, насколько они соответствуют семантическим характеристикам собственно фразеологизмов.

По словам В.Н. Телия, основные отличия фразеологических оборотов от переменных сочетаний слов заключаются в ограниченной изменяемости фразеологизмов¹ и их семантической спаянности. Рассматриваемые сочетания с предлогами обладают ограниченной изменяемостью. В самом деле, в английском языке недопустимы следующие трансформации:

- англ. *(one's) time is up* ~ рус. *время вышло* → **to move one's time upwards; *to put one's time up;*
- англ. *to live on borrowed time* ~ рус. *(чью-л.) дни сочтены* → **the time he borrowed;*

¹ Термины «фразеологизм» и «фразеологическое сочетание» используются как взаимозаменяемые.

- англ. *to play for time* ~ рус. *пытаться выиграть время* → **time was played for*.

Однако, на первый взгляд, рассматриваемые структуры типа «предлог + существительное», представляют собой стандартные переменные словосочетания. Предлоги *in* и *at* обладают очень широкой сочетаемостью и при этом практически не меняют своей пространственно-временной семантики. Они также встречаются в других обозначениях времени, например, *at night*, *at that moment*, *in the morning*, *in September*, при этом выбор предлога в каждом случае обусловлен скорее лексическими и грамматическими особенностями сочетаемости существительных, чем их семантикой.

С другой стороны, изменение или расширение рассматриваемых сочетаний приводит к изменению или искажению их смысла. Чтобы это показать, обратимся к функциональным значениям предлогов *at* и *in*, а также к семантике существительных, входящих в состав сочетаний с этими предлогами. Согласно исследованиям Т.Н. Маляр, двумя основными значениями предлога *at* являются значения ‘рабочая позиция’ и ‘позиция в пространстве закрытого множества’ [Маляр 2012]. Лексемы *blow*, *coup*, *stroke*, употребляемые с этим предлогом, обозначают удар как осознанное, целенаправленное действие, лексема *trice* обозначает рывок. Следовательно, основным в сочетаниях *at* + *blow* / *coup* / *stroke* / *trice* является функциональное значение готовности к действию². Лексемы *wink* и *twinkling*, которые также встречаются в сочетании с предлогом *at*, в отличие от существительных *blink* и *bat (of an eye)*, сочетающиеся с предлогом *in*, также обозначают контролируемое движение век глаза. Кроме того, имеются устаревшие сочетания лексем *wink*, *trice* и *twinkling* с предлогом *with*. В данном случае, скорее всего, можно говорить об инструментальном значении *with*, что подтверждает смысловой акцент словосочетаний на целенаправленности действий.

В целом, прямое значение группы сочетаний с предлогом *at* можно охарактеризовать как ‘в результате осознанного действия’. Это подтверждается также тем, что лексема *wink* и в современном английском языке может обозначать сигнал, по которому начинает совершаться какое-либо действие [Oxford... 2009]³. Логично предположить, что рассматриваемые сочетания соотносимы с рядом подобных им, содержащих другие существительные, например, *at a nod* ‘с (одного) кивка’, *at a word* ‘с (полу)слова’, *at a signal* ‘по сигналу’, а также *at a / one go* ‘с одной (первой) попытки’, *at a swoop* ‘с налета’, *at a jump* ‘с одного

² В отличие от обозначений кратковременности действия, в других обозначениях времени с предлогом *at*, например, *at night*, *at that moment*, *at 5 o'clock*, функциональное значение предлога *at* – ‘позиция в закрытом множестве’, т. е. временная точка воспринимается как некий «пункт» на траектории движения.

³ Ср. рус. *по мановению ока* и *в мгновение ока*.

прыжка' и т. п. Однако из перечисленных сочетаний только три последних (*at a go*, *at a swoop* и *at a jump*) имеют близкое к временному значение, т. к. акцентируют не силу и целенаправленность действия, а единичность кванта действия.

Попытки трансформировать рассматриваемые сочетания, например, введя в них определения к существительным, также приводят к утрате временного значения. Ср. *at a blow* 'мгновенно' и *at a violent blow* 'в результате / с помощью сильного удара'; *at a wink* 'мгновенно' и *at the king's wink* 'по знаку короля'. Отметим также, что все лексемы, употребляемые в сочетаниях «*at* + существительное» со значением кратковременности действия, обозначают не просто целенаправленные, но быстрые и резкие действия. Вероятно, в рассматриваемых сочетаниях именно эти характеристики выходят на первый план и становятся источником временного значения.

Таким образом, в сочетаниях, означающих 'за очень короткий промежуток времени, мгновенно', предлог *at* не обозначает готовности к действию, а лексемы, употребляемые в таких сочетаниях, не имеют временного значения за их пределами. Это позволяет говорить о переосмыслении и, следовательно, дает возможность отнести рассматриваемые сочетания к классу фразеологизмов.

Несколько иной представляется ситуация с сочетаниями «*in* + существительное». Во-первых, их можно разделить на несколько семантических групп. Первую группу составляют семантически близкие к рассмотренным выше обозначениям кратковременности действия – *in a shake*, *in a jiffy*, *in a flash*, *in a snap*, *in a crack*, *in a blink*, *in a heartbeat*, а также *in / at / with a twinkling (twinkle)*, *in / at / with a wink*, *at / in a stroke*, *at / in a trice*. Вторая группа представлена указаниями на своевременность действия – *in time*, *on time*. Наконец, выражение *in the (very) nick* означает 'в тот самый момент' и указывает на соотношенность одного события с другими.

Во-вторых, в данных сочетаниях предлог *in* сохраняет свое прямое функциональное значение 'внутри вместилища'. Так, в обозначениях кратковременности действия временное значение *in* – 'в пределах (т. е. внутри) отрезка времени' или 'по прошествии (заполненного) отрезка времени' – соотносимо с другими обозначениями длительности действия, например, *in September*, *in 2012*, *in a minute*, *in a week*. Возможно, именно это обеспечивает относительную вариативность структуры некоторых выражений из рассматриваемого списка, например, возможность добавления определений или числительных: *in a brace of shakes*, *in a couple of shakes*, *in three shakes of a sheep's tail*, *in half a shake*, *in six jiffies*, *in a twinkling of an eye*, *in a flash of lightning*.

С другой стороны, существительные, употребляемые в первой группе сочетаний «*in* + существительное», имеют временное значение 'краткий отрезок времени' только в пределах данных сочетаний. Вне их эти лексемы или обозначают звуковые явления (*crack*, *snap*), световые явле-

ния (*flash, twinkling*) и краткие, резкие, неконтролируемые движения (*shake, blink, heartbeat*), или вообще не имеют лексического значения (*jiffy*)⁴. Таким образом, хотя обозначения кратковременности действия с предлогом *in* являются частично мотивированными, их семантика позволяет говорить об их фразеологическом статусе.

Выражение *in the (very) nick* передает точную временную локализацию, совпадение некоего события с другим, известным и значимым событием. Лексема *nick* обозначает зарубку, засечку; определенный артикль обеспечивает указание на соотношение с известным событием или моментом времени. Таким образом, буквальное значение данного выражения – ‘(попасть) точно, четко в заранее нанесенный надрез, паз или засечку’. Любопытно, что в устаревших вариантах этого выражения допускается использование предлогов *on* и *upon*, т. е. указаний на точную, фиксированную локализацию во времени и пространстве. Различия буквального и переносного значений выражения *in the nick* также позволяют отнести его к фразеологизмам.

Отдельно следует рассмотреть сочетания *in (good) time* и *on time*. Лексема *time* является основным обозначением времени в современном английском языке и, следовательно, используется в сочетаниях в прямом значении. Функция предлога *on* – обозначение некой опорной поверхности, «фиксирующей положение <...> объекта в пространстве» [Маляр 2012: 92]. Таким образом, предлог *on* подразумевает фиксированную точку пространства-времени, в которой локализовано событие. Действительно, выражение *on time* определяется как ‘точно, вовремя, пунктуально’.

Предлог *in* понимается как указание на положение внутри вместилища. «Область локализации» предмета или события в пространстве и времени с помощью предлога *in* шире по сравнению с «областью локализации» с помощью предлога *on* – это не точка, а определенная область, период, в который событие актуально. В самом деле, выражение *in time* указывает на то, что событие произошло ‘достаточно скоро или рано, без опоздания’ [Oxford... 2009]. Относительно широкая область «вместилища» позволяет добавить оценочную характеристику своевременности – *in good time*.

Подводя промежуточный итог, отметим, что все рассматриваемые устойчивые предложные сочетания с временным значением в большей или меньшей степени проявляют признаки фразеологизмов, а именно, обладают семантической спаянностью и ограниченной вариативностью. На наш взгляд, сочетания «*at* + существительное» расположены ближе к ядру поля фразеологизмов, чем выражения с предлогом *in*, т. к. в последних предлог сохраняет свое прямое функциональное значение.

---

⁴ Фонематический и морфемный анализ позволяют предположить, что речь в *jiffy* идет о внезапном, кратком и резком движении. На это указывают краткий гласный /i/, согласные /dʒ/ и /f/, а также уменьшительный суффикс -y) [Magnus 2001].

Также любопытно отметить особенность эволюции обозначений кратковременности в предложных сочетаниях. Сочетания с предлогом *at* относятся к более ранним этапам развития английского языка (начиная с XIV века), а на современном этапе часто считаются устаревшими и заменяются на сочетания «*in* + существительное». Замены предлога *at* на предлог *in* появляются в письменных источниках, начиная с XVII века, а новые выражения, построенные по этой модели, относятся к XVIII–XIX векам [Гулимова 2013]. Это свидетельствует о тенденции к деидиоматизации словосочетаний со значением ‘за очень краткий промежуток времени’, позволяющей повысить продуктивность модели «предлог + существительное» и расширить выбор лексических компонентов словосочетания, поскольку идея времени в современной языковой картине мира является одной из центральных, и требует все большего и более разнообразного множества средств выражения⁵.

Изучение истории формирования и развития устойчивых обозначений времени требует их рассмотрения с точки зрения теории концептуальной метафоры. Как известно, эта теория, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 2003], раскрывает механизмы, с помощью которых мышление оперирует категориями разной степени абстракции, и позволяет объяснить мотивацию фразеологизмов в диахронном плане. Однако, поскольку время – это абстрактная категория, недоступная напрямую чувственному восприятию, механизм концептуальной метафоры представляется практически единственным средством репрезентации времени в языке и, следовательно, должен распространяться не только на фразеологизмы, обозначающие время, но и на лексические средства с прямым временным значением. Рассмотрим основные концептуальные метафоры (далее КМ), реализующие представления о времени в английской фразеологии, и определим их соотношение с идеями, мотивирующими нефразеологическую номинацию времени.

1. КМ «Время – линейное движение, путь по линейной траектории»:

- «Время – путник» (*the march of time, the step of time, the progress of time, time flies, drags, creeps, to bide one's time*);
- «Время – путь» (*to keep pace with..., to go hand in hand with...* (если речь идет о нескольких событиях, происходящих одновременно); *here today and gone tomorrow*);
- «Время и человек – спутники / соперники, движущиеся в одном направлении» (*a race against / with time, to keep pace with time, to keep abreast of / with the times, to march / move with the times*);

⁵ Примером продуктивности модели «*in* + существительное, не обозначающее время» могут служить такие современные авторские выражения, как *Ask me in a coffee* [Гилева 2002], *I will meet him in a cigarette*.

- «Время – движение по вертикали» (*the time is up, to be / keep / bring (smb / smth) up to date, the decline of time*);
- «Время – движение по кругу» (*all the year round*);
- «Время – непрерывная линия (*the arrow of time*) / «Время – дискретное множество / точка» (*to be on the point / verge / brink of smth; to be (born) behind / before (one's) time; a day / after the fair*)⁶.

2. КМ «Время – вместилище» (*to be out of time / date* и *to knock smb out of time, the fullness of time*);

- «Время – здание» (*the corridors of time, the window of opportunity, at death's door*).

Обе рассмотренные концептуальные метафоры – «Время – путь / путник» и «Время – вместилище» – входят в состав более общей модели «Время – пространство».

3. КМ «Время – стихия»:

- «Время – вода» (*the flow, flux, stream, current, course, lapse of time, the river of time*; сочетания обозначений времени с глаголами *to flow, to run, to evaporate*);
- «Время – воздух / ветер / погода». Реализация данной КМ происходит чаще всего на основе ассоциаций с погодой, в частности, с (сильным) ветром, вихрем и облаками (*the sweep of time, ravages of time / years, to fade, to pass away like a (summer) cloud / shadow*). Фразеологизм *the whirligig of time* сочетает воздушную и водную семантику, т. к. речь может идти как о воздушном вихре, так и о водяной воронке;
- «Время – песок» (*sands of time, to slip through one's fingers, (hour)glass of time*);
- «Время – огонь». Основными характеристиками, общими для стихии огня и стихии времени, являются скорость и кратковременность. Это отражено в таких выражениях, как *flash in the pan, quick as lightning / thought, crack of doom*. Последние фразеологизмы, как и большинство реализаций концептуальной метафоры «Время – воздух / ветер», отражают связь времени с погодными явлениями.

4. КМ «Время – ресурс» (*a golden opportunity*; сочетания обозначений времени с глаголами *to consume, to spend, to waste, to use, to spare*,

---

⁶ Поскольку метафорический концепт представляет собой комплексное явление, одно и то же выражение может являться реализацией нескольких концептуальных метафор. Например, сочетание *to be on the point of smth* реализует КМ «Время – дискретное множество» и КМ «Время – путешествие».

to take, to give и т. п.; *time is money*). Мы предполагаем, что связь представлений о времени и о деньгах поддержана, а, возможно, и мотивирована, ассоциацией денег, денежного потока со стихией воды.

- «Время – Божий дар» (*to be given / granted one year*);
- «Время – собственность человека» (*to live on borrowed time, to do smth on one's own time, to play for time, to buy / sell / lose time, to have / take one's time / day, to make (good) time, to make one's day, to end one's days*).

5. КМ «Время – живое существо»:

- «Время – человек»:
  - «Время – противник» (*to work / talk / race against time, time and tide wait for no man, to take time by the forelock*);
  - «Время – помощник» (*time works wonders, Father Time, to kill time*⁷);
  - «Время – лекарь» (*time heals all wounds, time is the great healer*);
  - «Время – всадник» (*on the spur of the moment*);
- «Время – животное» (*time flies, runs, gallops, creeps; to seize an opportunity; to be a mayfly; donkey's years, dog's / coon's age*);
- «Время – растение» (*the time is ripe; one's salad days; сочетания с прилагательными green, fresh*).

6. КМ «Время – (неодушевленный) материальный объект» (*the whole time, a split second, a bubble, nine days' wonder*).

7. КМ «Время – ритуал» (*dog's days, on / at the Greek Calends, (to come) at the eleventh hour; Tib's Eve; halcyon days*⁸; *old as Adam / Methuselah*⁹).

8. КМ «Время – действие» (*strike while the iron is hot* и *make hay while the sun shines; before the ink is dry, between cup and lip, at short notice, before one can say 'Jack Robinson'*; *pudding time*).

Теперь обратимся к метафорическим концептам, мотивирующим группу рассмотренных выше устойчивых предложных сочетаний со значением времени.

---

⁷ Данное сочетание подразумевает негативную оценку действий человека: время рассматривается как «друг», которого человек «предает».

⁸ Выражение *halcyon days* ‘спокойное, мирное время’ отражает поверье о зимородке, который выводит птенцов в гнезде, плавающем по морю, в период зимнего солнцестояния; в это время в течение двух недель море бывает спокойно.

⁹ Выражения *old as Adam / Methuselah* ‘старый, как мир’ относятся к библейским сюжетам.

Прежде всего, отметим, что временная семантика предлогов *in*, *at* и *on* является вторичной по отношению к пространственной. Это обусловлено абстрактным характером категории времени и более конкретной природой категории пространства. Следовательно, представления о пространственных отношениях перенесены на отношения во времени. Таким образом, в основе предложных сочетаний лежат представления о вместилище (*in*), точке (*at*) и плоской поверхности (*on*). Эти представления полностью соотносятся с группой концептуальных метафор «Время – пространство» и «Время – вместилище», рассмотренной выше.

Обозначения световых и звуковых явлений (*snap*, *crack*, *flash*, *twinkling*) соотносимы с представлениями о стихии и с концептуальными метафорами «Время – огонь» и «Время – воздух». В семантике обозначений действий и движений (*blow*, *stroke*, *coup*, *trice*, *wink*;¹⁰ *blink*, *wink*, *twinkle*, *heartbeat*, *jiffy*) основное значение для описания времени имеют характеристики краткости и динамичности, акцентируемые также в концептуальных метафорах «Время – движение (путь / путник)» и «Время – стихия». К пространственной семантике следует также отнести прямое значение лексемы *nick* ‘зарубка, засечка’, соотносимое с представлениями о границе или / и точке. Таким образом, у единиц, общепризнанно находящихся в центре поля фразеологизмов времени, и у единиц, которые, как мы показали, относятся к его периферии, имеются общие основания номинации.

Для определения представлений, которые послужили источником концептуальных метафор, лежащих в основе фразеологизмов, мы анализировали прямое – в сущности, историческое значение фразеологизмов. Однако тот же метод применим и к нефразеологическим обозначениям времени, лишь с той разницей, что под исходным значением мы будем понимать этимологически первое невременное значение лексемы.

Результаты анализа этимологии лексических (словных) обозначений времени [Гулимова 2011, 2012а, 2012б, 2013] показывают, что в основе семантики категории времени лежат представления о пространстве, движении, стихии, а также о наличии / отсутствии освещенности. Например, лексема *pace*, обозначающая темп, ‘меру движения’, восходит к лат. существительному *passus* ‘шаг’ и далее к глаголу *pandere* ‘растягивать’, т. е. к представлениям об отрезке и его длине. Лексема *term* восходит к и.-е. основе **ter-* ‘пересекать, попадать на другую сторону’ и, следовательно, содержит имплицитные указания на точку и границу. Лексема *old* родственна обозначениям высоты *altitude*, лат. *altus*, т. е. указывает на вертикальное расположение в пространстве.

---

¹⁰ Точка с запятой в перечислении отделяет обозначения действий от обозначений движения. Многозначность лексем *wink* и *twinkle*, *twinkling* позволяет включить их в несколько разных групп.

Этимология лексем *hour, year, period, previous* и др. отражает представления о движении времени, как по прямой линии (*previous* < лат. *pre-* 'вперед' + *via* 'дорога, путь'), так и по циклической траектории (*period* < греч. *περί* 'вокруг' + *ὁδός* 'путь'). Существительные *day, night, morning, early, summer* и некоторые другие содержат этимологические указания на представления о свете (тепле) и тьме (холоде). Лексемы *rhythm, lapse, current* восходят к обозначениям потока воды, а лексема *while* этимологически связана с обозначениями покоя и бури (ср. укр. *хвили́на* 'минута', а также *хви́ля* 'волна', болг. *хви́ля* 'буря'), т. е. с представлениями о погодных условиях, а также о движении.

В обнаруженных концептуальных основаниях лексических обозначений времени выделяются по инференции следующие элементы: прямая, отрезок, круг, точка (граница), трехмерное пространство (объем), делимость (и, следовательно, чередование и счетность), враждебность, неподконтрольность, покоримость, ценность, скорость, длина, событийность. В целом, данные характеристики соответствуют элементам, на основе которых строятся концептуальные метафоры времени, продуцирующие фразеологизмы. Основное различие между лексической и фразеологической номинацией времени заключается, на наш взгляд, в различной степени представленности одних и тех же концептуальных элементов в лексических и фразеологических средствах. Так, в лексических обозначениях времени на первый план выходят пространственные и динамические основания номинации, а также составляющие оппозиции «свет / тьма» («тепло / холод»). В основе фразеологической номинации лежат, прежде всего, такие характеристики, как наличие субъективного отношения к человеку (враждебного или дружелюбного) и событийная, в т. ч. ритуальная, наполненность. Эти характеристики присутствуют и в лексической номинации, но проявляются в ней в значительно меньшей степени.

Причины такого распределения концептуальных составляющих могут заключаться в различных условиях формирования и употребления лексических и фразеологических обозначений времени. Разница может быть обусловлена, в том числе, различными периодами образования единиц (когда преобладали различные представления о времени) и их различной стилистической принадлежностью. Кроме того, «вершинной» характеристикой семантики фразеологизмов является оценочность, отражающая интерпретацию человеком окружающей действительности, в большей степени, чем простое указание на предметы, явления и события, существующие в реальности [Телия 1996].

Фразеологические единицы, содержащие компонент времени, а также фразеологические единицы, содержащие указания на время (при отсутствии временного компонента), имеют в своей семантике:

- а) оценку, связанную с определением подходящего / неподходящего времени для какого-либо действия;
- б) оценку необходимой скорости действия;

в) оценку протяженности действия (слишком короткой / длинной).

Рассматриваемые предложные сочетания с временными значениями, на наш взгляд, также содержат эмоциональную оценку события, и по этому параметру также могут быть отнесены к классу фразеологизмов.

В целом, проведенное исследование подтвердило предположение об общих основаниях семантики фразеологических обозначений времени разного типа, что позволяет сделать вывод о том, что общность концептуальных оснований семантики фразеологических единиц разной степени устойчивости может рассматриваться как один из критериев определения их фразеологического статуса.

Литература

1. *Гилева Е.П.* Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. – 195 с.
2. *Гулимова А.Д.* Архетипические оппозиции как номинативные основания обозначений времени в английском языке // Вестник МГЛУ. Вып. 27(633). Языкознание. Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 79–87.
3. *Гулимова А.Д.* Группа английских существительных с общим значением «период времени»: концептуальные основания семантики // Вестник МГЛУ. Вып. 27(660). Языкознание. Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012а. С. 72–84.
4. *Гулимова А.Д.* Концептуальные основания семантики времени в английском языке // Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. Когнитивные исследования языка; Мин-во обр. и науки РФ, РАН, Институт языкознания РАН, ТГУ им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Вып. XII. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012б. С. 652–661.
5. *Гулимова А.Д.* Words Denoting Time: the Interaction of the Lexical and the Grammatical in the Language System // Вестник МГЛУ. Вып. 26(686). Языкознание. Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 51–66.
6. *Маляр Т.Н.* Сопоставление принципов конструирования пространства в английском и русском языках // Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: Рема, 2012. С. 83–109.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By London: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
9. *Magnus M.* What's in a Word? Studies in Phonosemantics. Trondheim: Norwegian Science and Technology University, 2001. – 204 p.
10. Online Etymological Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com>. Дата последнего обращения – 17.01.2016.
11. Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0.0.2) © Oxford University Press, 2009. – [OED]

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ В.Н. ТЕЛИЯ¹

В.З. Демьянков

CIVILIZATIONALLY vs. CULTURALLY CONDITIONED KNOWLEDGE TRANSFER IN THE LIGHT OF THE THEORY OF V.N. TELIYA

V.Z. Demyankov

ABSTRACT

Knowledge transfer underlies non-literal use of linguistic expressions when what is not immediately experienced is talked about in terms of what is immediately known. The idea of considering non-literal meanings arising from such language use was formulated and applied to lexicographic investigation by the eminent Russian linguist Veronica Teliya in the 1980's. The distinction between civilization (a set of universal standards and regularities of human behavior) and culture (a set of national standards and regularities of behavior) may be useful. Thus, civilizationally induced knowledge covers broader areas of human experience than nationally or culturally induced knowledge. Non-literal uses of words denoting "black" and "heritage" in Russian and in some European languages demonstrate some differences of mechanisms of civilizational and cultural knowledge transfer.

Key words: knowledge transfer, non-literal use of language, civilizationally induced vs. culturally induced knowledge transfer

АННОТАЦИЯ

Трансфер знания лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о том, что не дано непосредственно, говорят в терминах непосредственного знания. Идея такого рассмотрения небуквальных значений была предложена и применена в лексикографических исследованиях выдающейся российской лингвисткой Вероникой Николаевной Телия в 1980-х гг. В статье предлагается разграничение между цивилизацией (как набором национальных стандартов и закономерностей человеческого поведения) и культурой (как набором национальных стандартов и закономерностей поведения). Так, цивилизационно обусловленные знания покрывают более широкие области человеческого опыта, чем национально или культурно обусловленные знания. Небуквальные употребления слов в русском и некоторых европейских языках демонстрируют некоторые различия в механике цивилизационно обусловленного и культурно обусловленного трансфера знаний.

Ключевые слова: трансфер знания; небуквальное употребление языка; цивилизационно обусловленный vs. культурно обусловленный трансфер знания

---

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

В переводоведении термин *трансфер знака* используется в значении ‘перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака, в качестве элемента другой знаковой структуры’. С помощью этого понятия описываются прямые и обходные маневры при переводе «трудных» выражений с одного языка на другой.

По переносу, трансфером знаний в широком смысле называют передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем, см. [Демьянков 2015]. Такие знания переносятся из одной позиции в «информационной системе» человека в другую позицию – той же или другой системы.

В узком же смысле трансфер знаний – перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. Так, метафора – употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже. Это переход от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно.

В последнее столетие очень широко исследуются различные виды трансфера знаний, когда понятия той или иной социальной или гуманитарной науки анализируются в опоре на то, как об этих понятиях принято говорить в обыденной речи – донора для научной речи. Так, классифицируя различные контексты употребления научных терминов и/или конструкций в обыденной речи, делают выводы о том, что же лежит за соответствующими научными понятиями.

Трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда речь идет о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, данных опосредованно. Тогда имеют дело с трансфером «от известного к неизвестному». В частности, техники анализа обыденных значений у слов, используемых в научном и политическом дискурсе, позволяют выявить механизмы такого трансфера знаний.

Такой взгляд на метафору вытекает из концепции В.Н. Телия, представленной еще в 1980-е годы. В этой концепции принимается, что метафора «... способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких “оттенков” смысла» [Телия 1988: 179]. И далее: «метафоризация – это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению

этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь “вплетается” в картину мира, выражаемую языком» [Телия 1988: 186].

Одни и те же феномены человеческого бытия можно объяснять с нескольких точек зрения. В частности, с точки зрения культурной и цивилизационной. Как известно, термины *цивилизация* и *культура* соперничают в различных концепциях развития человеческой ментальности. А именно, французский термин *civilisation*, вошедший в середине XVIII в. в научный оборот и во Франции, и за ее пределами, имел значение ‘культура как образ жизни’. Недаром, в отличие от термина *культура*, изначально этот термин не имел формы множественного числа: когда говорили о цивилизации, имели в виду некоторый единственный, уникальный, идеальный образ жизни, взятый в отвлечении от различий, существующих в реальных обществах². Термином же *культура* западноевропейские исследователи обозначали различные экзотичные общества, за пределами «западной цивилизации». Вот почему сегодня стихийно установилось такое разграничение задач: культурология занимается исследованием культуры глазами носителя этой культуры, а этнология – глазами внешнего наблюдателя, то есть, с точки зрения цивилизации, а не самой этой исследуемой культуры.

В языкознании XX–XXI вв., стартуя с универсалистской площадки, видят аналогию между цивилизацией и универсалиями языка, с одной стороны, и культурами и идиоэтническими особенностями языкового употребления, с другой. Иначе говоря, выражаясь языком пропорций, имеем: цивилизация так относится к культурам, как «универсальный язык» («универсалии языка») относится к исторически засвидетельствованным языкам.

При таком понимании (цивилизационные) ограничения на исторически засвидетельствованные языки можно представить себе как границы, предопределяющие развитие языков в рамках существующей цивилизации.

Выявление этих границ в гуманитарных науках происходит методом «реконструкции» (внутренней и/или внешней): рассматривая реликты и «слабые места» в наблюдаемых свойствах реальных языков, устанавливают, какие расхождения между языками случайны, а какие обусловлены языковыми универсалиями, лежащими в основе когнитивного механизма всех человеческих языков. Именно такой реконструкцией на ма-

---

² «“Civilization” was a term coined in France in 1750s and quickly adopted in England, becoming very popular in both countries in explication of their superior accomplishments and justification of their imperialist exploits <...>. The meaning was the same as the sense of “culture” as a way of life that is now proper to anthropology. Among other differences, “civilization” was not pluralizable: it did not refer to the distinctive modes of existence of different societies but to the ideal order of human society in general <...>» [Sahlins 1995: 10–11].

териале русской фразеологии и занималась В.Н. Телия.

Методы такой культурологической реконструкции оказались весьма плодотворными для современной лингвистики. Здесь эти методы используются не столько для восстановления внешней формы языковых знаков – того, как они выглядели или звучали в далекие времена языка, – сколько для выявления системы закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи. Иначе говоря, для интерпретации эмпирических данных в цивилизационно предначертанных рамках (когда ученый стремится к «надкультурной», этнологической реконструкции) – или в рамках конкретной культуры (когда исследователь по той или иной причине, вольно или невольно «заземлен» на конкретную национальную культуру и не обладает амбициями выйти за ее пределы).

Интерпретируя факты, а также чужие и свои высказывания, человек обладает свободой, которая также может по-разному рассматриваться: в цивилизационном и/или культурном формате. В этом аналогия с диалогом, когда мы стремимся понять другого человека, понять себя, понять только текст и т. д. – в зависимости от своей техники понимания, от того, к чему мы подготовлены в большей степени своим предшествующим диалогическим опытом. Понимание – одновременно и интерпретативная деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность), и идеал, к которому мы стремимся (и в этом – цивилизационная составляющая понимания). Однако, поскольку *понимание* – оценочный термин (ср. *правильно, хорошо понять vs. неправильно, неадекватно понять*), связанный с ценностями, а потому и с выбором из множества альтернатив, понимание обладает и своими культурами, см. [Демьянков 2001: 318], и своей цивилизацией. Соответственно, прогресс искусства понимания можно видеть в расширении свободы каждого отдельного человека при выборе своего «параметра», своей позиции на шкале альтернатив. Это способность выбрать, как воспринимать речь в данном эпизоде своей жизни [Там же: 319].

Интерпретация же текста предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного. И этот момент также прекрасно уловила В.Н. Телия: «Узнавание метафоры – это разгадка и смысловая интерпретация текста, бессмысленного с логической точки зрения, но осмысленного при замене рационального его отображения на иногда даже иррациональную интерпретацию, тем не менее, доступную человеческому восприятию мира благодаря языковой компетенции носителей языка» [Телия 1988: 204].

Сегодня, когда освоение большого эмпирического материала происходит в опоре на большие корпуса текстов, с помощью «понимающей» социологии текста (или социологии дискурса) исследуются многие важные когнитивно нагруженные понятия. Этот метод лежит в основе, например, контрастивной лингвистической философии, исследующей

обыденную речь о философски нагруженных понятиях в разных языках.

Исходным для этого метода является вопрос, почему об одних и тех же идеях, тождественных в рамках данной цивилизации, в разных культурах говорят по-разному. И говорят ли действительно об одних и тех же идеях (как если бы они принадлежали одной общей для разных народов цивилизации) – или имеются в виду совершенно разные идеи.

Такое исследование может не только давать лингвистические результаты, но и служить пропедевтикой для философского исследования, ни в коей мере, впрочем, не подменяя его: ведь этот лингвистический метод имеет отношение к исследованию языка, а чисто философская интерпретация требует и иных приемов для анализа данных, иногда связанных с хирургическим вмешательством в наличный интеллектуальный аппарат философа.

Таким образом, на границе между философией и языковедением лежит выявление тех аспектов языка, которые позволяют взглянуть на цивилизационный мир, лежащий за пределами родных национальных (то есть «культурных») ворот.

Вряд ли есть прямая зависимость между употреблением слов и философскими установками разных народов, говорящих на разных языках. Тем не менее, наблюдения приводят нас к вопросу: а действительно ли мы говорим об одних и тех же вещах на разных языках? Сомнения в этом приводят некоторых исследователей к тому, чтобы считать фантомом само понятие цивилизации.

Сегодня на повестку дня вышло эмпирическое исследование ограничений, накладываемых цивилизацией на конкретные языки: можно предположить, что в рамках различных языков не только хранятся различные данные о внеязыковой действительности, но и задаются различные пути трансфера знаний. Иначе говоря, пути познания одних и тех же (универсальных, цивилизационных) сущностей в различных языках и культурах различны. Это именно та общенаучная установка, в разработку которой сделала огромный эмпирический и идейный вклад В.Н. Телия.

Литература / References

1. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиотнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.
2. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015, Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. С. 17–29.
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
4. Sahlins M.D. How “Natives” Think: About Captain Cook, for example. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=1247887&pg>. Дата последнего обращения – 19.06.2016.

**ЧЕМ ПИТАЕТСЯ ВРЕМЯ
И ЧТО ПИТАЕТСЯ ВРЕМЕНЕМ:
К ВОПРОСУ О ПЕРСОНИФИКАЦИИ И РЕИФИКАЦИИ
ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ**

А.В. Егорова

**WHAT EATS UP TIME AND
WHAT IS EATEN UP BY TIME:
ON PERSONIFICATION AND REIFICATION OF TIME
IN CONCEPTUAL METAPHORS**

A.V. Egorova

ABSTRACT:

The article examines select conceptual metaphors of time that express Russian speakers' concepts of time. The author analyses the time metaphors in texts selected from the Russian National Corpus, the Hellenic National Corpus and some Internet resources. The analysis reveals a contradiction in the time concept: on the one hand, it is perceived as something that consumes (and even devours) and, on the other hand, as something that is to be consumed. In both cases, the metaphors have negative connotations and the author puts forward a hypothesis that such concepts of time may be universal across most languages. The hypothesis requires further extensive research.

Keywords: linguoculture; conceptual metaphor; assessing metaphor; conceptualization of time

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются некоторые концептуальные метафоры времени, посредством которых реализуются представления русскоговорящих о времени как о поглотителе, с одной стороны, и о времени как пище – с другой. Большинство таких метафор выражает отрицательную оценку и является экспрессивно окрашенным. Некоторые примеры из других языков, таких как английский и греческий, позволили автору выдвинуть гипотезу об универсальности этих представлений о времени, однако этот тезис требует дальнейшего более доказательного исследования с привлечением обширного материала из других языков.

Ключевые слова: лингвокультура; концептуальная метафора; оценочная метафора; концептуализация времени

Вспоминая В.Н. Телия, трудно обойти вниманием вклад, сделанный ею в теорию метафоры. В 1988 году вышла в свет коллективная монография «Метафора в языке и тексте», предисловие к которой было написано Вероникой Николаевной. Основные положения, содержащиеся в этой работе, на много лет вперед задали вектор научного поиска для тех

ученых, которые связали свою судьбу с исследованиями, ведущимися в таких новых на тот момент областях лингвистики, как лингвокогнитивистика, лингвокультурология, концептология и др. Рассматривая возрождение интереса к метафоре в лингвистике, В.Н. Телия подчеркивает, что объектом изучения должна стать метафора, служащая «способом создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [Телия 1988б: 3]. В другой статье того же года «Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира» В.Н. Телия предлагает типологию метафор, основанную на выявлении процессов метафорического смыслопроизводства и основных функций метафоры. Наряду с образной метафорой, оценочной метафорой, а также оценочно-экспрессивной, или эмотивной окрашенной, автор выделяет еще два типа, названные базовыми: идентифицирующую, или индикативную, метафору и когнитивную метафору, которая «моделирует отображение объектов невидимого мира и характеризуется гипотетико-когнитивной модальностью (как если бы X обладал признаками Y-ка)» [Телия 1988а: ЭР]. В настоящей статье речь пойдет именно о таком типе метафор, поскольку в фокусе наших интересов находятся выявляемые посредством концептуального анализа представления, стоящие за предельно абстрактным существительным «время», т. е. таким именем, означаемое которого принимается носителями языка на веру, так как эмпирическим путем эту сущность постичь невозможно. В естественном языке время как умопостигаемая сущность, не имея собственного образа, овеществляется, уподобляется материальному, этот процесс уподобления абстрактного конкретному, метко названный Л.О. Чернейко «заземлением» [Чернейко 2009: 200], происходит именно в метафоре, которая была классифицирована В.Н. Телия как когнитивная. Необходимо заметить, что исследуемые нами единицы могут обладать оценочными коннотациями, а также быть экспрессивно окрашенными, поэтому все метафоры, участвующие в формировании концепта времени мы будем в дальнейшем называть концептуальными.

Обратимся непосредственно к метафорам, анализ которых позволяет выявить представления о времени, характерные для русского языкового сознания. В некоторых предыдущих работах, посвященных проблеме концептуализации времени [Егорова 2013; Егорова, Пуятин 2014], нами была предложена классификация метафор, в основе которой лежит разделение метафорических выражений (как субстантивных, таких, как *голос времени* и т. п., так и предикативных, например, *время течет* и др.) на два основных блока: *время – живое существо* и *время – неживой объект*. Выделение этих, казалось бы, несовместимых друг с другом, метафорических блоков подтверждает правильность выдвинутого Л.О. Чернейко тезиса о том, что семантико-прагматическая специфич-

ность абстрактного имени заключается в «непоследовательности и даже противоречивости его черт», проявляющихся как в акте персонификации, так и в акте реификации, или овеществления [Чернейко 2009: 156, 242].

Анализ метафор блока *время – живое существо* показал, что в основном в русской языковой картине мира закреплено представление о времени как о живом существе, в большинстве случаев наделенном признаками человека. Иерархически время стоит выше человека, однако человек может вступать с ним в конфликт, либо сотрудничать с ним, либо стремиться его победить. В этом блоке нами был выделен разряд, демонстрирующий, что для русского языкового сознания характерно представление о времени как о главном факторе изменений, носящих, в первую очередь, разрушительный характер. Прежде всего, время как причина изменений выражается в русском языке сочетанием предлога *от* и род. п. слова *время* (*почернеть от времени, пожелтеть от времени, покоситься от времени* и пр.). Однако языковой материал демонстрирует и устойчивые предикативные метафоры, посредством которых передается представление о времени-разрушителе: *время разрушает, время сметает, время стирает* (с лица земли), *время ломает, время уничтожает* и др. Семантически близкими этим метафорам оказываются метафорические выражения, в которых реализуется гештальт *время – поглотитель*.

Так чем же питается время? Наиболее стертой концептуальной метафорой можно считать пассивную конструкцию *быть изъеденным временем*, широко представленную в самых различных текстах. Приведем несколько примеров:

Под деревянным навесом на столбиках, окруженным решеткою, простой деревянный гроб, крест с Распятием. Колода **изъедена временем**. [Б.К. Зайцев. *Валаам (1936)*]¹. Дерево на перилах было **изъедено временем**, водой и ветром. Оно стало серым, с выступающими жилками. О. Мащенко. *Сказки нерожденных детей: Книга первая. Ключ*. Есть в хозяйстве тесло для долбления лодки и самодельные инструменты – вырезать ложки. Оттого что ими пользовались нечасто, они хорошо сохранились. Все остальное **изъедено временем** и точильными камнями. В. Песков. *Таёжный тупик*. ... Металл был сплошь **изъеден временем** и ржавчиной. А. Белов. *Бригада: Похищение Европы*.

Как мы видим, эта метафора передает идею о необратимых изменениях, возникших, как правило, в неодушевленных объектах под воздействием времени. При этом внутренняя форма причастия от практически не употребляемого глагола *изъесть* указывает на однородные интенсивные действия, совершенные в разных направлениях.

---

¹ Все примеры из текстов, выходные данные которых даны в квадратных скобках, взяты из электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» 2003–2016. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.

В активных конструкциях встречается также и метафорическое выражение *время съедает* с глаголом *съесть*, в исходном значении не имеющим оценочного знака и приобретающим его в метафоре: *мчатся на скором дни, / годы летят за час. / ночью мы спим одни / – время съедает нас.* (Ксения Оруджова. *Время съедает нас*). Глагол *съесть*, как и другие дескриптивные глаголы, обозначающие способ физического действия, которое может быть условно названо *приемом пищи*, имеют «некий общий смысл, который лежит в основе метафорического концепта, нечто вроде ‘причинять ущерб’». Этот смысл связан с отрицательной оценкой, которая и актуализируется в метафоре» [Вольф 1988: 57–58]. Приведенное выше наблюдение Е.М. Вольф было сделано относительно существительных лексико-семантического поля «чувства человека». Забегая вперед, скажем, что, по-видимому, это замечание распространяется и на такие имена, как *время*, которые обозначают абсолюты метафизического мира, что демонстрирует собранный нами языковой материал.

Однако более распространенными являются метафоры, в которых при субъекте *время* в качестве семантических предикатов употребляются дескриптивные глаголы *пожирать*, *поглощать*, *грызть*, *проглатывать* и др., включающие в свое значение указание на особенности способа приема пищи. Такие метафоры, оставаясь концептуальными, за счет потенциала предиката передавать одновременно оценку и экспрессию, приобретают качества метафоры экспрессивно-оценочной, или эмотивно окрашенной, такая метафора «обладает наиболее сложной архитектурой, для которой характерны черты оценочной метафоры с сохранением модуса фиктивности во всей его полноте, при этом образно-ассоциативный комплекс метафоры осознается как живой» [Телия 1988а: ЭР]. Так, в составе концептуальных метафор *время пожирает* и *время поглощает* глаголы *пожирать* – ‘есть, поедать с жадностью’, и *поглощать* – ‘съесть в большом количестве или с жадностью’ [Словарь русского языка, т. 3: 551, 166], содержат общую сему, указывающую на голод, который испытывает время. В таком случае оценочные коннотации сочетаются с аффективностью, представляющей собой дополнительные значения, выражающие отношение субъекта оценки к обозначаемому.

Другими словами, **время поглощает** силы веса, и не исчезает ли вес там, где время? [*Велимир Хлебников. Ка (1915)*]. **Время пожирает** пространство... Там, где раньше простирался зеленый мир пастбищ, символизирующий свободное духовное состояние, теперь громоздятся кристаллы городов... [*Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)*]. **Время пожирает** собственных детей, – учат нас, – от него пошло непостоянство, изменчивость, неустойчивость, от него же и гибель. [*Л.И. Шестов. На весах Иова (1929)*]. Мы – дети своего времени, а **время** всегда **пожирает** своих детей. *О. Маслов. Черный дельфин.*

Последние примеры отражают представления, свойственные многим европейски ориентированным культурам, поскольку метафора *время пожирает своих детей* восходит к древнегреческой мифологии, в которой Хронос (Χρόνος) являлся персонификацией времени и одной из системообразующих космических сил, порождающей огонь, воду и воздух. Народная этимология сблизила это понятие по созвучности с образом Кроноса (Κρόνος), одного из титанов, который, узнав, что его лишит власти собственный сын, проглатывал своих новорожденных сыновей. Так, в стихотворении классика греческой литературы Александроса Р. Рагависа (Αλέξανδρος Ρ. Ραγγάβης) (1809-1892) «Кладбище» («Τα μνήματα») говорится:

Ἀχόρταγος τὰ τέκνα του ὁ χρόνος καταλίπει, / κ' εἰς τὸν αἰῶνα ὁ αἰὼν ἐνθύμημα ἀφίνει / τὰ νεκροσάβανα του. = 'Ненасытное время пожирает своих детей и от века к веку на память оставляет их саваны'[ЕФЕГ]².

Жадность, с которой время поедает свою пищу, передается оценочными прилагательными *ненасытный* и *прожорливый*:

Кой-где у догоравших костров можно было рассмотреть склоненные фигуры одиноко сидевших бойцов: то дежурные, то, как он, такие же вот горемыки, измученные бессонницей, не знающие, как перед боем скоротать **ненасытное время**. [Д.А. Фурманов. Чапаев (1923)]. Ты, **прожорливое время**, многолико, будто море, / Ты нам радость обещаешь, но за ней приходит горе. [А. Алексеев. Эстетика террора (2003) // «Спецназ России», 2003.04.15].

Другой дескриптивный глагол *грызть*, входящий в состав концептуальных метафор со словом *время*, не только содержит отрицательные оценочные коннотации, но и указывает на свойства объекта, подвергающегося воздействию времени, который понимается как нечто твердое и трудно поддающееся этому воздействию. **Многозубое время – изгрызло: всю душу; и – грызло лицо; многозубое время грызет даже камни**. [Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чудаки (1926)].

---

² Примеры, снабженные аббревиатурой ЕФЕГ в квадратных скобках, найдены в Национальном тезаурусе греческого языка (Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας), URL: <http://hnc.ilsp.gr/> Перевод наш – А.Е.

Рис. 1. F. Perrjer. Segmenta nobilium signorum et statuarum quae temporis dentem invidium evasere. Фронтиспис. 1638.

Трудно удержаться от того, чтобы не проиллюстрировать страшные действия времени визуальным образом. Перед вами (Рис. 1) фронтиспис известной книги 1638 года Франсуа Перрьеера о статуях, которая содержит описание античных скульптур, сохранившихся до XVII века. На гравюре крылатый старик-Хронос, стараясь откусить кусок камня, грызет уже изрядно пострадавший от времени Бельведерский торс – античный символ красоты³. Оригинальное название книги «Segmenta nobilium signorum et statuarum quae temporis dentem invidium evasere» можно перевести как ‘Фрагменты знаменитых изваяний и статуй, которые пощадил злобный зуб Времени’. Приведем еще один пример из прозы Андрея Белого:

Летние статуи поукрывались под досками; серые доски являли в длину свою поставленный гроб; и обстали гробы дорожки; в этих гробах приютились легкие нимфы и сатиры, чтобы снегом, дождем и морозом не **изгрызал их зуб времени**, потому что **время точит на все железный**

³ Более подробный анализ этого изображения сделан доктором искусствоведения И.Е. Путьяным в нашей совместной статье «Художественные образы Хроноса и Кайроса как воплощение языковой концептуальной метафоры времени. Опыт междисциплинарного исследования» [Егорова, Путьянин 2014] – А.Е.

свой зуб; а железный зуб равномерно **изложет** и тело, и душу, даже самые камни. [Андрей Белый. *Петербург (1913–1914)*].

Генитивная метафора *зуб времени*, по-видимому, представляет собой заимствование, осуществленное блестящим эрудитом и полиглотом Андреем Белым из европейской традиции, и является окказиональной, так как в русской лингвокультуре она не обладает воспроизводимостью. Известный исследователь иконологии времени Эрвин Панофский усматривает происхождение символа «зуб времени» в эпитете, употребленном древнегреческим поэтом Симонидом (556–468 до н. э.): *остро-зубое* время. Э. Панофский пишет, что в эпоху Ренессанса «время могло быть изображено в виде демона с железными зубами». В поэзии Нового времени *зуб времени (the tooth of time)* впервые встречается в пьесе У. Шекспира «Мера за меру» [Панофский 2009: 137, 158].

Итак, подводя некоторые промежуточные итоги, можно сказать, что пищей для времени служит бесконечное многообразие объектов как материальных, так и принадлежащих метафизическому миру, одним словом, время в русском языковом сознании *всеядно*: *Время ищет и находит свое отражение в трудах человеческих. Но время всеядно и деспотично.* (В.Д. Сысоев Презрев чины, служили музе... // Журнал российского права. 2002. №1). Когда речь идет о всеядности времени, в памяти возникает загадка из книги Джона Р.Р. Толкиена «Хоббит» (J.R.R. Tolkien. *The Hobbit or There and Back Again*), правильный ответ на которую в соревновании с Голлумом бедный Бильбо Бэггинс смог дать лишь случайно, когда он, прося соперника об отсрочке, вымолвил лишь: «Время». Приведем полностью эту загадку, по сути представляющую собой развернутую метафору, и снабдим ее художественным переводом из первого русскоязычного издания книги 1976 года:

*This thing all things devours:
Birds, beasts, trees, flowers;
Gnaws iron, bites steel;
Grinds hard stones to meal;
Slays king, ruins town,
And beats high mountain down.*

Уничтожает все кругом:
Цветы, зверей, высокий дом, –
Сжует железо, сталь сожрет
И скалы в порошок сотрет,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.

Перевод Натальи Рахмановой

Эта небольшая загадка показывает, что для языкового сознания англоговорящих также характерно представление о всеядности времени: «время все вещи *пожирает*» (all things devours), «*грызет* железо» (gnaws iron), «*кусает* сталь» (bites steel) и «перемалывает твердые камни себе в *пищу*» (grinds hard stones to meal). Осмелимся предположить, что гештальт *время – поглотитель*, выводимый из концептуальных метафор, является одним из наиболее универсальных в мировой культуре, именно он позволяет переводить эту загадку без потери смысла на разные языки.

В начале нашей статьи отмечалось, что время как эмпирически не наблюдаемая сущность, будучи включенным в концептуальную метафору, материализуется, обретает собственный образ, уподобляясь живому существу через акт персонификации, как это было показано в проанализированных выше примерах, либо осмысливается как неживой объект при овеществлении. Если в акте персонификации время может представлять как поглотитель, т. е. тот, кто сам поедает что-либо, то в акте реификации время способно само становится пищей. В русской лингвокультуре метафора *съедать время*, отражающая представление о времени как о продукте питания, употребляется гораздо реже, чем близкие по значению метафоры *отнимать* или *занимать время*. В Национальном корпусе русского языка нами был найден лишь один пример:

...он, поахав, что гимназия уроками **съедает время**, предложил мне доедать себя, удвоив часы отсидивания за бессмысленным приготовлением к тому, к чему и нельзя подготовиться; ибо нельзя подготовиться к смыслу латыни, когда вместо этого смысла стоит тень министра Толстого, внедлившего латынь с сознательной целью: смысл обесмыслить. [Андрей Белый. *На рубеже двух столетий* (1929)].

Дескриптивные глаголы *съедать*, *пожирать*, *сжирать*, *поглощать*, при которых существительное *время* употребляется в качестве прямого объекта, добавляют концептуальной метафоре эмотивность, переводя такую метафору в разряд оценочно-экспрессивных. Эти глаголы указывают на то, что время как ценный ресурс не только отчуждается от своего обладателя, но присваивается и как бы физически усваивается другим субъектом – агенсом, поэтому такие метафоры имеют резко отрицательные коннотации.

Ненавидела быт – за неизбежность его, за бесполезную повторяемость ежедневных забот, за то, что **пожирает время**, необходимое для основного [А.С. Эфрон. *Страницы воспоминаний* (1955–1975)]. Поэтому телевизор, художественные книги, танцы, кино и игры – все это попадает в раздел «Развлечения», то, что бесполезно **сжирает время**. В. Егоренков. *Геймер. Реал vs вирт.*

Итак, при овеществлении в концептуальной метафоре время может осмысливаться как съедобный продукт, но кому или чему оно может служить пищей? В русском языке в качестве агенса при метафорических выражениях *съедать* / *пожирать* / *сжирать* / *поглощать время* выступают самые разные имена пропозициональной семантики.

В современный русский язык постепенно проникает слово «хронофаг», т. е. поглотитель времени, образованное путем сложения двух греческих корней *χρον-* (*χρόνος* – время) и *φαγ-* (форма основы аориста

древнегреческого глагола εσθίω ‘есть, съесть’ – ἐφαγον⁴). Хотя по этой модели образованы такие собственно греческие слова, как λωτοφάγος – лотофаг, знакомый тем русскоязычным, кто читал Гомера, и сарκοφάγος – саркофаг, слово хронофаг не является греческим по происхождению, о чем свидетельствует наиболее полный толковый словарь новогреческого языка Г. Бабиниотиса [Μπαλινιώτης 2002: 1967–1968], в котором искомое слово отсутствует. Его создание приписывается французскому писателю Анри де Монтерлану, позднее другой французский прозаик Андре Моруа посвятил хронофагам отдельную главу книги «Письма незнакомке», введя тем самым это слово в более широкий оборот. Эта лексическая единица пришла как нельзя кстати в качестве термина тайм-менеджмента. В последнее время появилось много работ, посвященных хронофагам, чтобы в этом убедиться, достаточно набрать слово *хронофаг* в любой поисковой системе. *Хронофаги – это пожиратели времени. Вашего времени. Того самого времени, из которого складывается ваша жизнь. А значит – это пожиратели вашей жизни* (М.В. Кузнецов. Программирование: ступени успешной карьеры). В журнале Forbes были опубликованы советы, как применять знания тайм-менеджмента в жизни:

Хронофаги, или **пожиратели** времени, – это одно из понятий тайм-менеджмента. О нем пишет Андре Моруа в «Письмах незнакомке»: «Хронофаг – это чаще всего человек, у которого нет настоящего дела и который, не зная, как убить свое время, решает заполнить свой досуг, **пожирая** ваше. Наглость этой твари невероятна... Не надейтесь умастить хронофага, бросив ему **поглотить** частицу вашего времени. Он **ненасытен**... Отсюда мораль: держитесь с хронофагами твердо и беспощадно истребляйте их. Мягкостью и щепетильностью ничего не добьетесь. Напротив, эти-то качества и создают микроклимат в котором хронофаг благоденствует. Главный способ борьбы с хронофагами – найти их и обезвредить». Классические хронофаги – это нечетко поставленные цели, отсутствие системы в делах, в документах, на рабочем столе и в компьютере. Неэффективные совещания – тоже **поглотители**. Научитесь их организовывать. *Наталья Сайгина. Хронофаги, или пожиратели времени, – одно из понятий тайм-менеджмента.*

Несмотря на то что Андре Моруа называет хронофагами людей, попусту отнимающих у других время, примеры употребления метафоры *съесть время* при одушевленном агенте крайне редки: *Кто съедает Ваше время? А Вы все еще позволяете людям съедать Ваше время?* (А. Будовский. Кто съедает Ваше время?). Хотелось бы подчеркнуть, что в русской лингвокультуре человек сам у себя не может *съесть время*, в отличие от греческой лингвокультуры, в которой подобное вполне допустимо. В уже упомянутом нами словаре Г. Бабиниотиса

---

⁴ Автор статьи благодарит д. филол. наук, профессора К.Г. Красухина за предоставленную им небольшую, но крайне интересную справку из истории древнегреческих глаголов.

представление о собственном времени как о продукте питания человека отражено в словосочетании *τρῶω την ὥρα μου* 'поедать/есть собственное время – тратить время, бессмысленно или бесцельно проводить время', 'тратить время по вине обстоятельств (другого человека или каких-либо явлений)'. Как видно из приведенных примеров семантизации, греческому глаголу *τρῶω* 'есть, поедать, съесть' в такого рода метафорах соответствует русский глагол *тратить*. В словаре приведены следующие примеры:

Φάγαμε την ὥρα μας συμπληρώνοντας αιτήσεις και διάφορα άλλα χαρτιά, χωρίς να καταφέρουμε τελικά να διευθετήσουμε την υπόθεσή μας. = 'Мы потратили свое время (букв. съели время) на заполнение заявлений и других бумаг, но так и не уладили наше дело'.

Τρόει την ὥρα της παίζοντας χαρτιά και παραμελεί το σπίτι της. = 'Она тратит свое время (букв. поедает время) на игру в карты и не заботится о доме' (Μπαμπινιώτης 2002: 2001).

Эти предложения указывают на зону несовпадений в представлениях о времени русско- и грекоговорящих.

Проведенный анализ метафорических выражений, составляющих лишь небольшой фрагмент концептуального поля времени, позволяет сделать некоторые выводы. Итак, можно утверждать, что время в представлениях носителей русской лингвокультуры обладает противоречивостью: с одной стороны, в акте персонификации одной из ипостасей времени становится гештальт *время – поглотитель*, с другой стороны, при овеществлении в метафоре время может само превратиться в пищу.

Метафоры, из которых выводится гештальт *время – поглотитель*, имеют негативную оценку и часто являются экспрессивно окрашенными, при этом время понимается как высшее существо, некий «монстр», способный поглощать любые как материальные, так и нематериальные объекты, т. е. абсолютно всеядный. Вероятно, такие метафоры являются универсальными для многих лингвокультур, однако это утверждение требует дальнейшего глубокого исследования на материале различных языков.

Метафоры, изучение которых ведет к выявлению гештальта *время – пища*, также характеризуются отрицательной оценкой, сочетающейся с аффективностью, место агенса в таких метафорах занимают имена пропозициональной семантики. Смысл этих метафор сводится к тому, что время как ценный ресурс как бы насильно отчуждается от своего обладателя и потребляется тем событием или действием, которое обозначено пропозициональным именем.

Прибегая к разработанной В.Н. Телия типологии метафор, можно сказать, что, независимо от того, в роли агенса или пациенса при дескриптивных глаголах способа приема пищи выступает существительное *время*, метафоры с такими глаголами и словом *время* относятся к разряду оценочных или оценочно-экспрессивных.

В заключение хотелось бы разрешить себе некоторую вольность и сказать еще несколько слов о времени, вновь прибегая к помощи метафор, поскольку любое высказывание о времени всегда так или иначе будет заключено в метафорическую форму. Время многолико и бесконечно, оно оставляет безграничный простор для исследования своей сущности. Одним из главных парадоксов времени, на наш взгляд, являются не апории Зенона, а то, что чем больше мы изучаем время, тем больше мы убеждаемся в том, как мало мы о нем знаем.

Литература / References

1. *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό, ετυμολογικό, ορθογραφικό, συνωνύμων – αντιθέτων, κυρίων ονομάτων, επιστημονικών όρων, ακρωνυμίων. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε. 2002.
2. *Вольф Е.М.* Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
3. *Егорова А.В.* Гештальт-анализ ядерных единиц концептуального поля времени русской и греческой языковой картины мира // Вторая международная конференция по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И.И. Ковалевой, 15–17 апреля 2013. Тезисы и материалы. М.: МГУ, 2013. С. 20–22.
4. *Егорова А.В., Путькин И.Е.* Художественные образы Хроноса и Кайроса как воплощение языковой концептуальной метафоры времени. Опыт междисциплинарного исследования // Произведение искусства как документ эпохи. Сб. статей. в 2 ч. Часть I. По материалам международной научно-практич. конференции (НИИ теории и истории изобразительных искусств РАН, 2011) / Отв. ред. Т.Г. Малинина. М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств РАН, БуксМАрт, 2014. С. 53–83.
5. *Панофский Эрвин.* Этюды по иконологии. Гуманитарные темы в искусстве Возрождения. СПб.: Азбука-классика, 2009. – 429 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистич. исследований. 4-е изд. стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – [МАС]
7. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988а. [Электронный ресурс] URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. Дата последнего обращения – 22.02.2016.
8. *Телия В.Н.* Предисловие // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988б. С. 3–10.
9. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: URSS, 2009. – 265 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ И ДИСКУРСЕ¹

В.И. Заботкина

REPRESENTATION OF CULTURAL EVENTS IN MENTAL MODELS AND DISCOURSE

V.I. Zabotkina

ABSTRACT

The paper concentrates on the analysis of “cultural reality – mental models – discourse” interface. We argue that cultural reality is represented at two levels: 1) mental structures (first-level representation), and 2) discourse (second-level representation). There is certain correlation between mental models and discourse structures. We build on the linguocultural theory by V.N. Teliya, and psycho-linguocultural theory by V.V. Krasnykh.

Key words: cultural events; mental models; discourse; cognition; cognitive cultural schemas

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется триада «явления культуры – ментальные модели – дискурс». Мы утверждаем, что явления культуры репрезентируются на двух уровнях: 1) на уровне ментальных моделей (первичная репрезентация); 2) на уровне дискурса (вторичная репрезентация). В статье доказывается положение о существовании определенной корреляции между структурами, лежащими в основе ментальных моделей и структурами дискурса. Мы строим свои рассуждения на основе теории когно-лингвокультурологии В.Н. Телия и психоллингвокультурологии В.В. Красных.

Ключевые слова: события культуры; ментальные модели; дискурс; когниция; когнитивные культурные схемы

Данная статья посвящена памяти выдающегося учёного и прекрасного человека Вероники Николаевны Телия – создателя когно-лингвокультурологии.

Мы рассматриваем триаду «явления культуры – ментальные модели – дискурс», исходя из идеи В.Н. Телия о взаимосвязи культуры и ментальных структур. По В.Н. Телия, «культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира “символическая Вселенная” (по Кассиреру), заимствующая для презентации ментефактов знаковые “тела” в природе, а также в артефактах и менте-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Типология субъекта в русской поэзии 1990–2010-х гг.» № 15-24-06003.

фактах других семиотических систем, и в естественном языке как одном из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания» [Телия 2005: 8; 2004: 680]. Иными словами, знания о культуре хранятся в ментальных моделях, которые не являются точными копиями артефактов реального мира. Человек активно конструирует ментальные модели на основе (а) восприятия, (б) индивидуального субъективного опыта [Анохин 2014], (в) уже существующих моделей и (г) общего социокультурного знания [Кубрякова 2004; van Dijk 2014].

Мы ментально организуем постоянный «поток сознания», сегментируя жизнь на последовательности ментальных моделей, репрезентирующих отдельные эпизоды и события нашей деятельности. Данные эпизоды и их модели являются динамичными по своей природе. Меняются место, время, участники, цели и вид деятельности [Zacks & Swallow 2007].

Ментальные модели оязыковываются, в терминах Е.Ф. Тарасова – «овнешняются» при помощи языковых средств [Тарасов 1993, 2004] (ср. с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71] (цит. по: [Красных 2015: 92]).

Напомним в этой связи определение лингвокультурологии, данное В.Н. Телия, как «науки о живодействующей связи языка и культуры». При этом язык выполняет функцию «овнешнителя» смыслов, (по В.Н. Телия) «значимых для культуры» [Красных 2015; Телия 2005; Тарасов 1993, 2004].

Наше исследование близко по своим концептуальным основам к новому направлению исследований, разрабатываемому В.В. Красных, а именно: психолингвокультурологическому [Красных 2013а], сформированному благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность). Предметом данного направления можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [Красных 2011].

Вопрос о взаимоотношении культуры, когниции (знания) и реального мира рассматривается также в рамках когнитивной антропологии, которая основывается, в основном, на теориях и методах когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Когнитивная антропология занимается изучением концептуальных систем через лингвистические выражения (репрезентации) в различных языках и в различных культурных контекстах. Из последних публикаций в этой области стоит упомянуть монографию под редакцией Д. Кроненфельда [Kronenfeld et al. 2011].

Наиболее яркими представителями когнитивной антропологии являются Р. Д'Андрате [D'Andrade 1995], Д. Холланд и Н. Куин [Holland and Quinn 1987; Quinn 2005], Т. Маршанд [Marchand 2010]. Основопо-

ложниками когнитивной антропологии являются лингвисты, сформировавшие антропологический подход к изучению взаимоотношения между языком и мышлением в различных культурных контекстах. К ним относятся представители американской антропологической лингвистики, такие как Ф. Боас, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, а также французские структуралисты Р. Херц, М. Мосс, Л. Леви-Брюль и К. Леви-Строс. В рамках когнитивной антропологии выделяется несколько школ. Подробный обзор различных направлений и интеллектуальных основ когнитивной антропологии дается в работах Р. Кассона [Casson 1981, 1983], Дж. Даугерти [Dougherty 1985], С. Левинсона [Levinson 1995], Р. Д'Андре [D'Andrade 1995], У. Фоли [Foley 1997], А. Дюранти [Duranti 1997].

Начиная с 80-х годов одним из плодотворных направлений когнитивной антропологии стало изучение культурологических моделей (cultural models), разрабатываемых Н. Квином [Quinn 1997], Р. Кассоном [Casson, 1981, 1983], Р. Д'Андре [D'Andrade 1995], Д. Келлер [Keller 1996] и П. Браун [Brown 2006]. Работы в данной области являются попыткой противостоять принятым постулатам о том, что когниция определяется исключительно путем лингвистического анализа и что культурологические знания представляют собой набор пропозиций. Культурологические модели понимаются как знание, организованное в виде схем, отражающих систему взаимосвязанных идей об определенном домене в концептуальной картине мира. Эти схемы разделяются всеми носителями определенной культуры.

В теории Д. Келлер схема выступает как междисциплинарное понятие, которое может использоваться как в психологии, так и в антропологии. При этом схема остается понятием открытым, значение которого может корректироваться и дополняться [Keller 1996].

Иначе говоря, культурные модели представляют собой культурную часть познания. Как результат его регулярной передачи от поколения к поколению культурное знание приходит в организованное состояние таким образом, что оно «соответствует» возможностям и ограничениям человеческого разума. В теории Д'Андре когнитивная схема связывает культуру и психику человека. Проникая в психику человека в процессе его социализации, когнитивная схема направляет его действия. Когнитивная схема является бессознательным средством интерпретации событий, заставляя человека видеть внешний мир под определенным культурно-детерминированным углом зрения [D'Andrade 1995].

Культура и субкультуры различаются в области опыта, который предлагают культурно-организованные схемы. Теория схем – это вопрос о приемлемых или неприемлемых в данной культуре способах рассуждения. Такой подход пытается представить культурное познание как сеть взаимодействующих концепций, в которых объекты имеют различную взаимосвязь с другими объектами. Одним из примеров такой системы является таксономия. Итак, культурная схема – это когнитив-

ная структура, отражающая интерпретацию мира. Схемы являются процедурным средством, которое человек использует, чтобы осуществить интерпретацию. Они не есть нечто проинтерпретированное, даже если данный результат интерпретации является типичным и встречается часто. Р. Д'Андреа рассматривает культуру как динамическую структуру, связанную с человеческим опытом и меняющуюся вместе с изменениями этого опыта. Главное в теории схем Д'Андреа – это то, что культурные миры различных народов не тождественны. И самыми важными являются идеи о том, что когнитивные схемы связывают культуру и психологию человека. И хотя когнитивные схемы, как их трактует Д'Андреа, понятие более узкое, чем наши этнические константы, поскольку и первые и вторые являются производными от культуры, то наше поведение в обоих случаях оказывается культурно-детерминированным, причем в большинстве случаев не осознаваемым нами образом.

В 80-х годах культурологические модели были сформулированы на основе коннекционистских теорий ментальных процессов и определены как схемы, сконструированные ассоциативными цепями, построенными на основе повторяющегося опыта безотносительно к языку. Однако методы изучения этих моделей включают лингвистический анализ, в частности дискурсивный анализ интервью, и анализ того, как говорят люди об определенном домене. Наиболее глубокому исследованию подверглись домены свадебного ритуала, любви и успеха в американском обществе [Quinn 1997].

Несмотря на методологические расхождения и теоретическое многообразие, можно говорить об общих темах в последних работах по когнитивной антропологии. Наблюдается тенденция к более интегрированным теориям соотношения мышления и культуры параллельно с тенденцией усиления роли культуры (следовательно, и культурных различий) в когниции [Bloch 1994; Shore 1996; Levinson 1997a, 1997b; Brown 2002]. Культура изучается не только с точки зрения содержания и структуры значения, но и как составляющая когнитивных процессов, таких, как память, мотивация, объяснение.

В отечественной лингвистике когнитивная антропология связана с культурной психологией, корни которой восходят к именам Л.С. Выготского [Выготский 1982–1984], А.А. Леонтьева [Леонтьев 1965, 1979], А.Р. Лурии (например, [Лурия 1971]). Центральным для их подхода является положение о том, что психологические процессы культурно опосредованы и контекстуально обусловлены. Л.С. Выготский склонен рассматривать знаки сквозь призму их посреднических свойств, а не в плане семантического анализа знаков абстрагированного от контекста использования. Таким образом, подход Л.С. Выготского пересекается с подходами современной прагматики и теориями социо-когниции, т. е. любое знание, любая когниция контекстуальна (социально обусловлена).

Как указывалось выше, мы рассматриваем триаду «явления культуры – ментальные модели – дискурс». Ментальные модели отражают явления культуры на первичном уровне репрезентации, в то время как дискурс репрезентирует мир / явления культуры посредством языка (вторичный уровень репрезентации). Рассмотрим последовательно оба уровня репрезентации.

Анализ ментальных моделей с неизбежностью предполагает рассмотрение вопроса о том, как происходит взаимодействие между существующим знанием и новым знанием о мире. В соответствии с Г. Пиаже [Piaget 1947] новая информация (знание) интегрируется в существующие ассимилирующие схемы (модели). Если возникает конфликт между новым и существующим знанием, происходит аккомодация (приспособление) существующей схемы (модели) к новому знанию. Эта структурная аккомодация ведет к появлению новых фигуративных концептов.

В соответствии с теорией ментальных моделей Ф. Джонсона-Леарда [Johnson-Laird 1983], говорящие строят свои семантические репрезентации двумя способами: 1) исходя из существующего знания, они строят пропозициональные репрезентации из того, что было эксплицитно выражено словами (произнесено); 2) основываясь на пережитых ситуациях, говорящие строят аналогичные репрезентации, из которых они могут inferировать имплицитную информацию [Johnson-Laird 1983]. Ср. с мнением Т. ван Дейка о том, что ежедневный индивидуальный опыт, а также социальная и естественная среда влияют на процесс заполнения и адаптацию существующих в сознании индивида моделей к новым ситуациям [van Dijk 2014].

Как известно, знание, репрезентируемое в ментальных моделях, может быть личностным, социальным, общекультурным. Если личностные знания об определенном событии разделяются представителем эпистемологического сообщества, они становятся социальными знаниями. Если знание об определенной ситуации распространяется на несколько ситуаций, ментальные модели превращаются в общекультурные знания (модели), принятые в данном сообществе. Это происходит путем абстрагирования от пространственно-временных уникальных особенностей ситуации или события [van Dijk 2014: 24].

С другой стороны, личностные (индивидуальные) ментальные модели могут хранить уникальные эмоциональные переживания, которые не отвечают критериям эпистемологического сообщества и не разделяются всеми представителями данного сообщества.

Знания о культуре являются частью общего знания о мире. Современный мир характеризуется глобализацией двух уровней: а) общекультурный уровень; б) эпистемологический. Однако нельзя отрицать тот факт, что один и тот же фрагмент реального мира по-разному концептуализируется и вербализируется в разных культурах и языках. В каждой культуре существуют свои стандарты репрезентации знаний о мире в ментальных моделях и дискурсивных практиках. Стро-

го говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи имеется своя собственная картина мира. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из научного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картин мира на базе интуиции о мире, которые пробуждаются в человеке под влиянием культуры или актов жизнедеятельности. При этом, однако, образ мира отдельного человека отличается от образа мира, запечатленного в общей картине мира его времени, лишь нюансами [Телия 1988а, 1988б].

Рассмотрим последовательно этапы конструирования ментальных моделей на примере репрезентации события. Процесс конструирования ментальной модели события состоит из двух этапов:

I ЭТАП. Мультиmodalное восприятие событий (доконцептуальный этап). На данном этапе модели телесны и мультиmodalны и включают в себя зрение, слух, осязание и осознание нашего тела [Glenberg 1999; Varela и др. 1991].

Прямой, мультиmodalный опыт, вовлеченный в восприятие события, составляет только начальную, базовую, в основном подсознательную и доконцептуальную часть процесса конструирования ментальной модели, которая определяет наше осознанное понимание события.

II ЭТАП. Конструирование новой модели события, которая хранится в краткосрочной памяти по аналогии с существующими ментальными моделями, хранящимися в долгосрочной памяти.

Исходя из того, что человечество занималось репрезентацией событий и ситуаций естественной и социальной среды на протяжении многих тысяч лет, вероятно, у человека выработалась генетически закрепленная схема, которая позволяет ему быстро и эффективно репрезентировать события в повседневной жизни.

Ментальная модель события может быть представлена в виде следующего скрипта:

- пространственные и временные параметры;
- участники/агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками/субъектами события;
- эффект.

Если же мы обратимся к вопросу репрезентации событий *культуры*, мы с неизбежностью убедимся, что ментальные модели культурных событий более сложны по структуре и представляют собой многомерные, интегрированные репрезентации знаний.

Главный элемент модели культурного события – «эффект», который включает в себя эстетические, эмоциональные и ассоциативные компо-

ненты. Происходит профилирование компонента «эффект» в модели культурного события.

Ментальная модель культурного события может быть представлена в виде следующего скрипта:

- эффект;
- инструмент (музыкальные инструменты, голос, кисть и т. д.);
- пространственные и временные параметры;
- участники/агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками/субъектами события.

В ментальной модели культурного события в категории «участники» наблюдается асимметрия в дихотомии «создатель – зритель»: на одного или нескольких создателей произведений культуры, артефакта или события приходится несколько тысяч наблюдателей / зрителей. Анализ данной асимметрии будет представлен ниже.

Далее мы рассматриваем взаимосвязь между репрезентацией культурных событий в ментальных моделях и дискурсе. Здесь мы пытаемся ответить на вопрос о том, как знание о культурном событии, представленное в ментальной модели, выражается в дискурсе.

Для вербальной репрезентации событий в дискурсе существует множество различных языковых инструментов: лексикон, грамматические времена, событийная фразеология и т. д. Мы полагаем, что существует корреляция между схемами, определяющими ментальные модели события, и схемами, лежащими в основе построения дискурса. Интенциональная роль ментальных моделей для производства дискурса заключается в том, что пользователи языком способны соотнести дискурс и его значение с событиями реального мира, которые он репрезентирует [van Dijk 2014].

Мы сконцентрируемся на анализе дискурса, содержащего лексику, репрезентирующую новые направления в искусстве (как вид культурного события).

В последние десятилетия среди новых форм искусства выделяются следующие:

- концептуальное искусство (process art, antiformal art, impossible art) – это форма искусства, где работы отражают идею или понятие в сознании художника во время процесса написания картины;
- компьютерное искусство (цифровое искусство);
- минимализм (minimalism, rejected art, reductivism, ABC art) является видом искусства, при котором происходит редуцирование формы, цвета и т.д. до простых базовых элементов;

- кинетическое искусство (Kinetic art) – искусство, отражающее движущиеся объекты;
- люминистское искусство (luminist art) является формой искусства, которое использует проектирование цветного электронного освещения для создания изображений, движущихся образов, мигающих объектов и т. д.

Можно также упомянуть такие известные всем виды искусства, как оп-арт (op art), поп-арт (pop art), софт арт (soft art)

Рассмотрим два отрывка из дискурса, передающего концепт люминистское / люминальное искусство (luminal art).

«The new luminal art has suddenly emerged as both international and popular. A record **42,000** visitors showed up when Kansas City’s Nelson Gallery staged a month-long “Sound Light Silence” show last November». (Time)

«Although interest in kinetic and luminist art remained high there was a reaction against the technologically elaborate and sensation-rich work of recent years. Many artists turned to projects designed to give subtle aesthetic experiences devoid of sophisticated engineering or **aggressive** electronics». (Americana Annual)

Как видно из приведенного отрывка из журнала “Time”, все компоненты ментальных моделей культурного события репрезентированы в полной мере. На первый план выдвигается категория участников, где эксплицитно выражено асимметрия дихотомии «создатель – зритель». В тексте указывается на 42000 зрителей, присутствующих на данном событии.

Во втором отрывке из журнала “Americana Annual” наблюдается профилирование компонента «эффект»: отрицательный эмоциональный эффект эксплицитно выражен через прилагательное *aggressive*.

Таким образом, культурное событие:

- происходит;
- наблюдается и воспринимается (мультимодально);
- репрезентируется в ментальных моделях;
- репрезентируется в дискурсе;
- вызывает эмоциональные переживания и воспоминания.

Из всего вышесказанного следует вывод о необходимости создания в рамках когно-лингвокультурологии междисциплинарного каркаса, который позволил бы разработать интегрированное изучение способов получения знания, способов его выражения, хранения в ментальных моделях, его использования и передачи в различных типах дискурса, в различных ситуациях общения, в различных сообществах и культурах.

Литература / References

1. *Анохин К.В.* Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки // Шестая международная конференция о когнитивной науке: Тезисы докладов / Под общей ред.: Б. Величковский, В. Рубцов, Д. Ушаков. Калининград, 27–27 июня 2014 г. Калининград, Литва: Standartu Spaustuve, 2014. С. 26–28. [Электронный ресурс] URL: www.conf.cogsci.ru; www.cogsci.ru. Дата последнего обращения – 18.07.2016.
2. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 тт. М.: Педагогика, 1982–1984.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрепиной. М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
4. *Заботкина В.И.* Слово и смысл. М.: РГГУ, 2014. – 428 с.
5. *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Роль прайминга в разрешении полисемии // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. // М.–Тамбов: Институт языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2011. С. 70–77.
6. *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013а, № 2. С. 7–18.
7. *Красных В.В.* Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015, № 2. С. 90–97.
8. *Красных В.В.* Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск, 2013б. Т. 4. С. 46–50.
9. *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев, 2011, № 5. С. 2–8.
10. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
11. *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистической психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 5–92.
12. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М.: Наука, 1965. – 246 с.
13. *Лурья А.Р.* Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов // История и психология / Под ред. Л.И. Анцыфировой и Б.Ф. Поршнева. М.: Наука, 1971. С. 36–62. [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_929.html. Дата последнего обращения – 18.07.2016.
14. *Тарасов Е.Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 6–15.
15. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. С. 34–47.
16. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988б. С. 173–204.
17. *Телия В.Н.* Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988а. С. 26–51.
18. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30. М.: МАКС ПРЕСС, 2005. С. 4–42.
19. *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знакомикротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
20. *Bloch M.E.F.* Language, Anthropology and Cognitive Science // Assessing Cultural Anthropology / Ed. R. Borofsky. NY: McGraw–Hill, 1994. Pp. 276–282.
21. *Brown P.* Cognitive Anthropology // C. Jourdan, K. Tuite (eds.). Language, Culture and Society: Key Topics in Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. Pp. 96–114.
22. *Brown P.* Language as a Model for Culture: Lessons from the Cognitive Sciences // B. King, R. Fox (eds.). Anthropology beyond Culture. Oxford: Berg, 2002. Pp. 169–192.
23. *Casson R.W. (ed.)* Language, Culture and Cognition: Anthropological Perspectives. NY: Macmillan Publishing Co., Inc., 1981. Pp. 481–489

24. *Casson R.W.* Schemata in Cognitive Anthropology // Annual Review of Anthropology. 12. 1983. Pp. 429–462.
25. *D'Andrade R.* The Development of Cognitive Anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – 288 p.
26. *Dijk T.A. van.* Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 407 p.
27. *Dougherty J.W. (ed.)* Directions in Cognitive Anthropology. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1985. – 451 p.
28. *Dougherty J.W.D., Keller Ch.M.* Taskonomy: A Practical Approach to Knowledge Structures // J.W. Dougherty (ed.). Directions in Cognitive Anthropology. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1985. Pp. 161–174.
29. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – xxi + 398 p.
30. *Eysenk V.W., Keane M.T.* Cognitive Psychology: A Student's Handbook. 6th edition. NY: Psychology Press, 2009. – 760 p.
31. *Foley W.A.* Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Blackwell, 1997. – 514 p.
32. *Gazzaniga M., Ivry R., Mangun G.* Cognitive Neuroscience: The Biology of the Mind. NY–London: W.W. Norton&Company, 2009. – 754 p.
33. *Givon T.* Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, New Jersey; L., 1989. – xviii + 456 p.
34. *Glenberg A.M., Robertson D.A.* Indexical Understanding of Instructions // Discourse Processes. Taylor & Francis Group, 1999/1/1. Pp. 1–26.
35. *Holland D., Quinn N. (eds.)* Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 112–148.
36. *Johnson-Laird Ph.N.* Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 246 p.
37. *Keller Ch.M., Keller J.D.* Cognition and Tool Use: The Blacksmith at Work. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. – 220 p.
38. *Kronenfeld D.B. et al. (ed.)* A Companion to Cognitive Anthropology. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. – 607 p. (Series “Blackwell companions to anthropology”; 16)
39. *Levinson S.C.* Cognitive Anthropology // J. Verschueren, J.-O. Ostman, J. Blommaert (eds.). Handbook of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 100–105.
40. *Levinson S.C.* From Outer to Inner Space: Linguistic Categories and Non-Linguistic Thinking // J. Nuyts, E. Pederson (eds.). Language and Conceptual Representation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997a. Pp. 13–45.
41. *Levinson S.C.* Language and Cognition: The Cognitive Consequences of Spatial Description in Guugu Yimithirr // Journal of Linguistic Anthropology. 1997b, № 7(1). Pp. 98–131.
42. *Marchand T.H.J. (ed.)* Making Knowledge: Explorations of the Indissoluble Relation Between Mind, Body and Environment. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. – 202 p.
43. *Piaget J.* La Psychologie de l'Intelligence. P.: Librairie Armand Colin, 1947. – 204 p.
44. *Quinn N. (ed.)* Finding Culture in Talk: A Collection of Methods. NY: Palgrave Macmillan, 2005. – 277 p.
45. *Quinn N.* Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage // Holland D. and N. Quinn (eds.) Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 173–192.
46. *Shore B.* Culture in mind: Cognition, culture and the problem of meaning. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. – 448 p.
47. *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 279 p.
48. *Taylor J.R.* The Mental Corpus: How Language is Represented in the Mind. NY: Oxford University Press, 2012. – 336 p.
49. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991. – 328 p.
50. *Zacks J.M., Swallow K.M.* Event Segmentation // Current Directions in Psychological Science. 2007, 16(2). P. 80–84.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И МЕТАЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

А.А. Залевская

TO DISTINGUISHING LINGUISTIC AND METALINGUISTIC AWARENESS

A.A. Zalevskaya

ABSTRACT

Speech production is treated as a combination of processes requiring different levels of consciousness. We can observe only the results of subconscious work in communication and it seems that the procedure as such is only conscious. This act of overgeneralization is erroneous, and in some cases it leads to false conclusions, for example, in experimental data analysis. It is necessary to distinguish linguistic situations of “natural communication”, directed by sense and by functional clues at the level of subconscious control and metalinguistic situations of conscious monitoring and control motivated by an experimental task, misunderstanding, etc. in word meaning identification, speech production or text comprehension. Experience in experimental research proves the necessity to combine various procedures that require different levels of consciousness and help to trace strategies and functional clues in sense manifestation and in meaning identification.

Key words: experiment; natural linguistic situation; metalinguistic awareness

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена разграничению разных уровней осознанности языковых явлений в ходе исследования специфики значения слова, особенностей взаимопонимания при межъязыковых / межкультурных контактах и т. д. Дается обоснование недопустимости смешения двух ситуаций – языковой (в условиях естественного общения, когда соответствие замыслу высказывания при выборе языковых средств устанавливается на уровне неосознаваемого контроля с опорой на личностный смысл и на «глубинные» функциональные ориентиры) и метаязыковой (при непонимании или двусмысленности воспринимаемого сообщения, коррекции речевых ошибок и в некоторых экспериментальных ситуациях, когда необходимы сознательные ментальные усилия, поддерживаемые идентификацией социально принятого значения слова, знанием правил или системных связей между языковыми явлениями, канонов нормы или узуса); указывается на важность комплексного исследования при сочетании методов наблюдения и эксперимента.

Ключевые слова: эксперимент; языковая ситуация; метаязыковая ситуация

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Еще в 1965 году А.А. Леонтьев указал на важность разграничения *языковой* ситуации и *метаязыковой* ситуации (см.: [Леонтьев 1965: 141]). К сожалению, это вопрос до сих пор не привлекал внимания исследователей языковых явлений, хотя в некоторых случаях смешение этих двух ситуаций может вести к необоснованным выводам, в том числе при анализе экспериментальных данных, когда на основании регистрируемых продуктов метаязыковой деятельности, ориентированной на логико-рациональный анализ языковых явлений, делается вывод о ходе естественно протекающего процесса речемыслительной деятельности, так или иначе связанной с выбором слова или идентификацией значения слова, поиском речевой модели или опоры для понимания текста и т. д. В то же время у отечественных лингвистов мы неоднократно встречаем указания на необходимость различения научных категорий и категорий, действительно функционирующих у носителей языка, т. е. «чистых абстракций» и того, что основано «на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма» [Бодуэн де Куртене 1963: 60]; подчеркивается также недопустимость отождествления таких, по мнению Л.В. Щербы, теоретически несовместимых понятий, какими являются система языка и индивидуальная речевая организация человека [Щерба 1974: 35]. В этой связи представляется полезным прежде всего обсудить специфику названных выше ситуаций с позиций динамики уровней осознанности требующихся действий с языковыми явлениями (в том числе применительно к некоторым экспериментальным процедурам).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ПО Л.В. ЩЕРБЕ)

В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» Л.В. Щерба [Указ.соч.] поставил задачу обращения к носителям языка для получения ответов на вопросы типа: «Можно ли так сказать?», «Допустимо ли такое словосочетание?» и т. п. При этом фактически наряду с неоднократным упоминанием Л.В. Щербы о том, что у индивида процессы овладения и пользования языком протекают *бессознательно*, в подобном случае фактически имеет место установка лингвистического эксперимента на *сознательное оценивание* правильности / неправильности предложенного носителю языка словосочетания, высказывания и т. д. Иначе говоря, лингвистический эксперимент, по Л.В. Щербе, ориентирует индивида на *рефлексию*, с помощью которой бессознательно освоенные закономерности функционирования языковых явлений становятся объектом *целенаправленной работы сознания*. Если учитывать, что в последнем случае естественный язык выступает в роли языка 2-го порядка, т. е. метаязыка (см.: [Лингвистический... 1990: 297]), то лингвистический эксперимент оказывается прямо связанным не с языковой, а с *метаязыковой* деятельностью. Справедливость такого вывода согласуется с результатами

сопоставления дефиниций соответствующих терминов по данным ряда толковых словарей.

Так, под рефлексией (иногда с уточнением: «развернутой рефлексией») понимаются: процесс самопознания индивидом внутренних психических актов и состояний [Новейший философский... 2003: 828]; размышление о своем внутреннем состоянии [Крысин: 608]; размышление, полное сомнений, противоречий; анализ собственного психического состояния [Новейший психологический... 2006: 540]; мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя, собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к др., своих задач, назначения и т. д. [Большой психологический... 2004: 469].

Все приведенные определения ориентируют на совершаемый индивидом рациональный процесс, обеспечивающий доступ к некоторому внутреннему состоянию, лежащему за вербальной манифестацией того, что не поддается прямому наблюдению. К сожалению, при этом абсолютизируется акцент на рациональности именуемого процесса, который анализируется как полностью осознаваемый и вербализуемый, хотя та же самая рефлексия свидетельствует о неполноте осознаваемости и вербализации того, что подспудно учитывается нами в каждом акте выведения на «табло сознания» конечных продуктов ряда взаимодействующих процессов, при более тщательном рассмотрении выводящих на определенные цепочки выводных знаний разных видов (языковых и энциклопедических).

Аналогичная картина наблюдается при рассмотрении англоязычного термина *metalinguistic awareness*. Например, во множестве электронных источников в сети Интернет и в таких публикациях, как: [Bialystok 2000; Jessner 2008; Nagy 2007; Zipke 2011], под этим термином понимаются: когнитивный процесс, благодаря которому человек может отслеживать и контролировать использование языка; вид метакогнитивной деятельности, включающий рефлексивный и контроль наших знаний и когнитивных процессов (т. е. способность думать о мышлении); способность рассматривать язык как код и отличать его от символического значения; способность думать о языке и структуре как объектах рассуждения; способность человека подвергать рефлексии свою устную или письменную речь и то, как она используется; выход за пределы коммуникации и значения при фокусировании на глубинных структурах; осознание языковых форм и структур через язык как объект изучения языка (в науке или обыденной жизни) или как объект научения языку (т. е. овладения родным или новым – вторым / иностранным языком); способность идентифицировать референты слов, оппозиции, различать денотативное и коннотативное значение слова, разрешать лексическую неоднозначность, разграничивать омонимы, синонимы и антонимы, отличать сленг, диалекты, жаргоны, видеть различия между

официальным языком и обыденной речью, идентифицировать использование разных видов переноса, персонификации и т. д.

Таким образом, понятие *metalinguistic awareness* увязывается с любым случаем пользования языком, опять-таки в ходе осознаваемых действий рассуждения о языковых явлениях как объекте рефлексии, метаязыкового или когнитивного / метакогнитивного процесса. Разграничиваются отслеживание (*monitoring*) и контроль с выходом на глубинные структуры как в ходе научного исследования, так и в ситуациях овладения языком (преимущественно в условиях двуязычия / многоязычия). Признано, что люди различаются по их метаязыковым способностям, высокий уровень развития которых прогнозирует хорошее владение языком и способность усваивать новые языки.

Обратим внимание на то, что в англоязычной литературе описаны результаты детализированного анализа того, что становится объектом метаязыковых процессов: речь идет о метафонологических, метаорфографических, металексических и метаграмматических (метаморфологических и метасинтаксических) видах контроля и/или навыках (см., например: [Berninger et al. 2010; Bialystok 2009; Cain 2007; Javier 2007; Kormos 2006; Kuo & Anderson 2006; Malakoff & Nakuta 2000; Ramirez et al. 2010]).

Следует также подчеркнуть, что фактически, как правило, не разграничиваются ситуация автомониторинга как естественного процесса реализации неосознаваемого контроля за соответствием хода манифестации замысла высказывания с помощью языковых средств и ситуации целенаправленного автомониторинга, требующего сознательного контроля или актуального осознания, принятия решения относительно оправданности использования некоторой речевой модели, выбора слова и т. д. при овладении или пользовании языком (в том числе – неродным), при встрече с чем-то новым, не совсем понятным, при отработке текста для выступления или публикации и т. п.

К числу факторов, определяющих специфику названных ситуаций, представляется возможным отнести глубинные различия между процессами опоры на интуицию (или «чувство языка») и фокусированием на логико-рациональном рассуждении. Интуиция квалифицируется как мало осознаваемый эвристический процесс, дающий определенный результат [Психологический... 2006: 136], при этом указывается, что «механизм интуиции состоит в симультанном объединении нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие поиск решения. В таком одновременном учете различной по своему качеству информации состоит отличие интуитивных процессов от дискурсивных, в которых в одном мыслительном акте (логическом “шаге”) может учитываться только какая-то одна модификация признаков задачи, связываемых между собой» [Большой психологический... 2004: 209]. На этих основаниях можно следующим образом

противопоставить интуитивный и дискурсивный пути поиска решения той или иной задачи (см. таблицу 1).

Таблица 1. Пути поиска решения задачи.

Параметр	Путь поиска решения задачи	
	Интуитивный	Дискурсивный
Порядок действий	Одновременный	Последовательный
Характер признака	Разные модальности	Одна модальность
Характер информации	Различная по качеству	Одного качества
Уровень осознаваемости	Мало осознаваемый процесс	Осознаваемое рассуждение
Основная опора	Комплексные ориентиры	Акцентируемый признак
Вид поиска	Эвристический поиск	Поиск по алгоритму

Таким образом, к различиям в уровнях осознаваемости реализуемых процессов добавляются также объединение нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры при интуитивном пути решения задачи, что имплицитно подразумевает возможность опоры на перцептивные признаки именованных сущностей и на эмоционально-оценочные переживания отношения субъекта к именованному в дополнение к его когнитивным параметрам.

Рассмотрим теперь, проявляются ли названные особенности двух путей поиска решения задачи в ходе некоторых экспериментальных процедур.

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

В ряде публикаций А.А. Леонтьева обосновывается роль ассоциативных экспериментов в психолингвистических научных изысканиях. Рассмотрим различные ассоциативные процедуры с точки зрения требуемого от испытуемого уровня мыслительной активности и используемых опор.

Одним из важных достоинств *свободного ассоциативного эксперимента* является то, что на предъявленное слово-стимул требуется быстро ответить первым пришедшим в голову словом. Такая немедленная реакция должна выявлять неосознаваемые связи между единицами ментального лексикона индивида. Мой многолетний опыт экспериментальной работы показывает, что такие связи могут устанавливаться как по чисто формальным («поверхностным») признакам слова, так и по разным уровням «глубины» идентификации его значения; основаниями для связи могут выступать множественные и разнообразные по своей онтологии признаки именованного объекта (действия, состояния и т. п.), к тому же включенного в некоторую ситуацию и видимую с позиций определенного похода (личностного или этнокультурно-

го). Получаемое с помощью такой процедуры ассоциативное поле интегрирует все виды полей, к настоящему времени описанные в публикациях с позиций разных наук, в то же время регистрируемое в материалах такого эксперимента отсутствие согласования между членами ассоциативной пары слов согласно требованиям прескриптивной грамматики позволяет проследить установление ассоциативных связей на более «глубоком» уровне смыслов. Например, ассоциативная связь по принципу «КВАДРАТНЫЙ – круг» – не бессмыслица, как это может показаться на первый взгляд, а обоснованное противопоставление по форме противопоставляемых объектов при игнорировании «деталей поверхностного уровня».

То, что носитель языка обычно думает не о словах, а о действительности (см. указания Н.И. Жинкина на этот счет: [Жинкин 1982: 18, 82 и др.]), принимает решение с опорой на образы объектов и/или их признаки, на свое переживание сходства или различий по некоторым перцептивным и прочим параметрам, и т. п. наглядно проявляется в материалах не только свободных ассоциативных, но и *направленных ассоциативных экспериментов*, фокусирующихся на заданном виде устанавливаемых связей. Например, выявляются расхождения между научной и обыденной трактовкой близости значения слов, и если «признанные» синонимы и антонимы должны относиться к одной и той же части речи, то для носителя языка при выполнении заданий ответить на заданное слово другим словом, близким или противоположным по значению, решающую роль может играть глубинная смысловая связь, а не лексико-грамматические признаки слова как единицы языковой системы (ср. «ИДТИ – пешеход»; «КОНЧАТЬ – финиш»). Это в свое время побудило меня ввести в практику анализа материалов ассоциативных экспериментов термины «симиляры» и «оппозиты» для обозначения фактов установления сходства или противоположения слов по переживаемому носителем языка *глубинному смыслу*.

Направленные ассоциативные эксперименты позволяют более детально выявлять специфику некоторого отношения между словами, в той или иной мере проявившегося в ходе регистрации свободных ассоциативных реакций. Вполне очевидно, что при наличии установки на определенный вид связи имеет место необходимость соответствующей умственной активности, вес которой несколько увеличивается по сравнению со свободным ассоциативным экспериментом.

Особый интерес с рассматриваемой точки зрения представляет процедура *субъективного шкалирования*, при которой испытуемому предлагается оценить по заданной шкале степень наличия некоторого признака у заданного языкового явления (или у именуемого им объекта). Это может быть шкала с некоторым нечетным количеством баллов с полярными показателями на концах этой шкалы, например, предлагается семибалльная шкала с полярными делениями «+3» ('очень хороший', т. е. максимальное положительное проявление некоторого признака) и

«-3» ('очень плохой', т. е. максимальное отрицательное проявление признака) и промежуточными: +2; +1, 0, -1, -2). Возникает вопрос: является ли работа с такой шкалой осознаваемой или нет?

Скорее всего, нужно задуматься над тем, что именно шкалируется: значение слова или отношение к тому, что оно именуется? Может быть это не целенаправленное рассуждение / размышление, а некоторое переживание возникающих образов, идентифицируемых признаков и т. п.? А может быть имеет место проявление интуиции или того, что называют «чувством языка»?

Для ответа на этот вопрос полезно снова вернуться к приведенному выше определению интуиции как малоосознаваемого эвристического процесса и его результата [Психологический... 2006: 136] и особо подчеркнуть специфичное для интуиции *симультанное объединение нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры*, направляющие поиск решения [Большой психологический... 2004: 209. Выделено мною. – А.З.]. Именно фокусирование на объединении нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры хорошо объясняет обнаруживаемые в экспериментальных материалах факты опоры на зрительные, слуховые, вкусовые и прочие признаки именованных объектов, как и на вызываемые ими эмоционально-оценочные переживания, тем самым мы приходим к необходимости признания сложности и мультимодальности того, что лежит за словом у пользующегося языком человека: он не только в разной мере осознает свои действия, но одновременно чувствует и переживает свой опыт познания мира (по мнению Н.И. Жинкина, трудно определить, где именно кончается сенсорика и вступает интеллект, поскольку они оба работают как комплементарные механизмы; добавим к этому неоднократные указания Л.С. Выготского на то, что интеллект и аффект также «работают» совместно).

Многолетний опыт использования процедуры субъективного шкалирования показывает, что после некоторого недоумения и колебаний при первой встрече с такой процедурой испытуемые быстро втягиваются в работу, с легкостью приписывают количественные показатели по заданным параметрам, и происходит это с минимальной затратой умственных усилий. Установлено также, что независимо от степени проявления личностных склонностей испытуемых (тяготения к тем или иным показателям), общегрупповые тенденции оценивания проявляются достаточно наглядно (см. подробно: [Залевская 2010]).

Особое место следует отвести процедурам *дефинирования*, несомненно требующим метаязыкового размышления. В зависимости от формулировки задания может требоваться различная степень активизации мыслительных усилий. Сравним, например, два варианта заданий: а) ответьте, что означает предлагаемого слово; б) запишите два или более значения предлагаемого слова. Вполне естественно, что во втором случае задание оказывается более трудным и затратным с точки зрения

степени сложности устанавливаемых связей между единицами ментального лексикона.

С учетом расхождений в уровне осознаваемости действий, необходимых при выполнении различных заданий, представляется важным сочетание ряда экспериментальных методик, упорядоченных по принципу нарастания трудности, т. е. затраты умственных усилий со стороны испытуемых. Примером может служить «психолингвистическое портретирование лексики» с применением пяти процедур (термин введен в работе: [Залевская 1995]).

Выводы

Разграничение языковой ситуации и метаязыковой ситуации в связи с исследованием специфики функционирования языковых явлений у носителей языка и культуры представляется важным для того, чтобы при формулировании рабочих гипотез и выборе исследовательских процедур для их проверки тщательно учитывалась ориентация на выявление глубинных смысловых отношений и функциональных опор, которые могут не манифестироваться посредством системных маркеров (типа согласования в принадлежности к части речи, роде, числе, падеже и т. п.), Для успешности моделирования исследуемых процессов полезно сочетание целенаправленного применения некоторого набора экспериментальных процедур с применением метода наблюдения, фокусирующегося на ситуациях естественного общения, включающих хезитацию оговорки, самоисправление, а также ситуации непонимания, переспроса и т. п.

Литература / References

1. *Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и о языке // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 47–77.
2. Большой психологический словарь / Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с. – [БПС]
3. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 160 с.
4. *Залевская А.А.* Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. С. 38–46.
5. *Залевская А.А.* Стратегии шкалирования: индивидуальные предпочтения и обобщенные данные // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Вып. 11. С. 48–60.
6. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. – 848 с.
7. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. – 246 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с. – [ЛЭС]
9. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В.В. Шапаря. 2-е изд. Ростов н./Д.: Феникс, 2006. – 808 с. – [НПС]
10. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – [НФС]
11. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с. – [ПЭС]

12. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
13. Berninger V.W., Abbott R.D., Nagy W. & Carlisle J. Growth in phonological, orthographic, and morphological awareness in grades 1 to 6 // Journal of Psycholinguistic Research, 2010. Vol. 39. Pp. 141–163.
14. Bialystok E. Metalinguistic dimensions of bilingual language proficiency // E. Bialystok (Ed.). Language Processing in Bilingual Children. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 113–140.
15. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition, 2009. Vol. 12(1). Pp. 3–11.
16. Cain K. Syntactic awareness and reading ability: Is there any evidence for a special relationship? // Applied Psycholinguistics, 2007. Vol. 28. Pp. 679–694.
17. Javier R.A. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. Springer, 2007. – 154 p.
18. Jessner U. A DST Model of Multilingualism and the Role of Metalinguistic Awareness // The Modern Language Journal, 2008. Vol. 92. Pp. 270–283.
19. Kormos J. Speech production and second language acquisition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 221 p.
20. Kuo L.-J. & Anderson R.C. Morphological awareness and learning to read // Educational Psychologist, 2006. Vol. 41–3. Pp. 161–180.
21. Malakoff M. & Hakuta K. Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals // E. Bialystok (Ed.). Language Processing in Bilingual Children. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 141–166.
22. Nagy W.E. Metalinguistic awareness and the vocabulary-comprehension connection // R.K. Wagner, A.E. Muse, & K.R. Tannenbaum (Eds.). Vocabulary Acquisition: Implications for Reading Comprehension. NY: Guilford Press, 2007. Pp. 52–77.
23. Ramirez G., Chen X., Geva E. & Kiefer H. Morphological awareness in Spanish-speaking English language learners: Within and cross-language effects on word reading // Reading and Writing, 2010. Vol. 23(3–4). Pp. 337–358.
24. Zipke M. First graders receive instruction in homonym detection and meaning articulation: The effect of explicit metalinguistic awareness practice on beginning readers // Reading Psychology, 2011. Vol. 32(4). Pp. 349–371.

ЭМОТИВНАЯ «СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК КУЛЬТУРЫ

И.В. Захаренко

THE EMOTIVE COMPONENT OF PHRASEOLOGISMS AS A REFLECTION OF ETHICAL PRESCRIPTIONS OF CULTURE

I.V. Zakharenko

ABSTRACT

The paper dwells on the emotive attitudes of the speaker that are expressed with the help of phraseologisms. Phraseologisms are regarded as results of evaluating reality by the bearers of certain language and culture in terms of such topmost categories of cultural connotation as 'approval/disapproval' (according to V.N. Teliya). The research is carried out by means of the linguoculturological analysis. The paper shows that phraseologisms convey particular axiological constituents of the world order towards which the speaker expresses his (her) emotive attitude. The interplay between emotive attitudes and cultural prescriptions (regarded as moral guidelines, which the personality follows in his/her everyday life and activity) is discussed. The research findings provide the development of linguoculturology and its key notions.

Keywords: emotive attitudes of the speaker to the signified objects; national-cultural connotation; prescriptions of culture; figurative basis of phraseologisms

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению эмотивных чувств-отношений, выражаемых фразеологизмами, предстающих как рефлексия носителей определенного языка и культуры на вершинный модус культурной коннотации «достойно/недостойно личности» (по В.Н. Телия). Исследование проводится на основе лингвокультурологического анализа. В статье показано, какие именно значимые ценностные «составляющие» миропорядка, выраженные во фразеологизмах, подвергаются эмотивному отношению говорящего (*одобрению-неодобрению*); как эмотивные чувства-отношения связаны с установками культуры – морально-нравственными ориентирами нормативной/идеальной жизнедеятельности личности.

Ключевые слова: эмотивное отношение говорящего к обозначаемым объектам; национально-культурная коннотация; установки культуры; образное основание фразеологизма

В данной статье эмотивная «составляющая» фразеологической единицы рассматривается как выражение «эмотивных реакций [говорящего] на языковое содержание знака» [Телия 2004: 28]. Инвариантно-глубинным основанием для подобных реакций являются «ценности

осмысленные установки культуры, <...> оценивающие социальные и духовные практики человека <...> как “достойные” vs. “недостойные” его культурного самосознания» и составляющие содержание культурных коннотаций [Там же]. Другими словами, (национально)-культурная коннотация, являющаяся базовым понятием лингвокультурологии, представляет собой результат интерпретации, или осмысления, «языковых знаков как части текста или целого текста в концептуальном пространстве “языка” культуры» [Телия 2005: 28], то есть соотнесения «естественно-языковой семантики с различными слоями области констант культуры» [Там же: 27], а «вершинный» модус культурной коннотации – «достойно/недостойно личности» [Там же: 28] – представляет собой воплощение общих (инвариантных) предпочтительных прескрипций, или установок культуры – «ментальных образцов» (по В.Н. Телия), как ценностных ориентиров личности в различных сферах ее социального и духовного бытия.

Таким образом, через фразеологизмы, в которых воплощается культура, передаются ценностные установки, культурой же и синтезируемые. Эмотивная же реакция, или эмотивное отношение говорящего к обозначаемым объектам «подсказывается» самим образом, или «внутренней формой», фразеологизма и отражает его мнение «о морально-нравственных установках культуры» [Телия 2006: 9]. Рефлексией на этот модус в лексикографической практике являются пометы типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.* и под., которые «отображают не что иное, как верификацию лексикографами культурно-значимой ценности того фрагмента миропорядка, который выражен в языковом знаке» [Телия 2004: 22].

Для данного исследования из тех фразеологических единиц, которые были проанализированы и описаны нами в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [Большой... 2006] (всего 191 единица), мы сосредоточили внимание на фразеологизмах, обладающих эмотивными пометами *одобр.*, *неодобр.*, *презр.* и под., с тем чтобы рассмотреть, в каких именно случаях субъект такого рода помет, или «личность как носитель культуры, владеющая культурно-языковой компетенцией», выносит свой вердикт тому, что обозначено языковым знаком [Телия 2005: 29]. Другими словами, нас интересовало, какие именно значимые ценностные «составляющие» миропорядка, выраженные во фразеологизмах, подвергаются эмотивному отношению говорящего.

Прежде всего, обращает на себя внимание преобладание отрицательно коннотированных помет типа *неодобрение* (*пренебрежение*, *презрение* и под.) по сравнению с пометой *одобрение*, которая встречается значительно реже. Это связано с тем, что *положительное* рассматривается как нормативное и в целом не вызывает ярко выраженной реакции в образах фразеологизмов; маркирование же второго члена в оппозиции *одобрение-неодобрение* подчеркивает то, чего не должно, не следует делать личности, поскольку позволяет выявить, в чем проявля-

ется «отклонение» от идеального «хорошего», или достойного личности. Ср.: преобладание негативной оценочности во фразеологии связано «с особенностью человеческой концептуализации действительности, когда “хорошее” является нормой и не всегда фиксируется в языке, а “плохое” маркировано и отражается в языке чаще как признак отклонения от идеального “хорошего”» [Кирилина 2016]. Заметим также, что во многих случаях фразеологизмы, вызывающие *одобрение*, имеют «фразеологическую пару», содержащую *неодобрение*, напр.: *повернуться лицом – повернуться спиной, сохранить лицо – потерять лицо, мутить воду – выводить на чистую воду, выйти из себя – владеть собой* и др. В связи со всем вышесказанным нами в большей степени рассматривается эмотивная оценка *неодобрение* и намечаются некоторые тенденции, связанные с особенностями ее «мотивации» в образном основании фразеологизмов (на этом мы остановимся ниже).

1.1. В каждом конкретном случае (в определенной фразеологической единице) установки культуры проявляют себя как следствие образного основания фразеологизма, как результат интерпретации языкового знака в контексте культуры с опорой на составляющие фразеологизм «элементы», которые «нагружены» культурными смыслами, кодируемыми определенными кодами культуры. Однако, несмотря на различия в образных основаниях фразеологизмов, показывающих многообразие способов категоризации, концептуализации, осмысления мира человеком, культурные установки, выявленные в результате лингвокультурологического анализа единиц, тем не менее могут частично «повторяться» или «воспроизводиться» от единицы к единице, что позволяет говорить об устойчивости данных прескрипций в культуре, а следовательно, об их ценностной значимости. Заметим, что подавляющее число исследованных нами фразеологических единиц, содержащих в своих образах чувство-отношение *неодобрения* или *одобрения* говорящего, связаны со сферой межличностных отношений, проявляющихся прежде всего в моральном и нравственном поведении человека по отношению к другому человеку/группе лиц или в его деятельности в социальной группе. Данные установки культуры можно «семантически» объединить по определенным признакам и свести к некоторым группам.

1. Недостойными личности считаются тайные¹ нечистоплотные намерения по отношению к другому лицу или группе лиц: лицемерные и

---

¹ На наш взгляд, культурные установки, связанные с разного рода нелюбимой («тайной деятельностью»), восходят к пониманию имени «тайна» и культурным смыслам данного имени в русской культуре: тайна – нечто неизвестное, запретное, являющееся объектом познавательного интереса; одно из значений – ‘сознательно скрытое, засекреченное, зашифрованное’. Проблематика «сокрытого» исторически связана с представлениями об эзотеризме, т. е. о знаниях, специально скрывааемых избранным меньшинством от вульгаризации или неподобающего использования профанным большинством [Энциклопедия... ЭР].

нечестные поступки, тайный умысел, распускание слухов и сплетен, плетение интриг, а также скрываемое покровительство, преследующее тайные замыслы и определенную выгоду покровительствующего. Кроме того, недостойно личности и сокрытие нравственно нечистоплотного поступка, предполагающее сокрытие вины и избежание наказания за совершенное предосудительное действие.

Проиллюстрируем сказанное на примерах. Подобные культурные установки могут «проявляться» во фразеологизмах, например, через единицы соматического кода культуры. Так, во фразеологизмах *за спиной* (в одном из своих значений ‘скрыто, тайно’), *стоять за спиной* (в значении ‘скрыто поддерживать кого-л.; скрыто направлять чью-л. деятельность’), *за глаза* (в значении ‘скрытно, тайно, в отсутствие кого-либо’) эмотивное отношение – *неодобрение* – «вытекает» из восприятия *спины* и *глаз* как символической «границы» между доступным человеческому взгляду пространством, находящимся *впереди*, и невидимым для человека пространством, расположенным *сзади*, вне поля его зрения, которое воспринимается как неизвестное и остающееся за пределами знания о существующей ситуации. В связи с этим *спина* уподобляется «прикрытию», за которым тайно осуществляются намерения или действия (например, интриги, сплетни и под.) по отношению к какому-либо лицу, нежелательные для огласки:

В любом случае министерство затеяло **за** вашей **спиной** интригу, в которой вам, извините за откровенность, отведена роль карточного болвана.
Б. Акунин, Смерть Ахиллеса.

Глаза же как «открытая, фронтальная часть» лица, через которую воспринимается окружающий мир (ср. сказать *в глаза*, *в лицо* в значении ‘открыто, прямо’) «включаются» в метафору, в которой скрытое от глаз человека (что выражается предлогом «за») и, следовательно, для него неизвестное, уподобляется тайным, нелюбезным (и потому нежелательным для огласки) речевым характеристикам по отношению к обсуждаемому в разговоре объекту. Подобная ситуация содержит неодобрительную оценку говорящего, если предполагается лицемерное поведение. Например, ср.:

При встрече с ней он всегда улыбался и вежливо раскланивался, а **за глаза** называл ее старой, выжившей из ума грымзой. *С. Максимова, Двое.*

Или:

Алексей Степанович Ленточкин, которого из-за юности лет и румяной припухлости щек **за глаза** называли не иначе как Алешей (а многие так и в глаза – он не обижался), появился у нас в городе недавно. *Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах.*

Во фразеологизме *стоять за спиной* целостное восприятие образа построено на пространственной метафоре, в которой постоянное и ощу-

тимое присутствие субъекта (на что указывает глагол *стоять*, принадлежащий процессуальному коду культуры) максимально близко сзади, но вне зоны видимости уподобляется тайному влиянию, скрытому давлению с его стороны на других лиц. Таким образом, *спина* символически связывается с «заслоном», который позволяет скрывать истинных хозяев ситуации, контролирующих и направляющих действия других, побуждая их к определенным действиям, поступкам и оценкам, как правило, для реализации собственных планов и интересов:

Напасть на карету австрийского посла в самом центре Петербурга. Обычный уличный бандит, как он осмелился? Кто-то, мне кажется, **стоял за его спиной**. Может быть, тот же человек, с чьей помощью он убил Людвиг? *Л. Юзефович, Костюм Арлекина.*

Негативное отношение к тайному умыслу и использованию различных недобросовестных средств для намеренного создания помехи в деятельности другого человека выражено во фразеологизме *подставлять <ставить> ногу <ножку, подножку>* (в значении ‘скрытно, исподтишка вредить’), где *нога, подножка* нагружена культурным смыслом «препятствие, мешающее человеку в каком-либо деле». Так, умышленно доставляемые неприятности какому-либо лицу в процессе осуществления им деятельности уподобляются незаметно созданной преграде – *ноге, подножке*, вынужденно приостанавливающей движение человека при перемещении в пространстве:

Когда нет шансов в открытой борьбе, то **ставят** иногда **подножку**, наущничают, прибегают к клевете. *(реч.)* Никогда я ради карьеры не **подставлял ногу** своим коллегам, и сейчас этого делать не собираюсь. *(реч.)*.

Культурная установка о недостойном тайном плетении мелких интриг и нечистоплотной конкуренции реализуется во фразеологизме *мышинная возня* (‘мелкие интриги, недостойные дела’) через «взаимодействие» с зооморфным кодом культуры, в котором *мышь* предстает как юркое, проворное существо, легко проникающее в жилище даже через маленькие щели; она незаметно портит продукты, оставляя после себя грязь (крошки, мелкие кусочки еды), наносит ущерб вещам, суетливо скребется, шуршит, «*возится*». Нечистоплотные поступки человека, который, как правило, участвует в ситуациях, связанных с разделом имущества, с распределением сфер влияния, с приобретением нового социального статуса и под., часто с целью получения личной выгоды, уподобляются такому поведению мыши – что получает негативную оценку *неодобрения* в образе фразеологизма:

Видите ли, Вячеслав Николаевич, вокруг призов идет самая настоящая **мышинная возня**. Это раньше первое место было только первым местом и ничего, кроме славы и почета, не давало. А теперь призы вручаются конкурсантам в толстых конвертах, набитых твердой валютой

А. Маринина, *Черный список*. Дельцы, проходимцы... ведут вокруг нефтяных месторождений **мышиную возню**: разгораживают и перегораживают участки... продают и перепродают клочки земли. В. Ветлина, *Живая кровь земли*.

Рассмотрим фразеологизм *концы в воду* (в значении 'дело сделано; никаких следов преступления или проступка')², в котором также реализуется вышеупомянутая культурная установка с использованием единиц природно-стихийного и деятельностного кодов культуры.

Образное представление ситуации, описываемой в данном фразеологизме, основано на культурных смыслах, которые воплощены в единице через наименования *вода* и *конец*. *Вода* – одна из первых стихий мироздания, осмысливается здесь как неподвластная человеку и опасная стихия, водные глубины символически связываются с бездной, неизведанным, пространством, способным поглотить и скрыть в себе все, что в него попадает (ср.: *как в воду канул*). Кроме того, *вода* выступает как символ движения и быстроты: полноводное, бурное, нескончаемое течение способно стремительно «унести», скрыть из виду попавший в воду (реку) предмет. А имя *концы* ← *конец*, будучи завершающей, финальной фазой какого-л. действия, события (ср.: *конец – всему делу венец; на худой конец; в конце концов*), осмысливается как «остаток», «след» (ср. также: *не найти концов*) какого-либо совершенного неблагоприятного, нравственно нечистоплотного поступка, который желают скрыть, уничтожить. В данной метафоре сокрытие следов (*концов*) предосудительного или преступного дела ассоциируется с погружением в водное всепоглощающее пространство какого-либо предмета, который бесследно «растворяется» в нем. Таким образом, подобное предосудительное поведение, а также желание уйти от ответственности, любыми способами избежать наказания за содеянное и вызывает неодобрение.

2. Недостойными личности считается поведение, связанное с намеренным запутыванием ситуации, искажением истинного положения дел, подменой фактов, идей и под.: *ставить с ног на голову* ('переиначить; представить противоположно тому, как должно быть')³, *мутить воду* 2.

---

² В Историко-этимологическом справочнике находим следующее толкование данного фразеологизма: он связан с морским и речным делом: при отчаливании судна концы причальных канатов (ср. *морск. конец* 'веревка, канат, служащий для причала судов') падают в воду. Образ отходящего от причала и исчезающего из видимого пространства судна символически связывается с прекращением какого-либо дела, процесса и под. Существует также мнение, что фразеологизм *прятать/спрятать концы в воду* представляет собой соединение оборота *хоронить [прятать] концы*, связанного с плетением лаптей, когда конец лыка в строке лаптя нужно было хорошо заделывать, «хоронить», и оборота *концы в воду* [Бирх, Мокиенко, Степанова 2001: 293–294]. Не оспаривая данное толкование единицы, мы тем не менее считаем, что оно не проясняет наличия сопутствующего значению единицы неодобрения: на наш взгляд, фразеологизм имеет более глубокие корни.

³ Подробнее об этом фразеологизме см. в [Захаренко 2003].

Так, в образе фразеологизма *мутить воду* 2 ('намеренно запутывать; хитрить') «взаимодействуют» культурные смыслы, стоящие за наименованиями *вода* и *мутить* (*мутный*), которые восходят к древнейшему противопоставлению *чистой воды* как эталона прозрачности, позволяющей увидеть, обнажить нечто скрываемое, и *воды мутной, грязной*. Так, действия человека, скрывающего истину, намеренно запутывающего факты, уподобляются результату активного воздействия на воду (взбалтывания, замутнения), когда она становится непрозрачной, мутной, искажает свойства находящихся в ней предметов, не позволяет увидеть их четкие очертания, рассмотреть в деталях, как они выглядят. Такая деятельность человека в системе нравственно-этических установок культуры оценивается как недостойная – в виде рефлексии на данную культурную установку в образе фразеологизма находим *неодобрение*:

– Давайте зададим себе вопрос: кто **мутит воду**, кто распускает слухи?
Ю. Домбровский, Хранитель древностей. – Но ведь было же совсем не так! Зачем ты все искажаешь, зачем **мутишь воду**? (*реч.*)

3. Недостойным личности считается поведение, связанное с подстрекательством, намеренным внесением смуты, паники в деятельность коллектива, то есть, поведение, создающее «нездоровую» обстановку для жизнедеятельности социальной группы – *мутить воду* 1 ('вносить смуту').

Мотивация значения в данной идиоме также связана с культурной символикой, воплощенной в ее компонентах. Прозрачная, *чистая вода* обладает магическими свойствами и символически связывается с очищающей, оздоровительной стихией, со способностью к отражению и противостоит *мутной, грязной воде*, обладающей отрицательными свойствами: мутная вода связывается с заговорами (насыланием порчи, болезни), с нравственной нечистотой. Таким образом, деятельность человека, сеющего раздор в какой-либо социальной группе, уподобляется процессу взбалтывания (*замутнения*) воды, который вызывает хаотичное движение находящихся в ней мелких частиц (напр.: ила, песка), в результате чего вода становится грязной и непригодной к использованию. При этом результат воздействия на природный объект (состояние хаоса, беспорядка) переносится на межличностные отношения – состояние сумятицы, беспокойства, ненормальной обстановки в коллективе, вызывающее неодобрение субъекта речи:

Сколько вы еще **будете воду мутить**: то этот проект закроют, то сокращать всех будут, то зарплату платить перестанут? Дайте людям спокойно работать! (*реч.*)

Исходя из вышесказанного, совершенно естественным является наличие *одобрения* в образе идиомы *выводить на чистую воду* как реакции говорящего на культурную установку разоблачения неблаговид-

ных дел и поступков – интриг, обмана, махинаций, мошенничества, злоупотреблений, тайных замыслов каких-либо лиц и под.

4. Недостойным личности считается проявление злости, гнева, агрессии, неконтролируемое выражение сильных негативных эмоций, невозможность управлять ими: *метать громы-молнии* ('ругать, распекать, не сдерживая чувства крайнего раздражения, негодования, гнева'), *как с цепи сорваться, выйти из себя, вне себя*. И соответственно положительно оценивается, как достойная личности, идея контроля человека над собственным эмоциональным началом: *владеть собой, держать себя в руках* (говорится с *одобрением*), ср. также с представленным далее фразеологизмом *мухи не обидеть*.

Остановимся на фразеологизме *как с цепи сорваться* (в одном из значений 'дойти до крайности в своих действиях, лишившись выдержки и самообладания'). Культурная символика образа связана с древнейшими представлениями, а именно с архетипом *зверя*, развившимся в символ дикого, агрессивного природного начала, а также воплощения инстинктов и эмоций в человеческом поведении. В современном обиходно-бытовом сознании образ фразеологизма, вероятно, связан с представлениями, основанными на наблюдении за поведением и повадками издавна привычного для традиционной культуры животного – *собаки*, – которая изначально (в деревнях) жила на улице, сидела на *цепи*, охраняя дом хозяев. Собака в древнейших представлениях выступает символическим соответствием образу зверя, наделяясь различными демоническими функциями и двойственной символикой: наряду со злобностью (ср.: *злой как собака*), агрессивностью, способностью наброситься на человека для собаки характерны также преданность и покорность. Компонент *цепь* соотносится с артефактивно-вещным кодом культуры и символически связывается с несвободой, рабством или усмирением (ср.: *цепи рабства, сидеть на цепи*). Все эти представления проявляются в целостном восприятии образа фразеологизма: неуправляемый, агрессивно настроенный человек уподобляется освободившейся от привязи собаке, которая, неожиданно получив свободу и избавившись от средства усмирения и ограничения в действиях – *цепи*, – нападает на раздражающий ее объект, давая волю прорвавшейся агрессии и злобе. Данный образ усиливается глагольным компонентом *сорваться*, принадлежащим деятельностному коду культуры, за счет которого создается стереотипное представление об утрате субъектом контроля над своими чувствами и эмоциями, власти над своими поступками и действиями (ср.: *он сорвался и накричал; сорвался и запил*).

Далее, в силу ограниченности объема статьи мы не будем подробно останавливаться на мотивации культурных установок в образах фразеологизмов, только лишь перечислим их, сопроводив фразеологизмами, через которые данные установки проявляются.

5. Негативно оцениваются как недостойные личности: явная демонстрация отсутствия интереса к межличностному общению, проявление равнодушия, пренебрежения к человеку, его проблемам и под.; прерывание социального контакта, выражение резкого отказа: *повернуться спиной, от ворот поворот*. При этом «налаживание» межличностных отношений, взаимодействие, проявление заинтересованности, участия, взаимопомощи сопутствуются в образе фразеологизма *одобрением: повернуться лицом⁴, протянуть руку помощи*.

6. Недостойным для личности поведением считается намеренное унижение другого человека, демонстрация пренебрежительного превосходства над ним, унижение собственного достоинства и, как следствие этого, потеря репутации и уважения в обществе: *вытирать ноги* ('намеренно унижать'), *валиться в ногах* ('униженно просить, умолять')⁵, *терять лицо* ('вести себя недостойно') – ср.: *сохранять лицо* ('не терять собственного достоинства, сберечь свою репутацию'; говорится с *одобрением*).

7. Недостойно личности поведение, предполагающее ограничение личной свободы человека, постоянный контроль его действий; насильственное повиновение, стремление подчинить волю другого человека, манипуляция его действиями и поведением: *не давать и шагу ступить* ('принудительно сковывать чью-л. свободу действий'); *выкручивать руки* ('насильно заставлять повиноваться'); *игрушка <кукла> в [чужих] руках* ('послушный, несопротивляющийся, выполняющий волю другого')⁶.

8. Недостойным для личности поведением считается стремление занять позицию стороннего наблюдателя, оградить себя от возможных неприятностей за счет другого, перекладывание ответственности на другого человека, его незаслуженное и огульное обвинение: *за [широкой] спиной <за спинами>* (в одном из значений 'под прикрытием'), *за чужой спиной; козел отпущения* ('ответчик за чужую вину, ошибки других').

Таким образом, можно заключить, что через образы фразеологизмов «проступает» фрагмент русской ценностной картины мира как системы моральных и духовных ценностей, в которой сугубо положительную «нишу» занимают открытость намерений, искренность общения, отсутствие злого умысла, личная свобода, осознание достоинства личности и т. д., а личность воспринимается как «носитель» нравственных норм поведения в социальном коллективе. Отношение субъекта речи к дан-

⁴ Подробно о фразеологизмах *повернуться спиной, повернуться лицом, от ворот поворот* см. в [Захаренко 2013].

⁵ Подробно об этих фразеологизмах см. в [Захаренко 2003].

⁶ Семантизация фразеологизмов *выкручивать руки и игрушка <кукла> в [чужих] руках* взята из словарных статей В.В. Красных в [Большой... 2006].

ному ценностному фрагменту мира выражается эмотивным компонентом *одобрение/неодобрение* в составе образа фразеологизмов.

1.2. Кратко остановимся на второй группе культурных коннотаций, или ценностно осмысленных установок культуры в модусной рамке «достойно/недостойно личности», присущих фразеологическим единицам, содержащим в своих образах чувство-отношение *неодобрение* или *одобрение* говорящего. Данная группа связана с характеристикой человека: его личностных качеств, жизненных предпочтений, образа жизни и под. – и позволяет увидеть, какие именно качества человека подвергаются эмотивной оценке, какие характеристики оказываются знаково-ценностными, важными для культуры⁷. Так, неодобрение присутствует в тех случаях, когда актуализируемые в образах фразеологизмов представления о качествах человека, его чертах характера воспринимаются как недостойные для личности, например:

– отсутствие у человека индивидуальных отличительных черт: *ни рыба ни мясо* (в значении ‘ничем не выделяющийся, посредственность, средненький’; говорится с пренебрежением) [Большой... 2006: 486]; *на одно лицо* (в одном из значений ‘очень похожи друг на друга, лишены индивидуальности или отличительных черт’);

– коварство: *змея подколотная* (в значении ‘коварный, опасный, неблагодарный человек’; говорится с осуждением) [Большой... 2006: 239–240];

– ограниченность взглядов, недалковидность, отсутствие масштабного мышления – *не видеть дальше своего <собственного> носа* (в значении ‘не замечать очевидного, быть крайне недалеким’) [Большой... 2006: 462].

Соответственно, сугубо положительно оцениваемые в духовном коде культуры представления о достойных личности качествах, сопровождаются в образах фразеологизмов одобрением. К таким характеристикам относятся:

– добродушие, неспособность к агрессивному отпору, кротость, незлобивость – *мухи не обидит* (в значении ‘добродушный, кроткий’);

– невозможность заставить врасплох, обмануть или перехитрить кого-либо вследствие его опытности и осторожности, приобретенной в жизненных переделках – *стреляный воробей* (в значении ‘очень опытный, бывалый’);

– ловкость, сноровка и умение выполнять работу качественно и без промедления – *горит в руках* (в значении ‘делается скоро и ловко; спорится’) [Большой... 2006: 156].

Таким образом, наш материал показал, что эмотивное отношение в большинстве случаев связывается с культурными установками, отра-

---

⁷ В данном случае для иллюстрации как наиболее показательные были также привлечены некоторые фразеологизмы из [Большой... 2006], так как в нашем материале подобных фразеологизмов было незначительное количество.

жающими сферу межличностных отношений, что вполне объяснимо: поведение личности как представителя того или иного социума оказывается ценностно значимым в культуре. И реже с культурными предписаниями, «узаконивающими» определенные, достойные / недостойные личности качества, черты характера и предпочтения, в том числе ценностно важные для межличностных отношений и для деятельности человека в целом.

2. Особо остановимся на ряде фразеологизмов, в которых *неодобрение* может быть мотивировано следующими культурными смыслами в составе образов:

а) некое событие представляется внезапным, неожиданным, незапланированным, происходящим некстати для какого-либо лица и нарушающим привычное, естественное течение дел – например, *как гром среди ясного неба, как снег на голову*;

б) некая ситуация представляется как безвыходная, не имеющая перспектив дальнейшего развития, при этом человек бессилён повлиять на нее и что-либо изменить, несмотря на предпринимаемые усилия; например, *заколдованный <замкнутый> круг* (в значении ‘безвыходное положение, нерешаемая проблема’), *встать <становиться, переворачиваться> с ног на голову* (‘происходить противоположно тому, как должно быть; изменяться коренным образом’)⁸;

в) некая ситуация «актуализирует» психологическое или физическое состояние человека, оцениваемое как мешающее его активной жизнедеятельности; например, фразеологизмы *без задних ног I*; *как в воду опущенный*.

Рассмотрим более подробно некоторые из упомянутых фразеологизмов. Так, в ФЕ *как гром среди ясного неба* (‘неожиданно, вдруг’)⁹ эмоциональное отношение *неодобрение* формируется как реакция на культурный смысл имени *гром*, которое символически связывается с угрожающей и карающей свыше силой, нарушающей привычный миропорядок и независимой от воли человека. В метафоре, лежащей в основе образа, неожиданно происходящее событие уподобляется стихийному и необычно странному природному явлению: внезапным раскатам грома на фоне чистого неба, когда нет грозы, а следовательно, и причины для грома:

Знаменитый Андрей Победоносцев по каким-то причинам в руководство не вошел, а собирался работать рядовым сотрудником. Глупо, конечно, но потом, **как гром среди ясного неба**, грянуло его увольнение с первого канала... Т. Устинова, *Мой личный враг*.

⁸ О данном фразеологизме и других фразеологизмах с компонентом *ноги* см. в [Захаренко 2003].

⁹ Данная единица может вызывать как неодобрение, так и одобрение: говорится с неодобрением, если случившееся не в пользу того, о ком или о чем идет речь, или с одобрением – если с пользой; см. подробнее [Большой... 2006: 295].

Негативная оценка стихийно происходящего события, нарушающего привычное течение жизни, может содержаться и во фразеологизме *как снег на голову* ('внезапно, неожиданно'), в котором образное основание единицы «строится» на культурных смыслах имен *голова* и *снег*, принадлежащих соответственно соматическому и природно-стихийному кодам культуры. *Голова* предстает как верхняя, «открытая», незащищенная, наиболее уязвимая точка в вертикальном положении человеческого тела, «принимающая на себя» нападки и несчастья, обрушившиеся на человека (ср. тж.: *на свою голову, свалиться на голову, валить с больной головы на здоровую*), *снег* же связывается со стереотипным для русских представлением о нем как о стихийном бедствии, которое, как правило, всегда оказывается неожиданным и застает врасплох, несмотря на реальную предсказуемость времени для этого природного явления и возможность предотвращения его последствий. Таким образом, непредвиденное, неожиданное и, возможно, нежелательное для человека событие уподобляется внезапно выпавшему снегу и вызывает неодобрение говорящего:

Первый день войны застал семью Синцовых врасплох, как и миллионы других семей... она обрушилась **как снег на голову**. К. Симонов, *Живые и мертвые*.

В целостном восприятии образа фразеологизма *как в воду опущенный* ('растерянный, удрученный; с потерянным отстраненным видом')¹⁰ проявляются древнейшие мифологические представления о *воде* как о «чужом» и опасном пространстве, которому приписывается магическая сила: водное пространство осмыслялось как граница между «этим» и «тем светом», путь в загробный мир, место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы (водяного, русалок). По этой причине при входе в воду предпринимался целый ряд предосторожностей: люди крестились, сохраняли молчание, бросали в воду жертвенные дары, обращались к ней с почтительными приветствиями. Так, в основе образа лежит пространственная метафора (что выражается формой вин. падежа с предлогом *в*), в которой *вода*, водные глубины символически связываются с неизведанным, непонятым, мистическим и опасным пространством, негативно влияющим на человека, а компонент *опущенный* ← *опустить*, соотносимый с физически-деятельностным кодом культуры, создает стереотипное представление о погружении субъекта вглубь, вниз и о непротивлении последнего производимому

---

¹⁰ В Историко-этимологическом справочнике фразеол. связывается с древними русскими обычаями «Божьего суда» – испытания огнем и водой, зафиксированного Русской Правдой – древнерусским сводом законов, приписываемым Ярославу Мудрому. Обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, утонувший – невиновным [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 88]. На наш взгляд, подобного толкования не достаточно для объяснения причин наличия неодобрения в образе фразеологизма: единица имеет более глубокие корни.

действию. Данная метафора уподобляет удрученное, подавленное состояние человека результату отрицательного «магического» воздействия на него воды как враждебной стихии, под которое он попадает не по своей воле – что служит поводом для неодобрения в образе фразеологизма:

– Костя, у тебя совершенно отсутствующие глаза! Что с тобой? Ты **как в воду опущенный**. *Н. Соротокина, Свадьба*. После смерти мужа она была **будто в воду опущенная**. Всякий интерес к жизни пропал. Мы очень боялись за нее. (*реч.*)

Подобное представление о состоянии душевной подавленности и отстраненности от окружающего мира осмысливается в культуре как нежелательное для человека.

Как показывают примеры, неуправляемые, стихийные ситуации и события, негативно и нежелательно влияющие на жизнедеятельность человека, интерпретируемые таким образом на основе описанной выше культурной символики входящих во фразеологизмы компонентов, осмысливаются, на наш взгляд, скорее, не с точки зрения достойного / недостойного личности, а в рамках модуса культурной коннотации «желательно / нежелательно для личности». Предположим, что дальнейшее исследование эмотивной оценки может выявить, наряду с «вершинным» модусом, дополнительные модусы культурной коннотации фразеологических единиц, содержащие установки культуры, «формирующие» миросознание, характерное для лингвокультурного сообщества.

3. Как уже было отмечено выше, в образном основании фразеологизмов, вызывающих *неодобрение*, как правило, фиксируется «отклонение» от идеального «хорошего». Подобное «отклонение», как нам видится, может быть мотивировано представлениями:

а) о несоответствии свойства, состояния, действия и др. в той или иной степени *нормативной* жизнедеятельности (что-либо ниже «нормы» / «выше» нормы по отношению к желаемому положению дел), например:

– *без задних ног 1* («не в состоянии двигаться от переутомления») – отрицательно оценивается крайняя степень усталости, воспринимая как нежелательная для человека:

По-прежнему самое мучительное и невыносимое для меня – ассистировать при операциях. <...> четыре благополучно проассистировал... В лицей вернулся в начале десятого **без задних ног** и сразу завалился. Думал, просплю до утра. *А. и Б. Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*;

при этом образ фразеологизма *без задних ног 2* («очень крепко спать») содержит *одобрение* как реакцию на культурную установку, в

которой здоровый, крепкий сон человека оценивается как желательный для него:

Выпив крепко заваренный чай, я рухнула в кровать и проспала **без задних ног** до следующего утра. *Д. Донцова, Сволочь ненаглядная;*

– *кот наплакал* ('ничтожно мало') – таким образом оценивается ситуация, когда предметов собственности, продуктов; опыта, ума и т. п. гораздо меньше необходимого или ожидаемого:

У самих хлеба осталось – **кот наплакал**, а ты его, черта горбатого, содержишь, кормишь каждый день. *М. Шолохов, Тихий Дон;*

– *в час по чайной ложке* (в значении 'понемногу и нечасто; очень медленно') – неодобрение вызвано тем, что результат какого-л. действия достигается значительно медленнее, чем следует, то есть действие протекает гораздо медленнее, чем хотелось бы:

А машинист какой-то попался – все тянет и тянет, **в час по чайной ложке**. *Ч. Айтматов, И дольше века длится день;*

б) о несоответствии свойства, состояния, действия и др. по каким-либо признакам, или «параметрам», *идеальной* жизнедеятельности («отступление» от «идеального» положения дел, т. е. не так, как должно быть в гипотетически идеальной ситуации, к которой человеку предписывают стремиться культурные установки, например:

– *долгая <длинная> песня* (в значении 'бесполезно, безрезультатно, так как будет тянуться бесконечно') – неодобрение вызвано реакцией на культурную установку о волоките, затягивании решения вопросов, дел, оцениваемых в культуре как действия, недостойные личности:

Завхоз говорит: «Я пришло завтра кровельщиков». А Стародуб ему: «Нет, – говорит, – это *долгая песня* будет. За полгода не собрались приехать, и еще столько же времени пройдет». *В. Овечкин, С фронтовым приветом*¹¹.

В образном основании фразеологизма при выражении *неодобрения* названные культурные смыслы (а) и (б) могут сочетаться: «отступление от идеального положения дел» может быть следствием «отклонения от нормы», например, *хватить через край, перехлестывать через край*¹².

Таким образом, исследование эмотивной «составляющей» в образе фразеологизмов позволяет реконструировать те идеально-ценностные фрагменты окультуренного мира, составляющие мироосознание личности – носителя определенной культуры, которые связаны с различными

¹¹ См. также все ранее приведенные примеры фразеологизмов, содержащих неодобрение.

¹² Подробнее о данных фразеологизмах см. в [Захаренко 2013].

сферами ее социального и духовного бытия и проявляют себя в живых дискурсивных практиках.

Литература / References

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. В.М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 2001 – 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – [БФСРЯ]
3. *Захаренко И.В.* «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 25. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 86–96.
4. *Захаренко И.В.* Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–32.
5. *Кирилина А.В.* Фразеологический словарь русского языка (под ред. А.И. Молоткова) с точки зрения гендерной лингвистики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 174–178.
6. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4–42.
7. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 6–14.
8. *Телия В.Н.* Русская культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. [Электронный ресурс] URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/788/%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0. Дата последнего обращения – 06.07.2016. – [ЭЭФН]

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОД, АНАЛИЗ¹

И.В. Зыкова

LINGUISTIC CREATIVITY IN A LINGUOCULTUROLOGICAL PERSPECTIVE: THEORY, METHOD, RESEARCH FINDINGS

I.V. Zyкова

ABSTRACT

The research aims at studying the phenomenon of linguistic creativity within the framework of linguoculturology and elaborating the notion of 'linguistic creativity' as a basic item of its metalanguage. The material under analysis includes English phraseologisms. The author introduces the notion of 'phraseological creativity', which is developed in the research as an essential part of the more general notion of 'linguistic creativity'. The exploration of phraseological creativity is based on the theory of linguocultural modelling of phraseological meaning and the method of linguoculturological reconstruction, which have been elaborated in the present work. According to the research findings, the phenomenon of phraseological creativity (= linguistic creativity) is originated in the deep conceptual structures of collective consciousness which are macro-metaphorical conceptual models. The paper discusses three systemic dimensions in terms of which the phraseological creativity can be analyzed as a linguocultural phenomenon – quantitative, qualitative and dynamic. The results obtained offer some practical ways of studying the issue about the metalanguage of linguoculturology, which is one of the urgent current concerns in the given field of research.

Keywords: linguistic creativity; phraseological creativity; linguoculturology; macro-metaphorical conceptual model; linguocultural modelling; phraseological image; inter-semiotic transposition; linguoculturological reconstruction

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению феномена лингвокреативности в теоретическо-методологических рамках лингвокультурологии и направлена на разработку понятия лингвокреативности как базисной единицы метаязыка данной научной дисциплины. Исследование проводится на материале английской фразеологии. В работе вводится понятие фразеологической креативности как неотъемлемой составляющей целостного понятия лингвокреативности. Стоящее за вводимым понятием явление фразеологической креативности изучается на базе развиваемой в настоящем исследовании теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения и разработанного метода лингвокультурологической реконструкции. В статье показано, что феномен фразеокреативности

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

(= лингвокреативности) коренится в глубинных концептуальных структурах коллективного сознания (макрометафорических концептуальных моделях) и имеет три системных параметра лингвокультурологического анализа – количественный, качественный и динамический. Полученные в исследовании результаты вносят вклад в разработку проблемы метаязыка лингвокультурологии – одной из наиболее актуальных проблем современного этапа развития данной отрасли науки.

Ключевые слова: лингвокреативность; фразеологическая креативность; лингвокультурология; макрометафорическая концептуальная модель; лингвокультурологическое моделирование; фразеологический образ; межсемиотическая транспозиция; лингвокультурологическая реконструкция

1. ВВЕДЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЦЕЛЬ РАБОТЫ

Творческий путь Вероники Николаевны Телия знаменателен многими научными свершениями и открытиями. Особо следует отметить, что все ее научные усилия, по меньшей мере, двух последних десятилетий были направлены на разработку новой научной дисциплины – лингвокультурологии. Заложив основы лингвокультурологической науки, Вероника Николаевна оставила в наследие своим ученикам, сторонникам и последователям множество новаторских идей и интересных перспектив изучения сложнейших вопросов о взаимоотношении культуры, языка и человека как личности.

В современном отечественном языкознании лингвокультурологию представляется возможным рассматривать как самостоятельную научную дисциплину (или самостоятельное научное направление). Следует, однако, признать, что с автономным статусом лингвокультурологии не все исследователи сегодня могут согласиться. Одним из главных контраргументов в последнем случае является общенаучный характер вопросов взаимоотношения культуры, сознания и языка, изучением которых занимаются не только многие направления лингвистики (психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокогнитология, межкультурная коммуникация и проч.), но и другие гуманитарные науки. И это наводит на мысль о возможности понимания лингвокультурологии как своего рода «метанаучного» направления. Если сделать такое допущение, то целесообразно, по всей вероятности, говорить о двух принципиально разных подходах к статусу лингвокультурологии. С одной стороны, лингвокультурологию можно рассматривать как особое «метанаучное» («метагуманитарное») направление, объединяющее своей проблематикой многие отрасли или направления не только языкознания, но и другие, сопряженные с ним, науки гуманитарного цикла. С другой стороны, лингвокультурологию можно считать самостоятельным гуманитарным направлением или самостоятельной гуманитарной дисциплиной, обладающей своими собственными теоретическими и

методологическими основаниями и установками. Как отдельная научная дисциплина лингвокультурология характеризуется развитием, в ходе которого происходит выделение общей лингвокультурологии и ряда ее специализированных (под)разделов, которыми являются на сегодняшний день теолингвокультурология [Постовалова 2016] и психолингвокультурология [Красных 2016].

Исходя из второго понимания лингвокультурологии как автономной научной дисциплины, мы, тем не менее, полагаем, что сам факт возникающей (или возможной) дискуссии в отношении статуса этой научной дисциплины представляется нам довольно значимым и вместе с тем благоприятным обстоятельством, позволяющим выявить и четко сформулировать те назревшие проблемы, решение которых становится наиболее приоритетным для современного этапа развития рассматриваемой научной отрасли. И это, прежде всего, *проблема метаязыка лингвокультурологии*. Данная проблема формируется на базе целого ряда вопросов, среди которых одними из главных можно, пожалуй, считать вопросы о том, каков состав тех операциональных терминов (или понятий), которые служат эффективному выполнению теоретических целей, методологических и практических (прикладных) задач лингвокультурологии, и можно ли в принципе говорить о том, что существуют собственно лингвокультурологические понятия и термины.

Поставленные вопросы вполне правомерны и закономерны. Лингвокультурология, как и любая другая междисциплинарная научная отрасль, не имеет четко очерченных границ. Она формируется и развивается, как известно, посредством синтеза знаний из ряда наук, что вполне естественным образом влечет за собой заимствование ею разного рода терминологических обозначений. Кроме того, важными факторами понятийно-терминологических миграционных процессов (и, как следствие, наличие у многих современных понятий и терминов межнаучного статуса) служат общность исследовательских интересов у различных наук, возможная ориентированность на одну предметную область или какой-либо ее аспект (например, изучение картины мира в естествознании и языкознании) и проч. Принимая это во внимание, стоит признать, что выделение или определение понятийно-терминологических единиц метаязыковой системы самой лингвокультурологии становится весьма нетривиальной задачей, имеющей, по всей вероятности, разные пути решения и однозначно требующей проведения отдельных всесторонних исследований в этой области. К тому же, реализация данной задачи напрямую сопряжена с проводимыми в лингвокультурологии исследованиями разного рода лингво/социо/культурных явлений и процессов.

В настоящей статье освещаются результаты изучения феномена лингвокреативности, проведенного на базе развиваемой в нашем исследовании лингвокультурологической концепции языкового (фразеологического) значения и посредством разработанного лингвокультурологического метода его анализа. На фоне обсуждения полученных результатов

данная работа имеет целью отобразить или показать путь формирования понятия лингвокреативности в частнонаучном контексте лингвокультурологического исследования, раскрыть специфику, обретаемую данным понятием под влиянием обще- и научноисследовательской проблематики лингвокультурологической науки. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка обосновать статус «лингвокреативности» как *одной из значимых и, возможно, базисных единиц мета-языка лингвокультурологии*.

2. КРЕАТИВНОСТЬ: ФЕНОМЕН VS. ПОНЯТИЕ/ТЕРМИН И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ (КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Феномен креативности входит в сферу исследовательских интересов самых разных наук главным образом гуманитарного цикла (психологии, философии, филологии, социологии, культурологии, антропологии, педагогики, искусствоведения и др.) (например, [Ильин 2009; Харламов 2011]). Соответственно, термин «креативность» становится частью различных метаязыковых систем, в которых он получает соответствующие трактовки, вступает в определенные системные связи и отношения с другими их единицами, обретает определенную валентность и характеризуется некой деривационной продуктивностью или, иначе говоря, получает деривационное развитие в результате изучения стоящего за ним сложнейшего по своей природе феномена креативности.

Появление рассматриваемого термина в языкознании связано, прежде всего, с изучением креативных (или творческих) способностей (возможностей) человека как языковой личности, а также с изучением креативного (или творческого) потенциала языка. Эти два взаимосвязанных и взаимообусловленных ракурса исследования приводят к образованию такого терминологического деривата «*креативности*», как «*лингвокреативность*».

Вопросы, связанные с историей изучения феномена лингвокреативности в языковедческой науке, с особенностями его понимания в разных междисциплинарных подразделах лингвистики (психолингвистики, лингвофилософии, социолингвистики, этнолингвистики, лингвокогнитологии, лингвопоэтики и проч.), со спецификой различных научных подходов к его исследованию, получили освещение в трудах отечественных и зарубежных ученых (например, [Постовалова 1982; Радченко 2005; Ирисханова 2009; Carter 2004]). Данные вопросы обсуждались в определенном объеме и определенном ракурсе и в серии наших публикаций [Зыкова 2013; 2014б]. Обобщение проделанной на сегодняшний день аналитическо-исследовательской работы позволяет констатировать, что феномен лингвокреативности является все еще малоизученным и продолжает оставаться предметом широких научных дискуссий.

Предпринятое нами исследование феномена лингвокреативности проходило в процессе работы над лингвокультурологической темой, которая была сформулирована самой Вероникой Николаевной Телия

как «Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков» [Зыкова 2014а]. Заданные данной темой теоретическо-эмпирические рамки определили, соответственно, разрабатываемый нами определенный – лингвокультурологический – подход к феномену лингвокреативности и базовый языковой материал – фразеологический.

Вполне очевидно, что целостное (холистическое) научное представление о лингвокреативности складывается из данных, полученных и получаемых при изучении разных аспектов и уровней языковой системы (например, морфологического, лексического, синтаксического и др.). Это определяет комплексный характер общего понятия лингвокреативности, которое состоит из целого ряда более специфических (частных) понятий, среди которых просодическая креативность, лексическая креативность, словообразовательная креативность, синтаксическая креативность, стилистическая креативность, дискурсивная креативность и др. Следовательно, можно констатировать развитие в метаязыковой системе языкознания разветвленной сети взаимосвязанных терминологических обозначений, отражающих специфику и результаты разностороннего изучения феномена лингвокреативности.

При изучении лингвокреативности в фокус внимания постепенно попадают и фразеологизмы. Слово «постепенно» здесь использовано не случайно и требует отдельного комментария. Периферийное положение, занимаемое некоторое время фразеологизмами в исследованиях по лингвокреативности, было обусловлено главным образом влиянием идей генеративистов, активно занимавшихся данной проблематикой в середине XX века. Так, под лингвокреативностью (по Н. Хомскому) понимается создание неисчислимого множества новых высказываний на базе исчислимого количества языковых знаков и знания комбинаторных правил. Поскольку основными свойствами фразеологизмов являются воспроизводимость в речи в готовом виде и разного рода устойчивость, то им было отказано в способности реализовывать креативный ресурс языковой системы.

Однако на проверку оказалось, что это совсем не так. Проводимые на протяжении последних, по крайней мере, двух десятилетий исследования в области фразеологии (и их, надо отметить, немало) и проведенное, в частности, нами исследование позволяет убедиться в обратном. Фразеология, будучи особой подсистемой языка, обладает значительным креативным потенциалом, изучение которого необходимо для получения целостной картины о явлении лингвокреативности, об углублении и расширении научного представления о креативном потенциале языковой системы и лингвокреативных способностях языковой личности.

В ходе нашего исследования нами было введено понятие *фразеологической креативности (фразеокреативности)*. Изучение феномена фразеологической креативности как, соответственно, неотъемлемой составляющей лингвокреативности потребовало обращения к

проблеме формирования фразеологического значения – особого индивидуально-коллективного творческого акта.

3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ: РАЗРАБОТКА ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. ТЕОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Разрабатываемая нами концепция фразеологического значения, базируется, прежде всего, на ключевых положениях лингвокультурологического направления во фразеологии [Телия 1999, 2006], а также на ряде положений из области семиотики, культурологии, когнитивной лингвистики и разработанной в нашем исследовании теории культуры как информационной системы (подробнее в [Зыкова 2011, 2014a]). Основным материалом для исследования послужили английские фразеологизмы, описывающие различные аспекты вербальной коммуникации (свыше 2 тыс. единиц), например: *to talk shop* – ‘говорить на профессиональные темы’; *to join battle* – ‘начать обсуждение’; *small talk* – ‘разговор о пустяках’; *on the carpet* – ‘на обсуждении’.

Исходя из основополагающего постулата лингвокультурологии о том, что культура и язык – это две разные семиотические системы, между которыми существуют отношения интеракции, процесс формирования фразеологического значения понимается нами как результат *межсемиотической транспозиции* (термин Р. Якобсона). В отличие от Р. Якобсона [Якобсон 1978], в нашем исследовании межсемиотическая транспозиция определяется как «перевод» концептуального содержания из знаков разных семиотических областей культуры (например, искусства, спорта, повседневной деятельности, медицины и др.) в знаковое пространство естественного языка, в результате которого происходит создание фразеологизмов.

Проведенное исследование убеждает нас в сложности процесса межсемиотической транспозиции, который можно гипотетически представить в виде ряда когнитивных операций, последовательно осуществляемых личностным сознанием человека *homo loquens* с опорой на чувственную сферу. В самых общих чертах данные операции можно описать следующим образом:

1. Отбор (концептуального) содержания из определенных семиотических областей культуры. В качестве примера можно рассмотреть английскую идиому *a knock-down argument* (букв. *аргумент, сбивающий с ног; приводящий к нокдауну*). Анализ данной идиомы показывает, что образование ее значения осуществляется при участии концептуального содержания двух семиотических областей культуры англоязычного социума – спорта (о чем свидетельствует компонент *knock-down*) и вербальной коммуникации (о чем свидетельствует компонент *argument*).

2. Синтезирование отобранного концептуального содержания. Так, дальнейшее изучение идиомы *a knock-down argument* позволяет утвер-

ждать, что построение ее значения происходит за счет объединения некоего множества идей, отражающих, в частности, восприятие:

- коммуникации как спортивной игры – бокса (т. е. кулачного боя по определенным правилам),
- коммуникантов как спортсменов-боксеров,
- высказывания как процесса нанесения удара,
- слов и их содержания как (спортивных) орудий особой ударной силы, которая способна вывести соперника из боя (игры).

Особого внимания заслуживает тот факт, что данные составляющие представляют собой, по сути, набор определенных метафорических концептов (или метафорических проекций).

3. Структурирование объединенного концептуального содержания. Например, при рассмотрении указанных выше составляющих, из которых создается значение идиомы *a knock-down argument*, становится очевидным, что все они находятся в отношениях определенной взаимосвязи и взаимообусловленности.

4. Формирование концептуальной модели. Согласно полученным данным, все взаимосвязанные метафорические (и неметафорические) концептуальные составляющие представляют собой совокупно сложно организованное концептуальное единство – макрометафорическая концептуальная модель. В случае с английским фразеологизмом *a knock-down argument*, целостной концептуальной структурой, лежащей в основе его значения, является макрометафорическая концептуальная модель *VERBAL COMMUNICATION IS PLAY*.

Таким образом, в результате межсемиотической транспозиции, которая предполагает, по всей вероятности, такой набор основных когнитивных операций, образуется макрометафорическая концептуальная модель. Будучи, по сути, «местом сращения» языка и культуры, эта модель представляет собой глубинное (концептуальное) культурообусловленное основание содержания фразеологизма. На ее базе создается прежде всего индивидуальный образ фразеологизма *a knock-down argument*, в котором отдельный аспект вербальной коммуникации – спор (дебаты) предстает как определенный вид единоборства – кулачный бой (или бокс). Этот фразеологический образ становится, в свою очередь, источником определенной фразеологической семантики '(крайне/очень) убедительное высказывание (суждение), которое невозможно оспорить'. В итоге, образуется фразеологизм как культурно-языковой знак, способный функционировать в разных типах дискурса и актуализировать в них разнообразные аспекты своего богатого, унаследованного от культуры содержания.

В рамках изучения *фразеологической креативности* именно макрометафорическая концептуальная модель становится основным фокусом исследования. Креативный потенциал модели обусловлен присущими ей свойствами: концептуальной полиметафоричностью (т. е. наличием в ее составе множества метафорических концептов)

и высокой степенью абстрактности (обобщенности), т. е., в сущности, теми качествами, которые по праву можно считать одними из главных движущих сил лингвокреативного процесса как такового. Вследствие наличия данных качеств макрометафорическая концептуальная модель может порождать не один, а некое количество индивидуальных фразеологических образов, а на их основе – различную фразеологическую семантику, и в целом – группу фразеологических знаков. Так, упомянутая выше макрометафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION IS PLAY действительно продуцирует в английской языковой системе не только идиому *a knock-down argument*, но и целый ряд других фразеологизмов, например: *to play to the gallery*, *to keep the ball rolling*, *piggy in the middle*, *to blow one's own trumpet*, *to play cards close to one's chest* и проч.

Для воссоздания макрометафорических концептуальных моделей – глубинных, культурно обусловленных оснований процесса фразеологической номинации и, соответственно, «эпицентров» или «очагов» лингвокреативного процесса, нами был разработан метод лингвокультурологической реконструкции на материале английских фразеологизмов исследуемой группы.

3.2. МЕТОД ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ГЛУБИНЫХ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ) ОСНОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Отправной точкой в исследовании являлось положение о том, что в любой модели можно выделить две взаимосвязанные части – то, что моделируется и то, что моделирует. В рамках выбранного для анализа фразеологического материала, *моделируемой* является сама область вербальной коммуникации. Различные аспекты вербальной коммуникации в процессе фразеологизации могут репрезентироваться посредством других областей культуры, которые рассматриваются нами как *моделирующие* области.

Соответственно, метод лингвокультурологической реконструкции применялся поэтапно к каждой из двух частей и включал определённый комплекс процедур.

На *первом этапе* производилась реконструкция концептуальной структуры «моделируемой области», т.е. области вербальной коммуникации, являющейся общей для всех исследуемых фразеологизмов. Реконструкция состояла из следующих методологических шагов:

1) выявление всех знаковых средств семиотической области вербальной коммуникации, концептуальное содержание которых оказывается релевантным для процесса фразеологизации и подвергается процессу межсемиотической транспозиции (используется методологический прием соотнесения компонентов фразеологизмов со знаками семиотической области вербальной коммуникации). Например, в результате анализа фразеологизмов *to speak daggers* и *a man of his word* выявляются знак-действие *to speak* и знак-объект *word*;

2) сведение всех выявленных знаковых средств вербальной коммуникации в определенные семиотические группы. Например, в ходе анализа такие знаки-объекты, как *argument, truth, advice* объединяются в семиотическую группу «Виды речи»;

3) обнаружение общих для каждой семиотической группы концептуальных составляющих (используется метод концептуального анализа). К примеру, проведенный анализ показал, что общей концептуальной составляющей для знаков-объектов *argument, truth, advice* является WORDS ARE MOVING OBJECTS (СЛОВА – ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ);

4) установление связей и отношений между всеми обнаруженными общими концептуальными составляющими, которое позволяет воссоздать концептуальную структуру «моделируемой части».

Согласно полученным данным, эта структура представляет собой ряд взаимообуславливающих обобщенных концептуальных образований, таких, как COMMUNICATION IS AN EVENT-OBJECT IN TIME AND SPACE (КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОБЫТИЕ-ОБЪЕКТ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ), WORDS ARE OBJECTS (СЛОВА – ЭТО ОБЪЕКТЫ), WORDS ARE CONTAINERS (СЛОВА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩА), WORDS ARE MOVING OBJECTS (СЛОВА – ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ) и др. Графическое изображение данной структуры, всех ее основных концептуальных составляющих представлено на рисунке 1 (схема слева).

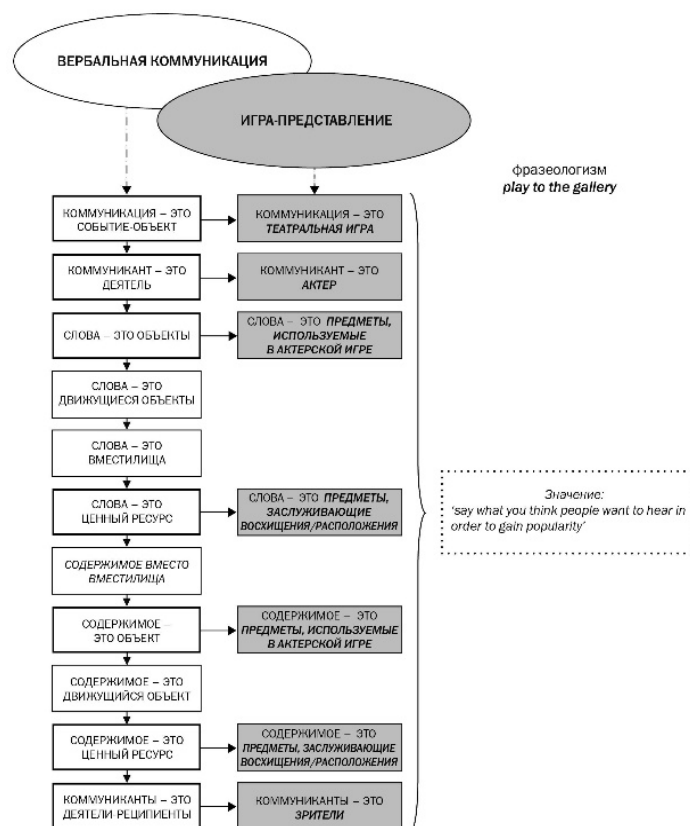
На *втором этапе* устанавливался набор семиотических областей культуры, участвующих в моделировании вербальной коммуникации. Данный этап состоял в выполнении следующих последовательных исследовательских процедур:

1) выявление всех знаковых средств, которые не относятся к вербальной коммуникации, но концептуальное содержание которых оказывается релевантным для процесса фразеологизации и подвергается процессу межсемиотической транспозиции (используется методологический прием соотнесения компонентов фразеологизмов со знаками, которые могут относиться к разным семиотическим областям культуры). Например, в результате анализа фразеологизма *to coin a phrase* выявляется знак-действие *to coin*;

2) обнаружение того, к какой конкретно семиотической области культуры принадлежат выявленные знаковые средства (проводится семиотический анализ). Так, знак-действие *to coin* (*чеканить, заниматься чеканкой*) относится к ремеслу. Другими семиотическими областями культуры англоязычного социума, к которым принадлежат выявленные в работе знаковые средства, являются путешествие, промысел, игра, социальная деятельность, религия, гастрономический процесс, изобразительная деятельность, повседневная деятельность, торговля/коммерция, медицина;

3) установление специфики воздействия концептуального содержания знаковых средств обнаруженных семиотических областей культуры на «моделируемую часть», в результате которого формируются опреде-

ленные концептуальные модели. Как происходит моделирование вербальной коммуникации посредством к примеру такой области культуры, как игра, представлено графически на рисунке 1 на примере фразеологизма *to play to the gallery* (букв. играть на галерку/для публики на галерке).

Рис. 1. Специфика процесса моделирования области вербальной коммуникации посредством области игры.

Согласно изображенной на рисунке схеме, при синтезе с исходной обобщенной концептуальной структурой (т. е. «моделируемой частью», которой является область вербальной коммуникации) содержание, стоящее за определенным знаковым средством семиотической области игры (театральной игры в частности), актуализирует отдельные ее составляющие, «переструктурируя» связи и отношения между ними, что приводит к созданию новой, более сложной концептуальной структуры. Эта новая структура – макрометафорическая концептуальная модель

VERBAL COMMUNICATION IS PLAY-PERFORMANCE становится глубинным концептуальным основанием значения фразеологизма *to play to the gallery*, имеющего следующие современные лексикографические трактовки: ‘say what you think people want to hear in order to gain popularity’ [Macmillan ЭП]; ‘spend time doing or saying things that will make people admire or support you, instead of dealing with more important matters’ [CIDI].

На *третьем этапе* устанавливался полный набор макрометафорических концептуальных моделей, задающих основания формируемых впоследствии фразеологических образов и семантики и, соответственно, фразеологических знаков. В ходе проведенного анализа было выявлено 11 макрометафорических концептуальных моделей, на базе которых образуется весь корпус исследуемых английских фразеологизмов, например: VERBAL COMMUNICATION IS TRADE/COMMERCE (*to pay a compliment to someone* (букв. платить комплиментом кому-либо) – ‘выразить благодарность кому-либо’); VERBAL COMMUNICATION IS GASTRONOMY (*language that will fry bacon* (букв. язык, который поджарит бекон) – ‘сквернословие, ругательства’); VERBAL COMMUNICATION IS TRAVEL (*to argue round and round* (букв. спорить по кругу/кругами) – ‘говорить не по существу’) и др. (подробнее в [Зыкова 2014а]).

Выявление полного набора макрометафорических концептуальных моделей позволяет непосредственно перейти к анализу их креативного потенциала.

4. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР СИСТЕМНОГО ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В ходе проведенного исследования нами были установлены три основных параметра реализации фразеологической креативности исследуемых макрометафорических концептуальных моделей, которые можно охарактеризовать как системные параметры проявления их креативного потенциала:

- количественный;
- качественный;
- динамический.

Согласно *количественному* параметру, макрометафорические концептуальные модели могут порождать различное количество фразеологических знаков. Как показало исследование, в английском языке наиболее фразеологически креативной по этому параметру является макрометафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION IS PLAY. Она представляет собой источник образности более 480 изучаемых английских фразеологизмов, например: *to play cards close to one's chest* (букв. играть в карты, держа их около груди) – ‘не говорить о своих намерениях’. Наименее фразеологически креативной оказывается макрометафорическая концептуальная модель VERBAL COMMUNICATION

IS PLAY-PERFORMANCE EVERYDAY ACTIVITY. Ею продуцируются только около 10 английских фразеологизмов, например: *to sweep something under the carpet* (букв. заметить что-либо под ковер) – ‘скрывать что-либо’.

Изучение *качественного* параметра креативности позволяет судить о способности изучаемых макрометафорических концептуальных моделей продуцировать фразеологические образы, отличающиеся определенной дифференциацией и разнообразием, которые могут быть свойственны конкретной языковой системе. К примеру, отличительная особенность проявления креативного потенциала макрометафорической концептуальной модели VERBAL COMMUNICATION IS PLAY в английском языке состоит в продуцировании ею специфического кластера (или специфически разветвленной группы) фразеологических образов, в которых вербальная коммуникация предстает в качестве определенных личных и/или командных видов игровых состязаний (основных видов спорта), а именно:

1) спортивная стрельба (например, *to hit the target* (букв. попасть точно в цель) – ‘точно, остроумно высказаться’);

2) спортивные игры с мячом, среди которых: бейсбол, (например, *to touch base* (букв. касаться базы) – ‘разговаривать с кем-либо, чтобы прояснить положение дел или мнение’); теннис (например, *to bandy words* (букв. перебрасываться словами) – ‘спорить’); футбол (например, *for a kick off* (букв. ради удара по мячу с центра) – ‘то, что говорится – это только начало того, что можно было бы сказать’); крикет (например, *to keep the ball rolling* (букв. заставляя мяч катиться) – ‘поддерживать разговор, беседу’);

3) спортивные (силовые) единоборства (поединки), среди которых: бокс (например, *to take it on the chin* (букв. получить/пропустить (сильный) удар в челюсть) – ‘подвергаться сильной критике’); борьба (например, *to meet one's match* (букв. встретиться с равным по силе соперником) – ‘вести спор или спорить на равных’); фехтование (например, *thrust and parry* (букв. наносить удар рапирой и отражать удар) – ‘вопрос и ответ в споре или в ссоре’); коррида (например, *be like a red rag to a bull* (букв. быть как красная тряпка для быка) – ‘высказывание, которое вызывает (крайне) неприятные чувства у кого-либо (злость, ярость и проч.)’);

4) конные состязания или конный спорт (например, *hold your horses!* (букв. придержи лошадей!) – ‘не говори так быстро’);

5) различные состязания в легкой атлетике, среди которых: бег (например, *run and run* (букв. бежать и бежать) – ‘о долго обсуждаемой теме или о долго ведущемся споре’); прыжки в высоту (например, *be for the high jump* (букв. быть для высокого прыжка) – ‘о человеке, которого будут резко критиковать за совершенные им действия, поступки’); метание спортивного снаряда (например, *to throw something (back) in someone's face* (букв. метать что-либо (обратно) в лицо кому-

либо) – ‘в ходе спора говорить неприятные вещи о поведении кого-либо в прошлом’);

б) тяжелая атлетика (например, *to push a pen* (букв. толкать от себя ручку) – ‘заниматься скучной бумажной работой в офисе, работой с документами’);

7) кёрлинг (например, *(right) on the button* (букв. точно в центре дома) – ‘правильно, верно (о высказывании, суждении)’);

8) игра в кегли (например, *to knock over like skittles* (букв. сбить как кегли) – ‘разбить аргументы, доводы’).

Как представляется, данная дифференциация фразеологических образов, порождаемых макрометафорической концептуальной моделью VERBAL COMMUNICATION IS PLAY, обусловлена спецификой культуры (культурно-исторического развития) англоязычного сообщества, а потому является отличительной особенностью именно английской языковой системы (ср. тж. результаты в [Беляевская 2016]).

Анализ *динамического* параметра позволяет оценить креативный потенциал макрометафорических концептуальных моделей в обогащении фразеологической подсистемы языка новыми фразеологическими знаками, тем самым способствуя ее дальнейшему развитию. Проведенное исследование позволило выявить свыше 500 фразеологизмов, появившихся в английском языке за период с 1950 года по начало 2015 года и зарегистрированных в более 10 специализированных печатных и электронных словарях новой лексики, использованных в ходе нашего исследования (например, [Oxford ЭР], [The Word Spy ЭР]). Примечательно, что значения всех новых фразеологизмов или новых фразеологизированных выражений, описывающих вербальную коммуникацию в современном английском языке, основаны на тех же 11 макрометафорических концептуальных моделях. При этом не все модели одинаково активны в порождении фразеологических новообразований. Согласно полученным данным, наибольшей фразеологической креативностью обладают следующие три макрометафорические концептуальные модели: VERBAL COMMUNICATION IS PLAY (например: *Punch and Judy* (букв. Панч и Джуди) – ‘обман; неправдоподобный рассказ’, 1992) [CNPDSUE]; VERBAL COMMUNICATION IS SOCIAL ACTIVITY (например: *so September 10* (букв. вот такое десятое сентября) – ‘излагать идеи, которые имели значение или были полезными до, а не после террористических актов 11 сентября’, 2001) [The Word Spy ЭР]; VERBAL COMMUNICATION IS MEDICINE-RELATED ACTIVITY (например, *text message injury* (букв. рана, нанесенная текстовыми сообщениями) – ‘форма перенапряжения или заболевания в результате длительного повторения однотипных движений большого пальца руки, чтобы напечатать тестовое сообщение в мобильном телефоне’, 2001) [The Word Spy ЭР].

Отдельно следует отметить, что наряду с вопросом о специфике реализации креативного потенциала макрометафорических концептуальных моделей в отношении системного продуцирования фразеологиче-

ских знаков, нами исследовался вопрос и об особенностях проявления их креативного ресурса в ходе дискурсивного функционирования фразеологизмов. В фокусе внимания находились главным образом модификации рассматриваемых английских фразеологизмов в дискурсе (подробнее в [Зыкова 2014а]).

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам выработать определенную трактовку фразеологической креативности. С учетом полученных данных *фразеологическая креативность* представляет собой способность макрометафорических концептуальных моделей, реализуемую коллективной личностью (или коллективным сознанием), системно порождать фразеологические знаки, в результате чего формируется фразеология как культурно детерминированная подсистема языка.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, феномен фразеологической креативности как частная (особая) форма проявления целостного (единого) явления лингвокреативности, коренится в глубинных концептуальных структурах коллективного сознания – макрометафорических концептуальных моделях, возникающих как результат весьма сложного когнитивного процесса, каковым является процесс межсемиотической транспозиции. Данные о природе и свойствах явления фразеологической креативности (лингвокреативности), полученные в рамках разработанных в настоящем исследовании теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения и метода лингвокультурологической реконструкции, позволяют прояснить ряд центральных вопросов лингвокультурологии. В число этих вопросов входят вопросы о специфике интеракции культура и языка, о роли концептосферы культуры в формировании фразеологических знаков, о генезисе их культурно-национальной специфики и особенностях ее проявления в языковой системе, в частности, языковой системе англоговорящего сообщества (см., например, качественный параметр фразеологической креативности). В связи с этим очевидным становится тот факт, что понятие «фразеологической креативности», отражающее сущность изучаемого феномена, непосредственным образом связано с целым рядом других лингвокультурологических понятий (например, «концептосфера», «личность», «культурная коннотация», «культурная информация»). Следовательно, на основании общего объема полученных в исследовании фактов и учета реальной и потенциальной его эффективности в изучении ключевой лингвокультурологической проблематики, представляется возможным утверждать, что понятие «лингвокреативность» как таковое (во всем его видовом разнообразии) является необходимым, значимым и органичным элементом целостной метаязыковой системы лингвокультурологической науки. В заключение отметим, что предпринятое исследование нам видится как один из возможных шагов в направлении создания приемов или способов

дания приемов или способов идентификации и верификации, прежде всего, метаязыкового ядра лингвокультурологии.

* * *

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Автор настоящей статьи как член оргкомитета конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия», посвященной 85-летию со дня рождения Вероники Николаевны Телия и проведенной в Институте языкознания РАН (19–21 ноября 2015), благодарит всех ее участников за проявленный интерес к предложенной для обсуждения проблематике, берущей свое начало в трудах Вероники Николаевны, и плодотворную работу в ее разработке. Отдельные слова признательности я хотела сказать всем тем, кто принял активное участие в обсуждении моего доклада, поделился своими размышлениями и выразил свою позицию в отношении представленной в докладе проблемы, что, безусловно, послужило стимулом для ее дальнейшего развития.

Литература / References

1. *Беляевская Е.Г.* Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 25–34.
2. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Либроком, 2011. – 368 с.
3. *Зыкова И.В.* Креативность концептуальных моделей фразеологической образности: системный аспект // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013, Вып. № 3(036), С. 76–85.
4. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2014а. – 510 с.
5. *Зыкова И.В.* Фразеологическая креативность как отражение варьирования в интерпретации мира представителями англоязычной и русскоязычной культур // *Когнитивные исследования языка*. Вып. XIX, 2014б. С. 441–453.
6. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер 2009. – 434 с.
7. *Ирисханова О.К.* О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // *Когнитивные исследования языка*. Вып. V, 2009. С. 158–171.
8. *Красных В.В.* Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 179–191.
9. *Постовалова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. – 223 с.
10. *Постовалова В.И.* Мифологема «Царствие Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 294–311.
11. *Радченко О.А.* Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
12. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры* / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 13–24.

13. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. С. 6–14.
14. *Харламов А.В.* Креативность и отчуждение в современной культуре // Семиотика культуры: антропологический поворот. Коллективная монография. СПб: Эйдос, 2011. С. 56–72.
15. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
16. *Carter R.* Language and creativity: The art of common talk. London: Routledge, 2004. – 272 p.
17. The Cambridge International Dictionary of Idioms. – UK: Cambridge University Press, 1999. – 588 p. – [CIDI]
18. Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. – UK: Routledge, 2007. – 721 p. – [CNPDSUE]
19. The Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://www.macmillandictionaries.com/> Дата последнего обращения – 15.02.2016. – [MED]
20. Oxford English Dictionary online [Электронный ресурс] URL: www.oed.com. Дата последнего обращения – 15.02.2016. – [OED]
21. The Word Spy / P. McFedries [Электронный ресурс] URL: <http://wordspy.com/> Дата последнего обращения – 15.02.2016. – [WS]

АКТОВАЯ РЕЧЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД

С.В. Иванова

COMMENCEMENT SPEECH AS A CULTURAL CODE

S.V. Ivanova

ABSTRACT

The article is focused on the commencement speech as an embodiment and reflection of American linguoculture. Obvious national and cultural specificity of these texts accounts for a whole range of cultural components which realize the American cultural code. Actualization of the cultural code is implemented by way of the interpretation of individual senses which are related to evaluative maxims characterizing the culture under study. Cultural components are made explicit owing to the analysis of the linguistic units verbalizing the American value paradigm. The study involves such methods as the interpretation of content conceptual and content factual information of the texts in question, the analysis of recurrent lexis and key words, and content analysis. As a result, two cultural evaluative superdominant components relating to the modus component of culture and a range of other dominants belonging to psychological and social components of culture are singled out. The American cultural code prioritizes a proactive doer which is realized through such components as a proactive fearless person achieving their goals, overcoming hardships and difficulties, courageous to change their life and wading their way in an imperfect world.

Key words: commencement speech; Cultural Linguistics; linguoculture; cultural component; cultural code; linguistic cultural code; cultural evaluative dominant component

АННОТАЦИЯ

В центре исследования – актовая речь как типичный репрезентант американской лингвокультуры. Яркая национально-культурная специфика данных текстов обеспечивает возможность выделения довольно внушительного спектра культурно-ценностных смыслов, реализующих культурный код, актуальный для американского лингво-культурного сообщества. Распредмечивание культурного кода осуществляется через интерпретацию авторских смыслов, относящихся к ценностным установкам, характеризующим изучаемую лингвокультуру. Культурно-ценностные смыслы обнаруживаются за счет анализа вербализаторов ценностной парадигмы, характеризующих американское лингво-культурное сообщество. В исследовании задействованы такие методы, как интерпретация содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информации изучаемых текстов, анализ рекуррентной лексики и ключевых слов, контент-анализ. Проведенный анализ позволяет выделить две культурно-ценностные супердоминанты, относящиеся к модусной составляющей культуры, и ряд доминант, соотносящихся с социально-психологической составляющей культуры. Культурный код американского лингво-культурного сообщества предполагает приоритет активного деятельностного начала, который реализуется через такие смыслы как ‘человек – это тот, кто активен’, это личность, ‘превозмогающая страхи’, ‘достигающая поставленные цели’, ‘преодолевающая неудачи’, ‘смело

изменяющая свою жизнь', 'прокладывающая свой путь' в 'далеком от совершенства мире'.

Ключевые слова: актовая речь; лингвокультурология; лингвокультура; культурно-ценностный смысл; культурный код; лингво-культурный код; культурно-ценностные доминанты

Тот уровень достижений и признания, которые составляют притягательность лингвокультурологии в настоящее время, были обеспечены мощным импульсом, заданным этому направлению лингвистических исследований в самом начале его существования. В этом плане заслуги Вероники Николаевны Телия нельзя переоценить. Ее работы заложили основу для понимания сущности лингвокультурологии, направленной на «изучение и описание корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1998: 217]. Кроме того, В.Н. Телия не только «пунктирно» наметила «основные методологические вехи, которые прокладывают путь, ведущий к решению» [Телия 1999: 17] задач, связанных с описанием лингво-культурного взаимодействия – ее работы стали фундаментом для разработки единой методологической основы и понятийного аппарата лингвокультурологии.

Представляется, что разработанные В.Н. Телия подходы к проведению лингвокультурологического исследования фразеологизмов могут быть экстраполированы не только на изучение разноуровневых единиц языковой системы, но и на дискурс, то есть речь, «погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990: 137], ведь, по справедливому замечанию В.Н. Телия, «субъект речи и ее адресат – это всегда субъекты культуры» [Телия 1998: 225]. В свете вышесказанного несомненный интерес для лингвокультуролога представляет актовая речь как жанр, характерный для американского лингво-культурного сообщества, суть которого состоит в напутствии выпускников университета перед тем, как они покинут добрые стены *alma mater* и начнут свою «взрослую жизнь».

Интерес лингвиста и, в частности, лингвокультуролога к актовой речи обусловлен рядом факторов: во-первых, с точки зрения генристики это ритуальный жанр институционального дискурса, представляющий собой монологическое высказывание, скрывающее диалог агента и целевой аудитории, направленное на легитимизацию определенного мировидения и в силу этого отмеченное вербально выраженным ценностным вектором и имеющее четко выраженную ситуативную отнесенность. Как речевой жанр актовая речь представляет собой относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип текста. Тематически актовая речь строится вокруг жизненных эпизодов, направленных на связь прошлого с будущим. Композиционно она включает благодарность за приглашение выступить, философско-лирические размышления говорящего о жизни, обязательные ссылки на отличившихся выпускников, собственный жизненный опыт говорящего,

«смешные ситуации» и пожелания [Иванова 2014: 59]. Стилистически актовая речь сочетает элементы личностного общения (лиричность, задушевность) и подобающей случаю торжественности (возвышенности). Во-вторых, как репрезентант лингвокультуры подобный текст принадлежит к категории прецедентных текстов, то есть представляет собой «композиционную структуру и совокупность языковых штампов, которые знакомы членам той или иной культурной группы, обладают для них ценностной значимостью и указывают на определенный тип текста» [Слышкин 2000: 41]. Он хранится в сознании носителей конкретной лингвокультуры в виде ментальной структуры, которую В.В. Красных определяет как инвариант восприятия, репрезентирующего некую структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений [Красных 2002: 49, 68]. Таким образом, актовая речь может на полных основаниях рассматриваться как вербализация культурного кода американского лингвокультурного сообщества.

Цель данной исследовательской работы состоит в выявлении культурно-ценностных смыслов американского лингвокультурного сообщества за счет смысловой интерпретации задействованного в текстах актовой речи культурного кода. Материалом исследования послужили тридцать пять актов речей, с которыми выступили знаменитые личности в период с 1910 г. по 2015 г.

Для анализа речей задействован потенциал общенаучных методов (анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнение и сопоставление, наблюдение и генерализация), а также использованы эвристические ресурсы лингвистических методов. В качестве основного метода анализа, который позволяет выявить культурно-ценностные смыслы, выступает анализ содержательно-концептуальной информации текста, толкуемой как его глубинный смысл [Гальперин 2005: 37]. Интерпретация содержания и извлечение содержательно-концептуальной информации достигается за счет дискурс-анализа, анализа рекуррентной лексики, выделения ключевых слов, контент-анализа. При толковании культурного кода задействован анализ этнокультурных смыслов, а также дефинитивный анализ.

Методологическим основанием, определившим подход к интерпретации данных исследования, послужило предложенное В.Н. Телия понимание тезауруса культуры, культурных смыслов и культурного кода. Тезаурус культуры, с точки зрения В.Н. Телия, представляет собой «таксономическое представление концептуального содержания текста» [Телия 1999: 20]. Будучи вычлененным из текстов, тезаурус культуры суть база для выделения ее категорий и соотносимых с ними, в терминах Ю.С. Степанова, «констант культуры» [Там же]. Тезаурус культуры овнешняется культурным кодом, который предстает как «совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума» [Там же]. Соответственно, тезаурус культуры объединяет в себе знаки

языка культуры, участвующие в ментальности народа [Там же: 14]. Понимание того, что культура существует в едином пространстве семиозиса с языком [Лотман 1999: 165], позволяет говорить о наличии лингво-культурного кода как кода, совмещающего знаки культуры и языка.

Лингво-культурный код – это система лингво-культурных соответствий, организованная согласно матрице структуры языковой личности [Иванова 2004б: 39] и используемая для декодирования культурологически маркированных текстов, а также выявления концептуально значимой информации, считываемой адресатом при условии знакомства с соответствующей лингвокультурой. Матрица структуры языковой личности охватывает языковой (вербально-семантический), тезаурусно-когнитивный и прагматико-экстралингвистический уровни [Иванова 2003: 17–21; Караулов 1987: 53]. Работа с вербально-семантическим уровнем направлена на выявление вербализаторов концептуального содержания. Тезаурусно-когнитивный уровень позволяет обратиться к ментальным сущностям, какими являются концепты, мифологемы, прецедентные феномены и т. п. Наконец, анализ на прагматико-экстралингвистическом уровне помогает выявить пресуппозиции и мотивы говорящих. Такой подход к достижению поставленной цели вполне коррелирует с утверждением В.Н. Телия о том, что «система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка» [Телия 1998: 230].

Как уже было сказано выше, обращение к актовой речи сквозь призму лингвокультурологии предопределено особой ролью и статусом данного типа текстов в американской лингвокультуре. Уникальность актовой речи обусловлена тем, что, хотя каждый такой текст неповторим как любой авторский текст, он в то же время предсказуем как жанровое образование, канонизированное в рамках американской лингвокультуры. Свидетельством этому является ее наполненность большим количеством клише [Sugar, Feloni ЭР], несмотря на то, что лучшие ее образцы являются источником вдохновения для многих поколений американцев.

Актовая речь (*commencement speech / commencement address / graduation speech*) представляет собой напутственную речь, с которой выступают перед выпускниками американских университетов признанные в обществе персоны из мира политики, искусства, бизнеса, кинематографии, образования, науки и т. п. Суть актовой речи состоит в том, чтобы наставить «племя младое, незнакомое» на путь истинный, поделиться с ними теми сакраментальными истинами, которые осваивают на определенном этапе жизни представители старшего поколения.

Актовая речь в американском университете имеет давнюю традицию, уходя ко времени основания Гарвардского университета (1736 г.), когда каждый выпускник должен был выступить с заключительной речью. Со временем, когда количество выпускников стало велико, заключительное слово для напутствия стали предоставлять лишь ректору, а впоследствии в качестве приглашенных ораторов на

а впоследствии в качестве приглашенных ораторов на торжественной церемонии, знаменующей окончание вуза, стали появляться именитые граждане, тем самым подчеркивая значимость момента. Все это еще раз подчеркивает укорененность актовой речи в американской культуре и ее особый статус как речи прецедентного жанра. Являясь констатацией целевых установок адресанта (а культура – это помимо всего и «искусство целей» [Визгин 2004: 688]), актовая речь транслирует ценностную картину мира говорящего, отражающего сквозь свою призму ценности данного лингво-культурного сообщества. Таким образом, актовая речь представляет собой коммуникацию ценностных смыслов и по праву составляет объект лингвокультурологического анализа.

В результате супралинейного анализа представляется возможным выделить вербализованные концептуально-ментальные области – в терминах В.Н. Телия, своеобразные ментофакты [Телия 1999: 21], которые покрывают целые участки ценностной картины мира и организуются вокруг ценностной супердоминанты, или константы культуры. Представляется, что ценностные супердоминанты должны соотноситься с тремя составляющими культуры: (1) цивилизационной, связанной с прохождением обществом различных стадий технического и технологического прогресса, (2) социально-психологической, которая раскрывается через особенности проявления нравственности, и (3) модусной, указывающей на способы освоения действительности [Иванова 2004а: 16]. Супердоминанты связаны сеткой доминант. Интерпретация супердоминант и доминант осуществляется через пучки культурно-ценностных смыслов той или иной степени разветвленности и интенсивности.

Культурной константой, или культурно-ценностной супердоминантой, для американского лингво-культурного сообщества является идея ‘активности/деятельности’, иными словами провозглашается приоритет деятельностного начала. Эта супердоминанта относится к модусной составляющей культуры, ибо определяет *modus vivendi*, то есть ‘как делать’. Супердоминанта ‘активность / деятельность’ раскрывается через целый ряд культурно-ценностных смыслов:

- ‘действовать’: *live your life where the **action** is – now* (J. Zucker); *the measure of success is what you think about what you’ve **done*** (M. Lewis); *let’s make it a place where we break a sweat* (M. McConaughy);
- ‘бодрствовать’: *stay **conscious** and **alive** in the adult world day in and day out* (D.F. Wallace); *it’s important and imperative to always be **awake to** your feelings, your possibilities, **your ambitions*** (M. Scorsese); *If you’re dreaming, you’re sleeping* (M. Scorsese); *It doesn’t matter that your dream came true if you spent your whole life sleeping* (J. Zucker);

- ‘творить свою жизнь’: *You are your own stories and therefore free to imagine and experience <...> The theme you choose may change or simply elude you, but being your own story means you can always choose the tone. It also means that you can invent the language to say who you are and what you mean* (T. Morrison);
- ‘идти **своей** дорогой жизни’: **Follow** your passion, stay true to yourself, never **follow someone else's path** unless you're in the woods and you're lost and you see a path then by all means you should follow that (E. DeGeneres); have the courage to **follow** your heart and intuition (S. Jobs); *Develop your own compass, and trust it* (A. Sorkin);
- ‘изменять мир’: *although you don't have complete control over the narrative (no author does, I can tell you), you could nevertheless create it* (T. Morrison);
- ‘достигать своих целей’: *there must be a **purpose*** (E. DeGeneres); *You must knock on doors until your knuckles bleed. Doors will slam in your face. You must pick yourself up, dust yourself off, and knock again. It's the only way **to achieve** your **goals** in life* (M. Uslan);
- ‘сочувствуя, помогать другим’: *There are things you can do to lift the human spirit* (A. Sorkin); *Try to be kinder* (G. Saunders);
- ‘преодолевать свои страхи’: *Don't be afraid of your life* (S. Heidt); *Stop being scared of the unknown* (S. Bullock);
- ‘преодолевать неудачи’: *You're going to fall down, but the world doesn't care how many times you fall down, as long as it's one fewer than the number of times you get back* (A. Sorkin).

Приоритет активности как супердоминанты поддерживается языковым оформлением данной культурной константы. Обращает на себя внимание, что призывы к активности, неустанной деятельности, переменам, выбору своей линии жизни осуществляются преимущественно через глаголы действия: *So **get out** there and **go for it**, but don't be caught waiting* (J. Zucker); ***Throw yourself** into the world and **make your voice count*** (H. Clinton); ***follow** your passion, stay true to yourself* (E. DeGeneres); *Please yourself **to shape your own vision*** (M. Scorsese); ***Master** your fear* (G. Keillor); *Whatever that is, go **find your joy*** (S. Bullock). Возможно использование других единиц с обозначением состояния поддержания активности, типа *be/stay awake* (см. примеры выше). Важную роль при передаче смысла ‘деятельность’ играет модальность обязательности, реализуемая через (1) глаголы с обозначением необходимости *have to, need*: *You **have to** be independent if you want to be somebody* (G. Keillor); *We **have to** do that, to be our best selves* (G. Saunders); *there are problems that need to be solved* (T. Cook) и (2) императивы: ***Work hard** and **don't be lazy*** (M. Rudolph); ***don't be caught** waiting* (J. Zucker); ***Hurry up. Speed it along. Start right now*** (G. Saunders). Возможно также использование

существительных с обозначением деятеля, действия и завершенности действия: *sense of completion* (J. Carrey); *the doer of the deeds* (Th. Roosevelt).

Весьма характерно, что даже чувственное начало в американской лингвокультуре передается через глагольные формы, призывы к сочувствию, сострастию, в терминах В.И. Даля, оформляются как действительность: *err in the direction of kindness* (G. Saunders).

Другой супердоминантой является понимание несовершенства мира. Это тоже константа модусного плана, так как понимание того, что мир далек от совершенства, абсолютно необходимо для того, чтобы найти в себе силы жить и оставаться самим собой в этой жизни: *The world is not perfect; the Golden Age never was or will be* (J. Brodsky); *Everything's not going to be perfect* (R. Bradbury); *This community didn't fall for the fallacy that just because Rolling Stone was wrong everything here must be perfectly peachy* (E. Helms).

Выделенные супердоминанты скрепляются базовым набором доминант, соотносящихся с социально-психологической составляющей культуры, то есть доминант, связанных с основными понятиями нравственности, характеризующими данное лингво-культурное сообщество.

Так, самая главная ценность для человеческого общества – жизнь – для американской лингвокультуры предполагает не проживание, а действие. Это дорога, которую надо преодолеть, это путь, который надо проделать, это путешествие, которое надо совершить, это, по большому счету, фронтир, который надо достичь и еще дальше отодвинуть его границу между познанным и непознанным: *Commit to the journey* (J. DiDonato). Важным ценностным смыслом для понимания жизни вообще является определение ее как ‘твоя собственная жизнь’ (‘your own life’). Недаром в актовых речах одной из количественно значимых языковых единиц является притяжательное местоимение *your*: *you have to protect your own voice, your creative spirit* (M. Scorsese); *live your life* (J. Zucker). Еще одним ценностным смыслом является понимание жизни как того, что ‘имеет быть сейчас’ (‘now’) и ‘ограничено во времени’ (‘limited time’): *Your time is limited* (S. Jobs); *live your life where the action is – now* (J. Zucker); *Now is always the only time you can do anything* (S. Heidt).

Ценностной доминантой выступает успех, но, что любопытно, он толкуется через неудачу. Соответственно, неудача есть ‘составляющая успеха’, ‘катализатор успеха’. Кажимость внешнего успеха и неудача как фактор дальнейшего роста и необходимости дальнейших перемен составляют основные смыслы, наполняющие успех как ценностную доминанту: *So why do I talk about the benefits of failure? Simply because failure meant a stripping away of the inessential* (E. DeGeneres); *if you accept your misfortune and handle it right, your perceived failure can be a catalyst for profound re-invention* (K. O'Brien); *Every once in a while, you'll succeed. Most of the times you'll fail* (A. Sorkin); *In life, the things that go*

wrong are often the very things that lead to other things going right. Failure is not the opposite to success, it's an integral part of success (A. Huffington). Характерно, что в изучаемых текстах языковая единица *failure* заметно превалирует над лексемой *success*.

При этом успешные люди трактуют успех не с позиции достижения материального благосостояния, публичности или славы, а с точки зрения обретения себя. Успех – это ‘твоя оценка сделанного’: *Success has nothing to do with fame, money or happiness. <...> the measure of success is what you think about what you've done* (M. Lewis); *as you grow, you'll realize the definition of success changes. For me, the most important thing in your life is to live your life with integrity* (E. DeGeneres); *You know you don't have to be famous* (M. Streep).

Около 70% ораторов останавливаются на необходимости воспитания в себе чувства сострадания к тем, кто материально незащищен, обделен, кто не преуспел в жизни. Это чувство может принимать форму понимания или материализоваться в виде действенной помощи: *One might use such an ability to manipulate, or control, just as much as to understand or sympathise* (S. Jobs); *to live your life as an honest and compassionate person, to contribute in some way* (M. Streep); *Let your heart break* (B. and M. Gates); *live your life as an honest and compassionate person* (E. DeGeneres).

Безусловно, для американцев чрезвычайно важна открытость новому и готовность осуществлять перемены. Актуальность такой ценности, как *change* для американского лингво-культурного сообщества непреходяща: *As you leave Stanford, take your genius and your optimism and your empathy and go change the world that it will make millions of others optimistic as well* (B. and M. Gates). Эти перемены должны коснуться не только изменений в мире, но больше предполагают изменения самого себя, своего личностного мира, моделирование и усовершенствование своих личностных характеристик и устремлений.

Таким образом, на основе анализа актов речей представляется возможным констатировать наличие двух супердоминант модусного плана в ценностной картине мира американского лингво-культурного сообщества. К ним относятся: человек как активное, деятельностное начало и мир, далекий от совершенства, в котором человек продвигается по дороге жизни. Эти две супердоминанты определяют характер проявления доминант социально-психологического плана, к которым относится понимание жизни, самого себя в этой жизни, мечты, неудач и успеха, отношения по линии Я ↔ Другой/Другие. Социально-нравственные ориентиры американского лингво-культурного сообщества пресуппонируют, что человек сам делает свою жизнь, сам оценивает себя и свои достижения, не оглядываясь на других, он преодолевает препятствия, невзгоды и неудачи и не забывает, что жизнь – это всегда настоящее и ограниченное время.

Анализ актовых речей еще раз убеждает, что идея В. Н. Телия о том, что «субъект речи и ее адресат – это всегда субъекты культуры» [Телия 1998: 225]. Прагматика актовой речи, состоящая в воздействии оратора на слушателя, осуществляющегося с целью перестройки индивидуального сознания последнего за счет транспонирования ценностных смыслов адресанта, способствует вербализации ценностной картины мира социума. Лингвокультурологический анализ актовой речи предоставляет эвристические ресурсы и методологическую базу для того, чтобы выявить культурные константы и культурно-ценностные смыслы, позволяющие выстроить как ценностную картину мира, так и установить корреляции между элементами аксиологической и языковой систем за счет идентификации многократно воспроизводимых знаков культуры.

Нет сомнения в том, что такого рода анализ может быть детализирован и экстраполирован на новые объекты, представляющие интерес как для лингвокультурологии, так и для представителей смежных с нею научных дисциплин.

Литература / References

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. *Визгин В.П.* На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800 с.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
4. *Иванова С.В.* Лингвокультурные особенности прецедентного жанра «АКТОВАЯ РЕЧЬ» // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / Отв. ред. Д.А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) Мин-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 58–64.
5. *Иванова С.В.* Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. – 41 с.
6. *Иванова С.В.* Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: РИО БашГУ, 2004а. – 134 с.
7. *Иванова С.В.* Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004б. – 152 с.
8. *Иванова С.В.* Хитрое слово *leadership*, или еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика. 2014, Вып. 3(49). С. 58–68.
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 262 с.
10. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
11. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
12. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. – 128 с.
13. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13–24.
14. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
15. *Sugar R., Feloni R.* Thirteen of the best graduation speeches of all time. [Электронный ресурс] URL: <http://www.businessinsider.com/best-graduation-speeches-of-all-time-2015-5>. Дата последнего обращения – 20.01.2016.

СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ «НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА» В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В.И. Карасик

THE PLOT MOTIVE “THE VIOLATION OF PROHIBITION” IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

V.I. Karasik

ABSTRACT:

The paper deals with a plot motive regarded as a narrative unit and studied on the material of violations of prohibitions represented in religious, legal, mass media, habitual and literary discourse types. The narrative approach to prohibition is connected with the theories of speech acts, cultural scripts and speech genres. Prohibition as a phenomenon of behavior is analyzed from the semantic and pragmatic points of view. Semantically, basic features of prohibition are fixed in the inner form of its naming – impediments and constraint caused by somebody for someone so as to control the other person or persons and punish them in case of their disobedience. Such constraint may be more or less categorical and is culturally determined. Pragmatically, prohibition elements are specifically emphasized in various discourse types. Punishment is predominant in religious narratives, conditions and circumstances of prohibition violation are enumerated in legal formulas, outcomes of such violation are expressed in media news, strange or comical cases of such events make them topical for habitual stories, and fighting against unjust prohibition is depicted in literary texts.

Key words: plot motive; prohibition violation; control; punishment; discourse types

АННОТАЦИЯ

Рассматривается сюжетный мотив как единица нарратива на материале нарушений запретов применительно к религиозному, юридическому, масс-медийному, обиходному и художественному дискурсу. Такой подход соотносится с изучением запретов в теории речевых актов, культурных скриптов и речевых жанров. В семантическом плане запрет представляет собой по данным внутренней формы его лексических номинаций создание препятствий и ограничение свободы действий для кого-либо со стороны контролирующего субъекта, имеющего возможность наказывать тех, кто нарушает предписания. В прагматическом плане нарушения запретов специфически проявляются в разных типах дискурса, при этом в религиозном дискурсе акцентируется неизбежность наказания, в юридическом детализируются обстоятельства нарушений, в масс-медийном на первый план выдвигаются последствия нарушений запретов, в обиходном значимыми оказываются неожиданные развязки таких нарушений, в художественном тексте нарушаются несправедливые запреты.

Ключевые слова: сюжетный мотив; нарушение запрета; контроль; наказание; типы дискурса

Известно, что культура начинается с запретов. Осмысление запрета как регулятора поведения неоднократно было предметом изучения философов, социологов, юристов, психологов и лингвистов [Астапенко 2004; Гайсина 2013; Дзыгивский 2000; Ермолова 2011; Казимова 2016; Карасик, Слышкин 2005; Медведева 2008; Роменская 2003; Русинова 2006; Сарайкина 2007; Скрипаенко 2007; Чеканова 2012]. Основательно изучены социально-культурные основания запрета, его разновидности, способы его выражения и обозначения в языке и коммуникации, его речеактовая структура. Нарушения запрета прямо связаны с ценностями и нормами поведения, и это отражено в юридических, моральных и религиозных предписаниях. Такие нарушения осмысливаются как преступления (в юриспруденции), как грехи (в религии), как аморальные поступки (в повседневной жизни). Определенные запреты являются цивилизационными (каннибализм), другие – этнокультурными (прямой взгляд на другого человека) либо социокультурными (солдатский грубый юмор), выделяются также микрогрупповые запреты (например, летчики избегают слова «последний» в разговоре о полетах). Некоторые запреты обусловлены объективными отрицательными последствиями действий (нельзя стоять под стрелой крана), другие отражают предрасудки (нельзя мыть голову перед экзаменом). Запреты могут быть более и менее категоричными, с одной стороны, и варьироваться по акцентированию роли запрещающего, с другой стороны.

Содержание коммуникативного феномена «запрет» как предписания, ограничивающего свободу действий кого-либо, представляет собой ядерную часть сложного регулятивного поведения, и к этой стабильной части (с учетом вариантов запрета) непременно добавляется ситуативно-личностная привязка запрета к конкретным обстоятельствам общения. В этом плане весьма важным уточнением сути запрета, как и других регулятивных действий, является его рематизация, о которой пишет В.Н. Телия, «весь кортеж коннотативных аспектов значения» – пресуппозиции дискурса, рациональное и эмоциональное отношение к обозначаемому, культурно-национальная рефлексия субъекта, понимание уместности либо неуместности развития той или иной темы [Телия 1996: 8–9].

Моделирование коммуникативного действия предполагает его осмысление в нескольких аспектах. В.В. Красных противопоставляет четыре основных компонента коммуникативного акта: 1) конситуацию (условия и участники общения), 2) контекст (имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, являющиеся частью ситуации и отражающиеся в дискурсе), 3) пресуппозицию (пересечение индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов), 4) речь (продукт непосредственного речепроизводства) [Красных 2001: 194–195]. В лингвокультурном плане наиболее значимым компонентом в этой модели является контекст – концентрат культурно обусловленных смыслов, определяющих интерпретацию некоторого события, ставшего фактом повествова-

ния. Такое событие может рассматриваться с разных позиций. В плане прагмалингвистики мы выделяем в нем последовательность компонентов, которые обуславливают друг друга и могут рассматриваться как структурная схема этого коммуникативного действия (применительно к запрету: наличие вероятности нежелательного развития действий – выражение волевого акта препятствия появлению такого развития событий – контроль над соблюдением запрета – наказание виновного в случае несоблюдения запрета). В плане теории речевых жанров мы анализируем текстотипы, в которых воплощается запрет применительно к разным типам дискурса – личностного, юридического, медицинского и т. д. В плане лингвоаксиологии нас интересуют культурно обусловленные традиции, нормы и ценности, которые можно вывести из наблюдаемых проявлений реализации запрета, его соблюдения либо нарушения, и которые моделируются в культурных скриптах, по А. Вежбицкой. В плане нарратологии акцентируется сюжетная структура события, его место в развитии всего повествования, его типичные функции, его генеративный потенциал (в этом отношении значимым оказывается нарушение запрета).

Запрет как волевой акт препятствия выполнению определенного действия предполагает, что соответствующее действие может нанести вред кому-либо. Запрет предполагает ситуацию, в которой выделяются следующие актанты: 1) тот, кто контролирует чье-либо поведение, 2) тот, кто находится под контролем, 3) тот, кто нарушает запрет, 4) тот, кто наказывает нарушителя запрета, 5) тот, кто является свидетелем нарушения запрета и последующего наказания нарушителя. Контролирующая и наказывающая инстанции в простых бытовых ситуациях совпадают, как совпадают и подконтрольное лицо и нарушитель запрета. Свидетель нарушения и наказания факультативен. Помимо участников ситуации запрета значимыми оказываются исторические условия запрета как регулятора поведения (за один и тот же анекдот о власти в одних условиях можно было получить тюремное заключение, а в других выражение недоумения или одобрение в социальных сетях). Важным компонентом контекста запрета является его мотивировка, которая может быть самоочевидной либо абсурдной, вербализуемой либо подразумеваемой, направленной в пользу того, кому запрещается некое действие, либо в пользу того, кто контролирует ситуацию и использует запрет как знак подтверждения собственного статуса.

Семантика запрета детально описана Ю.Д. Апресяном в синонимическом словаре: «считая, что Y может или может захотеть сделать P, и имея право или власть сказать Y-у, что ему нельзя делать P, и наказать его в случае неподчинения, X говорит Y-у, что ему нельзя делать P» [Апресян 2003]. Смысловая вариативность запрета в русском языке лексически представлена как противопоставление личной и официальной сфер общения («запрещать» и «воспрещать») и вытекающих отсюда действий и состояний, которые подлежат запрету. В качестве экзотиче-

ских заимствований, обозначающих специфические обстоятельства запрета, в русском языке используются слова «вето» (запрещение законопроекта) и «табу» (религиозный запрет в первобытном обществе). Обратившись к словарю синонимов английского языка [Webster's ЭР], мы можем увидеть следующие смысловые уточнения запрета: акцентирование воли субъекта запрещения в противоположность подчеркиванию целесообразности запрета, используемого для поддержания порядка (forbid – prohibit), характеристика субъекта – гражданская либо церковная власть (interdict), характеристика объекта запрета – нечто, вызывающее осуждение (ban).

Идея запрета соотносится с базовыми модальными отношениями: 1) возможность – необходимость, 2) волеизъявление – долженствование, 3) запрещение – разрешение. Эти отношения многократно пересекаются применительно к контролирующему и подконтрольному субъектам. Запрещение противопоставлено разрешению делать что-либо, при этом подчеркивается право и власть одного субъекта контролировать свободу действий другого субъекта.

Семантика запрета раскрывается во внутренней форме слов, обозначающих этот концепт. Слова «запрещение», «запрет» в русском языке образованы от приставки *за-* и глагола *претити* ‘удерживать, останавливать’, корень этого глагола этимологически восходит к индоевропейской основе **per-* со значением ‘стремление, напор’, отсюда разветвленные ассоциации «переть», «прения», «первый» и др. [Черных 1999; Цыганенко 1989]. Аналогичным образом английский глагол *prohibit* восходит к латинскому *prohibere* – *hold back, restrain* [Klein 1966] – ‘сдерживать, удерживать’, в то время как его ближайший синоним *forbid* – *to command (a person) not to do, have, use, or indulge in (something), or not to enter (a place)* [Concise... 1976] – ‘приказывать кому-либо не делать, не иметь, не использовать, не позволять себе что-либо, не входить куда-либо’ – акцентирует идею оказания давления на того, кто должен быть под контролем; индоевропейская основа **bheidh-* со значением ‘заставлять, принуждать’ ассоциативно реализуется в разных языках как рус. «убеждать», лат. *fides* (вера), а также «будить, пробуждать» (санскр. *Buddha*). Латинский глагол *interdicere* имеет прозрачную мотивировку – ‘вмешавшись, сказать’, т. е. акцентирует противодействие чему-либо в вербальной форме. В семитских языках запрет осмысливается как нечто, недопустимое для прикосновения (корень «х-р-м»), отсюда араб. «гарем»), либо связывание (корень «а-с-р»), ср. в русском «обязан» из «обвязан». В тюркских языках идея запрета связана с приведением в порядок, выстраиванием в ряд, корень «йаса-» осмыслен как ‘наказание, запрещение, боевой порядок, подать’ [Севортян 1989].

Таким образом, запрет изначально осмысливается как создание физического и символического препятствия и вербальное выражение волевого давления на кого-либо. Реакция на запрет – это выполнение предписания, его игнорирование либо протест.

Повествования о нарушениях запрета весьма частотны как в бытовом, так и в специализированном дискурсе, и поэтому можно охарактеризовать такие нарушения как сюжетные мотивы – минимальные единицы нарративов, изучение которых позволяет раскрыть как нормы общества, так и закономерности построения сюжетов [Веселовский 1940; Пропп 1928; Мелетинский 1983; Дандес 2003; Неклюдов 1984, 2004; Силантьев 2004; Тюпа 2010; Шмид 2003].

В семиотическом плане сюжетный мотив представляет собой трехмерное смысловое образование, семантической стороной которого является концепт – квант переживаемого знания, выступающий в качестве единицы нарратива, его прагматическая сторона функционирует как его сюжетообразующий потенциал, воспринимаемый интерпретатором, его синтаксическая сторона проявляется в интертекстуальных и интердискурсивных связях соответствующего мотива в сопоставимых текстах и ситуациях [Карасик 2015].

Соблюдение запрета, как и выполнение предписания, рассматривается как норма поведения и в этом качестве не обладает сюжетопорождающим потенциалом. Отклонения от такой нормы могут развиваться в двух возможных направлениях: строгое соблюдение кем-либо запрета, который многими считается несправедливым и странным и поэтому игнорируется, и нарушение запрета. В коллективном сознании выработаны оценочные установки по отношению к тем, кто чересчур усердно соблюдает запреты и предписания: *«Не надо быть правовернее Магомета»*. Психологически такая оценка понятна: если кто-либо строго соблюдает запрет, который нарушается большинством, то он прямо или косвенно показывает многим, что те ведут себя неправильно, а это может расцениваться как стремление унижить их. Аналогичным образом порицаются те, кого называют умниками, даже если они не проявляют насмешку по отношению к окружающим.

Примером чрезмерной демонстрации одного из предписаний поведения (никогда не лгать) является повествование в рассказе У. Сомерсета Моэма “Mister Know All” («Мистер Всезнайка»). Суть этого нарратива сводится к следующему:

На большом океанском лайнере, идущем из Сан-Франциско в Иокагаму, рассказчику попался сосед по каюте, который оказался чересчур общительным и уверенным в себе человеком. Он имел свое аргументированное мнение по всем вопросам, о которых говорили его собеседники, и заслужил ироничное прозвище Мистер Всезнайка. Но однажды произошло происшествие, которое поставило под сомнение основательность суждений этого человека. На этом корабле из Америки следовала супружеская пара, государственный служащий получил назначение в Японию и забрал свою молодую жену из Нью-Йорка, где ей пришлось год жить без него. Этот господин воспринимал суждения Всезнайки саркастически и решил проверить его знания относительно подлинности жемчуга (в этой области Всезнайка считал себя экспертом). Во время встречи в обеденном зале оппонент Всезнайки предложил оценить под-

линность жемчужного ожерелья, которое украшало жену этого служащего. Эксперт сразу сказал, что жемчуг является подлинным и стоит очень дорого, но его оппонент со смехом заявил, что ожерелье было куплено почти даром, поскольку состояло из искусственных жемчужин. Разгорелся спор, и было заключено пари на 100 долларов между спорщиками. Всезнайка достал увеличительное стекло и с торжествующим видом собрался произнести свой вердикт, но в этот момент увидел, что молодая женщина, которая носила эти жемчуга и сказала своему мужу, что купила их за несколько долларов, смертельно побелела от ужаса. Наступив на свою гордость, Всезнайка признал, что был неправ и протянул своему довольному сопернику банкноту в знак признания своего поражения. Вечером в каюту, в которой находились рассказчик и Мистер Всезнайка, было брошено письмо, адресованное попутчику рассказчика, в конверте лежала стодолларовая купюра.

Предписание всегда говорить правду (запрет лгать) считается одной из норм поведения, нарушение которой вызывает общественное осуждение. Однако настойчивое соблюдение этой нормы в определенных обстоятельствах может привести к трагическим последствиям, в приведенном сюжете репутация молодой женщины могла бы существенно пострадать: было ясно, что ожерелье было весьма ценным подарком ей, сделанным, вероятно, в знак любви. В приведенном рассказе интрига строится на противоречии интенций героя подтвердить свой статус эксперта и совершить благородный поступок в ущерб своей репутации. Первая интенция соответствует сюжетному мотиву, раскрывающему предписание никогда не лгать. Все коммуникативные поступки данного персонажа до того в полной мере соответствовали этому предписанию, и это вызвало неприятие этого героя остальными участниками события.

Отметим, что формальное соблюдение запрета в ряде случаев сочетается с его фактическим нарушением. Например, во время прений в Британском парламенте имел место (или якобы имел место) следующий диалог:

Член парламента обращается к спикеру: Мистер спикер, могу ли я назвать моего уважаемого коллегу, мистера NN, грязной свиньей?

Спикер: Нет, не можете.

Член парламента: Благодарю Вас.

Предписание формально выполнено.

Нарушение запрета может быть сознательным и неосознанным, при этом общим местом является тезис о том, что незнание закона не освобождает от ответственности. Примером сознательного нарушения запрета является сюжет о яблоке в Эдемском саду, а в качестве неосознанного нарушения запрета может быть взят миф об Эдипе, который совершил несколько преступлений – убил своего отца, не зная, что является его сыном, и женился на своей матери, не ведая о том, что это его мать (эти запреты отражают важнейшие установления архаичного об-

щества о недопустимости кровной вражды и инцеста между родственниками; заметим, что убийство как таковое не запрещается).

Сознательное нарушение строгого запрета на присвоение жреческих прав излагается в Ветхом Завете в истории Озии, десятого царя в царстве Иудейском. Он вступил на престол 16-летним юношей и царствовал 52 года, добившись больших успехов для своей страны. Он построил башни в столице и в пустыне, сделал множество водоемов, увеличил войско, усовершенствовал его боевую экипировку и укрепил его боевыми машинами.

16. Но когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом Богом своим, ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном. 17. И пошел за ним Азария священник, и с ним восемьдесят священников Господних, людей отличных, 18. и воспротивились Озии царю и сказали ему: не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых, посвященных для каждения; выйди из святилища, ибо ты поступил незаконно, и не будет тебе это в честь у Господа Бога. 19. И разгневался Озия, — а в руке у него кадильница для каждения; и когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его, пред лицом священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного. 20. И взглянул на него Азария первосвященник и все священники; и вот у него проказа на челе его. И понуждали его выйти оттуда, да и сам он спешил удалиться, так как поразил его Господь. 21. И был царь Озия прокаженным до дня смерти своей, и жил в отдельном доме и отлучен был от дома Господня. А Иоафам, сын его, начальствовал над домом царским и управлял народом земли (Библия, Вторая книга Паралипоменон 26: 16–21).

Право проводить священные обряды принадлежало только жрецам. Царь совершил двойное преступление — он узурпировал сакральный обряд и при этом разгневался на жрецов, которые его покритиковали. Наказание свершилось тут же — на лице Озии внезапно появились пятна проказы, страшного неизлечимого заболевания, и царю пришлось до смерти жить в особом жилище и при этом быть отлученным от храма. Этот сюжетный мотив нарушения запрета иллюстрирует святотатственный поступок: царь нарушает божественный завет и получает наказание от Бога. Все предшествующие достижения, подвиги и благодеяния царя для страны и народа не смогли перевесить тяжесть совершенного преступления.

Нарушения запретов совершать те или иные действия против государства, людей, их здоровья и имущества обозначены в диспозициях и санкциях различных юридических кодексов с древнейших времен до наших дней. Так в законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII век до н.э.) сказано:

Если строитель построит человеку дом и сделает свою работу не прочно, так что построенный им дом обвалится и причинит смерть хо-

зьяину дома, (то) этого строителя должно убить. (Сборник законов царя Хаммурапи).

Это предписание касается качества выполненной работы и в диспозиции (описании обстоятельств, которые причинили вред кому-либо) в полной мере соответствует современным представлениям о преступном нарушении норм производства, в данном случае строительства. В наши дни изменилась формулировка санкции – наказание стало иным:

УК РФ, Статья 216. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ

1. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба, –

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, –
наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Статья из современного Уголовного Кодекса Российской Федерации конкретизирует как формулировку запрета нарушать правила безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, так и наказание за подобное нарушение. Современное юридическое мышление, как можно видеть, оперирует не «точечным» определением некоторого преступления, а его презентацией в виде шкалы, на которой выделяются степени тяжести последствий нарушения запрета и соответственно вариативные меры наказания. Эти формулировки представляют собой концепт, изолированный от ситуации совершения или значимого несовершения определенных действий. Нарратив по определению включает

различные ситуативные обстоятельства, предшествующие событию и следующие за ним. В газете «Московский комсомолец» опубликована следующая заметка в разделе «Происшествия»:

Новый случай с обрушением лифта произошел теперь на юге Москвы в пятницу 15 января. В одном из жилых домов на Автозаводской улице у кабины лифта оборвался трос, и она рухнула в шахту прямо вместе с находящейся внутри женщиной. Пассажирке повезло, что лифт находился в районе второго этаже и падение произошло с незначительной высоты, поэтому женщина выжила, передает LifeNews. Однако, как говорится в сообщении, она потеряла сознание и в таком виде ее ремонтники, прибывшие по вызову жильцов, передали бригаде врачей «скорой помощи». Сегодня стало известно, что по этому делу задержали электромеханика Алексея Белоусова, трудившимся в компании «Лифт Гарант». Он выполнял работы по техническому обслуживанию лифта. По предварительным данным в лифте произошел обрыв троса с противовесом. Вечером механика Белоусова доставили в Хорошевский суд, где решается вопрос о выборе ему меры пресечения. Друзья рабочего говорят, что он просто назначен козлом отпущения по этому делу.

Пресуппозицией для понимания этой информации являются знания о том, что техническое обслуживание лифтов должно производиться регулярно и квалифицированно, и соответственно, нарушение правил такого обслуживания квалифицируется как преступная халатность. Актуальным для журналистов и читателей является то, что вынесено в рематическую часть сообщения: 1) новый случай обрушения лифта, следовательно, такие происшествия стали регулярными, 2) конкретные последствия падения лифтовой кабины, 3) задержание электромеханика (установление потенциального виновника), 4) причина аварии (обрыв троса), 5) сомнение в виновности задержанного). Можно сделать вывод о том, что компонент «наказание» в ситуации нарушения предписания либо запрета является наиболее ярким в коллективном и индивидуальном сознании. Актуальным также является сомнение в правильности определения виновника происшествия, именно поэтому наказанию должен предшествовать суд, который как предполагается, примет во внимание факты, установленные следствием. В меньшей мере читатели осознают то, кто установил те или иные нормы и насколько эти нормы целесообразны и выполнимы.

Запрет может иметь различную мотивировку – он может опираться на систему ценностей общества или индивидуальных ценностей личности, либо может выражать установку на беспрекословное подчинение со стороны контролируемого субъекта. Демонстрация такой власти порой приобретает патологическую форму:

Челябинск, Март 09 (Новый День – НР, Виктор Елисеев) – В Кыштыме женщина отправила вешаться сына-инвалида за то, что подросток нарушил ее запрет.

Как передает корреспондент NDNews.ru, напуганный 14-летний мальчик прибежал в отделение полиции в одних носках, в руках он держал ботинки, куртку и веревку. Подросток рассказал, что живет в одном из домов по улице Комсомольской вместе с матерью, отчимом и младшим братом. В злополучный день родители отправились по магазинам, оставив детей дома. При этом подростка заперли в комнате одного. Через некоторое время младший брат сообщил через дверь старшему, что ему страшно. Подросток предложил тому отодвинуть щеколду и зайти к нему в комнату. Это, по словам парня, и рассердило мать. Родительница принялась избивать сына резиновой палкой, затем бросила в него стеклянную кружку, но промахнулась. После этого женщина швырнула мальчику веревку, заявив, что дает ему 10 минут, чтобы повеситься. Тогда подросток выбежал из дома и отправился в полицию (<http://urfo.org/chel/559936.html>).

Женщина запретила своему старшему сыну открывать запертую дверь. Причина такого запрета непонятна, возможно, этот подросток-инвалид страдает таким заболеванием, что контактировать с ним ребенку нежелательно, с точки зрения его матери. Наказанием за это нарушение было избивание инвалида и принуждение его к самоубийству – в качестве реального приказания либо эмоционального аффективного высказывания, не предназначенного для выполнения. Подросток воспринял эту угрозу в буквальном смысле и попытался спастись бегством.

В ряде случаев нарушения запретов в нарративах завершаются абсурдной нейтрализацией потенциальных виновников, если речь идет о тех сюжетах, когда серьезный ущерб ставится под сомнение. Приведу пример жизненной ситуации.

После проведения государственного экзамена в некотором университете председатель экзаменационной комиссии увидел учебник, лежащий в одном из столов, за которым сидели экзаменуемые, и потребовал отменить результаты экзамена для того, кто списал ответ. Заведующий кафедрой, член этой экзаменационной комиссии, немедленно вызвал группу студентов, сдававших этот экзамен, и строго спросил их: «Чей это учебник?». Они молчали. Он несколько раз повторил вопрос. Ответа не было. И тогда он сказал: «Я полагаю, что это – ничей учебник».

Эта фраза могла быть истолкована только в одном смысле: учебник не принадлежал никому из студентов и случайно оказался в столе. На экзамене запрещено списывать, это известно экзаменуемым, и если такой обман замечен, то студент удаляется с экзамена и получает неудовлетворительную оценку. Субъектом данной нормы является академическое сообщество в целом и представители администрации университета либо контролирующие инстанции в частности, они же выступают и в качестве субъектов наказания нарушителей. Администратор в приведенном примере попытался спасти репутацию кафедры и избежать неприятностей, связанных с неудовлетворительной оценкой на государственном экзамене, поскольку эта оценка выносится не только студенту, но и опосредованно преподавателям данного учреждения. Для

но и опосредованно преподавателям данного учреждения. Для студентов такое развитие события выглядело в определенной мере комичным. Подобные ситуации в прагмалингвистике квалифицируются как особая разновидность косвенного намека, когда все участники ситуации понимают, о чем идет речь, но делают вид, что не поняли. Перед нами пример нарушения запрета, за которым не следует наказание.

Запреты вариативно представлены в художественных повествованиях.

В сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» запрет касается исполнения желания: братец не смог перебороть жажду и превратился в козленочка. Назидательный смысл запрета сводится к выработке силы воли и самоконтроля.

В сказке Шарля Перро «Синяя борода» запрет составляет основу сюжета: молодая женщина выходит замуж за богатого человека с синей бородой. Она имеет право заходить в любые помещения в его замке, кроме одной секретной комнаты. Синяя Борода уезжает на некоторое время по делам и оставляет жене все ключи, предупреждая ее, что в секретную комнату заходить нельзя: *«Запрещение мое на этот счет такое строгое и грозное, что если тебе случится – чего боже сохрани – ее отпереть, то нет такой беды, которой ты бы не должна была ожидать от моего гнева»*. Женщина не может побороть любопытство и узнает о страшной тайне своего мужа: хозяин замка в секретной комнате хранит трупы убитых им жен. Вернувшись, Синяя Борода узнает о том, что его запрет был нарушен (на ключе проявилась кровь) и готовится убить ослушавшуюся его жену. Лишь чудо спасает ее. Назидательный смысл этой сказки отражает нормы патриархального уклада: жене положено слепо повиноваться мужу. В определенной мере этот сюжет об искушении запретом дублирует повествование о запретном плоде.

В ряде случаев запреты усилены тяжестью наказания. В романе Умберто Эко «Имя Розы» аббат прямо говорит об этом в разговоре с Вильгельмом Баскервильским, который прибыл в аббатство для расследования совершенных там преступлений:

– После вечернего стола Храмину замыкают, и доступ туда строжайше запрещен... – Тут Вильгельм, по-видимому, собрался что-то спросить, потому что Аббат угадал его вопрос и добавил, хотя и очень неохотно: – ...запрещен всем, включая, разумеется, монахов, но...

– Но что?

– Но... Для прислуги это совершенно, понимаете, совершенно невозможно: осмелиться войти в Храмину ночью... – Тут по лицу Аббата пробежала какая-то вызывающая улыбка, но тут же угасла, как угасает ночная зарница. – Что вы! Они смертельно этого боятся. Понимаете, когда хочешь что-то оборонить от простецов, запрет надо усилить угрозой: убедить, что с тем, кто нарушит, произойдет нечто ужасное, скорее всего потустороннее.

Угроза потустороннего вмешательства в случае нарушения запрета оказывается весьма действенной для людей недостаточно образованных. Роман Умберто Эко отстаивает право человека мыслящего усомниться в аксиоматике христианских запретов, в частности – в запрете на смех при обращении к святым текстам. В аббатстве всем строго запрещен доступ в библиотеку, право выдачи книг имеет только ее хранитель, знающий систему и тайны ее лабиринта:

Библиотека родилась из некоего плана, который пребывает в глубокой тайне, тайну же эту никому из иноков не дано познать. Только библиотекарю известен план хранилища, преподанный ему предшественником, и еще при жизни он должен заповедать его преемнику, чтобы случайная гибель единственного посвященного не лишила братство ключа к секретам библиотеки. Их знают двое, старый и молодой, но уста обоих опечатаны клятвой. Только библиотекарю имеет право двигаться по книжным лабиринтам, только он знает, где искать книги и куда их ставить, только он несет ответ за их сохранность. «Ибо не всякая истина – не всякому уху предназначается, и не всякая ложь может быть распознана доверчивой душой.» Да и братья, по уставу, должны в скриптории заниматься заранее обусловленными работами, для которых потребны заранее оговоренные книги – и никакие иные. Нечего потакать всякому порыву безрассудного любопытства, рожденного слабостью ли духа, опасной ли гордынею, либо дьявольским наущением.

В приведенном отрывке говорится о запрете на получение определенных знаний, которые могут смутить неокрепшие души, по мнению хранителей веры. Сюжет всей книги состоит в распутывании тайны, связанной с неизвестным текстом Аристотеля о смехе. Этот текст, как считает слепой фанатик Хорхе, антагонист героя-философа Вильгельма, может пошатнуть основы веры и поэтому должен оставаться запретным. При этом книга на протяжении столетий не уничтожается, а хранится в секретном месте, и ее страницы пропитаны ядом, чтобы дерзкие читатели, перелистывая страницы, отравились. Запрет превращается в дьявольское искушение – вспомним, что запретный плод в Эдемском саду не был ядовитым (в теологической литературе высказана интересная, хотя и не бесспорная мысль о том, что этот плод предназначался для человека чуть позже, и грех состоял не только в нарушении запрета как такового, но и в отсутствии у Адама самоконтроля). Умберто Эко, на мой взгляд, использует сюжетный мотив «нарушение запрета» как раскрытие устремленности человека к преодолению ограничений.

Главная сюжетная интрига в романе Р. Брэдли «451° по Фаренгейту» состоит в протесте против уничтожения культуры, запечатленной в книгах. В фантастической антиутопии действует закон, по которому все книги должны быть уничтожены, для этого существуют специально обученные люди – пожарники, которые приезжают в дом, где, по полученным сведениям, спрятаны книги, и сжигают это жилище. В этой яркой символической метафоре книги сравниваются с опасной инфек-

цией, которая уничтожается очистительным огнем. Переворачивается образ пожарника – теперь это не тот, кто тушит пожар, но напротив, тот, кто устраивает пожар, сжигая библиотеки. Главный герой с характерной фамилией Монтэг (по-немецки Montag – ‘понедельник’) символизирует обычного человека, который выполняет, не сомневаясь, приказы начальства и уничтожает книги, а затем приходит к пониманию несправедливости такого миропорядка и начинает последовательно нарушать этот бессмысленный запрет. Борьба с несправедливым и бессмысленным запретом становится смыслом жизни для главного героя. Тот, кто был винтиком в карательной машине, превращается в ее сознательного врага. Нарушение запрета показано в романе как стадийное изменение главных установок героя: сначала появляется сомнение в правильности незыблемых канонов социального устройства (фашистское государство с тотальным доносительством, незатейливый досуг в виде бесконечного просмотра телевизионных серий, поиск врагов), затем происходит столкновение героя с людьми, умеющими защищать свои убеждения даже ценой жизни (женщина, которая предпочла сгореть вместе со своей библиотекой), далее герой совершает сознательный поступок, нарушая главное предписание (прячет книгу у себя дома), затем он выходит на контакт с теми, кто противостоит системе (носители старой культуры), наконец, этот пожарный убивает своего начальника, который считал, что контролирует героя (этот брандмейстер приводит героя в его дом, чтобы тот сам уничтожил тайное собрание спасенных книг, но пожарник направляет огнемёт на своего антагониста – происходит символическое сожжение того, кто считает себя вершителем судеб). Роман изобилует яркими символами. Приводится цитата священника Хью Латимера, деятеля английской Реформации, который был сожжен на костре в Оксфорде в 1555 году как еретик при Марии Тюдор: *Play the man, Master Ridley. We shall this day light such a candle, by God's grace, in England, as I trust shall never be put out.* – *Будьте мужественны, Ридли. Божьей милостью мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которую, я верю, им не погасить никогда* (перевод Т. Шинкарь). Способность противостоять запрету становится показателем душевной силы и мужества.

Резюмирую.

Запрет как регулятор поведения специфически проявляется в личной и институциональной сферах, характеризуется этнокультурной и социокультурной обусловленностью и может быть более и менее категоричным. В качестве сюжетного мотива единицей повествования выступает нарушение запрета, которое противопоставлено как его соблюдению, так и его демонстративному выполнению. Можно противопоставить формальное и фактическое соблюдение запрета. В религиозных нарративах о нарушении запрета назидательно подчеркивается неотвратимость наказания, в судебных выделяются намерения и обстоятельства совершения преступления, в медийных акцентируются преимуществен-

но результаты нарушения предписаний, в обиходном повествовании выделяются комические сюжеты, в которых нарушения запретов не влекут за собой наказания, в художественном дискурсе значимы повествования о запретах как испытаниях для человека. В сказках запреты сопряжены с назидательной демонстрацией важности самоконтроля, в авторских нарративах показана значимость борьбы с несправедливым запретом.

Литература / References

1. *Астапенко Е.В.* Высказывания о ситуациях запрета: как феномен английского языка и как феномен американской культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. – 18 с.
2. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940. – 648 с.
3. *Гайсина Ф.Ф.* Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. – 26 с.
4. *Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. / Пер. с англ.; Сост. А.С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.
5. *Дзыгивский П.И.* Запрет как форма социокультурной идентификации: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2000. – 21 с.
6. *Ермолова М.В.* Концепт запрета в немецком языке: содержание, структура, средства репрезентации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. – 22 с.
7. *Казимова П.А.* Способы и средства выражения запрета в даргинском языке в сопоставлении с русским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. – 24 с.
8. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
9. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Запрет и нарушение запрета как коммуникативные действия // «Злая лая матерная...»: Сб. ст. / под ред. В.И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 17–34.
10. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
11. *Медведева Д.И.* Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. – 22 с.
12. *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту: ТГУ, 1983. С. 115–125.
13. *Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
14. *Неклюдов С.Ю.* О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.
15. *Пропф В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. – 152 с.
16. *Роменская М.Ю.* Функционально-семантическое поле запрета в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2003. – 22 с.
17. *Руссинова Т.В.* Особенности функционирования запрета: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. – 21 с.
18. *Сарайкина О.В.* Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. – 21 с.
19. Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти: ИИП «Акцент», 1996. – 56 с.
20. *Севортян Э.В., Левицкая Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й. М.: Наука, 1989. [Электронный

- ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=896014>. Дата последнего обращения – 21.06.2016.
21. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
  22. *Скрипаенко А.Н.* Структурно-семантические и прагматические свойства высказываний со значением институционализированного запрета: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. – 18 с.
  23. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
  24. *Тюпа В.И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
  25. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. Изд. 2. Киев: Рад. шк., 1989. – 511 с.
  26. *Чеканова Т.Н.* Социально-философский анализ ситуаций запрета в структурах повседневности: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Тверь, 2012. – 19 с.
  27. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. – 624 с. + 560 с.
  28. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
  29. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. In 2 vol. Amsterdam, London, NY: Elsevier, 1966–1967. [Электронный ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4451039>. Дата последнего обращения – 21.06.2016.
  30. The Concise Oxford Dictionary. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 1976. – 1368 p. – [COD]
  31. Webster's New Dictionary of Synonyms. P.B. Gove (Ed.). Springfield: Merriam, 1978. [Электронный ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2471472>. Дата последнего обращения – 21.06.2016. – [WNDS]

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО
ЯЗЫКА (ПОД РЕД. А.И. МОЛОТКОВА)
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

А.В. Кирилина

**THE PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LAN-
GUAGE (EDITED BY A.I. MOLOTKOV)
FROM THE PERSPECTIVE OF GENDER LINGUISTICS**

A.V. Kirilina

ABSTRACT

The paper discusses the results of the gender study of phraseologisms taken from the Phraseological dictionary of the Russian language (edited by A.I. Molotkov). Phraseological units are analyzed by means of the method worked out by Yu.D. Apresyan. According to the research findings, the gender asymmetry of the phraseological material in question is not significant. The majority of the gender-relevant Russian phraseologisms under consideration convey the evaluation of moral qualities and standards of behaviour as well as the emotional evaluation and, in some cases, activity.

Key words: gender; phraseology; lexicography

АННОТАЦИЯ

В статье с позиций гендерного подхода рассматривается материал Фразеологического словаря русского языка (под ред. А.И. Молоткова). К материалу словаря применена схема анализа Ю.Д. Апресяна. Установлено, что материал словаря не показал значительной гендерной асимметрии. Большая часть гендерно релевантных ФЕ репрезентирует оценки нравственных качеств и поведенческих норм, а также эмоциональную оценку и – отчасти – деятельность.

Ключевые слова: гендер; фразеология; лексикография

Ю.Д. Апресяном предложена схема описания наивной картины человека, отраженной в языке: «Человек мыслится в русской языковой картине мира <...> прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия» [Апресян 1995: 352]. По Апресяну, основные системы человека могут быть сведены в следующую схему [Там же: 355–356]:

- 1) физическое восприятие (зрение, слух и т. д.);
- 2) физиологические состояния (голод, жажда и т. д.);

3) физиологические реакции на внешние или внутренние воздействия (бледность, холод, жар и т. д.);

4) физические действия и деятельность (работать, идти, рисовать и т. д.);

5) желания (хотеть, стремиться, предпочитать и т. д.);

6) мышление, интеллектуальная деятельность в целом (воображать, оценивать, представлять, помнить, догадываться и т. д.)

7) эмоции (бояться, радоваться, любить и т. д.);

8) речь (говорить, советовать, жаловаться, хвалить, ругать и т. д.).

На наш взгляд, эта схема применима также к анализу женственности и мужественности и дает возможность проследить, какие из приведенных выше «узлов» схемы в большей степени связаны с мужественностью, а какие – с женственностью.

Рассмотрим теперь фразеологический материал с позиции схемы Ю.Д. Апресяна.

Базой анализа стал Фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова [Фразеологический... 1986], содержащий более 4 000 словарных статей. Некоторые из анализируемых единиц остались за его рамками. Для полноты описания (хотя мы, разумеется, не претендуем на исчерпывающую полноту) привлекался также раздел монографии В.Н. Телия [Телия 1996], посвященный отражению культурного концепта *женщина* в русской фразеологии. Рассматривается внутренняя форма фразеологических единиц (ФЕ), то есть их образная мотивация, на важность исследования которой указывают многие авторы [Телия 1996, 1999; Степанов 1997; Баранов, Добровольский 1998].

Проанализированный материал показал следующее:

1) большая часть фразеологизмов не различается по полу, она отражает не номинацию лиц, а номинацию действий (*попасть под руку*). Значительная их часть основана на телесной метафоре (по Лакоффу) – *встать с левой ноги, попасть под руку, сложить голову* и т. п. То есть их внутренняя форма приложима ко всем лицам независимо от пола. Все люди могут *петь дифирамбы, чесать язык, не выйти рылом*, что показывают и контекстные примеры, содержащиеся в словаре;

2) часть фразеологизмов относится только к мужчинам: *шут гороховый, рыцарь без страха и упрека, разбойник с большой дороги, мышинный жеребчик*; к этой же группе относятся единицы, относящиеся к референтам-мужчинам или женщинам, но имеющие конкретные прообразы: *мафусаиловы года, каинова печать* – в данном случае библейские или литературные и исторические: *Демьянова уха, Мамай прошел, Маланьина свадьба*;

3) единицы, имеющие только женских референтов в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин: *отдать руку и сердце, подруга жизни, талия в рюмочку*. К этой же группе относятся фразеологизмы *разрешиться от бремени, на сносях*, которые тем не

менее могут быть применимы и к мужчинам: *Ты защитился? – Нет, но уже на сносях;*

4) группа, которая по внутренней форме может быть соотнесена с мужской деятельностью, но не исключает и женского референта: *бряцать оружием, бросить перчатку, с открытым забралом*. Характерен пример из словаря [Фразеологический... 1986: 188]: *И это я знала перед свадьбой, я знала, что с ним я буду вольный казак* (И.С. Тургенев. Вешние воды);

5) группа, где есть парные соответствия: *соломенная вдова – соломенный вдовец, в костюме Адама – в костюме Евы* или *в костюме Адама и Евы*;

6) группа, где внутренняя форма отсылает к женскому референту, но само выражение применимо ко всем лицам: *базарная баба, кисейная барышня, бабушкины сказки, но: христова невеста*.

В последней группе можно наблюдать в основном отрицательно коннотированные именованья женщин, что позволяет говорить о гендерных асимметриях. Однако такие выражения, как *чертова / старая перечница* по отношению к женщине соотносимы с мужским выражением *старый пердун* (отсутствующем в словаре, но всем хорошо известном). Вообще вопрос о преимущественно отрицательной коннотации в номинациях с женскими референтами представляется несколько спорным. Одиночные примеры в этом отношении не показательны. Следует рассматривать большие массивы данных, причем рассматривать не изолированно, а в сопоставлении с мужскими номинациями. В материале исследованного нами словаря значительной асимметрии не обнаружено. Наряду с выражениями *чертова перечница, синий чулок, кисейная барышня, старая дева, трепать юбки, базарная баба* присутствуют также *подруга/спутница жизни* и ряд нейтральных выражений. Мужские именованья также содержат как положительно, так и отрицательно коннотированные единицы: *разбойник с большой дороги, пень березовый, Иван, родства не помнящий, олух царя небесного, шут гороховый, жеребьячья порода (попы) – сильный пол, малый не промах, мастер золотые руки*.

Количество отрицательно коннотированных единиц выше и в мужской и в женской группе. Этот факт следует соотносить не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно коннотированных единиц в целом больше по всему фразеологическому полю. Во фразеологической оппозиции «положительное» / «отрицательное» маркирован последний член оппозиции, то есть наличие чего-либо положительного рассматривается как норма и потому лексикализуется реже.

Кроме того, как уже говорилось, целый ряд единиц одинаково применим как к мужчинам, так и к женщинам: *дубина стоеросовая, шишка на ровном месте, родная кровь*.

К признакам андроцентричности можно отнести употребление отрицательно коннотированных единиц с женской внутренней формой для названия мужчин: *базарная баба* – и положительно коннотированных единиц с мужской внутренней формой: *свой парень* – по отношению к женщинам. Однако таких употреблений немного.

В группе (4) гендерная асимметрия проявляется в метафоризации типично мужской деятельности: *бряцать оружием, держать порох сухим*.

Добавим, что В.Н. Телия [Телия 1996] определяет ряд базовых метафор для концепта «женщина» в русской культуре:

- мужественная женщина, так как «для русского обыденного сознания нехарактерно восприятие женщины как “слабого пола” и противопоставления ее “сильному полу”» [Там же: 263];

- скандальное существо: *базарная баба*;

- андроцентричная «гастрономическая» метафора: *сдобная, аппетитная женщина*;

- осуждение слишком вольного поведения женщины: *ходить по рукам, вешаться на шею, трепать юбки*. В.Н. Телия считает фразеологизм *вешаться на шею* исключительно женским. Иная точка зрения представлена в [Фразеологический... 1986], где наличествует пример употребления по отношению к референту-мужчине;

- малая ценность женского ума и женского творчества: *женская литература, дамский роман*.

Наряду с этим В.Н. Телия отмечает и положительные черты, относящиеся к «таким ипостасям женщины, как невеста, “Верная подруга и добродетельная мать”» [Там же: 268].

В целом же мы придерживаемся мнения, что рассматриваемый фразеологический словарь представляет весьма скудный материал, что связано с:

- 1) наличием в нем в основном номинации не лиц, а действий, свойственных всем людям и часто основанных на «телесной метафоре»;

- 2) преобладанием во фразеологии негативной оценочности, связанной не с гендерным фактором, а с особенностью человеческой концептуализации действительности, когда «хорошее» является нормой и не всегда фиксируется в языке, а «плохое» маркировано и отражается в языке чаще как признак отклонения от идеального «хорошего». Поэтому, выражаясь в известной мере условно, можно сделать вывод, что противопоставляются не «плохие женщины» «хорошим мужчинам», а «плохое» «хорошему» в рамках общечеловеческого (ср. [Телия 1996; Арутюнова 1987]).

Материал словаря не показал значительной гендерной асимметрии. Сопоставив его со схемой описания Ю.Д. Апресяна, мы обнаружили, что физиологические реакции и состояния почти не представлены (возможно, это связано с практикой невключения в словари ненормативных единиц). Большая часть гендерно релевантных ФЕ репрезентирует

оценки нравственных качеств и поведенческих норм, а также эмоциональную оценку, отчасти деятельность. Примечательно, что ассоциативный эксперимент [Кирилина 1999] дал аналогичную картину.

Литература / References

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–388.
2. *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания/ 1987, № 3. С. 3–19.
3. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
4. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия АН РФ. Серия литературы и языка. 1998, Т. 57, № 1. С. 36–44.
5. *Кирилина А.В.* Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1999. С. 46–53.
6. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
7. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13–24.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
9. *Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова.* 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. – 543 с. – [ФСРЯ]

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В РЯДУ НОВЫХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ ГОВОРЯЩЕМ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

V.V. Красных

LINGUOCULTUROLOGY AMONG NEW DISCIPLINES STUDYING HOMO LOQUENS: TODAY AND TOMORROW

V.V. Krasnykh.

ABSTRACT

The paper aims at analyzing the current stage in the development of linguoculturology. The author pays significant attention to the scientific heritage of V.N. Teliya – the founder of the given research area. The article establishes as well as gives a brief analysis of the main research directions – lexical-phraseological linguoculturology, cognitive linguoculturology, theolinguoculturology, psycholinguoculturology. The author focuses particularly on psycholinguoculturology as a new discipline and considers it in comparison with linguoculturology and ethnopsycholinguistics.

Key words: linguoculturology; psycholinguoculturology; linguoculture; new disciplines studying Homo Loquens

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ современного состояния лингвокультурологии. Значительное внимание уделяется научному наследию В.Н. Телия – основоположнику данного направления исследований. В статье выявлены и кратко проанализированы основные направления научных изысканий в области лингвокультурологии: лексико-фразеологическая лингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, теолингвокультурология, психолингвокультурология. Особое внимание уделено психолингвокультурологии как новой научной дисциплине. Она рассматривается в сопоставлении с лингвокультурологией и этнопсихолингвистикой.

Ключевые слова: лингвокультурология; психолингвокультурология; лингвокультура; новые науки о человеке говорящем

Текстовая природа <...> фразеологизмов обуславливает необходимость их исследования в рамках зарождающейся в науках гуманитарного цикла антропологической парадигмы. В соответствии с этой парадигмой в центр внимания лингвистических штудий перемещается человеческий фактор в языке vs. языковой фактор в человеке.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 9.

Различию <...> типов информации [в содержании фразеологизма – В.К.] соответствует и различие когнитивных процедур, осуществляемых в речи как говорящим, так и слушающим.

Телия В.Н. Там же.

Многие исследователи утверждают (и с этим не имеет смысла спорить), что лингвокультурология как отдельная наука начала формироваться в конце XX века: первые серьезные работы в этом направлении были написаны еще во второй половине 80-х годов, а истинный всплеск интереса к данной проблематике приходится на 1990-е. Зачастую начало лингвокультурологии связывают с именем В.В. Воробьева, и это вполне оправдано: достаточно вспомнить работы этого исследователя (например, [Воробьев 1991, 1992, 1996, 1997]). Однако для меня (как и для многих коллег) возникновение и становление лингвокультурологии было бы немыслимо без Вероники Николаевны Телия, которая начала задумываться над проблемами, которые мы сегодня назвали бы лингвокультурологическими, как раз в 80-е годы (см., например, [Телия 1986, 1987, 1988а, 1988б]), а в 90-е опубликовала важнейшие для кристаллизации лингвокультурологии работы (см., например, [Телия 1995, 1999а, 1999б] и фундаментальный труд, являющийся, на мой взгляд, своеобразным манифестом этой науки [Телия 1996]).

Сочетая в себе эрудицию и интуицию, глубочайшее уважение к традициям и открытость новациям, В.Н. Телия многое предвидела и провидела. В настоящей статье я постараюсь остановиться только на некоторых вопросах, которые так или иначе обдумывала Вероника Николаевна и которые являются актуальными для современной науки. При этом основное внимание будет посвящено именно лингвокультурологии, ее современному состоянию и возможным перспективам ее развития.

И главное, что мне хотелось бы сказать: из единого корня телиевской лингвокультурологии, которую сама В.Н. Телия понимала как науку о «живодействующей взаимосвязи языка и культуры», на сегодняшний день выросло несколько самостоятельных научных направлений, активно развивающихся в наши дни.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Это направление достаточно полно представлено в работах М.Л. Ковшовой (см., например, [Ковшова 2009, 2015, 2016]). Исследования проводятся с опорой в первую очередь на этимологический, фольклорный, (лингво)страноведческий, исторический и под. материал. В фокусе внимания находятся различные языковые единицы (лексемы, фразеологизмы), которые рассматриваются сквозь призму кодов культуры и той культурной информации, которая за ними стоит. По сути речь идет об изучении и описании с позиций лингвокультурологии «культурно-насыщенных» репрезентантов языковой картины мира. Мне

представляется, что это направление, продолжая и развивая некоторые основные идеи В.Н. Телия, идейно сближается также и с фразеологической школой В.М. Мокиенко (см., например, [Мокиенко 1986, 2003, 2005]).

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Данное направление, также уходящее корнями в научное наследие В.Н. Телия и активно формируемое сегодня И.В. Зыковой, имеет в фокусе внимания когнитивные механизмы лингвокреативности и макрометафорические концептуальные модели, выявляемые и разрабатываемые в первую очередь на фразеологическом материале английского и русского языков. Как пишет сам автор, «в рамках изучения *фразеологической креативности* именно *макрометафорическая концептуальная модель* становится основным фокусом исследования» [Зыкова 2016] (разбивка оригинала. – В.К.).

Фразеологический образ в рамках разрабатываемого И.В. Зыковой подхода рассматривается как вместилище культурных смыслов / культурной информации. При этом выявляются основные формы (или модулы) переживания (эмоционально-чувственное, душевное, эстетическое) и осмысления мира (архетипическое, мифологическое, религиозное, философское, научное), что позволяет реконструировать исторические смысловые / информационные слои фразеологического образа (см., например, [Зыкова 2013]).

Не менее (а может быть, и более) важным для рассматриваемого направления является понятие *концептосферы культуры*, которое, исходя из идеи В.Н. Телия о необходимости сформировать некое «холлистическое» понятие, которое объединило бы язык, культуру и человека, И.В. Зыкова утверждает на роль «базисного понятия» (когнитивной) лингвокультурологии [2015б: 20]. Напомню, что В.Н. Телия рассматривала *концептосферу культуры* как «особый, отличный от естественного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих наряду с функционально-“вещным” их бытием надличностный культурный смысл, из плодов социального и духовного самосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе “коллективных представлений” (по Л. Леви-Брюлю)» [Телия, Дорошенко 2008: 210]. Творчески развивая идеи Вероники Николаевны, углубляя и уточняя это понятие, И.В. Зыкова определяет данный феномен как «сложнейшее системное образование, создаваемое из ценностной информации, которая вырабатывается в результате познания неким сообществом (как коллективом личностей) действительности, т. е. в результате определенных форм переживания и осмысления этим сообществом в целом и каждым отдельным его представителем мира во всем его многообразии, и которая получает при этом определенную концептуальную оформленность

(упорядоченность) и воплощение в невербальных знаках самой разной природы, составляющих различные и взаимосвязанные семиотические области культуры» [Зыкова 2015б: 21] (см. также [Зыкова 2014, 2015а]). При этом «признавая существование одной базовой концептосферы – концептосферы культуры», исследователь утверждает, что «ее бытование, развитие и функционирование немислимо без ее главного актора – *творящей (созидающей) личности* и главного “хранилища” ее ценностного содержания – *естественного языка*» [Зыкова 2015б: 21] (разбивка оригинала. – В.К.). И здесь мы опять подходим к феномену лингвокреативности, точнее – фразеокреативности, в терминах И.В. Зыковой, изучение которой видится одной из главных задач когнитивной лингвокультурологии.

ТЕОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Основоположником данного направления является В.И. Постовалова, на протяжении многих лет исследующая «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру», которое «находит свое выражение и в науке о языке» [Постовалова 2012] (см. также, например, [Постовалова 1995, 2016б]).

Еще в конце XX в. В.И. Постовалова отмечала, что «обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о переходе от лингвистики “имманентной” с ее установкой рассматривать язык “сам в себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. При этом она неоднократно подчеркивала, что «характерную черту познания нашего времени составляет установка» [Постовалова 2012] и «ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [Постовалова 1999: 25]. Реализация указанной тенденции проявляется, по мнению исследователя, в «создании комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [Постовалова 2012].

В данную парадигму прекрасно вписываются и теолингвистика, и теолингвокультурология как современные науки интегративного (синтетического) характера, рассматривающие «живодействующую взаимосвязь» (по В.Н. Телия) указанных феноменов сквозь призму *homo religious*.

И если теолингвистика как «новая синтетическая теолого-лингвистическая дисциплина», возникшая «на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» и «направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [Постовалова 2012], имеет уже некоторую историю (см., например,

фундаментальную статью В.И. Постоваловой об этой науке: [Указ.соч.]), то теолингвокультурология – наука абсолютно новая, рождающаяся, если угодно, на наших глазах. И несмотря на это, уже сегодня, по мнению исследователя, можно говорить о некоторой «структуре» (системе – ?), образуемой лингвокультурологическими дисциплинами: с одной стороны, в рамках лингвокультурологии выделяется профессиональная теолингвокультурология, в состав которой входит теолингвокультурология православно-христианская, с другой – общая лингвокультурология может включать в себя теолингвокультурологию как самостоятельную научную дисциплину [Постовалова 2016а]. При этом В.И. Постовалова особо подчеркивает, что «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии *остаётся в силе основной методологический постулат*, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самодостаточные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [Постовалова 2016а] (выделено мною. – В.К.).

ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

В течение многих десятилетий В.Н. Телия находилась в поиске, стремясь нащупать, выявить, описать конкретные связи языка, культуры и сознания, что нашло свое отражение в том числе в защищенной под ее руководством кандидатской диссертации С.В. Кабаковой «Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты» [Кабакова 1999]. Это было очередным провидением Вероники Николаевны: психолингвокультурологии (далее – ПЛК) не было еще и «в проекте», а она уже думала над тем, что такой поворот будет необходим и актуален. Конечно, в указанной диссертации речь шла о несколько иных проблемах, нежели те, которыми занимается сегодня ПЛК: в фокусе было «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы», которое рассматривалось в трех аспектах: психологическом («с точки зрения его восприятия носителями языка»), лингвистическом («как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму»), культурологическом («как содержание, соотносимое с “языком” культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч.») [Указ.соч.]. Как представляется, данная диссертация представляла своего рода попытку подойти и изучению идиом с позиций – в том числе – психологии (чему немало способствовало базовое образование С.В. Кабаковой) и являлась, по мнению самого автора, «продолжением темы исследований, связанных с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике»; при этом описывались не только «различные типы информации, которую

содержат в себе эти единицы языка» (идиомы), но и «способы ее осознания – “извлечения” и “обработки” – “рядовым” носителем языка» [Там же].

В фокусе внимания психолингвокультурологии, начавшей формироваться в начале этого века, находятся, однако, несколько иные проблемы: она изучает не различные аспекты определенных языковых единиц, но единое, сложное, многомерное пространство лингвокультуры, обладающей своими собственными единицами (словарем) и законами (грамматикой). Единицы лингвокультуры не являются собственно единицами языка. И хотя в пространстве лингвокультуры они выступают в вербализованном виде, такого рода единицы обладают лингвокогнитивной (например, концепты¹, прецедентные имена и под.) и даже собственно когнитивной природой (например, некоторые прецедентные ситуации или элементы системы знаний²).

Мне представляется, что базовое понятие ПЛК – лингвокультура – «нащупывалось» В.Н. Телия еще в 80-е годы, когда она рассматривала языковую картину мира как продукт речемыслительной / мыслительно-языковой деятельности, для которого характерны антропоцентричность и антропометричность [Телия 1988б]. Дабы не быть голословной, приведу пространную цитату из указанной работы: «... языковая картина мира, в нашем понимании, во многом обусловлена явлением идиоматичности – как внутриязыковой, так и межъязыковой, но не сводится к ней, так как представляет собой тот продукт речемыслительной деятельности, который вносит семантическое членение (mapping) в действительность, уникальное для любого языка. <...> То, что принято называть языковой картиной мира, – это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка. <...> Итак, мы исходим из допущения о том, что языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. Сама метафора *языковая картина мира* говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последняя входит в их содержание в форме различного рода более или менее устойчивых коннотаций, указывающих на языковой источник формирова-

---

¹ В понимании в первую очередь Н.Д. Арутюновой и Л.О. Чернейко.

² Например, таблица умножения, химические, математические, физические формулы и под.

ния гносеологического образа, “привязывая” его тем самым к данному языку» [Телия 1988б] (разбивка и курсив оригинала. – В.К.).

Не могу не отметить, что такое понимание языковой картины мира оказалось близким и понятным представителям другой науки – психолингвистики. Так, А.А. Залевская отмечает, что «к рассмотрению национально-культурной специфики тех или иных аспектов или фрагментов картины мира исследователи подходят с разных позиций: одни берут за исходное язык, анализируют установленные факты межъязыкового сходства или расхождений через призму языковой системности и говорят о *языковой картине мира*; для других исходной является культура, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности, а в центре внимания оказывается *образ мира*» [Залевская 2005] (курсив оригинала. – В.К.). В связи с данной постановкой вопроса А.А. Залевская обращается именно к концепции В.Н. Телия и ее пониманию лингвокультурологии, в рамках которой «экспликация когнитивных процедур, осуществляемых субъектом при интерпретации культурно значимой референции языковых знаков, проводится на материале живого функционирования языка в дискурсах разных типов с целью изучения “культурного самосознания, или ментальности, как отдельного субъекта, так и сообщества в его полифонической цельности” [Телия 1999а: 15]» [Залевская 2005]. При этом А.А. Залевская считает, что «реализация поставленных В.Н. Телия задач требует комплексного подхода к исследуемым фактам с позиций семиотики, лингвистики, психолингвистики, психологии, социологии, культурологии и т. д. с применением специально разработанных методов», и делает вывод, что «ближе всего к такому подходу стоит этнопсихолингвистика» [Там же]. С этим утверждением трудно не согласиться, ибо это действительно так, но только с одной оговоркой: если рассматривать данную проблематику с позиций собственно психолингвистических исследований. Однако, на мой взгляд, истинным продолжением данного телиевского подхода является сегодня именно психолингвокультурология.

Как же соотносятся между собой лингвокультурология (ЛК), этнопсихолингвистика (ЭПЛ) и психолингвокультурология (ПЛК)?

Думается, что первое различие данных научных дисциплин состоит в том, на какой «глубинный» вопрос они отвечают: ЭПЛ отвечает в первую очередь на вопросы *что?* и *как?*, ЛК – на вопрос *почему?*, а ПЛК пытается найти ответы на все эти вопросы, постоянно соизмеряя ответы с базовой категорией лингвокультуры – человеком говорящим³ как объектом («творением») языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации и одновременно субъектом («творцом») языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации, сознания (см., например, [Красных 2013, 2015]).

---

³ Это положение напрямую восходит к неоднократно высказывавшейся В.Н. Телия идее, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность.

Второе различие касается того «поля», на котором данные дисциплины, если можно так сказать, «чувствуют себя наиболее комфортно». ЭПЛ прекрасно работает на современно-синхронном уровне, но, думается, для нее существуют определенные трудности в плане диахронии или же синхронного изучения языкового сознания прошлых времен. ЛК, работая по «синхронным срезам» (В.Н. Телия), может уходить, как говорила В.Н. Телия (вероятно, по аналогии со словами М. Фуко), в «археологию культуры»: ища от языка, ища ответы на вопрос *почему?* (почему это так, а не иначе), и снова возвращаясь к языку. ПЛК стремится выявить и описать с учетом широчайшего историко-социокультурного контекста системный аспект того, как культура и лингвокультура явлены Человеку говорящему как носителю языка и сознания, члену сообщества / сообществ, постоянно находящемуся в процессе коммуникации.

Третье различие заключается в том, что в первую очередь находится в фокусе внимания рассматриваемых наук. ЭПЛ изучает в первую очередь культурно-маркированные, культурозависимые и культурно обусловленные черты языковых сознаний, как правило, путем выявления, изучения, описания ядер таковых (см., напр., [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2009-а, 2009-в, 2011, 2013]), а также «этнопсихолингвистическую детерминированность», как писал А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997], не только языкового сознания, но и речевой деятельности и коммуникации. По мнению Н.В. Уфимцевой, «центральной проблемой» ЭПЛ в соответствии с «новой методологической базой для этнопсихолингвистических исследований», которая начала формироваться в Московской психолингвистической школе с начала 90-х годов, является «исследование этнокультурной специфики языкового сознания», и сама ЭПЛ фокусируется на изучении образа мира и его изменениях «от одной культуры к другой» [Уфимцева 2000]. При этом объектом ЭПЛ может быть признан «образ мира как основополагающая компонента культуры», предметом – «сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения», например, через языковое сознание, являющееся одной из таких форм и представляющее как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры» [Там же].

ЛК, как уже неоднократно писалось и говорилось вслед за В.Н. Телия, изучает «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996: 218]. Она «ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. <...> Ее цель – то, что можно назвать обыденной картиной мира, представленной в повседневной речи носителей языка и имеющей “фундамент” и корреляции в различных дискурсах (литературном, фи-

лософском, религиозном, фольклорном и т. д.) и в разных (при этом не только в вербальном) текстах культуры» [Опарина ЭР].

ПЛК фокусирует свое внимание в первую очередь на изучении «ряда новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (Homo Loquens) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук» [Красных, Бубнова 2015: 170].

Таким образом, ЭПЛ, ЛК и ПЛК различаются, как минимум, по трем критериям, крайне важным для определения «лица» той или иной науки. Здесь же, кстати, замечу, что практически по тем же «параметрам» ПЛК отличается и от неопсихолингвистики – нового направления, формирующегося в наши дни (подробнее см. [Бубнова 2016]).

Возвращаясь к вопросу о понимании языковой картины мира Вероникой Николаевной Телия, подчеркну еще раз: рассматривая ее в первую очередь с позиций лингвистики и языка, что совершенно естественно, В.Н. Телия все-таки связывала ее с речемыслительной деятельностью человека и его сознанием, провидя, таким образом, понятие *лингвокультуры* (хотя в скобках замечу, что сам термин Вероника Николаевна приняла не сразу).

Следует сказать, что термин «лингвокультура» появился в научной литературе в самом конце XX в., но в широкий научный обиход вошел все-таки в начале века XXI. Вероятно, его автором можно признать Т.Н. Снитко, определившую лингвокультуру «как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко 1999]. Однако сегодняшнее его понимание со всей очевидностью отличается от представленного, особенно с позиций ПЛК.

Как уже неоднократно писалось [Красных 2013; Красных, Бубнова 2015], психолингвокультурология имеет свой объект и предмет: в роли первого выступает как раз лингвокультура как таковая, в роли второго – ее грамматика и словарь. Лингвокультура в рамках ПЛК рассматривается как третья семиотическая система, наряду с языком и культурой, на участке пересечения которых она и образуется / существует. Данная система формируется определенными подсистемами; и сегодня представляется возможным говорить о четырех подсистемах: когнитивной, метафорической, эталонной и символической.

И в очередной раз не могу не отметить провидческий дар ученого, столь характерный для В.Н. Телия: она неоднократно писала с позиций лингвокультурологии о метафорах, эталонах и символах. В качестве подтверждения приведу всего несколько цитат из ее работы 1988 г. [Телия 1988б].

Идеи, предшествовавшие и заложившие, на мой взгляд, основы выделения метафорической и символической подсистем лингвокультуры: «*Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях.* Так, пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке, то, что впереди осознается как будущее, а оставшееся позади – как прошлое; проявление благородного начала обозначается посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства, стремления, помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства, низкие побуждения, мысли*); ориентация вправо мыслится как “истинный” путь – *праведный* или *правильный*, как правда; верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на вершине блаженства, на седьмом небе, в зените славы*), а низ – как символическое пространство “грехопадения” (ср. *готовность провалиться от стыда, сквозь землю*, ср. также *низвергнуть, низложиться, опускаться на дно жизни* и т. п.). Как пишет Вяч.Вс. Иванов, “физическая ориентация человека в мире служит основой для того описания мира, которое закреплено в языке”» [Указ.соч] (разбивка моя. – В.К.).

Идеи, предопределившие выявление эталонной подсистемы лингвокультуры: «В основе тропеических механизмов лежит и *антропометрический принцип*, согласно которому “человек – мера всех вещей”. Этот принцип проявляется в создании *эталонов*, или стереотипов, которые служат своего рода *ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности*» [Там же] (разбивка моя. – В.К.). См. также понятие «квазистереотипа, т. е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного *эталона* некоторого свойства (*медведь* – неуклюжести, *лиса* – хитрости), некоторой ситуации (*плестись, тащиться* – медленного и “вялого” движения) и т. д.» [Там же] (разбивка моя. – В.К.).

Особо подчеркну, что эти (равно как и многие другие) идеи, положения, размышления В.Н. Телия нашли впоследствии свое отражение в структуре словарной статьи в [Большой... 2006].

Завершая разговор о сегодняшнем и завтрашнем днях лингвокультурологии, основоположником которой была Вероника Николаевна Телия, еще раз упомяну ее дар великого ученого – дар научного предвидения и провидения, который позволил не только сформировать отдельную научную школу, но и предопределил, в чем я абсолютно уверена, дальнейшие пути развития новых наук о человеке говорящем.

Литература / References

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – [БСФРЯ]
2. Бубнова И.А. Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 46-53.
3. Воробьев В.В. К понятию поля в лингвокультурологии (общие принципы) // Русский язык за рубежом. 1991, № 5. С. 101-106.
4. Воробьев В.В. Культурологический аспект функционирования и описания русского языка. (Научно-теоретический реферат по теме докторской диссертации). М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1992. – 41 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
6. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. – 395 с.
7. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. труды. М.: Гнозис, 2005. С. 204–214. [Электронный ресурс] URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-5.html. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
8. Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015б, № 2 (043). С. 13–24.
9. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015а. – 380 с.
10. Зыкова И.В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 134-149.
11. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. – 510 с.
12. Зыкова И.В. Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти // Мир русского слова. 2013, № 1. С. 43–49.
13. Кабакова С.В. Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 120 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
14. Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2015. – 368 с.
15. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2009. – 654 с.
16. Ковшова М.Л. Шторы, портьеры, занавески в драматургическом коде М.А. Булгакова // Логический анализ языка. Информационная структура текста разных жанров и эпох. М.: ИТДГК «Гнозис», 2016. С. 573–584.
17. Красных В.В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // Жанры речи. 2015, № 1(11). С. 9–14.
18. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.
19. Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015, № 3(25). С. 168–174.
20. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.klex.ru/> Дата последнего обращения – 19.06.2016.
21. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005. – 257 с.

22. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
23. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авось до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: «Норинт», 2003. – 512 с.
24. *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. [Электронный ресурс] URL: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worlddocuments/_3.htm. Дата последнего обращения – 07.07.2016.
25. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
26. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме основания и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 25–33.
27. *Постовалова В.И.* Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016а. С. 294–311.
28. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 342–420.
29. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М.: Ленанд, 2016б. – 272 с.
30. *Постовалова В.И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. № 4. Декабрь 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://md.islu.ru/> Дата последнего обращения – 07.07.2016.
31. *Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. – 262 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-linvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf>. Дата последнего обращения – 07.07.2016.
32. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
33. *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно- оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988а. С. 26–51.
34. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988б. С. 173–203. [Электронный ресурс] URL: <http://www.torrentino.com/torrents/975193>. Дата последнего обращения – 17.06.2016.
35. *Телия В.Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.–Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102–104.
36. *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 67–75.
37. *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: Сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 89–97.
38. *Телия В.Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Мат-лы II-й междунаrodn. конф. В 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999а. Ч. 3. С. 14–15.
39. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999б. С. 13–24.
40. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. [Элек-

- тронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=1346175> Дата последнего обращения – 07.07.2016.
41. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований // *Язык. Культура. Общение.* М.: ИТДГК «Гнозис», 2008. С. 207–216.
  42. *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // *Язык и культура.* 2009а, № 4. С. 98–111. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
  43. *Уфимцева Н.В.* Проблемы изучения языкового сознания // *Вопросы психолингвистики.* 2009б, № 2(10). С. 22–29.
  44. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева.* М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.
  45. *Уфимцева Н.В.* Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 122–127.
  46. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // *Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева.* М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135–170. [Электронный ресурс] URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
  47. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // *Языковое сознание и образ мира.* М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219. [Электронный ресурс] URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4_2.html. Дата последнего обращения – 09.03.2016.
  48. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.–Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/1043200/>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

СЛОВЕНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ

Э. Кржишник

SLOVENIAN PHRASEOLOGY IN THE LIGHT OF CULTURE

E. Kržišnik

ABSTRACT

The given paper presents a culturological view of phraseology, which in Slovenia has never been addressed in a theoretically precise way, even though the idea that phraseological units are the most original aspect of any language has been widespread here since the 19th century. An attempt is made to clarify why phrases can be the bearers of cultural connotations and to present various approaches and research methods – ethnolinguistic, contrastive and linguo-cultural – relating to the semantics of set phrases. The given approaches are illustrated with the help of some selected phrases (e.g. *[the woman] wears the trousers*). Finally, a standard Slovene approach to the study of phraseology in the context of culture is described.

Keywords: linguistics; phraseology; Slovenian phraseology; ethnolinguistics; contrastive analysis; cultural linguistics

АННОТАЦИЯ

В статье представлен культурологический аспект фразеологии, о котором в словенском лингвистическом пространстве до сих пор еще основательно не задумывались, хотя рассуждения о фразеологических единицах (ФЕ) как о наиболее самобытной части любого языка и в Словении появлялись еще в XIX в. Также делается попытка объяснить, почему ФЕ могут быть носителями культурной коннотации, и представить использующиеся на протяжении различного времени в языкознании подходы и методы изучения культурной семантики фразеологизмов: этнолингвистический, контрастивный и лингвокультурологический, – вместе и по отдельности иллюстрируемые на примере выбранной ФЕ (*[žena] nosi hlače*). В последней части приводится типологическое представление словенского вклада в изучение фразеологии в контексте культуры.

Ключевые слова: языкознание; фразеология; словенская фразеология; этнолингвистика; контрастивный анализ; лингвокультурология

1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА (ФЕ) КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ [Телия 1996: 214]

Если вслед за В.Н. Телия культуру – при максимальном обобщении аспектов, существенных для ее «взаимодействия с языком», – понимать как «т[у] часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностной или

групповой рефлексии над ценностно значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека» [Телия 1999: 18], то размышление о вхождении культуры в язык представляет «окультуренное» видение мира, выражаемое языковыми знаками. На уровне фразеологических единиц (ФЕ) это выражается прежде всего в картинном (фигуративном) мотивационном фоне их внутренней формы, представляемой мотивирующим «буквальным»/свободным словосочетанием. То, что это способ, при помощи которого т. н. «дух народа» отражает свое видение мира в языке, еще в конце XVIII в. утверждал немецкий лингвист В. Гумбольдт. Следующее по его стопам направление в языкознании в Словении еще в XIX в. принесло первые попытки выявления и описания связи между (национально-)культурными привычками, видением мира отдельного человека (как личности и как члена определенного языкового или национального сообщества) и (национально-)языковым выражением. Чаще всего [Vidovič Muha 1988: 46; 2000: 48; Kržišnik, Smolič 1999: 63–64] в связи с этим упоминается Фран Левстик и его сопоставление словенского и немецкого способов наименования отдельных внеязыковых референтов. Так, в работе «Ошибки словенского письма» (*Narake slovenskega pisanja*, 1858) он говорит, что «*Bethaus*» содержит в себе две идеи (Begriffe): *молиться* и *дом*, где молятся (а именно: Богу). «*Bogomolja*» также содержит две идеи: *Бог* и *молиться*; слово целиком обозначает сооружение, созданное специально для того, чтобы молиться Богу. Немец Бога только подразумевает, но не называет; а славянин его подразумевает и называет; но зато не называет места, а лишь подразумевает его. «*Spinnrad*» также содержит две идеи: *прясти* и *колесо*; т. е. колесо для прядения. «*Kolovrat*» точно также содержит две идеи: *колесо* и *вертеться*, т. е. орудие, которое приводится в движение вращением колеса. <...> Идея, которую немец связывает с колесом, как мы видим, есть только продолжение той, которую связывает словенец. <...> Из этого извлекаем урок: если мы не хотим, чтобы наш язык ущемлялся, нельзя постоянно словенить немецкие сложные слова буквально; но следует взять идею (Begriff) <...>»¹. Фразеологический материал словенского языка стал предметом подобного анализа значительно позднее – только в XX в. (об этом речь пойдет ниже).

С 80-х гг. XX в. в выявлении культурных черт, как их отражает языковой материал, берет инициативу когнитивное языкознание, особенно когнитивная семантика со своей теорией метафор (прежде всего [Lakoff,

¹ «*Bethaus*» ima v sebi dve misli (Begriffe): *moliti* in *hiša*, kjer se moli (namreč: *Bog*). Tudi «*bogomolja*» ima dve misli: *Bog* in *moliti*; vsa beseda znači naredbo nalašč zato, da se Bog moli. Nемец si *Boga* le misli, pa ga ne imenuje; а Slovan si ga misli in tudi imenuje; zato pa mesta ne imenuje, ampak le misli si ga. «*Spinnrad*» ima tudi v sebi dve misli: *presti* in *kolo*; tedaj *kolo* za *predenje*. «*Kolovrat*» ima ravno tako dve misli: *kolo* in *vrteti se*, to je: orodje, ki dela s *kolesnim vrtenjem*. <...> Misel, katero Nемец veže h kolesu, vidimo, da je šele nasledek tiste, ki jo veže Slovenec. <...> Iz tega se učimo: ako nočemo, da bi se našemu jeziku godila krivica, ne smemo vselej sloveniti nemških sestavljenk od črke do črke; ampak vzame naj se misel (Begriff) <...>»

Johnson 1980]). Поскольку в этих рамках метафора понимается как часть человеческого мышления, речь идет, прежде всего, о концептуальной метафоре. Она связана со способом, которым человек осмысляет «мир» в интервале от филогенетического (человек как биологический вид) до оногенетического (человек как индивидуум) уровней, а в промежутке можно говорить о переходных фазах, таких, как этногенетическая, лингвогенетическая и т. п. Языковой код – это только одна из форм проявления концептуальной метафоры, которая реализуется в языковой форме. Поскольку мыслительные процессы сложно (невозможно?) проверить, языковые выражения являются своего рода *corpus delicti*. Для исследования культурологического аспекта фразеологии при помощи когнитивного подхода важны два момента. На первом месте стоит заключение когнитивистов, что концептуальная система человека метафорична: концепт одной ментальной области человек способен, а порой вынужден осваивать с помощью и в рамках другой. Более абстрактные концепты он осознает, перенося на них соотношения и свойства более конкретных, уже знакомых по предыдущему опыту. Человеческий опыт связан не только с природными условиями, человек рождается в определенной культурной среде, ее нормах, привычках, обрядах и т. п., и все это определяет его по крайней мере в такой же степени, как и природа. Можно предположить даже, что по ходу истории соотношение между ролью природы и культуры меняется в пользу культуры. С точки зрения пространства, в котором мы живем, можно сказать, что для многих доля влияния культурного наследия больше доли влияния природы². Второй момент, необходимый для исследования культурологической ценности фразеологии, содержится только и исключительно в ней самой – помимо уже упомянутой т. н. внутренней формы ФЕ, речь идет о двух свойствах ее единиц: устойчивости и многокомпонентности. Устойчивость – хотя анализ использования ФЕ в обширных электронных корпусах текстов делает их устойчивость в немалой степени относительной – обес-

² Анекдотичен и одновременно показателен пример *белой вороны* (*bela vrana*). Поскольку ФЕ *bela vrana* в словенском языке значит (цит. по «Словарию словенского литературного языка» [Slovar... ЭП]) 'redkost, izjema (редкость, исключение)', я (правда, как городской ребенок, что в некоторой степени является смягчающим обстоятельством) была до зрелых лет убеждена, что **вороны черные**. Свое заблуждение я осознала, только столкнувшись со следующим текстом: «**Vrane so sive**. Če bi priletela mednje bela vrana, bi jo takoj opazili. Rekli bi: Ta vrana je drugačna. Bela vrana pravimo tudi tistemu, kar ne sodi v množico enakih stvari. (**Вороны серые**. Если бы в их круг залетела белая ворона, то ее сразу бы заметили. Сказали бы: «Эта ворона иная». Белой вороной мы называем также и то, что не относится к множеству похожих вещей.)» Подобное произошло и с одной из моих студенток словенистики, которая по поводу ФЕ *bela vrana* утверждала, что речь идет об оппозиции БЕЛОЕ – ЧЕРНОЕ = ПОЗИТИВНОЕ – НЕГАТИВНОЕ, поскольку обычно **вороны черные**, белая ворона была бы среди них действительно редкостью. Биологическая действительность на самом деле гораздо сложнее: существуют серые (или серо-черные) и черные вороны, но факт остается фактом, в Словении преобладают серые. В некоторых частях Европы более распространены черные вороны. По-словенски черный ворон называется *krokar*.

печивает конвенционализированность ФЕ. Конвенциональные языковые средства, предположительно, представляют собой языковую реализацию конвенциональных концептуальных метафор и в большинстве являются частью фундаментальных концептуальных системных метафор, т. е. организованных в когерентные блоки (ср., напр., метафоры направления GOR/DOL (ВЕРХ/НИЗ))³. Конвенционализированность ФЕ обеспечивает также то, что их знают и принимают члены данного языкового сообщества и передают их из поколения в поколение («наследственность»), что свидетельствует об их длительном временном (историческом) присутствии в языке. Второе упомянутое свойство – многокомпонентность – делает ФЕ более эксплицитными. В них концептуальная метафора выражается в развернутом виде чаще, чем, напр., в лексемах, что делает их не только более доступными для научного анализа, но также более весомыми для носителей языка и более узнаваемыми в т. н. картине мира данного языкового сообщества (этнического, национального) или универсальной человеческой. Ср. насколько более ошутима «картина» времени как движущегося предмета в выражении *čas teče* (время бежит) или *zavrteti čas nazaj* (вернуть время вспять) по сравнению с лексемами *prihodnost* (будущее) или даже просто *čas* (время)⁴.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ⁵

Уже во вступительной части мы затронули один из блоков вопросов, поставленных В.Н. Телия – основоположником лингвокультурологии и одним из ведущих в русистике исследователей, считавшим изучение этого аспекта основной задачей фразеологии (см. [Телия 1996, особенно Ч. III: 214–269; 1999; Teliya 1998] и др.). Данный, первый блок связан с определением ФЕ как наиболее самобытной части номинативных средств на культурно-языковом уровне. В рамках второго блока следует более точно определить различные подходы и методы «изучения культурной семантики» [Телия 1999: 13], которые в различные (более и менее протяженные) периоды использовались в языкознании, и установить их связующие и дифференцирующие черты. Третий блок касается проблем, связанных с определением общих для языка и культуры методологических свойств, на основе которых можно было бы разработать методы изучения единиц фразеологического состава, имеющих функ-

³ Концептуальная метафора DOBRO JE GOR / SLABO JE DOL (ХОРОШО – ВЕРХ / ПЛОХО – НИЗ) имеет не только языковое выражение. Самые роскошные помещения в высотках по-английски называются *penthouse*, и не случайно располагаются наверху (ср. *penthouse* – ‘роскошные комнаты на верху высотного здания’ [Collins Cobuild... 1996]).

⁴ *Prihodnost* (будущее) в этом смысле ‘время, которое приходит (движется)’ – эта картина все еще жива, хотя носителю языка, вероятно, менее очевидна, чем картина движущегося времени в выражении *čas teče* (время бежит). То, что в самом слове *čas* (время) концепт времени представлен как перемещение, раскрывает только этимологическое объяснение, но и то только гипотетически [Snoj 1997: 67].

⁵ Отсылка на название сборника статей, посвященных данной теме [Фразеология в контексте культуры 1999].

цию репродуцирующихся из поколения в поколение знаков «языка» культуры и участвующих в трансляции ментальных черт народа как носителя языка. Поскольку теории изучения культурологического аспекта фразеологии в словенском языкознании пока еще практически не уделялось внимания (хотя размышления подобного рода в связи с конкретными ФЕ появлялись одно за другим по крайней мере с середины XX в.), в настоящей статье мы попытаемся обрисовать первые два блока вопросов и ответов на них в рамках словенского языкознания.

2.1. Итак, продолжим начатое во вступительной части рассмотрение первого блока, задача которого – обоснование фразеологических единиц как наиболее подходящих знаков для «преобразования» знаков культуры в языковую форму и, следовательно, как наиболее подходящих средств для выражения культурных основ данного языкового сообщества. В связи с довольно общими утверждениями, что фразеология – это наиболее самобытная часть языка, можно и в истории словенской фразеологии найти описания такого рода, как, например: «В каждом развитом языке имеются тысячи фраз, и чем язык старше, развитее и богаче, тем их больше. В них гораздо лучше, чем в лексике и в грамматических формах, раскрывается самобытность и душа народа, который говорит на этом языке. Изучать и познавать фразеологический запас какого-то языка означат, следовательно, узнавать характер народа, его образ мышления и чувствования»⁶ [Pavlica 1960: 1].

Следовательно, ФЕ содержат «информацию», которая указывает на их культурную отсылку (а) на уровне формы – наличием внеязыковых реалий из сферы материальной, духовной или социальной культуры, (б) на уровне денотативного и/или коннотативного значения – отражением культурных ценностей и норм данного общества (языкового сообщества, народа и т. п.) Для (а) ср. такие сочетания, как: *kuj železo, dokler je vroče* (куй железо, пока горячо) (ремесло), *držati se kot lipov bog* (букв.: ‘держаться как липовый божок’, т. е. стоять как истукан) (христианское поклонение культам), *nositi svoj križ* (нести свой крест) (христианство), *vzeti vajeti v svoje roke* (взять вожжи в свои руки), *prevzeti krmilo* (взять штурвал на себя) (культура транспортировки, передвижения), *imeti krompir* (ср. [Stabej 1977: 89], об этом ниже), *na rovaš [koga/česa] (за счет [кого-л., чего-л.]*⁷. Для (б) ср.: *čas je zlato*

⁶ «Fraz ima vsak razvit kulturni jezik na tisoče, in tem več, čim bolj je star, razvit in bogat. V njih se mnogo bolj kot v besedju in v slovničnih oblikah razodeva samoniklost jezika in duša naroda, ki ta jezik govori. Proučevati in osvajati si frazeološki zaklad nekega jezika pomeni torej spoznavati značaj naroda, njegov način mišljenja in čustvovanja».

⁷ Связь раскрывают лишь историческое исследование и этимология. *Rovaš* – это палка, которая у некоторых народов, особенно на севере Европы, служила календарем, дни на ней обозначались рунами и засечками. В нашей культуре она была известна как «временная палка» особого предназначения: «preklana palica, na katero so z zarezi označevali količino posojila, zamenjanega blaga ali česa podobnega (разделенная на двое палка, на которой засечками отмечали количество данных в долг денег, обмененного товара и т. п.)» [Bezljaj 1995: 200, Snoj 1997: 546].

(*время – золото*), *čas preganja [koga]* (*время поджигает*), *glava družine* (*глава семьи*) или негативную оценку безделья, бездействия – *držati roke križet* (*сидеть сложа руки*), *imeti dve levi roki* (*две левые руки [у кого-л.]*); (морально) неприемлемых в обществе некоторых способов коммуникации, таких, как: нечестность, неоткрытость – *metati pesek v oči* (*пускать пыль в глаза*), *pomesti/pometati pod preprogo [kaj]* (*замести под ковер [что-л.]*), ругань – *oprati glavo [komu]* (*намылить голову [шею] [кому-л.]*), оскорбление – *dajati v nič [koga]* (*букв.: ‘опускать (до нуля) [кого-л.]’*), сплетни – *vlačiti po zobeh* (*букв.: ‘таскать по зубам’*, т. е. *сплетничать*), ссоры, разборки – *prati umazano perilo* (*букв.: ‘стирать грязное белье’*, т. е. *выяснять отношения*).

2.2. Вторая задача – разграничение подходов при исследовании взаимного влияния языковых средств, в нашем случае – фразеологических, и культуры и установление взаимосвязи между подходами. В.Н. Телия [1999: 14, 15] разделяет их на этнолингвистическое, контрастивное и лингвокультурологическое направления. Все три направления взаимно переплетаются и дополняют друг друга, но не совпадают, поскольку в центре внимания каждого различные временные (даихронические, синхронические) и культурно-ареальные (национально-культурные, а также географические, мультикультурные, межкультурные) срезы изучения ФЕ.

Так, этнолингвистика использует диахронический подход (историческое развитие), а лингвокультурология и контрастивный анализ ориентированы прежде всего на исследование синхронных связей между языком и культурой, при этом лингвокультурологию интересует прежде всего соотношение в рамках одной национальной культуры, а контрастивный анализ – межкультурные и мультикультурные соотношения. Но, тем не менее, все три направления тесно связаны между собой. И хотя синхронная направленность довольно сильно отделяет лингвокультурологию от изначально диахронической этнолингвистики, при этом нельзя забывать, что этнолингвистика является фундаментом, основой лингвокультурологии. В.Н. Телия точно подмечает, что причина этой тесной связи – историческая природа как культуры, так и языка. Лингвокультурология также успешно использует результаты контрастивного анализа, освещающие этническую логику в противоположность логике того же порядка во фразеологической системе другого языка для выявления культурно специфического.

2.2.1. Попытаемся представить связи и различия между тремя направлениями на примере словенской ФЕ *nositi hlače* (*носить брюки*). Пример достаточно простой, в некотором смысле даже банальный, но, тем не менее, наглядный.

- Употребление в словенском языке и в текстах

Носители словенского языка выражение *nositi hlače* до сих пор рефлектируют в типичном контексте, приведенном в «Словаре словенского литературного языка» [Slovar... ЭР]: *v tej družini pa žena hlače nosi (в этом доме жена носит брюки)*; приписываемое денотативное значение – ‘решает и отдает распоряжения’, коннотация описана при помощи квалификатора «ирон.» (иронично). Словенская грамматика (Slovenski pravopis) [Tropižič 2001] выбирает немного более абстрагированный агенс, переходя от функции (жена) к полу (женщина): *v tej hiši ona nosi hlače (в этом доме она носит брюки)*. Проверка по корпусу текстов Gigafida затруднена из-за омонимии со свободным словосочетанием *nositi hlače*, в результате расширенного поиска с учетом *nositi hlače* и *hlače nositi* получаем 1799 конкордансов, большая часть которых не фразеологические, поэтому имеет смысл поискать коллокации. Задав условием поиска отстояние на 3 позиции влево и 3 вправо от словосочетания *nositi hlače*, получаем коллокации-существительные в такой последовательности: 1. *ženska (женщина)* – 92 примера; 2. *družina (семья)* – 43 примера; 3. *hiša (дом)* – 37 примеров, что типично предполагает выражение *ženska nosi hlače v družini/pri hiši (женщина носит брюки в семье/в доме)*, напр.: «Danes, ko se ve, da pri marsikateri hiši nosi hlače ženska, se sliši čudno in nenavadno, da včasih ženska ni imela nobenih pravic... (Сегодня, когда известно, что во многих домах носят брюки женщина, кажется странным и необычным, что раньше у женщины не было никаких прав...)». Если рассмотреть тексты внимательнее, станет очевидно, что в большинстве случаев реализация не такая уж и типичная, но суть сообщения так или иначе всегда выявляет, что связь между женщиной и брюками не само собой разумеющаяся, напр., двусмысленно: «Poznam veliko parov, v katerih ne samo, da ženska nosi hlače, ampak jih možki tudi opere in zlika. (Я знаю много пар, в которых не только женщина носит брюки, но и мужчина их стирает и гладит.)». Можно сделать вывод, что связь ФЕ с женщиной (не только в роли [законной] жены – коллокация *žena* среди существительных только на 29-м месте, при этом всего с 5 примерами употребления в корпусе), хотя и преобладает в рефлексии и в употреблении в текстах, но более не ограничивается только ею⁸.

- Общекультурный аспект

Учитывая наличие элементов культуры в ФЕ вообще, сначала выясняем, что брюки – это культурная реалья: они являются частью культу-

⁸ Как показывает материал корпуса Gigafidi, налицо расширение контекста употребления, конечно, в виде исключения: *Poroke ne bo, ker želi nositi hlače SLS (SLS=политическая партия; прим. автора статьи. – Э.К.) (Свадьбы не будет, поскольку брюки/штаны хочет носить СНС (Словенская народная партия))* или *Boš že še videl, kdo bo v Evropi nosil hlače (Еще увидишь, кто в Европе будет брюки/штаны носить)*.

ры одежды, а именно частью традиционно мужского гардероба⁹. Исходя из этого, можем заключить, что в качестве части культуры в эту ФЕ вписано также определенное распределение общественных ролей мужчины и женщины.

- Этнолингвистика

В рамках этого направления можно установить, что брюки – это культурная реалия, связанная с определенным пространством и временем. Для этого нам достаточно того факта из Большой словенской энциклопедии, что *мужчины* носят брюки начиная с античности, а женщины – только с 20-х гг. XX в. [Slovenski veliki leksikon 2004: 51]. Далее оказывается, что выражение *nositi hlače* в старых словенских словарях и сборниках народных пословиц появляется в форме *žena hlače nosi* (*жена брюки носит*) или даже *kjer žena hlače nosi, si mož kruha prosi* (*там, где жена носит брюки, муж хлеба просит*) и *kjer žena hlače nosi* (*там, где жена брюки носит*) [Pleteršnik 1894/95: 269], *mož malokdaj dobro kosi* (*муж редко хорошо косит*) [Kocbek 1887: 36]. Картина мотивирующего словосочетания абсолютно ясна: если женщина надевает мужскую одежду, то она берет на себя мужскую роль, а роль мужчины – «решать и указывать».

Вывод: ФЕ, наверняка, является частью культуры, в которой брюки были частью мужского гардероба и в которой право решать и указывать было мужской прерогативой, а не женской. На первый взгляд может показаться, что ФЕ не требует особого исторического или культурологического пояснения.

- Контрастивный анализ

Таким образом, ориентированное изучение культурного основания ФЕ помогает найти эквиваленты для словенской ФЕ во фразеологических системах других языков и выяснить, что во всех языках, имеющих общую культуру одежды, существуют более или менее соответствующие эквиваленты. Ср.: нем. (*Hose*) *sie hat die Hosen an* ‘*sie ist der Herr im Haus, sie gibt in der Ehe einen Ton an, sie Bestimmt alles*’ с обозначением *<umg(angsprachlich)>* (по: [Der kleine Wahrig... 1982]); франц. *porter la culotte(s)* (по: [Rey, Chantreau 1998]); англ. (*wear* 5.) “If you say that one person in a married couple *wears the trousers*, especially the wife, you mean that they are the one who makes all the decisions. The American expression is *wear the pants*, с пометой *informal*” (по: [Collins Cobuild... 1996]); умал. *portare i pantaloni* (по он-лайн словарю [Vocabolario Treccani ЭР]) и т. п. Учитывая языковую родственность со словенским, интересен тот факт, что, например, в русских словарях не находим сочетания *носить брюки*, хотя оно и встречается в русских текстах, напр.: *Хозяева посто-*

---

⁹ Ср. словарная статья в [Slovar... ЭР] *hlače*: ‘*oblačilo, zlasti moško, ki obdaja spodnji del telesa in vsako nogo posebej* (элемент одежды, главным образом мужской, покрывающий нижнюю часть туловища и каждую ногу в отдельности)’.

янно пополняют его портфолио и зарабатывают \$15 тыс в месяц на рекламе мужских fashion-брендов. Деньги, конечно, уходят в их кошельки, но мы-то знаем, кто в доме носит брюки; и с компонентом штаны: Но кто умнее, тот и главенствует, а значит, определяет “кто в доме штаны носит”. Вот только смирится, не всем хватает духу (источник: <https://yandex.ru>, апрель 2016). Контрастивный анализ, учитывающий тесную историческую связь словенского и немецкого языковых пространств, помогает нам выявить, что, несмотря на существующий немецкий эквивалент – ФЕ *sie hat die Hosen an*, в словаре М. Плетершника [Pleteršnik 1894/95] словенская ФЕ *nositi hlače* переводится другой немецкой ФЕ *die Frau hat den Hut* и что в сборнике словенских пословиц и поговорок Э. Бойца [Bojc 1980] (Pregovori in reki na Slovenskem, опубликован трижды: 1974, 1980 и в 1987) приводится пословица *Kjer žena klobuk nosi, moč slabo kosi* (Там, где жена носит шляпу, муж плохо косит). В связи с этим следует выяснить, существовала ли когда-нибудь в словенском языке синонимичная ФЕ *nositi klobuk* (в настоящее время не существует); и если нет, то выбор Плетершника лишь частично эквивалентен немецкой ФЕ с компонентом *Hut* и это следствие пуристических устремлений и желания предотвратить возможность узнавания кальки¹⁰. Другое тесно связанное со словенским пространство – это, разумеется, пространство бывшей Югославии, которое представляет большой интерес в связи с культурной традицией одежды. На первый взгляд кажется странным, что в Словенско-сербохорватском словаре Юранчича (Slovensko-srbskohrvatski slovar) [Juranić 1981] в словарной статье на *hlače* ФЕ *žena nosi hlače* переводится как *žena je gospodar u kući* (жена – хозяйин в доме), а в Словаре хорватского языка Анича (Rječnik hrvatskoga jezika) [Anić 2000] ФЕ *nositi hlače* нет, так же как и в первом издании 2003 года «Хорватского фразеологического словаря» (HFR), зато есть во втором издании 2014 года [Menac, Fink-Arsovski, Venturin 2003, 2014] в виде *nositi hlače u kući (obitelji)* ‘imati glavnu riječ u kući (obitelji), biti glavni u kući (obitelji) [ob[ično] o ženi]’. Интересная ситуация сложилась в сербском языке, где ФЕ *imati/nositi gaće* существует, но имеет другое значение ‘biti hrabar, biti junak’ относительно мужчин [Otašević 2007: 100]. В то же время недавно появился ФЕ *imati pantalone*, который на первый взгляд кажется просто лексическим вариантом более старой ФЕ *imati/nositi gaće*, но имеет другое значение – ‘posedovati družbeno stereotipne vrline moškega: biti glavni, imeti moč, odločati (обладать качествами, приписываемые обществом мужчинам: быть главным, иметь силу, принимать

¹⁰ Для словенского языка сочетание с компонентом *klobuk* как существовавший ранее вариант ФЕ *nositi hlače* Кебер в этимологическо-культурологическом разделе своего словаря [Keber 2011: 1130] не приводит, в то время, как Рёрих для немецкого языка приводит оба варианта [Röhricht 1994: 773]; в настоящее время в немецком используется только вариант с компонентом *Hut*. Т. е. выбор М. Плетершника в его словаре, как и в других словарях XIX в., не является исключением.

решения)¹¹, – что делает ее эквивалентной словенской ФЕ *nositi hlače*. Контрастивный анализ должен уделять особое внимание состоянию в языках с иной культурой одежды. Предположительно в культурной среде, где женщины по традиции носят брюки – ср. [Slovar... ЭР]: *dimije (шаровары) 'zelo široke ženske hlače, segajoče do členkov (широкие женские брюки до щиколоток)*' с пояснением «в мусульманской среде» – наличия такой ФЕ в языке вряд ли можно ожидать (напр., в арабском, вероятно, даже в боснийском).

- Лингвокультурология

При этом подходе в первую очередь выясняется типичность «картины», лежащей в основе значения ФЕ (т. е. мотивационную связь между ношением брюк и правом принимать решения и указывать), которая культурологически отражает типичность жизненной ситуации. И, таким образом, выявляет коллективные (стереотипные) понятия лингвокультурного сообщества о некоем коллективном опыте. Для присуждения статуса коллективного представления необходимо в связи с ФЕ *nositi hlače* или *žena hlače nosi* учитывать группу ФЕ (и выражений), которые являются языковой реализацией концептуального поля ЖЕНЩИНА: *dolgi lasje – kratka pamet (длинные волосы – короткий ум); kurja pamet (куриный ум); kator si hudič sam ne ura, pošlje babo (куда черт сам не отваживается, посылает бабу); babja vera (суеверие); kjer vrag ne zmore, ženska priporore (чего черт не сможет, тому баба поможет); ženska zatolči, kar v glavi več ni (женщина умалчивает о том, что вылетело из головы), ženska je kakor aprilsko vreme (женщина [изменчива, как погода в апреле])¹²*. Далее можно выявить, что концептуальное содержание, одной из реализаций которого является ФЕ *žena/ženska nosi hlače*, оценено негативно, что на уровне коннотативной части значения ФЕ отражается пометой «иронически» как в [Slovar... ЭР], так и в ассоциативно-семантическом (ментальном) словаре носителей словенского языка. Для более целостного культурологического анализа следовало бы, конечно, в связи с этим проверить структуру концепта МУЖЧИНА, поскольку мы не можем отрицать того факта, что стереотипная ситуация в такой же мере, если не более, относится и к нему, оставаясь на ограниченном поле данной культурной реалии ФЕ *nositi hlače*, ср. ФЕ *srce pade v hlače [kotu]* (букв.: 'сердце упало в штаны [у кого]', т. е. сердце в пятки ушло), *hlače se tresejo [kotu]* (букв.: 'штаны трясутся [у кого]', т. е. кто-то боится), *koliko je koga v hlačah* (букв.: 'сколько кто-то есть в

¹¹ Благодарю за помощь коллегу, славистку Стефанию Паунович Родич с отделения славистики в Белграде, которая в настоящий момент готовит докторскую диссертацию о стереотипе женщины в языковой картине мира словаков и сербов.

¹² У концептуального поля ŽENSKA (ЖЕНЩИНА) в словенском языке существует не одна концептуальная метафора и не все ФЕ, реализующие их, имеют негативную коннотацию (так, например, известно, что *ženska podpira tri vogale pri hiši* (женщина держит три угла в доме) и это оценивается позитивно). Здесь проиллюстрированы коннотативные связи с рассматриваемой ФЕ.

штанах', т. е. *насколько у кого-то хватит смелости*), которые несколько упрощенно можно семантизировать как '(ис)пугаться, быть трусливым' и которые мотивационно стереотипно касаются мужчин. Путем такой группировки фразеологических единиц в идеографические поля лингвокультурологический анализ может выявить основы концептуальной метафоры, являющейся посредником между языковой и культурной компетенциями носителей языка. Знание культурных знаков и узнавание связанной с ними культурной коннотации языковых знаков, в данном случае ФЕ, является частью культурной компетенции представителей языкового сообщества или народа. Стереотип, выражаемый ФЕ [*žena/ženska*] *nosi hlače* (*[жена/женщина]* *носит брюки*), в современном словенском обществе, очевидно, ослабляется или ограничивается определенными общественными группами (социальными, возрастными); на это указывает тот факт, что данная ФЕ сейчас употребляется не только по отношению к женщине/мужчине, но может характеризовать и другие объекты, однако «культурологический фон» данной ФЕ все же не утрачен и отражает взаимодействие языка и культуры. Это влияние отнюдь не одностороннее в том смысле, что не только культура может накладывать отпечаток на язык, но и наоборот: языковые знаки своей репродуктивной силой способствуют поддержанию коллективных стереотипов. В Словении это с легкостью вспомнит поколение женщин, которое, например, в 60-е гг. начало носить брюки¹³. Буквально хрестоматийна история, которая произошла весной 2005 года: руководство одного из банков в Словении запретило своим работницам носить брюки на рабочем месте. Упоминание об этом можно до сих пор найти в корпусе текстов Gigafida, напр., из женского журнала "Jana": "*Kdo, kdaj in predvsem zakaj je sprejel odločitev, da uslužbenke Probanke ne smejo nositi hlač?*" (*Кто, когда, а главное для чего принял решение о том, что работницам банка Probanka нельзя носить брюки?*).

3. СЛОВЕНСКИЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ

Хотя объем материала не бесконечен, разговор на данную тему станет не исчерпывающим обзором истории изучения культурологического аспекта в словенской фразеологии, а лишь констатацией наличия в ней

¹³ Словения тут не исключение. В корпусе Gigafida можно найти следующую заметку из журнала *Mladina* за 1998 год: «In Hillary [речь идет о Хилари Клинтон; прим. автора статьи. – Э.К.], predsednica wellesleyske študentske vlade, je dobro vedela, kako se streže reformam. Ko je l. 1965 prišla na kolidž <...>, fantje niso smeli v dekliške spalnice, avtomobili v študentskem naselju so bili prepovedani, punce pa so morale nositi krila. Ko je s kolidža odhajala, fantje so lahko hodili v dekliške spalnice, avtomobili so lahko vozili po študentskem naselju in punce so smele nositi tudi hlače (= И Хилари, президент студенческого правительства Колледжа Уэллсли, хорошо знала, как делаются реформы. Когда в 1965 году она поступила в колледж <...>, парням запрещалось входить в спальни девушек, на территории общежития были запрещены автомобили, девушки должны были носить юбки. Когда она закончила колледж, парни могли входить в спальни девушек, автомобили могли ездить по территории общежития и девушки могли носить брюки)».

трех рассматриваемых направлений. Паремеологический аспект как таковой нас не интересовал, хотя следует признать, что как раз паремеологический материал (пословицы, поговорки, различные афоризмы и т. п.; особенно пословицы как отражение жизненного опыта, народной мудрости, «вечных истин» в поучительной форме) изначально и дал толчок для подобных исследований¹⁴. Временная последовательность появления отдельных подходов, как и ожидалось, соответствует количественной: на первом месте этнолингвистические исследования, за ними следуют контрастивные, более редки лингвокультурологические.

3.1. *Этнолингвистическое* изучение фразеологии в словенском языкознании началось в XX в. Удивительно, что временные рамки возникновения соответствующих направлений в языкознании совпадают в разных странах (хотя современное изучение фразеологии в Словении началось – с некоторым запозданием – в первой половине 70-х гг.)¹⁵. В 1958 г. польский лексиколог и фразеолог С. Скорупка в своем докладе на IV международном Конгрессе славистов в Москве предложил разделять национальную фразеологию славянских языков на конвенциональную и натуральную [Skorupka 1958] (цит. по: [Mokienko, Malinski, Stepanova, Walter 2004: 17]). Один из теоретических вопросов тогда, когда фразеология как самостоятельное направление языкознания только формировалась, касался взаимодействия, взаимосвязи во фразеологии универсального и уникального, общечеловеческого и национального. Разграничение ФЕ на конвенциональные и натуральные, как предлагает С. Скорупка, было задумано диахронно, с опорой на «гнезда» ФЕ. Как утверждают критики предложения польского ученого [Mokienko, Malinski, Stepanova, Walter 2004: 18], составить список ФЕ для каждой группы было бы полезно, но, учитывая сегодняшнюю степень изученности, крайне сложно, если вообще возможно. В этом также заключается причина того, что авторы первых словенских историко-культурных работ о ФЕ, помимо исследования их происхождения, предавались пуристическим и антипуристическим размышлениям. Речь идет о нескольких статьях в журнале «Jezik in slovstvo» за 1959/60 и 1960/61 гг. Так, А. Совре [Sovre 1959/60: 181] начинает таким образом: «Это выражение [ФЕ *v kozji rog ugnati* – Э.К.] для меня уже минимум полстолетия как для быка красная тряпка, во-первых, потому, что меня раздражает в нем то, что это один из наиболее очевидных германизмов, во-вторых, и в немецком оно бессмысленно, и в-третьих, перевод его на словенский

¹⁴ Относительно полную библиографию публикаций о пословицах и поговорках представлены в сборнике «Пословицы и поговорки в Словении» (Pregovori in reki na Slovenskem) Э. Бойца (второе издание [Bojc 1980: 17–21]).

¹⁵ В лингвистических кругах других республик бывшей Югославии подобные дискуссии также имели место примерно в тот же период. Ср. рассуждение о ФЕ *biti na konju* в сборнике по филологии и лингвистике (Zbornik za filologiju i lingvistiku 1959) – автором словенской части был Р. Коларич [Kolaric 1959: 151/152].

ошибочен <...>»¹⁶. Помимо дискуссий такого рода статьи содержат также размышления, близкие идее С. Скорупки о разделении ФЕ на конвенциональные и натуральные, т. е. универсальные и национально-специфические. Так, например, А. Совре [Sovre 1959/60: 182] возражает против обозначения сочетания *nimat časa* в Правилах словенской орфографии и пунктуации [Slovenski pravopis 1950] как условно допустимого для литературного языка (отмеченного звездочкой *) по причине его якобы несловенского происхождения, считая данное словосочетание универсальным: «Не понимаю, почему словенец не может составить фразу с точно таким же оборотом, что и немец, или англичанин, или итальянец без того, чтобы его выражение не отдавало “измом”. У всех нас одинаковые мозговые извилины¹⁷,¹⁸. И наоборот, Байец [Вајес 1959/60: 132] выражению *lomiti kopje* как раз по культурологическим причинам приписывает несловенское происхождение: «... копья ломали рыцари на турнирах, но когда и за кого их ломали словенские невольники? Это выражение чуждо словенскому мышлению»¹⁹.

Первое словенское монографическое этнолингвистическое лексико-фразеологическое исследование со всем необходимым историческим и социокультурным инструментарием вышло в 1977 г. под заглавием «*Kruh ubogih*». И хотя большая часть лингвистических рассуждений автора работы, М. Стабея, посвящена словенским наименованиям *картофеля*, в исследовании представлены все пространственно-временные, социальные и другие обстоятельства того, что в словенском языке ФЕ *imeti krompir* значит ‘пережить неожиданно благоприятный исход, завершение чего-л.’ (синоним *imeti srečo – повезти*): распространение

¹⁶ «Pred to rečenico (ФЕ *v kozji rog ugnati*; прим. автора статьи – Э.К.) stojim že najmanj pol stoletja kakor bik pred rdečo ruto, prvič zato, ker me draži v nji eden najbolj kosmatih germanizmov, drugič, ker je v nemščini sami nesmiselna, tretjič, ker je njen slovenski prevod napačen <...>»

¹⁷ «Ne razumem, zakaj bi Slovenec ne mogel narediti kake fraze z natanko istim zasukom kakor Nemec ali Anglež ali Italijan, ne da bi njegov izraz dišal po “izmu”. Vsi ljudje imamo enake možganske vijuge».

¹⁸ Объяснения Совре приводятся только для того, чтобы подтвердить одновременность происходящего в словенском языкознании в связи с тезисом Скорупки о разграничении универсальных и уникальных единиц. Хотя вообще-то идея об универсальности семантического переноса в ФЕ *nimat časa* ошибочна, поскольку мы тут имеем дело с выражено культурно связанной метафорой. ФЕ – это языковое воплощение фундаментальной концептуальной метафоры ČAS JE DENAR (ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ), к которой относится также многие другие ФЕ, напр., *trajiti/zapravljati čas, krasti čas (komu), bogu čas krasti, čas je zlato*. Метафора присутствует в современной западной культуре, в которой работа типично связана со временем, необходимым для ее выполнения, а время точно количественно оценено: «привычка» почасовой оплаты труда не такая уж и старая, она связана с развитием современного индустриального общества в XIX в. [Kržišnik, Smolič 2000]. Поэтому не удивительно, что Совре объявил, что ФЕ *nimat časa* вполне может параллельно возникнуть и существовать в немецком, английском и итальянском языках – тут он абсолютен прав, но основа для ее возникновения – общий культурный фон, объединяющий словенцев, немцев, англичан и итальянцев, а не «извилины мозга».

¹⁹ «... kopja so lomili vitezi na turnirjih, toda kdaj in za koga jih je lomil slovenski tlačan? Rekló je slovenski miselnosti tuje».

картофеля к концу XVIII в. в Словении и вообще в Европе означало конец периода великого голода. Ср. также: *Neumen kmet ima najdebelejši krompir* (букв. 'У глупого крестьянина самая крупная картошка').

Первые теоретические размышления, связанные с этнолингвистическим изучением ФЕ, представлены по крайней мере в двух статьях Я. Кебера. В 1995 г. была опубликована его работа «Значение этнографических и исторических данных для исследования лексики и фразеологии» (Pomen etnografskih in zgodovinskih podatkov za raziskovanje leksike in frazeologije) [Keber 1995], а пять лет спустя – «Пояснение происхождения словенских фразеологизмов» (Razlaganje izvora slovenskih FE) [Keber 2001]. В то время как в первой статье просто показывается, как следует использовать данные из культурно-исторических источников для пояснения мотивационной основы конкретных ФЕ, во второй – Я. Кебер систематически представляет, поясняет и иллюстрирует примерами свой «толковательный подход» к объяснению происхождения ФЕ. И хотя работа не предполагает особого культурологического или этнолингвистического аспекта, из описаний со всей очевидностью следует, что данные о языковой и внеязыковой мотивационной основе («картине») учитываются в различных аспектах. Введение особого этимолого-культурного раздела о происхождении ФЕ в «Словаре словенских фразеологизмов» (Slovar slovenskih frazemov) [Keber 2011] подтверждает, что Я. Кебер – наиболее плодотворный исследователь этнолингвистического направления в словенской фразеологии.

3.2. Правда, следует отметить, что изложенные ранее этнолингвистические рассуждения, как и многие другие, здесь не упомянутые, всегда содержат сопоставительные данные о ФЕ других языков. Это, разумеется, не значит, что речь идет также и о *контрастивно ориентированном* изучении фразеологии. В наибольшей степени к объединению этнолингвистического и контрастивного подходов приблизился Я. Кебер в двух своих монографиях о словенской анималистической фразеологии «Животные в аллегориях» 1 и 2 (*Živali v prispodobah 1, 2*) [Keber 1996 и 1998], в которых рассматриваются наименования 55 животных в функции фразеологических компонентов. Для контрастивного анализа не хватает только теоретического обзора всех «анималистических историй», представляющих «анималистическую картину мира» в различных языках. По воле случая попытка такой идеографической классификации с сопоставительным анализом словенских и русских ФЕ представлена в статье Т. Филимоновой [Filimonova 2003: 447–453], сделанной как раз на материале ФЕ с зоонимами. набросок следовало бы, конечно, еще основательно дополнить, в том числе и материалом из обеих книг Я. Кебера, и «картина мира», заполненная словенской анималистической фразеологией по контрасту с иностранной, была бы обрисована.

3.3. *Лингвокультурологический* подход к изучению фразеологии в контексте культуры в словенском языкознании – новация. Как культурные нормы синхронно отражаются во фразеологии и использовании ФЕ в текстах; как можно с этим связать стереотипы, привычки, нормы, в которых мы живем здесь и сейчас; насколько носители языка узнают эти пласты (культурную коннотацию) во фразеологии и, как следствие, какова их культурная компетентность – всем этим вопросам словенская фразеология уделяла мало внимания. Это направление рассматривается в небольшой статье Э. Кржишник и М. Смолич «Метафоры, в которых мы живем здесь и сейчас», конкретнее – в той ее части, где рассматриваются концептуальные метафоры, полученные на основе анализа языкового материала (не только, но в том числе и фразеологического) из современных газетных текстов политической, экономической и культурной тематики [Kržišnik, Smolić 1999: 74–79]. Более обширно, с более подробной лингвокультурологической информацией, касающейся словенского языкового материала (также не только фразеологического), данную тему раскрывает в своей монографии А. Бедковская Копчик [Będkowska Korpczyk 2004], когда при помощи когнитивного метода выявляет языковой образ негативных чувств в словенском языке. Пример представления определенного семантического поля и его фразеологических воплощений в словенском языке приведен в статье И. Страмльич Брезник ФЕ со значением ‘умереть’ в [Slovar... ЭР] (см. также [Stramljíč Breznik 1999: особенно 266–270]). Пример целостного культурологического исследования – анализ ФЕ *pomesti/pometati pod preprogo* – ‘скрыть/скрывать что-то неприятное, плохое’ представлен в [Kržišnik 2008]²⁰. ФЕ, которая в словенском языке появилась в переломный период обретения независимости (первый пример употребления в корпусе датируется 1991 годом), имеет культурную референцию, выраженную как наличием в составе единицы компонента *preproga* (*ковер*), относящегося к предметам материальной (бытовой) культуры, так и ее значением, отражающим ценности и нормы нашего общества: замалчивание и нерешение проблем имеет негативную коннотацию, а наш культурный детерминант требует, чтобы проблемы признавались и решались; ср. такую же оценку в ФЕ *metati pesek v oči [komi]* (*пускать пыль в глаза [кому-л.]*), *tiščati glavo v pesek [kakor poj]* (*прятать голову в песок [как страус]*) и противоположную в ФЕ *odpreti oči [komi]* (*раскрыть глаза [кому-л.]*), *biti si na jasnem [s čim]* (*иметь ясность относительно [чего-л.]*).

4. Лингвокультурология, вероятно, одно из наиболее современных и популярных направлений в исследовании фразеологии в контексте культуры. В отличие от этнолингвистики, интересующейся прежде всего

²⁰ Сокращенный вариант под заглавием «Что замечают “под ковер” и почему? Культурологический социолингвистический анализ фразеологизма *pomesti/pometati pod preprogo*» был опубликован также и на русском языке [Кржишник 2010].
208

происхождением феноменов, она имеет дело с оценками, стереотипами, мифами и под., которыми мы живем и мыслим до сих пор и которые нас в определенной степени – когда мы эту детерминированность осознаем – также определяют. Но в то же время нельзя не заметить, что культурные нормы меняются; не быстро, но наверняка. При чтении этнолингвистической литературы и рефлексии настоящего, в котором мы живем, это раскрывается интересным образом. Приведем пример. В упомянутой выше работе М. Стабея о картофеле говорится, что для принятия картофеля как полезной культуры Европе понадобилось почти 100 лет, отрешившись от него как простые люди, так и образованные. В культурологическом и социологическом аспекте интересна причина неприятия [Stabej 1977: 10]: «Из уст в уста и в прессе по миру распространялась весть, что картофель уже потому бесполезная и вредная культура, что, как и кукуруза и табак, был принесен к нам с запада, а не, как большинство других домашних растений, с востока»²¹.

Сегодня положение в значительной степени изменилось: большинство культурных веяний, приходящих с запада, пока оценивается позитивно. Однако при этом невозможно обойти вниманием и факт, подтверждающий предположения М. Стабея, а именно то, что большую часть источников, значимых для культурологического анализа языкового материала, мы переняли с востока, напр., библейские тексты, греческую и римскую мифологию и др. тексты, славянскую мифологию и т. д.

Литература / References

1. Кржишник Э. Что замечают «под ковер» и почему? Культурологический социолингвистический анализ фразеологизма *potesti/pometati pod preprogo* // Язык и культура: материалы Международной научной конференции (Белгород, 25–26 марта 2010 г.). Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2010. С. 40–48.
2. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 13–24.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. – 327 с.
5. Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 2000. – 1439 s.
6. Bajec T. O purizmu in puristih // Jezik in slovstvo. 1959/60, № 5. S. 129–134.
7. Będkowska Kopczyk A. Jezikovna podoba negativnih čustev v slovenskem jeziku. Kognitivni pristop. Ljubljana: Študentska založba, 2004. – 277 s.
8. Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga. Ljubljana: ZRC SAZU, 1995. – 355 s.
9. Bojc E. Pregovori in reki na Slovenskem. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980. – 404 s.
10. Collins Cobuild Learner's Dictionary. London: Harper Collins Publishers, 1996. – xxii + 1322 p.

---

²¹ «Od ust do ust, pa tudi v tisku, je šla namreč v svet novica, da je krompir že samó zato ničvreden in škodljiv sadež, ker je bil, kakor turščica in tobak, prinesen k nam iz zahodne dežele in ne, kakor večina drugih nedomačih rastlin, iz vzhodnih krajev».

11. Der kleine Wahrig Wörterbuch der deutschen Sprache. München: Mosaik Verlag GmbH, 1982. – 943 s.
12. *Filimonova T.* Primerjalna analiza slovenskih in ruskih frazemov z živalskimi poimenovanji. // Obdobja 20. Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 2003. S. 447–453.
13. *Jurančič J.* Slovensko-srbskohrvatski slovar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1981. – 406 s.
14. *Keber J.* Pomen etnografskih in zgodovinskih podatkov za raziskovanje leksike in frazeologije. // Razvoj slovenske etnologije od Štreklja in Murka do sodobnih etnoloških prizadevanj. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1995. S. 85–90.
15. *Keber J.* Razlaganje izvora slovenskih frazemov // Skripta 5. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 2001. S. 35–50.
16. *Keber J.* Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011. – 1158 s.
17. *Keber J.* Živali v prisposodbah 1. Celje: Mohorjeva družba, 1996. – 387 s.
18. *Keber J.* Živali v prisposodbah 2. Celje: Mohorjeva družba, 1998. – 479 s.
19. *Kocbek F.* Pregovori. V Ljubljani: Klein in Kovač, 1887. – 95 s.
20. *Kolarič R.* Biti na konju v slovenščini. // Zbornik za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 1959. S. 151–152.
21. *Kržišnik E.* Kulturološka interpretacija frazema. // Jezikovna prepletanja (Knjižna zbirka Stičišča). Ljubljana: Fakulteta za družbene vede, 2008. S. 149–165.
22. *Kržišnik E., Smolič M.* "Slike" časa v slovenskem jeziku // 36 seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 2000. S. 7–19.
23. *Kržišnik E., Smolič M.* Metafore, v katerih živimo tukaj in zdaj // 35 seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 1999. S. 61–80.
24. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
25. *Menac A., Fink-Arsovski Ž., Venturin R.* Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb: Naklada Ljevak, 2003. – 414 s. – [HFS]
26. *Menac A., Fink-Arsovski Ž., Venturin R.* Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb: Naklada Ljevak, 2014. – 794 s. – [HFS]
27. *Mokienko V., Malinski T., Stepanova L., Walter H.*: Russische Phraseologie für Deutsche. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2004. – 145 s.
28. *Омашевић Ђ.* Мали српски фразеолошки речник. Београд: Алма, 2007. – 788 с.
29. *Pavlica J.* Frazeološki slovar v petih jezikih. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1960. – 686 s.
30. *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. V Ljubljani: Knezoškofijstvo, 1894/95. – 883 s. (I), – 978 s. (II).
31. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des Expressions et Locutions. Paris: Le Robert, Collection Les Usuels, 1998. – 888 s.
32. *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg – Basel – Wien: Herder, 1994. Bd 3. S. 735–1106.
33. *Skorupka S.* Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. // Slavjanskaja filologija. 1958. S. 124–155.
34. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana: DZS. URL: <http://bos.zrc-sazu.si/sski.html>. April 2016. Дата последнего обращения – 30.04.2016. – [ССЛЯ]
35. Slovenski pravopis. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti (SAZU), 1950. – 938 s.
36. Slovenski veliki leksikon. H–O. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2004. – 833 s.
37. *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997. – 900 s.
38. *Sovre A.* V kozji rog ugnati in še kaj // Jezik in slovstvo, 1959/60, № 6. S. 18–182.

39. *Stabej J.* Kruh ubogih. Kulturnozgodovinski in jezikovni začrt zgodovine krompirja na Slovenskem. Ljubljana: SAZU, 1977. – 94 s.
40. *Stramljč Breznik I.* Prispevki iz slovenskega besedoslovja. Maribor: Slavistično društvo, 1999. – 285 s.
41. *Teliya V.N.* Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) // Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1998. S. 783–794.
42. *Toporišič J.* Slovenski pravopis. Ljubljana: SAZU, ZRC, 2001. – 1805 s.
43. *Vidovič Muha A.* Slovensko leksikalno pomenoslovje. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000. – 328 s.
44. *Vidovič Muha A.* Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženk. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete : Partizanska knjiga, 1988. – 223 s.
45. Vocabolario Treccani. [Электронный ресурс] URL: <http://www.obnovisoft.ru/vocabolario-treccani>. Дата последнего обращения - 07.07.2016.

Источники

1. Gigafida = Korpus Gigafida. URL: www.gigafida.net (vpogled: april 2016).

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК МАТРИЦА МЕТАФОРИЗАЦИИ

Е.М. Лазуткина

SYSTEM RELATIONSHIPS AS THE MATRIX OF METAPHORIZATION

E.M. Lazutkina

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of studying the mechanisms of trope formation. It is argued that the metaphORIZATION process is associated with the conceptualization, that the metaphor is created on the basis of the established system of relations. The research is carried out by means of the method of modeling the sentence structure as well as the method of substitution. The techniques of metaphORIZATION and types of tropes are described in the present paper. The results of the study will be of interest to specialists in the field of linguoculturology.

Key words: the Russian language; cognitive categories and concepts; model proposals; syntactic position; style; methods of metaphORIZATION

АННОТАЦИЯ

В данной статье получают развитие некоторые положения теории В.Н. Телия о метафоре. Утверждается, что метафоризация связана с онтологическими процессами концептуализации и категоризации, что метафора создается на основе сложившихся системных отношений в грамматике. Используется метод моделирования и прием субституции. Описание механизмов метафоризации делает очевидным иерархическое строение семантики предиката. Показывается, что описание приемов создания тропов обладает познавательной ценностью и открывает новые перспективы для исследований по лингвокультурологии.

Ключевые слова: русский язык; когнитивные категории и концепты; модель предложения; синтаксическая позиция; стилистика; метафоризация

Tantum cognoscitur, quantum diligitur.
(Познаём настолько, насколько любим.)
Август Аврелий (IV век до н.э.)

Выбранный нами эпитафия говорит о том, уже в античные времена было известно, что успешность познания зависит от равнодушного отношения к объекту исследования. Расширяя смысл этой сентенции, можно сказать, что речь идет о неразрывной связи мыслительных процессов с прочувствованным отношением к предмету мысли. Наша статья посвящена описанию механизмов образования тропов.

СПЕЦИФИКА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СИНТАГМАТИКЕ

Среди теоретических исследований В.Н. Телия выделяются работы, посвященные изучению процессов метафоризации. Вероника Николаевна постулирует неразрывную связь метафоризации с линейной организацией высказывания в динамическом процессе порождения речи и ставит задачу «исследования механизмов вторичной номинации на фундаменте логико-синтаксической организации предложения и формирования его смысла» [Телия 1977: 136]. Вероника Николаевна говорит об асимметрии значения слова как единицы номинации и единицы синтагматической цепи, считая актуальным мнение Л.В. Щербы о том, что «любое сочетание слов дает «не сумму смыслов, а новые смыслы»: «Переход от словесно-знаковой информации о мире к сведениям, передаваемым формой предложения, сопровождается оснащением слов семантико-синтаксическими сигналами в процессе их организации в сочетании» [Телия 1980: 252–253]. К понятию «грамматическая метафора» Вероника Николаевна подводит читателя через объяснение семантики тех слов в структуре предложения, которые обладают пропозитивным значением: «фразообразующими свойствами награждены событийные имена, обозначающие “поведенческие” акции различных типов, результаты этих акций, имена информационных объектов и т. п. В еще большей степени – психические акции, имена, обозначающие мыслительные процессы и их результаты, аспекты личности» [Телия 1980: 276].

О связи процессов осмысления мира, т. е. мира знаний, с процессами метафоризации, тесно связанными с процессом порождения речи, с замыслом говорящего писал В.В. Виноградов: «Языковые метафоры – это знаки группировки понятий в идеологической системе языка и запечатления бытийных связей в процессе завоевания мира» [Виноградов 1980: 248].

В отечественной лингвистике тема «значение слова в синтагматике» не раз привлекала внимание ученых, начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. А.А. Потебня определял значение слова в составе предложения как внутреннюю форму слова: внутреннюю форму формируют не только языковые значения (категориальные и «свойственные ему одному»), но и «знание места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [Потебня 1958: 66]. Естественно, что слово в синтаксическом образце проходит опосредование своей денотативной отнесенности через свою структурную «значимость» в этом образце.

Вопрос представления внешнего мира, предмета мысли языковыми средствами находится на стыке многих наук, прежде всего философии, теории языка и психолингвистики. В современной эпистемологии «значительное внимание стало уделяться стоящим между вещью, образом и познающим субъектом методам и операциям» [Микешина 2016: 87]. В этом направлении философии актуализируется роль познающего субъекта и активно используется понятие «интерпретация». Что касается

объекта анализа, то начиная с работ Гуссерля (напр. [Гуссерль 2001]) философы применяют понятие «репрезентация» – представление предмета, явления в виде каких-либо мыслительных конструктов – знаковых образований, моделей, символов. В языкознании термин «репрезентация» используется в двух смыслах. 1) Как мыслительный конструкт реальной ситуации, базирующийся на общеязыковой практике и на практике индивидуального носителя языка, – конструкт, который имеет свое строение; синонимичное понятие – «сигнификация». Понятие «сигнификат предложения» соотносится с понятием «категориальная ситуация» А.В.Бондарко [Бондарко 2008: 14–15], «сигнификативная ситуация» (семантическое соответствие денотативной ситуации) [Кубрякова 2004; Гак 1998]. Внутренняя форма, по заключению А.А.Потебни, «представляет значение слова», в этом выражении слово «представляет» является синонимом к слову «репрезентирует». 2) Как материальное воплощение сигнификации, и шире – знания. Это линейно организованная семантико-синтаксическая структура или лексема; примером репрезентации может служить диатеза: она выступает как представление говорящим / носителями языка реальной ситуации. Материальное воплощение обуславливают культурные традиции и предпочтения социума, а также здесь проявляются особенности «авторского взгляда». Синтаксическая конструкция анализируется нами, прежде всего, как интерпретативная структура, как один из способов оперирования знаниями в речи. Частотно термин «репрезентация» встречается в словосочетаниях *репрезентация концепта*, *репрезентация категории* и трактуется как «способ представления».

В русле этой традиции рассуждает и О.Н.Селиверстова. Она считает, что «значение языковой единицы – это концепт, т. е. явление принципиально отличное от денотативной отнесенности», и признает справедливыми «прозрения лингвистов психологической школы конца XIX и начала XX веков о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации» [Селиверстова 2002: 21–24].

В качестве исходного положения мы принимаем тезис о том, что исторически естественная категоризация действительности, мыслительные процессы отражаются и в грамматических построениях, т. е. «грамматика – это часть содержания как отдельного высказывания, так и дискурса» [Степанов 1998: 175]. Мы считаем, что на выбор говорящим синтаксической модели влияет и стилистический модус высказывания, который участвует в репрезентации содержания, в формировании сигнификативного значения предложения. Поэтому синтаксическую модель следует рассматривать как способ обозначения говорящими на данном языке ментального конструкта реальной ситуации, а не как «ярлык» самой реальной ситуации, – конструкта, который формируют языковые категории.

Модель предложения своими синтаксическими позициями обуславливает общие семантические и грамматические свойства словоформы, выступая, таким образом, в качестве сложной формы, составной формы мысли, состоящей из форм, – репрезентацией концепта. В форме, по выражению В. Гумбольдта, «находит себе воплощение то, что в каждом роде вещей созрело до совершенства и удовлетворяет полноте своей идеи» [Гумбольдт 1984: 50]; форма «способствует более правильному и четкому проникновению в сущность мыслительных связей» [Там же: 126].

Для объяснения метафоризации мы предлагаем применить метод моделирования и использовать мыслительный конструкт структуры предложения в качестве матрицы, соответствующий дискурсной норме языка, для объяснения строения образного предложения. Мы считаем, что системная модель предложения является базовым каркасом, представляющим конгломерат содержательных связей, на котором строится новая смысловая сфера, показываются приемы изобразительной стилистики.

Анализ синтаксических отношений в предложении помогает обнаружить не только базовые категории и концепты, но также предсказать тип метафорических переносов. В основе метода поиска – понятия «модель предложения» и «синтаксическая позиция». Именно таким образом – через семантическую функцию в составе высказывания и через значимость той или иной синтаксической позиции в организации смысла предложения показываются свойства концепта [Лазуткина 2004]. Функция понимается нами как системное предназначение определенного элемента на разных уровнях его функционирования; аналогичное понимание у В.Г. Гака [Гак 1998: 180]. В соответствии с этим, морфосинтаксис предложения представляет собой конгломерат функций – функций языковых категорий, лексических значений, семантических категорий предложений, синтаксических позиций, словоформ.

Термин «категория» обычно употребляется в следующих значениях. В когнитивной лингвистике принято употреблять этот термин в словосочетании «когнитивная категория» как синоним термина «концепт»; концепт является центральным понятием в современной когнитивной лингвистике. Частотное выражение – «когнитивные категории и концепты». При этом имеются в виду базовые когнитивные категории, онтологически присущие человеческому мышлению (например, категория определенности / неопределенности, категория лица, категория акциональности и т. д.), а не так называемые культурные концепты (например, «добро», «любовь» и т. д.). Когнитивные категории, или базовые концепты, существуют в виде содержательных разрядов разной степени абстрактности; они могут быть представлены в языке в эксплицитном и имплицитном виде, то есть могут являться скрытыми концептами. Может оказаться, что когнитивная категория является скрытым базовым концептом, действие которого обнаруживается на уровне син-

таксической парадигматики, так как синтаксические отношения также принадлежат ментальному миру, являются когнитивными феноменами. Вследствие этого выявление иерархических отношений когнитивных категорий лежит в сфере семантико-синтаксического анализа [Лазуткина 2004].

Терминологическое словосочетание «языковая категория» используется для обозначения металингвистических понятий. Это общее наименование для разных языковых категорий (например, категория имени существительного, категория глагола, категория одушевленности / неодушевленности, категория падежа, категория вида и т. д.): «Языковая категория представляет собой ряд форм, объединенных со стороны значения» [Пешковский 2001: 89–90; Кручинина 2009: 13–16]. Общий принцип подведения языковых фактов под категорию предложен Л.В. Щербой: надо «разыскивать», какая категория навязывается самой языковой системой: «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или иное слово под данную категорию» [Щерба 1974: 80].

Термин «семантическая категория предложения» используется для обозначения содержательных разрядов в структуре предложения; это субъект, предикат, объект. Они выражают смысл предложения, находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Каждая модель предложения является только одним из вариантов мыслительного представления говорящим того или иного явления, ситуации, процесса, и все особенности этого представления показываются структурными связями семантических категорий в модели предложения. Замысел говорящего диктует определенные типы семантических категорий предложения и предсказывает формы их репрезентации. Взаимодействие категорий имени и глагола в создании семантических категорий предложения, позволяет сделать вывод о том, каким образом в диахронии складывались механизмы композиционной семантики предложения.

Чтобы понять законы семантико-синтаксической организации предложения, надо обратиться к анализу *акта предикации*. Модели в системе языка хранятся не как абстрактные схемы, готовые к произвольному заполнению лексическим материалом, а как тесно спаянные с лексемами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции (предикации), т. е. выбирая стилистический ключ описания какой-либо темы, говорящий сталкивается с необходимостью использовать те или иные исторически сложившиеся грамматические структуры, поскольку синтаксические образцы являются когнитивными феноменами.

Терминами «категориальное значение», «категориальная семантика» обозначаются характеристики языковых элементов разного уровня: при этом имеется в виду родо-видовые отношения внутри содержательного разряда, например категориальное значение «конкретные имена существительные», «вещественные существительные», «отвлеченные суще-

ствительные» внутри части речи «имена существительные».

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА

Мысль о рождении новых смыслов в потоке речи, в моделях предложений развил Т.П. Ломтев в своем учении о синтаксической позиции. Лингвистический термин «синтаксическая позиция» обозначает значимое положение определенной словоформы в модели предложения: «В понятии позиции выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1976: 132]. Свойства концепта заставляют его выступать в моделях предложений в том или ином качестве, т. е. обуславливают его синтаксическую роль как семантической категории и предсказывают обобщенную семантику синтаксической позиции.

Вследствие этого синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические характеристики, чем уже установленные разряды существительных. Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения, поскольку она делает очевидным сходство содержательных признаков слов (словоформ), имеющих не только разные лексические значения, но и входящих в разные семантические классы, но которым предопределена системой языка одна и та же функция. Понятие «синтаксическая позиция» показывает, что синтаксическая система, семантико-синтаксическая организация предложений связана с лексической системой через когнитивные структуры более высокой степени абстракции, нежели лексическое значение, – посредством отнесенности форм слов разных частей речи к определенной категории. Следовательно, категориальная семантика лексемы может стать очевидной только при употреблении лексемы в определенной форме в строго определенной модели предложения. Так, в предложениях с переходными глаголами локально направленного действия типа *Дети окружили учительницу; Батальон занял высоту* – синтаксическая позиция субъекта специфицирована, она имеет особые содержательные характеристики: «определенность», «множественность». В данной позиции все существительные в именительном падеже, в том числе конкретные существительные во мн. ч., обозначают нерасчлененное множество (континуум). Такой прием лингвистического анализа, как субституция, позволяет выявить макросемантический разряд лексики – класс слов, которые могут появиться в этой позиции, поскольку они эквивалентны по смыслу лексемам, обозначающим какое-либо множество. Все лексемы класса в данной синтаксической позиции являются средством репрезентации базового концепта *СУБСТАНЦИЯ, СПОСОБНАЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЮ*; например, *Чудесный аромат дыни занял весь дом; Семена какой-то травы провинтили ткань насквозь; Сирень в этом году окружила весь дом.*

«Реляционные свойства» словоформы сохраняются и в синтаксической парадигме предложений, организованной глаголами одного и того же синтагматического класса (с одинаковым сигнификативным ядром), – в деривационно связанных моделях предложений, представляющих собой диатезы. Концепт *ЛОКАЛЬНО НАПРАВЛЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ-СОБЫТИЕ, ИМЕЮЩЕЕ СВОИМ СЛЕДСТВИЕМ ПОЛНОТУ ОХВАТА ОБЪЕКТА* обуславливает «фамильное сходство» конструкций, по терминологии Л. Витгенштейна, и формирует семиотическую структуру, имеющую признаки «расплывчатого (нечёткого) множества», по теории Заде и Лакоффа. Диатеза определяется нами как функционально-семантическая категория предиката; например: *Ветер закрывает солнце тучами – Тучи закрывают солнце – Солнце закрывают тучи – (безл.) Солнце закрывает тучами – Солнце закрывается тучами*. Ср. большое количество диатез с глаголами обобщенного значения, например: *закрывать / закрываться / закрываться* – и единственную диатезу у глагола данного синтагматического класса *взяться*: *Лужи взялись тонким льдом*.

Этот концепт прогнозирует все типы метафор на основе данных моделей предложений: ассоциации автора должны быть связаны со свойствами данного концепта. Следовательно, как словарная единица, глагольная лексема (предикат) представляет собой иерархически упорядоченный конгломерат сем, ориентированных на парадигматические связи данной лексемы в системе на уровне категориальных разрядов, а также на определенные синтагматические схемы реализации этих сем.

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО МОДУСА В ПОСТРОЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Несмотря на то, что порождение речи осуществляется мгновенно и симультанно, одновременно с формированием замысла происходит выражение говорящим своего отношения, своей оценки к предмету речи, к условиям речи, к адресату и к другим факторам. Оценка (интеллектуальная, ассертивная, эмотивная) – обязательный строевой компонент высказывания, т. е. отношение говорящего обуславливает структуру предложения. Ср.: «Высказывание без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 2002: 303–323]. Ср. также: «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986].

Таким образом, замысел говорящего имеет стилистический модус, который организует сигнификативные комплексы как когнитивные фреймы. Он реализуется в интонационной конструкции и в узуальных линейных блоках – в структуре текста и в системных маркерах модальности, руководит отбором синтаксических структур и лексического состава.

Стилистический модус принадлежит культуре в широком смысле слова, он связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме, с культурой личности. Он участвует в репрезентации содержания высказывания, иначе говоря, он и есть главная часть содержания. Понятие «стилистический модус» близко понятиям «оценка», или «субъект», или «синтаксическое лицо» в современном языкознании. Трактовка понятия «субъекта» (автора, носителя языка и субъекта оценки) в лингвистической прагматике и когнитологии восходит к философии Л. Витгенштейна, который трактовал «субъект как этическую установку, которая задает границу и структуру видения мира и действия в нем» [Галанина 2011: 138].

Анализ смысловой организации стилистически маркированного предложения предполагает определение семантики схемы (модели) предложения и типа предикации (или нескольких типов предикации, включая скрытую предикацию), поскольку априори в акте предикации приписывается признак из разряда таких признаков, который может быть присущ предизируемому компоненту, является органичным для него; выявление ассоциативной мыслительной сферы, поскольку признаковую зону часто составляют общепринятые в социуме оценки и культурные концепты.

Стилистически маркированный текст усиливает связь семантики и линейной организации предложения, свойственную стилистически нейтральным текстам, поскольку таит в себе все нюансы взаимосвязи семантики, грамматики и синтактики. В таком дискурсе наиболее полным образом выявляется базовая концептуальная значимость разных системных средств, выявляются даже скрытые, неочевидные смысловые компоненты лексических элементов и синтаксических конструкций.

ОБЩЕЯЗЫКОВЫЕ И СТЕРТЫЕ МЕТАФОРЫ

Этот тип метафор свидетельствует о том, что субъективный по своей природе акт креативного восприятия реального явления предстает как естественный для многих, а зрительный образ – как общий для всех носителей языка. Эти свойства восприятия свидетельствуют об образовании когнитивной схемы, концепта. Основным типом структуры предложения, который служит нам иллюстративной базой, является модель предложения, организованная глаголами, представляющими концепт «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата объекта». В образном отражении реальных процессов и явлений участвует семантика модели, смысловое соответствие именных словоформ и глагола, поэтому эффект образности возникает при восприятии содержания всего предложения или даже отрывка текста. Доминанту поля глаголов-предикатов определяет архисема, которая является глубокой концептуальной сущностью любого глагола этого синтагматического класса, потому что действие ее обнаруживается не на лексическом уровне, а на уровне сигнификата предложения и его парадигмати-

ческих связей. Именно эта архисема дает название всему синтагматическому классу и в наиболее «чистом» виде представлена в глаголах, имеющих обобщенное значение (например, *закрывать*, *заполнять*, *охватывать*). При образовании метафоры происходит актуализация этой архисемы и остаются в тени семы, которые обуславливают специфику индивидуального лексического значения: глагол периферии лексического поля начинает употребляться в значения доминанты поля. Эти семантические процессы при метафоризации подтверждают мысль Н.Д. Арутюновой о развитии глагольных значений и, в свою очередь, иллюстрируют этот вывод: «Понятийное содержание предикатов центрбежно. Оно стремится к отрыву от денотата <...>. Тенденция к отрыву денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента» [Арутюнова 1976: 337].

Определение ролей компонентов модели, особенности их лексической или грамматической семантики по сравнению с системно заданным, стилистически нейтральным значением членов предложения, помогает найти главных «виновников» выразительности. Образность строится на изменении структуры содержательных компонентов имени существительного в той или иной синтаксической позиции: и на уровне лексических классов, и на уровне категориально-грамматических разрядов слов. Существуют закономерности (механизмы) образования тропов: определенные типы несоответствия категориальной принадлежности словоформы значению определенной синтаксической позиции, – значению, предписанному системой языка. Вследствие этого, эти типы субституции обладают познавательной ценностью.

Рассмотрим следующие разновидности языковых метафор.

1) В русском языке существует гештальт, когнитивная схема «СВЕТ – ЖИДКОСТЬ; СВЕТ ЛЬЕТСЯ», которая рождает общеязыковые метафоры. Свет предстает как самодовлеющая сущность, субстанция, действующая активно, направленно, агрессивно или благожелательно. Свет может существовать в виде тени, полутени, сумерек, полутьмы, тьмы; например: *Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах; Теперь притих и он* [Бегемот. Демон-паж. Шут] *и летел бесшумно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны* (М. Булгаков); *Свет без удержу поливал молодые заросли* (К. Федин). Эта предикация со следами стертой образности нередко соединяется с метонимическими переносами (*солнце – свет солнца*), с модификацией глагольного значения – каузацией или декаузацией; например: *Луна ярко заливала Николая Ивановича* (М. Булгаков); *... выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада* (М. Булгаков); *Как днище бочки, / правильным диском / стояла / луна / над дворцом Ливадийским. / Взошла над землей / и пошла заливать ее, / и льется на море, / на мир, / на Ливадию* (В. Маяковский); *Милый взор, истомленно-внимательный, Залил светом всю душу твою* (Н. Заболоцкий); *Импрессионисты как бы зали-*

ли свои полотна солнечным светом (К. Паустовский).

2) Языковые метафоры с глаголами локально направленного действия образуют активный слой лексики. В языковом сознании членов социума они прошли путь от номинации действия, процесса, имеющего пространственные характеристика, к обозначению действий, не имеющих пространственной характеристики, а затем – к обозначению отношений между предметами. Анализ разных типов языковых метафор, образованных на базе глаголов локально направленного действия, показал, что главной семой, обуславливающей синтаксическую структуру модели предложения и являющейся основанием метафорического переноса, служит сема «полнота охвата, проникновения». Модели предложений, которые обозначают процессы в пространстве, могут служить основой метафорического представления или «коммуникативной заготовки» для описания событий, процессов и фактов во времени, в социальной, психологической, научной сферах.

В метафорических высказываниях изменяется значение именных словоформ в предложении. Так, категориальная семантика субъектных словоформ в базовых моделях с каузативными глаголами локально направленного действия предназначена для имен со значением лица или для имен событийной семантики. Эту роль могут играть имена, представляющие базовую когнитивную категорию «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Свойства этой категории обуславливают ее синтаксическую роль как субъекта, а также роль стихийного каузатора.

а) В сознании носителей русского языка чувства, эмоции, состояния предстают как субстанции, способные к самостоятельному перемещению (т. е. они получили в языке пропозитивное осмысление), поэтому для характеристики воздействия на человека чувств, эмоций используются глаголы локально направленного действия – глаголы закрытого лексического ряда: *охватывать, обнимать, пронизывать, проникать, схватывать*. Эти глаголы с доминантной семой полноты охвата передают стихийный характер воздействия чувств и ощущений, поглощение ими всего человека. Они организуют предложения, в которых позиция подлежащего предназначена системой для имен существительных со строго определенным категориальным значением – для вещественных или отвлеченных имен, но эта позиция находится на периферии линейной структуры высказывания, т. е. действие субстанции, способной к самостоятельному перемещению, трактуется всего лишь как действие каузатора; например: *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (М. Булгаков); *Москву охватило увлечение символистами*.

Модель предписывает, чтобы объект (одушевленное существительное в косвенном падеже) занимал начальную позицию в предложении. Этот факт говорит, что для говорящих на русском языке важно сделать

именно название лица темой высказывания, несмотря на то, что его статус – объект. Вследствие этого объект приобретает свойства субъекта (в данном случае – субъекта восприятия). Получается, что в синтаксической системе языка получает закрепление модель предложения, в которой налицо асимметрия семантических категорий предложения, их формы и функций.

Предидирующая часть предложения часто выступает как единый фразеологизированный комплекс, как аналог глагольной лексемы, при этом в существительном в именит. пад. ослабляется каузирующее значение. Смысловой акцент такого предложения – обозначение изменения состояния субъекта; например: *Моё лицо заливают краска стыда; Костя видит, как глаза ребятишек горят живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома, – и глаза Костины охватывает туман* (В. Ставский). Мы считаем, что существование таких предложений обусловлено регулярным, постоянным пресуппозиционным фоном, предшествующим контекстом типа: *Я (он) чувствую, вижу, ощущаю, слышу*; т. е. имеет место контекстная предназначенность модели, рассматриваемые предложения обозначают сенсорно воспринимаемые динамические процессы.

б) Многие стертые метафоры показывают увеличение смысловой емкости линейной структуры предложения за счет ассоциативных парадигматических связей глагольной лексики. Внешне это нарушение выглядит как осознанный выбор автором лексемы иного категориального качества для создания стилистического эффекта. Ср.: *А рассказывал Горький великолепно. Подлинный случай сейчас же обростал у него подробностями* (К. Паустовский); *Шел снег, пушистый, тихий. Земля обростала плотным саваном* (Ю. Пшонкин). Ср. узуальные метафоры в научной литературе: *Слова и словесные ряды таят в себе тенденции обслаиваться только теми группами ассоциаций, которые скрыты в концепции данного литературного произведения* (В.В. Виноградов); *Лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского языка* (Т.С. Коготкова); *Любовь к родной природе пронизывает весь сборник стихотворений поэта* (П. Пустовойт).

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ТРОПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

1) Образные схемы. Общеязыковая метафора «свет льется» помогает на этой основе конструировать индивидуальную авторскую метафору, тропы, включающие разные изобразительные приемы. Ср. прием персонификации: *Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение* (М. Булгаков).

Семиотическая ценность когнитивной схемы может возрастать в общеязыковой практике до образования идеологемы – факта культуры

социума, реальности духовной жизни. Об этом свидетельствует появление слова в признаковой зоне – зоне предикации в предложениях таксономической идентификации; например: *Ученье – свет*. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» показывается, что концепт *СВЕТ* имеет философский смысл, участвует в создании символической модели. Свет символизирует Бога, божественное, святое, безгрешное. Ср., например, вопрос Воланда («духа зла и повелителя теней») к Левию Матвею: *Не хочешь ли ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?* Ср. также: – *А что же вы не берете его [Мастера] к себе, в свет?* – *Он не заслужил света, он заслужил покой*, – печальным голосом проговорил Левий.

2) Приемы релятивизации и декаузации. Эти приемы приводят к тому, что глаголы теряют сему акциональности и сохраняют только сему «полнота охвата объекта», т. е. они служат приемом соотношения предмета и его признака. Поэтому частотны случаи несоответствия категориальной семантики именных словоформ в конструкциях с причастиями страдат. залога тем требованиям, которые предписывает системная модель предложения; например: *...актер, с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками...* (А. Чехов); *...и вообще эта девица была, если можно так выразиться, вся насквозь наспиртована* какой-то кислой скукой и застарелой неудачей (И. Тургенев); *Санька <...>, вся пропитанная музыкой, гордо кланялась в менюэте, как бешеная крутилась в польском* (А.Н. Толстой); *Пел и я когда-то далеко. И теперь пою про то же снова, Потому и дышит глубоко Нежностью пропитанное слово* (С.А. Есенин); *Шлейф, забрызганный звездами, Синий, синий, синий взор* (А. Блок); *Меня тогда поразило соседство таких фактов: убитый после налета друг и этот холодный, наипигованный нацизмом молодчик* (Вольф); *Там [на мостике] их встретил пожилой японец с суровым, выдубленным ветрами лицом, в шерстяной шапочке на коротко остриженных, обильно пропитанных сединой волосах* (Л. Князев); *В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли, Темный профиль женщины наклонился вниз* (А. Блок).

Общезыковая метафора «свет льется» также часто предстает в художественных текстах с глагольными формами, потерявшими сему акциональности; например: *Стена фабрик, стекла окон, Грязно-рыжее пальто, Развевающийся локон – Все закатом залито* (А. Блок); *Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью* (В. Набоков); *...Почему он вспомнил об этом сейчас, когда ему так скверно? Почему увидел залитую предзакатным солнцем поляну, родного, сильного человека рядом и себя, Павла, тощего мальчишку, пронзенного внезапным счастьем? Ведь ничего особенного тогда не случилось...* (Е.Н. Катасонова). *Шелест красной ветки клена, поздним солнцем залитой* (И. Снегова).

3) Нарушение соответствия компонентов структуры предложения на уровне категориальной семантики как прием метафоризации. «Синтаксические последовательности низкой грамматичности» [Сапорта 1980: 111], «непредсказуемая проекция лексических средств с оси парадигматики на ось синтагматики» – это частые характеристики образного поэтического языка. В.Н. Телия представляет как регулярную грамматическую метафору случаи синтаксической транспозиции при образовании словосочетаний пропозитивного типа (например, *бурный восторг, легкая усмешка*) [Телия 1980: 279]. Пропозитивные именные словосочетания характеризующего типа также представляют собой свернутое образование; например: *Милый мой, эту радость простора не закроет дождливая сеть* (А. Парпара).

Употребление отвлеченных существительных вместо конкретных часто используется как изобразительный прием. Это свидетельствует о более высоком уровне осмысления отношений предмета и его признака, поскольку, как известно, абстрактные существительные имеют только сигнификативное значение и не имеют денотативного значения.

Ср.: *Белилами румяню бледность* (М. Цветаева); *Зеленью глаз твоих мир застелен, Листья и травы смеются в них* (И. Снегова). Синтаксическая позиция объекта в рассматриваемых предложениях предназначена для конкретного существительного, называющего место, в винит. пад., в то время как существительные *бледность, зелень* – отвлеченные. Это говорит о свернутой предикации в структуре предложения, которую можно представить как «лицо бледное», «глаза зеленые».

4) Изменение качества пропозитивной семантики словоформы в синтаксической позиции модели. В предложении с глаголами локально направленного действия имена существительные в творит. пад. в позиции каузатора имеют пропозитивную семантику, их категориальное качество специфично: это вещественные или отвлеченные существительные, а конкретные существительные во мн. ч. (реже в ед. ч.) обозначают нерасчлененное множество. В системной модели предложения эта позиция скрывает две мыслительные структуры; ее роль – быть средством компрессии предикатного ядра. Словоформы в творит. пад. называют средство воздействия в первой мыслительной структуре, а также называют каузатора итоговой смежности с объектом – во второй мыслительной структуре.

В художественных текстах эту позицию занимают деадъективы, акциональные имена существительные, существительные со значением состояния, свойства. Эти «замены» подтверждают пропозитивный характер семантики синтаксической позиции и раскрывают логические типы скрытой предикации: экзистенциального типа, идентификации, характеристики; например: *Я пришел к тебе, Куликово поле. Переполнено ты колокольной болью / позабывших о звоне заржавленных звонниц, / лебедой, позабывшей о топоте конниц* (Е. Евтушенко); *Нужно было наполнить себя жизнью до самых краев* (К. Паустовский); *И*

пошла и покатила тарасовская слава, **обрастая** былью и небылью (Б. Екимов).

5) Использование приемов персонификации и олицетворения. При персонификации нередко происходит нарушение семантического соответствия глагольной и именной словоформ: субъект осмысливается как действующее целенаправленно лицо, а в глагольном значении, соответственно семантике именной словоформы, актуализируется сема преднамеренности действия.

Грамматическими сигналами персонификации могут быть: значение модальных глаголов, семантика наречий; например: *К хатке дружес-любно Ивушка **нагнулась**. Темными ветвями хатку **прикрыла*** (И. Суриков); *О ночь, глубокой тьмою **Опеленай** неверный Рим* (А. Майков); *А майское теплое море поднимается в сумрак, сказочным туманом **пеленает** мачты и невидимое за горой гулянье* (А. Малышкин); *Стреляя из пулемета, машина описала на месте полный круг, как бы **пытаясь** **окольцевать** себя огнем* (Г. Березко); *По временам на лице его [Чуба], которого бороду и усы метель **намылила** снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина* (Н. Гоголь); *Липы и акации **разрисовали** землю в саду сложным узором пятен* (М. Булгаков); *Россия любимая, с этим не шутят. Все боли твои – меня болью **пронзили**. Россия, я – твой капиллярный сосудик, мне больно, когда – тебе больно, Россия* (А. Вознесенский).

УСЛОЖНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЕМ МЕТАФОРИЗАЦИИ

Исходной модели с глаголами локально направленного действия языковая система предписывает семантические ограничения: синтаксическая позиция каузатора предназначена для имен вещественной и отвлеченной семантики или для конкретных имен существительных во мн. ч. в творит. пад., обозначающих недискретное множество (континуум), им предписана роль средства воздействия (каузатора итоговой смежности). Метафорические конструкции показывают усложнение модели: существительные в творит. пад. выполняют двойную функцию. Форма творит. пад. может обладать как значением средства воздействия (каузатора), так и значением сравнения. Но в образной конструкции снимается требование языковой системы по отношению к лексической семантике словоформы в творит. пад.: она уже не имеет пропозитивного характера значения, здесь появляются конкретные существительные, и поэтому эта словоформа имеет значение скрытого сравнения; например: *К холму, **огывая** его **полулунием**, бежали люди в зеленом* (М. Булгаков), т. е. *огибал, как полулуние*; *Снег забивался в ворот штормовок – **ледяным обручем** стискивал горло* (Д. Семенов-Спасский), т. е. *стискивал, как ледяной обруч*; *Воздух облипал лицо **жидким клеем*** (К. Паустовский), т. е. *облипал, как жидкий клей*; *Тишина **обручем***

сковала лес (М. Шолохов), т. е. *сковала, как обруч*; *Юсаулов похудел, рыжая щетина сухим репейником обметала скулы, побаливала контуженная нога* (Б. Авдеев), т. е. *обметала скулы, как сухой репейник*; *Через некоторое время за алой к холму пришла вторая когорта, поднялась на один ярус выше и венцом опоясала гору* (М. Булгаков), т. е. *опоясала гору, как венец*. Соотносительные по значению предложения со сравнительным оборотом с союзом *как* представляют собой соединенные двух предикативных основ и дают однозначное прочтение исходных конструкций.

Вывод

Содержательные характеристики изобразительных структур, выбор средств, выражающих образные оценки, и арсенал приемов метафоризации зависят от возможностей и «предпочтений» уже сложившейся системы языка, и «произвол» автора не безграничен. По выражению В.З. Демьянкова, «*между языком и мыслью существует отношение “взаимоиспользования”*» [Демьянков 2000: 104]. Смысловые отношения и сложившиеся исторически структурные связи, закодированные в языковой системе, представляют собой матрицу процессов метафоризации. Изобразительная стилистика делает очевидными творческие возможности языковой системы и открывает новые перспективы постижения действительности. Метафоры, образные стереотипы и символы, развиваясь в языковом сознании в нашей ежедневной практике, обретают свою творческую силу воздействия на восприятие реальности.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука. 1976. – 383 с.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР, СЛЯ. 1978, Т. 37, Вып. 4. С. 333–343.
3. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 800 с.
4. Бондарко А.В. Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 11–49.
5. Виноградов В.В. О теории литературных стилей // Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 240–249.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
7. Галанина К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2011, № 7. С. 138–147.
8. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/623343/> Дата последнего обращения – 06.06.2016.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания // Собрание сочинений. Т. III (Ч. 1). М.: ИТДГК «Гнозис». Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 60–105.
10. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 26–136.

11. *Кручинина И.Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 212 с.
12. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
13. *Лазуткина Е.М.* Скрытый концепт обнаруживают синтаксические отношения // Русское слово в русском мире. Москва–Калуга: ИД «Эйдос», 2004. С. 134–149.
14. *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание: Избранные работы. М.: Наука, 1976. – 382 с.
15. *Мигунов А.С.* Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986, № 7. С. 91–99.
16. *Микешина Л.А.* Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016, № 2. С. 86–95.
17. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
18. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II, М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
19. *Сапорта С.* Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М.: «Прогресс», 1980. С. 98–115.
20. *Селиверстова О.Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002, № 6. С. 12–26.
21. *Степанов Ю.С.* Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 175–476.
22. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
23. *Телия В.Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 250–319.
24. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77–100.

АНТРОПОНИМЫ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

А.Э. Левицкий

ANTHROPONYMS MIRRORED IN ENGLISH LINGUOCULTURE

A.E. Levitsky

ABSTRACT

The article analyzes anthroponyms as lingual indicators of English culture. The Russian data obtained proves the existence of isomorphic and allomorphic features of linguocultures. The article aims at specifying the role of functional re-orientation of anthroponyms as a mechanism of rendering them cultural indication. Semantic, structural, valency, communicative and interpretation analyses are applied in the research. The article represents functional re-orientation of anthroponyms as indicators of English linguoculture. Future investigations of other language units as cultural indicators from the perspective of functional re-orientation are deemed possible.

Key words: anthroponym; functional re-orientation; linguoculture; worldview

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу антропонимов как маркеров лингвокультуры на материале английского языка. Приведенные отдельные данные на материале русского языка доказывают существование алломорфных и изоморфных особенностей лингвокультур. Целью статьи является установление роли функциональной переориентации, в результате которой антропонимы приобретают черты маркированности в пределах английской лингвокультуры. Для проведения исследования используется семантический, структурный, валентностный, коммуникативный и интерпретационный анализ. В статье раскрыты механизмы действия функциональной переориентации антропонимов как маркеров английской лингвокультуры. В перспективе возможно рассмотрение и иных маркеров английской и русской лингвокультур в аспекте функциональной переориентации.

Ключевые слова: антропоним; функциональная переориентация; лингвокультура; картина мира

Для современных лингвистических исследований характерен комплексный многоаспектный анализ номинативных единиц, при котором когнитивные и коммуникативными параметры изучаются в тесной связи с параметрами культуры [Арутюнова 1981; Телия 1996; Ковшова 2009; Красных 2002; Молчанова 2013]. Вся структура языка имеет национально-культурную основу, что проявляется в ходе функциональной переориентации языковых единиц. Антропонимы, как и целый ряд других языковых единиц с национально-культурным своеобразием значе-

ния выступают носителями определенной культуроведческой информации. В конкретных коммуникативных ситуациях они передают отношение к действительности, т. е. к носителю данного имени и реципиенту высказывания. В этой связи особую значимость приобретает фактор контекста и структуры концептуальных систем носителей языка.

В случае антропонимов указание на объект, или референт, осуществляется посредством его названия (например, *Аристотель*, *Афродита*), в случае определенных дескрипций – посредством его описания (*ученик Платона и учитель Александра Македонского, богиня любви*) [Павилёнис 1983: 121]. Отметим, однако, что осмысленность так называемых сингулярных терминов, их семантический статус еще не полностью определен, поскольку не прояснено, имеют ли собственные имена смысл [Там же: 122], т. е. являются ли они осмысленными, аналогично предикатам – прилагательным, общим существительным, глаголам и построенным из них определенным дескрипциям. Подавляющее число антропонимов не отличаются ни по своим функционально-семантическим, ни по лингвопрагматическим характеристикам от других номинативных единиц, обладая присущими им морфологическими, синтаксическими и прагматическими показателями.

Несмотря на то, что подчиняющиеся функциональной переориентации¹ антропонимы, как правило, в высказывании не соответствуют своим истинным референтам, их возможность употребления в новой функции осуществляется благодаря существованию ассоциативных связей между конкретным референтом (*Don Juan, Iago, Becky Sharp, Sherlock Holmes, Napoleon, Richelieu, Rockefeller, Rothschild* и др.) и основной характеристикой, им присущей. Референциальная роль подобных дескрипций, когда они выступают в данной функции, основывается на том, что если она не соответствует исходному лицу, то утверждение, в котором она содержится, может быть передано заменой ее на дескрипцию, которая соответствует обозначаемому лицу. Причем, сигнификат новой номинации имеет значительно больший объем, а также большую вариативность в аспекте лексической и грамматической валентности: *Но вряд ли даже среди самых выдающихся “многостаночников” сыщется такой актер, как Евгений Алексеевич Лебедев, вышедший из стен училища с напутствием играть “героев-любовников”. Он за долгие годы работы в театре и кино так и не создал ни одного “Ромео”* (Российская газета).

Отметим, что реципиенту высказывания значительно проще декодировать полученную информацию, если антропоним употреблен в предикативной функции (*This young man is Tom Jones*), в форме множественного числа (*What better are they than a lot of damned Don Juans or Rastignacs or Sorels or the rest of the romantic rubbish?* (A. Wilson)), с

¹ Функциональная переориентация – это особый деривационный процесс, позволяющий отдельным единицам языка при неизменности их формы реализовать новые, нехарактерные для них ранее категориальные, синтаксические и прагматические характеристики (см. подробнее: [Левицкий 2001]).

неким детерминативом (*I hate that Uriah Heep*), в атрибутивной функции (*Who is this Hemingway person at all?* (R. Chandler)). Таким образом, не вызывает удивления наличие не только синтаксических, семантических, но и прагматических, а также морфологических характеристик, присущих полнозначным лексическим единицам, в частности, в возможности приобретения словообразовательных аффиксов, присущих одной из частей речи (*Your Anna in "When Hitler Stole Pink Rabbit" is a Jewish girl, but my heart and yours are grabbed not by her Jewishness but by her Anna-ness...* (For a Change)).

В целом же, употребление антропонима, приводящее к появлению индивидуально-стилистического новообразования (*Людям надоело верить предсказаниям доморощенных нострадамусов* (Комсомольская правда); *С этой женщиной новый донжуан познакомился более трех лет назад в Лос-Анджелесе...* (Комсомольская правда)), выражает целостное представление об объекте высказывания в переносно-образной форме. Оно характеризуется обобщенностью смысла, связанностью компонентов, экспрессивностью. Антропонимы, употребленные в подобных контекстах, перестают функционировать как индивидуальные обозначения конкретных людей безотносительно к их чертам. Их функциональная переориентация завершается связью подобных единиц в высказывании с новыми людьми по аналогии и приобретением нарицательного значения. Таким образом, антропоним становится знаком, образом художественного обобщения.

Вместе с тем, говорящему необходимо пользоваться подобными единицами с большой осторожностью из-за возможного несоответствия тезаурусов собеседников или отдельных нюансов в них. Возможно, что вследствие такого несоответствия теряется своеобразная синонимия, т. е. смысловое тождество языкового выражения на внутриязыковом и межъязыковом уровнях, куда включаются объем внелингвистических знаний о мире, семантики как теории смысла и прагматики как теории употребления языка.

Отметим также возможные трудности в декодировании антропонимов, действие функциональной переориентации у которых, привело к появлению нового референциального значения: *She and old Marty were drinking Tom Collinses – in the middle of December, for God's sake* (J.D. Salinger); *Derek lay back in a chair beside the pool, a Tom Collins by his side* (J. Symons).

В высказывании антропонимы наполняются содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом лице, различающиеся полнотой качественной и количественной информации, но обязательно включающие субъективное отношение к референту. В этом свойстве можно усмотреть реализацию антропонимом категориального признака, выступающего предельно информационно насыщенной единицей в речи каждого коммуниканта, поскольку означивая объект, продуцент высказывания включает весь запас своих знаний о нем [Куха-

ренко 1988: 102]. Безусловно, в данном аспекте особую важность приобретают индивидуально-когнитивные особенности коммуникантов, что выражается не только в соответствии их концептуальных «картин мира», но и особенностей как языковых и социальных личностей, – их отношение к базовым моральным принципам, ассоциациям и языковым выражениям.

С точки зрения оценки ситуации общения, антропоним, вступая в новую ситуацию и обозначая, новый референт, соответственно отражает его признаки в том составе, в котором они отражены коммуникантами. При соблюдении языковых и внеязыковых данных у собеседников его употребление вызывает некий образ с относительно совпадающими чертами, что позволяет идентифицировать объект, который используется для его номинации. Наличие интегрального признака между различными референтами и их относительная независимость от позиции именуемого обеспечивают выполнение антропонимом необходимых денотативной и прагматической функций в акте коммуникации. Следует подчеркнуть не только образность, но и значительный эмоциональный заряд подобных номинаций (ср. *She is a truthful wife* и *She is a real Imogen*; *He is a perfect servant* и *He is a Jeeves*). Эмоционально-образная номинация способствует, в свою очередь, лексической экономии, а также становится в прагматический фокус всего высказывания в целом, обнажая интенцию его продуцента. Безусловно, у коммуникантов могут быть разные оценки таких персонажей, как *Tom Jones*, *Bertie Wooster*, *Don Quixote*, *Uncle Tom* или реальных лиц (*Richelieu*, *Rothschild* и других), поэтому для необходимой адекватности передачи информации становится необходимым более полный вербальный контекст, способный прояснить позиции собеседников.

Итак, в высказывании возможно преобразование непонятного значения антропонима в значении понятное, что придает данной языковой единице статус имени-символа. Например: *Кати, Маши и Тани превращаются в “Наташ” уже не только по роду занятий – им дают новые имена. <...> К тому же турецким женщинам такая ситуация тоже надоела: был даже создан женский общественный комитет под названием “Нет – “Наташам” в Турции!” <...> Но вот что интересно: поток “Наташ” не уменьшается, а, наоборот, растет» (Комсомольская правда); *Еще один чикатило...* (Комсомольская правда).*

Прагматическое значение подобных языковых единиц скорее выводится из конкретного окружения, чем базируется на его синтаксических и семантических данных. Таким образом, оригинальное использование хорошо известного антропонима не затрудняет акт коммуникации, а лишь усиливает его перлокутивный эффект тем, что создает неповторимый, оригинальный образ референта. В прагматике такой единицы закодирована психологическая ориентация продуцента высказывания на адекватность, действительность и новизну восприятия. Именно эта нацеленность стимулирует переориентацию в его когнитивной системе.

Другим важным аспектом функциональной переориентации антропонимов выступает использование полнозначных номинативных единиц или их частей в функции имени собственного. Основой подобной модели служит реальное или воображаемое сходство между двумя объектами: *“Don't ask me,” said Mr. Owl Eyes washing his hands off the whole matter* (F.Sc. Fitzgerald).

Так называемые «говорящие» имена, выделяющие какую-либо характеристику лица, свою внутреннюю структуру раскрывают довольно легко. Они служат для косвенной характеристики персонажей [Кухаренко 1988: 103; Мороховский, Воробьева, Лихошерст, Тимошенко 1991: 181]. Так, на ассоциации по сходству построены имена *Mr. Snake, Lady Sneerwell, Lady Teasle, Mr. Surface, Mr. Backbite, Lydia Languish, Mrs. Malaprop, Captain Absolute, Grubbs, Chubbs, Ugluk* и др. Называя персонажа, антропоним, образованный в результате функциональной переориентации как полнозначной лексемы, так и звукоподражательной единицы, становится тематическим словом. Необходимость частого употребления обеспечивает ему множественность разнообразных контекстов. Благодаря своей неотделимости от действующего лица, имя воспринимается в ассоциативном комплексе с ним, получает право не только указывать на обозначаемый объект, но и служить его характерологическим представителем. Прагматическая функция подобных имен направлена на подчеркивание их номинативно-опознавательной роли в тексте и служит для раскрытия характера персонажа – его носителя.

Антропоним входит в текст семантически пустым, готовым принять любое наполнение. Его содержательное насыщение происходит постепенно [Кухаренко 1988: 105]. Отметим, что некоторые из имен, образованных подобным образом, подвергаются действию функциональной переориентации, как и единицы, образованные по первой модели, например, *Becky Sharp, Falstaff*.

Анализ лексических единиц современного английского языка, чьими прототипами являются антропонимы, позволяет сделать следующие выводы:

– по форме они подразделяются на однословные (например, *Jack, Randy, Nixon, William, Nelly*) и составные (например, *Sloany Ranger, Aunt Jemima, Doctor Feelgood, Uncle Tom, Mr. Right, John Citizen*). К переходной зоне мы относим словостяжения: *Alice-in-Wonderland, Jack-and-Jill, Jack-the-lad, Johnny-come-lately, Jack-of-all-trades, Mister Nice-guy*, а также интеграции типа *JFK*;

– по орфографии они либо пишутся с большой буквы (*Joey, Aunt Jane, Scrooge, Sid* и др.), либо – с малой (*jack, charlie, nelly, benny, adam, nick, mick, joanna* и др.);

– по стилистической принадлежности переориентированные имена собственные подразделяются на относящиеся к литературной лексике (*Alice-in-Wonderland, Emmy, Imogen, Aunt Tabby, Joe College* и т. п.) и слэнгизмы (*Adam, Placido, Mary Jane, nellie, Jane Crow* и т. п.);

– по семантике исходных единиц они состоят не только из имен литературных героев (*Uncle Tom, Jack the Ripper, Becky Sharp, Tom Jones, Lady Bracknell, Uriah Heep, Bertie Wooster*), но и географических названий (*Hawaii, India, Marble Arch, Midlands, Netherlands*), имен и фамилий исторических личностей (*Seymour, Aristotle, Kipling, Brahms and Liszt, Joan of Arc, Richard the Third, Nixon*), киноперсонажей (*Rambo, Tarzan, Mickey Mouse*). Отдельные новообразования строятся на ритмической основе (*Joe Blake = ‘a snake’, Joan of Arc = ‘a shark’, Kate Karney = ‘the army’, Jack-and-Jill = ‘a pill’, Richard the Third = ‘turd’, Kate and Sidney = ‘steak and kidney’, to adam and eve = ‘to believe’, Alan Whickers = ‘knickers’, Bob Hope = ‘dope’, Aristotle = ‘a bottle’, Ned Kelly = ‘belly’, Mutt’n Jeff = ‘deaf’, Rosie Lee / Rosie Lea = ‘tea’* и др.). Отдельные единицы возникают в результате редупликации (*Norman Normal, Able Gable*);

– по частеречным параметрам они пополняют классы существительных (*charlie, Jack, McGuffin, Abdul, the Andrew, bobby, harry* и т. д.), глаголов (*to adam and eve, to nick, to Harold Lloyd, to ralph, to tom, to mickey-mouse*), прилагательных (*george, Kipling, Mozart, John Bull, Mickey Mouse, oscar, Mutt’n Jeff*), наречий (*Jack Jones, Tod Sloan, Pat Malone, Tod Malone*), междометий (*Christopher Columbus!, Gordon Bennett!, Jimmy Cricket!, Mary!*).

Кроме того, некоторые указанные единицы проявляют черты полифункциональности, например, *nelly* (*n, adj*), *Mickey Mouse* (*n, adj*), *Jack Jones* (*adj, adv*), *Uncle Ned* (*adj, n*). Вследствие действия функциональной переориентации новообразованные единицы кардинально изменяют свои когнитивные, ономаσιологические и семантические характеристики: *tom* (*v*) = ‘to lead the life of a prostitute’, *tom* (*n*) = ‘jewelry’, *to be tom* (*adj*) = ‘to be subservient’, *tom* (*n*) = ‘a bourgeois black’, *tom* (*n*) = ‘a flatterer’, *tom* (*n*) = ‘a prostitute’; *nick* (*v*) = ‘to steal’, *nick* (*n*) = ‘police station’, *nick* (*v*) = ‘to discover’, *nick* (*v*) = ‘to arrest’, *nick* (*adj*) = ‘crucial’ (of time).

Исследованные единицы номинации в высказывании способны вступать между собой в отношения омонимии и синонимии. Омонимами выступают *to adam and eve* (‘to believe’), *to Adam and Eve* (‘to go naked’); *Jack* (‘a \$ 50 note’), *Jack* (‘very’), *jack* (‘nothing’), *jack* (‘fed up’), *jack* (‘to abandon’), *jack* (‘to end work’), *jack* (‘a venereal disease’) (*Aus. sl.*), *Jack* (a general form of address), *jack* (‘a detective’); *jimmy* (‘an injection of a narcotic’), *Jimmy* (a familiar address), *Jimmy* (‘a prizing tool’), *jimmy* (‘ordure’), *jimmy* (‘crowbar’); *lim* (‘jewelry’), *jim* (a general form of address), *jim* (‘sex voyeurs, “assistants”, etc.’); *john* (‘lavatory’), *John* (an all-purpose term of address), *John* (‘a lover’), *john* (‘a man’), *john* (‘an older male homosexual’), *john* (‘a client of a prostitute’).

Синонимические единицы в основном относятся к дисфемизмам или эвфемизмам. Так, для обозначения наркотиков используется *Adam, charlie, Bob Hope, Charles, harry, dolly, Mary Warner, Mary Jane Warner, Dr. White, Miss Emma*; для обозначения неумного человека – *Berkshire*

Hunt, benny, Kevin, Sharon; девушки – *Sheila, Mary, Judy*; пьяницы – *John Bull, Mozart, Brahms and List*; зануды – *Brian, Irving, Melvin*; сутенера – *McGimper, Ronson*; проститутки – *Susie, Sadie Thompson*; женоподобных мужчин – *nelly, mary ann, lily, Nancy, Lizzie, Mabel, Miss Molly, Miss Nancy, Peter Pansy*; слабого человека – *jessie, nellie, Lanky*; хорошего парня – *Jack-the-lad, Jim-dandy*; чего-то отличного – *McCoy, Wee Georgie Wood*; обычной женщины – *Jane Q. Citizen, Jane Q. Public*; обычного мужчины – *Joe; Joe Blow, John Q. Citizen, John Q. Public*; оружия – *Betsy*; полицейского – *john hop, johnny-be-good, Old Bill, John Law, Vera Vice, Lucy Law (gay use), John Hop (Aus), Sherlock Holmes (Afro-Am. sl.), Irvine (Afro-Am. sl.), Peter-Jay (Afro-Am. sl.), Freeway Freddie (Afro-Am. sl.)*; представителей разных национальностей – *Abdul* (турок), *Ivan* (русский), *Jerry* (немец), *mick* (ирландец), *Taffy, Taff* (валлиец), *Alf* (австралиец), *Uncle Sam* (американец), *John Bull* (англичанин).

Функционально переориентированные антропонимы ведут себя подобно традиционным лексическим единицам и впоследствии изменяют свои семантические, частеречные, семиотические и когнитивные характеристики. Функциональная переориентация другого уровня прослеживается на примере эволюции имени героя американского мультипликационного фильма *Mickey Mouse*: вначале – ‘ченуха’ (*Mickey Mouse (n)*), затем – ‘непрофессиональный’ (*Mickey Mouse (adj)*), расширившееся до ‘бедный’, ‘скупой’, ‘второстепенный’ (*Mickey Mouse (adj)*). Далее появляется – ‘синхронизировать музыку с действием на киноэкране’ (*to mickey-mouse (v)*). Рассматриваемая языковая единица в функции существительного получила и омонимы со значениями ‘документальный фильм об опасности венерических заболеваний’ (воен. слэнг), ‘театральная публика’ (театр. слэнг, основанный на ритмической основе).

Схожий путь прошло и свободное словосочетание *nice Nelly*, которое приобрело единое значение (*nice Nelly, nice nelly (n)*) – ‘скромница’, а потом компоненты еще теснее срослись и создали *nice-nelly (adj)* – ‘жеманный’.

Данные примеры подчеркивают действительность функциональной переориентации и ее значительные потенции в высказывании. Отметим также, что рассматриваемые единицы входят в состав определенных словосочетаний и предложений, переориентируясь в составе всего комплекса: *all my eye and Betty Martin (n)* – ‘nonsense’, *Bob’s your uncle! (excl.)* – ‘for assertion’, *By George! (excl.)*, *Heavens Murgatroyd! (excl.)*, *Holy Moses! (excl.)*, *to douse the Edisons (v)* – ‘to turn off lights’, *down to Larkin (n)* – ‘free drinks’, *every man jack (pron)* – ‘everyone’, *gone for a Burton (adv)* – ‘dead’, *to hang a Lilly / Louie / Ralph (v)* – ‘to change direction’, *Not on your Nellie! (excl.)* – ‘No!’, *I ain’t just whistling Dixie! – ‘I mean it!’*, *jack in the box (n)* – ‘intercourse’, *jack in the box (v)* – ‘to rob’, *lit up like Broadway / Main Street / Time Square (adj)* – ‘drunk’.

Отдельные же единицы объединены в биноме сочинительной связью: *Cain and Abel (n)* – ‘table’, *Lilley and Skinner (n)* – ‘dinner’, *Naugh-*

ton and Gold (adj) – ‘cold’, Tom and Dick (v) – ‘to vomit’. В данных сочетаниях и им подобным наблюдается переход имени собственного от предметной номинации к сигнификации, обозначения некоего качества, оценки денотата. Результатом имеющей место нейтрализации видовых различий существительных и сохранения их общего родового значения является тождество их семантики в контексте бинома.

Считаем целесообразным отметить и то, что переориентированные антропонимы выступают основой некоторых фразовых глаголов современного английского языка: *to jack around* (‘to tease’), *to jack off* (‘to inject drugs’), *to jack up* (‘to strengthen; to attack; to inject drugs; to have intercourse, to stop and search’).

Несколько особняком стоит проблема функциональной переориентации антропонимов, которые являются компонентами терминологических словосочетаний типа *Addison-Biermer disease*, *Alzheimer’s disease*, *Minier’s syndrome*, *Gordon’s sign*, *Kerning sign*. Их характеризует непрототипическое атрибутивное употребление, причем часто в притяжательном падеже.

В заключение следует подчеркнуть активность антропонимов современного английского языка в создании фразеологических единиц (*for Pete’s sake*, *as poor as Lazarus*, *as rich as Croesus*, *rob Peter to pay Paul*, *to stand Moses*, *doubting Thomas*, *Judas trick*, *not to know smb. from Adam / Eve* и некоторых других). В целом, нельзя не согласиться с В.В. Налимовым, что: «Имя человека, как нечто ему имманентное, не есть средство коммуникации. В системе коммуникации оно превращается в слово со множеством значений» [Налимов 1974: 219]. Именно подход к антропониму с позиций функциональной переориентации в ходе его возникновения и/или употребления подтверждает тот огромный потенциал, который он имеет в системе языка и может реализовать в высказывании, а также по-новому подойти к антропонимам как маркерам определённой лингвокультуры. Отметим также, что функциональная переориентация, которая приводит к изменениям внутри системы номинативных единиц языка, имеет ярко выраженный культурологический компонент.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1981, № 4. С. 356–367.
2. Ковиова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. – 48 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Левицкий А.Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ, 2001. – 168 с.

6. *Молчанова Г.Г.* Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013, № 2. С. 20–26.
7. *Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В.* Стилистика английского языка. К.: Выща школа, 1991. – 272 с.
8. *Надимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1974. – 272 с.
9. *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. – 296 с.
10. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)¹

H.G. Med

FIGURATIVE COMPARISON AS AN OBJECT OF LINGUO-CULTURAL ANALYSIS (A CASE STUDY IN THE SPANISH LANGUAGE)

N.G. Med

ABSTRACT

Fixed figurative comparisons which appeared at the end of the XXth and the beginning of the XXIth centuries in the Spanish language and reflect different evaluative meanings are in focus in the present paper. Particular attention in the given work is paid to the images based on some precedent names and related to the film industry, pop-music, advertising, science and technology. The study carried out proves the important role that the play of words has in the creation of figurative comparisons in the Spanish language. The research findings help to bring out evaluative dominants in the consciousness of Spanish-language speakers and reveal a rather high creative phraseological potential of these dominants.

Key words: cultural linguistics; Spanish language; figurative comparison; precedent name; evaluative meaning; play of words

АННОТАЦИЯ

В статье на материале современного испанского языка исследуются устойчивые образные сравнения, появившиеся в конце XX – начале XXI вв. и отражающие различные оценочные значения. Рассматриваются образы-эталоны, представленные прецедентными именами и связанные с киноиндустрией, поп-музыкой, рекламой, миром науки и техники. Отмечается важная роль игры слов в создании образных сравнений. Актуальность исследования состоит в выявлении оценочных доминант в испанском языковом сознании, обладающих высоким креативным фразеологическим потенциалом.

Ключевые слова: лингвокультурология; испанский язык; образное сравнение; прецедентное имя; оценочное значение; игра слов

Предметом нашего исследования являются устойчивые образные сравнения (или фразеологические компаративы, компаративные фразеологизмы) в современном испанском языке. Само по себе сравнение является отражением когнитивного механизма, играющего важную роль

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00294/15.

в познании человеком окружающего мира, и, будучи языковым феноменом, сравнение способствует выявлению особенностей его мировидения. «Отражение в сравнении своеобразия мировидения человека и заложенная в него возможность воздействия на чувственную, оценочную, эмоциональную составляющую читателя / слушателя объясняет активное включение сравнения в реализацию текстовых категорий» [Денисова 2009: 5].

Обычно сравнение определяется вслед за О.С. Ахмановой: «Понятия равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова 2004: 449]. Н.А. Широкова, применительно к типам синтаксических конструкций со сравнительным союзом в составе простого предложения, выделяет образные и сравнительно-сопоставительные конструкции [Широкова 1960: 8]. Таким образом, следует различать два вида сравнения: предметно-логическое (сравнение-тождество) и образное сравнение (сравнение-уподобление) [Огольцев 2010; Лебедева 1999]. И если в предметно-логическом сравнении главным является определение степени совпадения или различия тех или иных характеристик сопоставляемых сущностей, образное сравнение состоит в интенсификации того или иного качества или действия субъекта сравнения, выраженной метафорически [García-Page 2008: 144].

Под устойчивым образным сравнением принято понимать разложимые на значимые элементы воспроизводимые единицы языка, компоненты которых характеризуются компаративными взаимоотношениями, определяющими целостное компаративно-образное значение [Огольцев 2010: 102]. Именно в языковой сущности образа содержатся основные сведения о связи языка и культуры и отражается национальное мировидение. Согласно В.Н. Телия, устойчивые сравнения представляют собой систему образов-эталонов. Эталон – характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства [Телия 1996: 241–242]. М.Л. Ковшова совершенно справедливо утверждает, что «фразеологизм зарождается на пересечении языка и культуры, он изначально насыщен культурой, и это делает его потенциально культурноносным знаком» [Ковшова 2012: 147].

Таким образом, устойчивые образные сравнения представляют большой интерес для лингвокультурологии, поскольку в системе заложенных в них образов отражаются не только национально-культурные реалии того или иного этноса, но и живые коммуникативные процессы, связанные с обыденным массовым сознанием народа. Перед тем, как перейти непосредственно к анализу языкового материала, остановимся на структуре испанского сравнения, которое имеет, как и в других языках, степени равенства (*tan...como* – *такой...как*) и неравенства (*más /*

menos...que – более / менее...чем). В испанском образном сравнении присутствуют оба способа, причем доминирует степень неравенства более высокой степени качества, что объясняется особой тягой испанцев к гиперболическому способу восприятия действительности, отраженной в эталонах сравнений. Например: *una tía más fea que pegar a su padre* (букв. ‘женщина более страшная, чем ударить отца’, перен. ‘уродливая женщина’). В данном примере содержится, на первый взгляд, абсурдное сравнение отрицательной эстетической оценки с отрицательной этической – с морально некрасивым поступком [Beinhauer 1973: 73–74].

Категория образного сравнения тесно связана с категориями эмоциональности, экспрессивности, оценочности и интенсивности, поскольку в сравнениях отражается как субъективно-эмоциональное отношение говорящего к предмету мысли и усиление коммуникативного намерения говорящего, так и оценивание объекта сравнения и интенсификация его оценочной характеристики.

Известный испанский фразеолог М. Гарсиа-Пахе отмечает в своих работах постоянное обновление эталонов испанских образных сравнений и необходимость их изучения, поскольку они отражают языковым способом преференции массового сознания [García-Page 2008: 170]. Наши наблюдения над устойчивыми образными сравнениями в испанской разговорной речи, изучение интернет-источников и испанской художественной литературы последних десятилетий позволяют сделать вывод о том, что язык живо реагирует на происходящие в мире политические, социальные, научные, культурные события и фиксирует их в обновленных эталонах сравнений с целью создания большей экспрессивности. Важным аспектом характеристики испанских образных сравнений является комическое гиперболическое выражение общих и частных оценочных значений.

Эталоны испанских устойчивых образных сравнений отличаются большим разнообразием и представлены самыми различными семантическими сферами, среди которых выделяются семантические сферы ЖИВОТНЫЙ МИР, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, ПРЕДМЕТ и ЧЕЛОВЕК. Однако мы остановимся лишь на прецедентных феноменах, поскольку в последнее время появилось большое количество фразеологических компаративов с эталонами – прецедентными именами. Исследованный нами языковой материал свидетельствует о том, что в качестве эталонов образных сравнений выступают как вербальные, так и невербальные прецедентные феномены. И если вербальные прецедентные феномены являются продуктом речемыслительной деятельности, отраженной в тексте, то невербальные прецедентные феномены относятся к невербальной сфере, а именно к живописи, музыке, скульптуре, архитектуре, театру, кино, различным событиям общественной, политической и культурной жизни [Красных 2003: 171]. Подобная скрытая цитация порождает яркие зрительные образы, вызывает ассоциации, способствующие более четкому восприятию сути самого сравнения. Н.Д. Арутюнова писала о

том, что образу «недостаточно облика предмета. Ему непременно нужен смысл <...> Суть ассоциативного мышления состоит не столько в способности видеть сходство между предметами, сколько в способности извлекать из подобия смысл» [Арутюнова 1990: 75].

В исследованном нами материале отмечается преобладание невербальных прецедентных имен и ситуаций, связанных с *миром кино, поп-музыкой, рекламой, политикой, наукой*. Прецедентные ситуации, связанные с этими именами, хорошо известны испанцам и вызывают в их сознании определенные ассоциации, которые способствуют экспрессивности высказывания и порождению новых смыслов. Таким образом, невербальные прецедентные феномены, также как и вербальные, могут быть прочитаны как текст.

В отношении *мира кино* отметим, что испанское языковое сознание широко задействует имена главных героев, актеров, названий фильмов с целью создания разнообразных оценочных значений. Так, одним из наиболее распространенных эталонов сравнения является *Тарзан*, главный герой многочисленных фильмов, выросший в джунглях, среди диких животных. С именем Тарзана связаны следующие оценочные значения: 1. Этическая оценка 'ленивый человек': *Ser más vago que el sastre de Tarzán* (букв. 'быть более ленивым, чем портной Тарзана'); *Trabajar menos que el sastre de Tarzán* (букв. 'работать меньше, чем портной Тарзана'). В данных юмористических сравнениях содержится аллюзия на внешний вид Тарзана, гардероб которого, как известно, не отличался разнообразием. 2. Этическая оценка 'жадный человек': *gastar menos que Tarzán en corbatas* (букв. 'тратить меньше, чем Тарзан на галстуки'), также мотивированная его внешним видом, а именно отсутствием одежды. 3. Интеллектуальная оценка, характеризующая невежественного, необразованного человека: *Tener menos vocabulario que el diario de Tarzán* (букв. 'иметь меньший словарный запас, чем дневник Тарзана'). Мотивировка подобного значения достаточно прозрачна: Тарзан не умел говорить и соответственно писать на языке своих праотцов-англичан. 4. Эмоциональная оценка, характеризующая растерянного, рассеянного, неприкаянного человека: *estar más perdido que Tarzán el día de la madre* (букв. 'быть более потерянным, чем Тарзан в День Матери'); *estar más perdido que Tarzán en una reunión de consorcio* (букв. 'быть более потерянным, чем Тарзан на собрании консорциума'), что также представляется вполне понятным: Тарзан был сиротой, он не имел опыта общения с людьми, круг его общения составляли звери – обитатели джунглей.

Другим активным эталоном сравнений является *Фредди Крюгер*, маньяк-убийца, культовый персонаж телесериала ужасов «Кошмар на улице Вязов». В образных сравнениях обыгрывается его перчатка на правой руке с металлическими пальцами – лезвиями ножей. Отсюда и следующие значения: *Trabajar menos que la manicura de Freddy Krugger* (букв. 'работать меньше, чем маникюрша Фредди Крюгера', перен. 'быть

очень ленивым'); *Ser más temerario que la manicura de Freddy Krugger* (букв. 'быть более отчаянным, чем маникюрша Фредди Крюгера', перен. 'быть очень храбрым').

Отметим также доктора *Генри Уолтона* или «*Индиану*» *Джонса*, героя целого ряда приключенческих фильмов, созданных Стивеном Спилбергом и Джорджем Лукасом. Индиана Джонс, археолог, университетский преподаватель, занимается поиском сокровищ и попадает в разные переделки, из которых всегда выходит победителем, чем и объясняется оценочное значение удачливого, выходящего сухим из воды человека: *tener más vidas que Indiana Jones* (букв. 'иметь больше жизней, чем Индиана Джонс'). В компаративном фразеологизме *estar más perdido que el arca del Indiana Jones* (букв. 'быть более потерянным, чем ковчег Индианы Джонса', перен. 'быть очень растерянным, рассеянным, плохо ориентирующемся в пространстве') наблюдается отсылка к сюжету фильма «В поисках утраченного ковчега», связанному с поисками ковчега Завета, по легенде способного сделать любую армию непобедимой и разыскиваемого нацистами.

Кинг-Конг, главный герой культовых фильмов о громадной горилле, влюбленной в блондинку, стал эталоном компаративного фразеологизма отрицательной эмоциональной оценки: *estar más enojado que King Kong cuando supo que la rubia era teñida* (букв. 'быть более раздосадованным, чем Кинг-Конг, узнавший, что блондинка была крашеной', перен. 'быть очень разозленным').

Образ актера и культуриста *Арнольда Шварценеггера* нашел отражение во фразеологическом компаративе *tener menos futuro que Schwarzenegger bailando el lago de los cisnes* (букв. 'иметь меньше будущего, чем Шварценеггер, танцующий «Лебединое озеро»'), характеризующем никчемного, ни к чему не способного человека.

Фильмы о крушении гигантского корабля «*Титаник*» и фильм «*101 далматинец*» мотивировали происхождение фразеологизма этической оценки 'трудолюбивый человек': *estar más ocupado que el plomero del Titanic* (букв. 'быть более занятым, чем водопроводчик на Титанике', перен. 'быть очень занятым'), *trabajar más que el veterinario de los 101 dálmatas* (букв. 'работать больше, чем ветеринар 101 далматинца').

Поп-музыка и ее представители также оказываются задействованными в испанских образных сравнениях. Скандальное, зачастую оскорбляющее религиозные чувства верующих поведение *Мадонны* на сцене стало мотивировкой фразеологизма *ser más improbable que un concierto de Madonna en la Plaza de San Pedro* (букв. 'быть более невероятным, чем концерт Мадонны на площади святого Петра'), а секс-скандалы с участием *Майкла Джексона* и обвинениями его в педофилии легли в основу фразеологического компаратива *ser más peligroso que Michael Jackson en una guardería* (букв. 'быть более опасным, чем Майкл Джексон в детском саду', перен. 'быть очень опасным').

Мир рекламы также находит свое отражение в креативной деятельности испанского языкового сознания. Образ лысого *мистера Пропера*, демонстрирующего чистящие средства, стал эталоном-интенсификатором в образном сравнении *estar más calvo que mister Propper tras un holocausto nuclear* (букв. 'быть более лысым, чем мистер Пропер после ядерной катастрофы'). Глупый, пустой человек уподобляется нехитрому содержимому *шоколадного яйца Киндер-Сюрприз: tener menos contenido que un Kinder Sorpresa* (букв. 'иметь содержимого меньше, чем в Киндер-Сюрпризе'), а кот, признающий только *корм Вискас*, становится эталоном в сравнении 'очень требовательный человек': *ser más exigente que el gato de Whiskas* (букв. 'быть более требовательным, чем кот из рекламы Вискас').

Имена политиков представлены в следующих сравнениях: *ser más inútil que el angel guardián de J.F. Kennedy* (букв. 'быть более бесполезным, чем ангел-хранитель Дж. Кеннеди'), в котором никчемный, бесполезный человек уподобляется ангелу, не сумевшему предотвратить покушение и сохранить жизнь президенту США Джону Кеннеди. Философия ненасилия, проповедуемая выдающимся политическим деятелем *Махатмой Ганди*, стала мотивировкой компаратива *ser más pacífico que Gandi en Nochebuena* (букв. 'быть более миролюбивым, чем Ганди в сочельник'), характеризующего мягкого, неконфликтного человека. Ораторские способности *Фиделя Кастро* и умение произносить многочасовые речи перед публикой получили отражение в образном сравнении, характеризующем нудного человека: *ser más pesado que un discurso de Fidel Castro* (букв. 'быть более тяжелым, чем речь Фиделя Кастро').

В эталонах испанских образных сравнений представлены также *мир науки и техники*. Так, в сравнении *estar más alterado que el código genético de la oveja Doli* (букв. 'быть более измененным, чем генетический код овечки Долли', перен. 'быть непредсказуемым') содержится отсылка к научному эксперименту с первым клонированным млекопитающим, *овцой Долли*, страдавшей от целого ряда болезней и, по слухам, отличавшейся от своих сородичей агрессивным характером. Этическая оценка 'наглый, бессовестный' связана с такими качествами *батареек Дюрасел*, как прочность и надежность: *tener la cara más dura que una pila de Duracel* (букв. 'иметь лицо прочнее, чем батарейка Дюрасел'), а *воображаемые дефекты компьютерной клавиатуры* в испанском языковом сознании порождают оценку никчемного, бесполезного человека *ser más inútil que teclado sin Enter* (букв. 'быть более бесполезным, чем клавиатура без клавиши ввода'). Гениальность *А. Эйнштейна*, его выдающийся талант физика-теоретика нашли отражение в положительной интеллектуальной оценке 'умный человек': *Tener más carisma que Einstein jugando en cifras y letras* (букв. 'иметь больше харизмы, чем у Эйнштейна, играющего с цифрами и буквами').

Названия городов (астинимы) также активно задействуются в системе испанских образов-эталонов. Так, фразеологический компаратив *estar más harto que Tarragona de pescado* (букв. 'быть более пресыщенным, чем Таррагона рыбой') выражает эмоциональную оценку, характеризующую состояние усталости, пресыщенности чем-либо. Данное значение связано с тем, что *Tarragona*, второй по величине город провинции Каталонии, является крупным портом на Средиземном море и славится средиземноморской кухней и обилием рыбных ресторанов. Сравнение *ser más chulo que los de Bilbao* (букв. 'быть более гордым, чем жители Бильбао', перен. 'быть очень гордым') основано на представлениях о басках, как об очень гордом и свободолюбивом народе.

В отношении испанского языка следует также отметить такую особенность как развертывание компаративного фразеологизма. Эталон сравнения может дополнительно развертываться за счет пояснения критериев его эталонности и, следовательно, достигается еще большая экспрессивность. Таким образом, испанское образное сравнение может принимать следующий облик: 1. *Es más tonto que Abundio que vendió el coche para comprar gasolina* (букв. 'он глупее, чем Абундио, который продал машину, чтобы купить бензин', перен. 'он очень глупый'); 2. *Es más tonto que Abundio* (букв. 'он более глупый, чем Абундио', перен. 'он очень глупый') 3. *¡Es más tonto!* (букв. Он более глуп!, перен. 'он очень глупый'). В последнем примере наблюдается принцип экспрессивной компрессии, характерный для разговорной речи, позволяющий опускать элементы, легко восстанавливаемые из фонда общих знаний собеседника.

Наблюдения над испанскими устойчивыми образными сравнениями позволяют нам сделать вывод о том, что они являются продуктом коллективного творчества народа и являются примером креативных возможностей языка. Как отмечает И.В. Зыкова, фразеологическая креативность в системном ракурсе позволяет раскрыть специфику мироздания того или иного этноса и выявить своеобразие его культурного опыта в познании мира [Зыкова 2015]. Анализ языкового материала показал, что основными оценками являются интеллектуальная и эстетическая, что свидетельствует о важности ума / глупости и красоты / уродства в испанском языковом сознании. Диапазон эталонов в них постоянно обновляется. Например: *Es tan estúpido que cuando nació en lugar de bautizarlo lo patentaron* (букв. 'он так глуп, что когда он родился, вместо того, чтобы его крестить, его запатентовали'); *Es tan estúpido que sus células cerebrales están en la lista de especies en extinción* (букв. 'он так глуп, что его клетки мозга занесены в список исчезающих видов'); *Es tan estúpido que inventó los saquitos de té impermeables* (букв. 'он так глуп, что изобрел непромокаемые чайные пакетики'); *Es tan estúpido que lo mandaron a Colombia a comprar Coca y como no encontró trajo Pepsi* (букв. 'он так глуп, что его отправили в Колумбию за кокой, а он, не найдя ее,

привез пепси’). Как известно, Колумбия занимает одно из первых мест в мире по количеству плантаций коки, используемой для изготовления кокаина.

Важным элементом семантики образных сравнений является игра слов, построенная на полисемии или антонимии. Так, например, для характеристики распутной, легкодоступной женщины используется каламбурный фразеологизм *ser más tocada que la quinta de Bethoven* (букв. ‘быть более заигранной, чем пятая симфония Бетховена’), в котором каламбур основан на полисемии глагола *tocar* со значениями ‘трогать, щупать’ и ‘играть на музыкальных инструментах’. Во фразеологическом компаративе *tener menos futuro que el pretérito perfecto simple* (букв. ‘иметь меньше будущего, чем простой перфект’), обозначающем никчемного, неудачливого человека, наблюдается своеобразная антонимия испанских грамматических временных форм – будущего и прошедшего законченного. В некоторых случаях лишь энциклопедические знания позволяют правильно понять суть комического. В частности, ироническим обозначением надоедливой человека обладает компаративный фразеологизм *ligero como el ave de San Lucas* (букв. ‘легкий, как птица святого Луки’), поскольку символом святого Луки является такое крупное животное как крылатый бык.

Как можно заметить, приведенные образные сравнения носят шуточный характер, отличаясь неправдоподобием, гиперболизированием, что объясняется влиянием эстетики барокко на испанское мировидение. Согласно Б. Грасиану, для эстетики барокко основным является все необычное, исключительное, что может быть направлено на поиски совершенства [Грасиан 1977: 288]. Принцип деформации действительности, свойственный жанру мениппеи, являлся излюбленным приемом для испанских писателей эпохи барокко. М.М. Бахтин отмечал, что действие мениппеи подчинено законам карнавальской жизни: «Карнавальное мироощущение распространяется на все явления, вещи, мысли. Для него характерна эксцентричность, вольный фамильярный контакт между людьми, отсутствие правдоподобия» [Бахтин 1979: 132]. Карнавальное мироощущение характерно и для современной испанской разговорной речи, в которой люди и вещи находятся в странных, невероятных отношениях [Weinhauer 1973: 59–106; Мед 2007: 211–212].

По нашему мнению, испанское образное сравнение во многом следует традициям барокко, отражая в гротескной форме ценностные представления о мире человека в эталонах, содержащих знания не только о культуре предыдущих эпох, но и о массовой культуре нового времени.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res philologica*. Филологические исследования. М., Л.: Наука, 1990. С. 71–88.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. – 317 с.

4. *Грасиан Б.* Остроумие, или искусство изощренного ума // Испанская эстетика. Ренессанс, барокко, просвещение. М.: Искусство, 1977. С. 169–474.
5. *Денисова Г.Л.* Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. – 38 с.
6. *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеологии: теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015. – 380 с.
7. *Ковинова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
8. *Красных В.В.* Свой среди чужих: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
9. *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Кубанский ун-т, 1999. – 192 с.
10. *Мед Н.Г.* Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 235 с.
11. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
12. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. *Широкова Н.А.* Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань: Казанский гос. ун-т, 1960. – 153 с.
14. *Veinhauer W.* El humorismo en el español. Madrid: Gredos, 1973. – 268 p.
15. *García-Page M.* La comparativa de intensidad: la función del estereotipo // Verba, 2008, vol. 35. P. 143–178.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В КОММУНИКАЦИИ

О.А. Мещерякова

THE TRANSFORMATION OF THE SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN COMMUNICATION

О.А. Meshcheryakova

ABSTRACT

The article draws attention to the problem of semantic transformation of phraseological units in communication. The study of particularities of idioms' semantic content in discourse is carried out by means of cognitive-semantic, linguistic-cultural and distributive methods. The analysis helps to establish that during communication evaluative semes of some phraseological units may be changed while their forms remain unchanged. The research allows to turn attention to cultural meanings of components and put forward a hypothesis about the activation of different types of communicative memory, which language units as elements of language sign frame possess. Informative memory of components has chronological properties and is related to the reference situation generating a phraseological unit. Communicative-cultural memory of phraseological components provides the activation of archaic, mythological or religious layers of a phraseological unit. Due to its properties such memory does not possess chronological borders and this allows different meanings to be active in different communication conditions. The hypothesis about the factors of semantic transformation of phraseologisms in communication opens some new sides of the concept of "cultural semantics" and accounts for possibilities to study phraseological units in the linguistic-cultural paradigm.

Key words: phraseological unit; semantic transformation; informative memory; communicative-cultural memory

АННОТАЦИЯ

Статья привлекает внимание к проблеме трансформации семантики фразеологизма в коммуникации. Изучение особенностей их смыслового содержания в речи осуществляется с помощью когнитивно-семантического, лингвокультурологического, дистрибутивного методов. Анализ позволяет установить, что в процессе коммуникации у отдельных фразеологизмов оценочные семы могут подвергаться изменению при сохранении формы идиомы. Это заставляет обратить внимание на культуросемантические значения компонентов и выдвинуть гипотезу об актуализации различных видов коммуникативной памяти, которой обладают языковые единицы как элементы «тела знака». Информативная память компонентов имеет хронологические характеристики и связана с референтной ситуацией, порождающей фразеологизм. Коммуникативно-культурная память компонентов фразеологизма активизирует архаичные, мифологические или религиозные слои фразеологизма. По своим характеристикам такая память не имеет хронологических ограничений, чем определяет возможность актуализации различных смыслов в различных коммуникативных условиях. Выдвигаемая

гипотеза о факторах семантической трансформации фразеологизма в процессе коммуникации открывает новые стороны понятия «культурная семантика» и обуславливает перспективы изучения фразеологизмов в лингвокультурной и коммуникативной парадигме.

Ключевые слова: фразеологизм; семантическая трансформация; культурная семантика; информативная память; коммуникативно-культурная память

Вопросы о том, «почему фразеологизмы удерживаются в языке веками при явной их языковой аномальности, почему они вновь и вновь образуются в языке и в каждую эпоху в них включается свой культурный “слой”» [Телия 1993: 307], не являются для исследователя праздными, так как ответы на них требуют внимания не только к языку, но и к «человеку в языке» – именно «человек говорящий» своими коммуникативными интенциями обуславливает формирование и дальнейшее употребление устойчивого сочетания в акте вербального общения. «Как знак коммуникации фразеологизм участвует в разнообразных дискурсивных практиках, где складываются оптимальные коммуникативные условия для его реализации» [Ковшова 2014: 115].

Фразеологизмы «не производятся в речи <...>, а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава» [Телия 1997: 605], поэтому их «можно определить как коллективные воспоминания» [Брагина 2007: 23]. При использовании фразеологизмов в коммуникативном акте «воспоминания» актуализируются за счет внутренней формы, обладающей «синхронно-диахронной диффузностью» [Василенко 2011: 5], которая важна для коммуниканта. Употребляя фразеологизм и актуализируя значение, абстрагированное от первоначального смысла (синхронный аспект), «человек говорящий» тем не менее имеет возможность косвенно воссоздать этимологический образ или ту ситуацию, которая легла в основу устойчивого сочетания (диахронический аспект). Так, фразеологизм *рука не поднимается* в значении ‘не хватает решимости, желания’ первоначально обозначал жест-движение для нападения [БСФРЯ: 588]. Этимология фразеологизма активно используется коммуникантом – автором художественного текста. Соединение исторического и современного в этом типе дискурса служит средством выражения аксиологической оценки поступкам героев по шкале «жестокость – жалость»: *Я обухом ее и пришиб, ведьму старую, // Да повинен, что раньше **рука не поднялась**...* (Л. Мей. Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую); *Она долго ругала его, даже пыталась влить ему затрецину, да **рука не поднялась**: жалость к мужу повисла на руке тяжелой гирей* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). В рассмотренных примерах жестовая прототипическая ситуация является основой синхронно-диахронной диффузности фразеологизма и определяет возможность экспликации оценки в языковой игре,

которая является «целостным эффектом единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации» [Мокиенко 2012: 100].

Проникновение исходного смысла в современное значение обусловлено связью фразеологического значения в синхронии с этимологическим значением, которое формирует семантику единицы непосредственно или опосредованно. «“Живая” внутренняя форма, являющаяся компонентом семантической структуры слова или фразеологизма в синхронии, может быть и элементом этимологического значения, и примысленным семантическим элементом, устанавливающим в языковом сознании коллектива или в индивидуальном восприятии деривационные связи с другими знаками языка» [Мелерович, Мокиенко 2008: 103]. В объяснении синхронно-диахронной диффузности важно ориентироваться на когнитивную память, так как когнитивное образование (в его репрезентации участвует фразеологизм) имеет образно-ассоциативную структуру, представления и смысловые связи которой зависят от внутренней формы. На основании связи диахронии и синхронии в содержании фразеологизма предлагается панхронический подход к анализу его семантики: «Внутренняя форма фразеологизма, создаваемая в момент порождения, принадлежит его истории. В то же время она продолжает жить во фразеологизме как определенная образно-ассоциативная структура, влияя, так или иначе, на синхронное функционирование фразеологизма, его понимание в рамках определенного говорящего сообщества. Поэтому будем считать оправданным во многих случаях не синхронный или этимологический, а панхронический подход к анализу семантики фразеологизма» [Василенко 2011: 5]. Опыт «Большого фразеологического словаря русского языка» [БСФРЯ], где осуществлено «теоретическое и практическое преодоление разрыва между синхронным и монолингвальным подходом к когнитологии и традиционным сравнительно-историческим и сопоставительным языкознанием» [Мокиенко 2013: 75], доказывает необходимость синхронно-диахронического симбиоза, в исследовании которого «культурные смыслы ФЕ выявляются поэтапной расшифровкой своеобразного палимпсеста, аккумулировавшего различные слои языкового подсознания» [Там же: 74].

Подход, сочетающий соотнесение различных временных пластов содержательно-смыслового бытования фразеологизма, апеллирует к понятию «память», под которой понимается свойственная человеку «когнитивная способность удерживать <...> информацию о мире и о самом себе, сохранять накопленный опыт и знания <...> упорядочивать весь этот массив знаний [Кубрякова 1996: 114]. В коммуникации память человека связана с памятью знака, что отражается в содержании концепта и в семантике фразеологизма, с помощью которого этот концепт вербализуется.

На этом основании нам видится необходимость в выделении особого типа языковой памяти – коммуникативной памяти фразеологизма. Она учитывает и культурно-языковую компетенцию коммуникантов [Телия 1993], и языковую память фразеологизма. Коммуникативная память обуславливает проявление культурных стереотипов, эталонов и, кроме того, оценок, важных для реализации коммуникативных намерений «человека говорящего», а потому семантически вариативных. Оценки могут различаться по вертикали (положительный – отрицательный) и по горизонтали (то есть по аксиологическим регистрам, например, «жестокый – жалостливый», как в выше рассмотренных примерах), что, на наш взгляд, связано с различными видами коммуникативной памяти у фразеологизма.

Рассмотрим следующие примеры употребления фразеологизма <куда> *кривая вывезет* <вынесет, выведет>.

В «теле знака» фразеологизма, имеющего многокомпонентную структуру, входят разные вербальные единицы.

С одной стороны, они хранят в своей памяти историю происхождения слов-компонентов фразеологизма и / или референтную ситуацию, давшую толчок к переходу свободного сочетания во фразеологизм. Фразеологизм <куда, авось> *кривая вывезет* <вынесет, выведет> является сокращенным вариантом оборота *куда кривая лошадь вывезет*, где прилагательное *кривая* синонимично слову *хромая* [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 315] или *слепая* [БСФРЯ: 337]. С помощью языковых единиц, входящих в состав фразеологизма и формирующих внутреннюю форму, память фразеологизма апеллирует к ситуации, когда ездок может прибыть или не прибыть к месту назначения по причине физического недостатка животного, везущего человека. Образ прототипической ситуации формирует смысловое содержание фразеологизма ‘получится, выйдет само собой; будь что будет; авось, никакой беды не случится’ [Там же: 336] и открывает стереотип «представления о действии на авось, в котором, однако, всегда есть желание или надежда» [Там же: 337].

С другой стороны, языковые единицы, входящие в состав фразеологизма, фиксируют в своей памяти разнообразные культурные слои (см. более подробно: [Зыкова 2011; 2015]), которые находят отражение в культурной семантике как отдельных компонентов, так и выражения в целом. В том же фразеологизме <куда, авось> *кривая вывезет* <вынесет, выведет> прилагательное *кривая* связано с древнейшими представлениями о *кривом* как о греховном, неправедном [Колесов 2014: 261; 535]. *Кривой* входит в бинарные противопоставления типа *мужской – женский, правый – левый* и т. п. [Там же: 1001], и образует оппозицию *прямому*. Существующие в народном сознании, эти бинарные оппозиции имеют свою семантику, которая «может не осознаваться носителями традиции или осознаваться слабо» [Толстой 1995: 152]; однако она устанавливается «косвенным путем на основе анализа

фольклорных текстов, ритуальных действий, запретов, оберегов и подобных представлений» [Там же].

Рассматривая случаи употребления в речи фразеологизма <куда, авось> *кривая вывезет* <вынесет, выведет>, представленные в Национальном корпусе русского языка¹ 25 примерами, мы отмечаем, что в 23 из них семантика репрезентирует концепт *СЛУЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА*, в котором есть дифференциальный признак 'с итоговым благоприятным исходом'. В семантике фразеологизма он формирует признак 'отсутствие беспокойства': *А куда меня кривая выведет, никогда не заболелся*. (О. Шигарева, В. Войнович. Кумиротворение – это болезнь); *Любой мелкотравчатый мошенник удовлетворился бы авансом, но авантюрист Гарри был не таков – решив, что кривая вывезет, он отправился с трупной в Афины* (В. Абаринов. Личный Распутин фюрера) *Как тут подступиться! Ну, да авось кривая вывезет! Две катеньки заработать тоже не шутка <...>!* (В. Курицын. Томские трущобы); *Но уж что же делать, факт огласки был совершен, его не воротить, и, наконец, вывозила же прежде кривая, вывезет и теперь*. (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) и др.

Однако в двух примерах из публицистического и художественного текстов семантика фразеологизма не ограничивается констатацией ожидания непредвиденного с хорошим финалом, и «действие на авось» [БСФРЯ: 337] получает оценку 'беспутное, легкомысленное, неправильное': *Но так как водить трактор он не умеет, то пустил машину, куда кривая вывезет, и искорежил весь участок, перепахал картошку, лук, другие овощи, срыл 14 ореховых деревьев, 10 черешен, которые уже плодоносят*. (А. Иващенко. Свой огород и поле за ним); *И еще неизвестно, куда его кривая вывезет* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). Отрицательная оценочная семантика фразеологизма поддерживается отрицательным оценочным контекстом (*не умеет, неизвестно*), обуславливая следующее ограничение: актант речи не может говорить о себе, осуждается всегда другой (*он не умеет, его <...> вывезет*). В подобной семантике фразеологизм сближается с пословицами, включающими представление о кривом как о плохом, лживом, несправедном (*Прямым путем по кривой не ездят; По кривой дороге вперед не видать; Из кривого ребра Бог жену создал, оттого и кривда пошла; Без кривости века не изживешь* и т. п. [Даль 2001: 162]), что свидетельствует об аксиологической составляющей и в семантике пословиц, и в семантике фразеологизма <куда, авось> *кривая вывезет* <вынесет, выведет>.

Если носитель языка, используя фразеологизм в коммуникации, оживляет образы и представления, связанные с этимологией слова или референтной ситуацией, как в рассмотренной первой группе примеров,

¹ URL: <http://www.ruscorpora.ru>. Дата последнего обращения – 14.02.2016.

то можно говорить о том, что актуализируется информативная память фразеологизма.

Если фразеологизм дополняется аксиологическими оценками, связанными с глубинными смыслами одного или нескольких компонентов (как во второй группе примеров употребления фразеологизма <куда, авось> *кривая вывезет* <*вынесет, выведет*>), то следует говорить о коммуникативно-культурной памяти фразеологизма, которая панхронна по своим характеристикам. Так, отрицательная оценочная семантика *криво* проявляется и в мышлении язычника, и в мышлении христианина [Колесов 2014: 1001].

Информативная память ограничена определенными хронологическими рамками.

Например, информативная память фразеологизма *минута в минуту* связана с распространением часов как бытового прибора для измерения времени. «Современные механические часы, созданные голландцем Х. Гюйгенсом в 1657 г., изначально не имели секундной стрелки, вследствие чего секунда как единица измерения времени вошла в повседневный обиход человека значительно позже. В силу этого минута до сих пор выступает как эталон минимального промежутка, который может быть зафиксирован, отмерен и проверен» [БСФРЯ: 384]. Широкое распространение в бытовой культуре измерения в секундах определила возможность в указанной модели заменить *минуту* на *секунду*. Благодаря функционированию двух фразеологизмов на основе одной модели адресант речи может выразить оценку с семантикой ‘точный’ и с семантикой превосходной степени ‘самый точный’. Ср.: *Жена ждала всегда ровно до одиннадцати, секунда в секунду, потом гасила свет, и в тех случаях, когда Иван Дмитриевич возвращался домой позже этого рокового часа, рассчитывать на ее ласку он не мог* (Л. Юзефович. Дом свиданий).

Один и тот же фразеологизм может актуализировать различные оценки в силу актуализации адресантами речи различных видов памяти. Ср.:

(1) Ну, тетя-уксус не очень-то любит бога, – засмеялся Пинегин, – и всегда **лазаря поет**... К. Станюкович. *Женитьба Пинегина*;

(2) – Мне сейчас надо срочно лес перебросить, а своих машин не хватает – хоть **Лазаря пой**. В. Шукшин. *Живет такой парень*.

В первом примере фразеологизм *петь лазаря* в своей информативной памяти хранит знание о том, что одной из любимых песен бродячих нищих на Руси была песня о святом Лазаре, которую они старались петь уныло и печально, чтобы выпросить побольше милостыни. Информативная память сохраняет образ в виде констатации фактов, которые существовали в реальной действительности. На этом основании внутренняя форма фразеологизма эксплицирует образ лжебедных и лженесчастных: ‘жаловаться на что-либо, рассчитывая разжалобить; прибед-

няться, прося чего-либо' [Шанский, Зимин. Филиппов 1987: 105], в целом актуализируется отрицательная оценка лицемерия и ханжества. Во втором примере устойчивое сочетание номинирует ситуацию подлинного, а не мнимого несчастья. Значение 'быть несчастным' выходит за рамки прототипа и вместе с ним – за рамки хронологии. Компонент *Лазарь* отсылает не к песне бродячих нищих, а к самому библейскому персонажу, притча о котором рассказана в Евангелии от Луки и призвана научить людей сочувствовать бедным людям, поэтому оценка, номинируемая фразеологизмом во втором примере, будет совсем иной, чем в первом.

Информативная и культурно-коммуникативная память онтологически связаны с общей культурной семантикой фразеологизма, и в этом они не противопоставлены друг другу. Однако как у человека может быть кратковременная и долговременная память, как у текста может быть информативная и творческая память [Лотман 2000: 674], так у фразеологизма может быть информативная и коммуникативно-культурная память. Это два отличающихся друг от друга вида, и для «человека говорящего» важно определить, с какой из них следует связать смысл фразеологизма, так как от этого зависит коммуникативная удача или неудача.

В.Н. Телия подчеркивала, что «на базе изучения <...> “культурной памяти” единиц фразеологизма возможно исследовать то своеобразие миропонимания – носителя языка, которое внедрялось во фразеологический компонент языка и воспроизводится вместе с употреблением его единиц» [Телия 1993: 308]. Продолжая мысль ученого, определившего перспективы развития лингвокультурологии, мы хотели бы подчеркнуть, что исследование фразеологии на основе обусловленности семантики ее единиц информативной и коммуникативно-культурной памятью позволяет:

во-первых, увидеть «культурные слои» в их динамике;

во-вторых, определить динамику их востребованности в коммуникации,

в-третьих, объяснить корреляцию поверхностных и глубинных смыслов в семантическом содержании фразеологизма, включенного в акт коммуникации.

Литература / References

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Изд-во СПбГУ–Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение, употребление, культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. – 784 с. – [БФСРЯ]
3. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М: Языки славянской культуры, 2007. – 520 с.
4. *Василенко А.П.* Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков): Дис. ... док. филол. наук. Орел, 2011. – 360 с.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
6. *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурного изучения. М.: URSS, 2015. – 376 с.
7. *Зыкова И.В.* Семантика фразеологизмов современного русского языка в ракурсе отражения архетипического осмысления мира // Мир русского слова. 2011, № 3. С. 44–49.
8. *Ковшиова М.Л.* Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. 2014, № 4 (38). С. 115–120.
9. *Колесов В.В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель. М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1120с.
10. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 197 с.
11. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
12. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
13. *Мокиенко В.М.* О семантическом единстве синхронии и диахронии во фразеологии (*Водой не разольёшь*) // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 74–82.
14. *Мокиенко В.М.* Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012, Т. 25 (64), № 2 (1). С. 100–109.
15. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Сб. докладов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.
16. *Телия В.Н.* Фразеологизм // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Караулов Ю.Н. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 605–607.
17. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. – 512 с.
18. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987. – 240 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ГРАММАТИКИ КАК ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ

Е.Ю. Мягкова

EXAMINING INNER GRAMMAR AS A MEANS TO FIND WAYS OF ELIMINATING FUNCTIONAL ILLITERACY

E.Yu. Myagkova

ABSTRACT

The article sets out to show how investigating the specifics of inner grammar of a language speaker can help to diagnose and overcome functional illiteracy. The need for sound methodology is substantiated. It is suggested that grammar mistakes should be used as language material for experimental research. Some experimental results are discussed to shape future studies.

Key words: inner grammar; functional illiteracy; reading skills; grammar mistake; functional reference; experiment

АННОТАЦИЯ

В статье делается попытка показать, как исследование внутренней грамматики носителя языка может помочь диагностировать функциональную неграмотность и разработать меры по ее преодолению. Обосновывается необходимость организации и проведения широкомасштабного исследования в рамках четко проработанной методологии. Обсуждаются результаты пилотных экспериментов на материале грамматических ошибок.

Ключевые слова: внутренняя грамматика; функциональная неграмотность; навыки чтения; грамматическая ошибка; функциональная референция; эксперимент

Многолетний опыт преподавания языка позволяет обобщить наблюдения за изменениями в его функционировании. С постоянно возрастающей ролью компьютеров и вхождением в нашу жизнь разнообразных гаджетов эти изменения происходят все быстрее, но, к сожалению, им сопутствует изменение отношения людей к языку, которым они пользуются. В частности, это проявляется в стирании границ между разными стилями общения, снижением интереса к чтению, а также снижением общего уровня грамотности.

Проблемы снижения общего культурного уровня, в частности, падения интереса к чтению в последние десятилетия стали предметом широкого обсуждения. Эти вопросы рассматриваются в контексте функциональной неграмотности. Многие исследователи и общественные деяте-

ли (см., например: [Безруких 2009; Жукова 2014] и др.) считают, что функциональная неграмотность, понимаемая как способ социальной ориентации личности, интегрирующий связь образования с многоплановой человеческой деятельностью [Вершловский, Матюшкина 2007], является индикатором общественного благополучия. Поскольку функциональная неграмотность становится фактором, определяющим степень и характер участия людей в социальной, культурной, политической и экономической деятельности, а также способность к обучению на протяжении всей жизни, приходится согласиться с точкой зрения, что растущая функциональная неграмотность – государственная проблема, которую необходимо срочно решать в масштабе страны [Чудинова 2014]. В.С. Безрукова определяет функциональную неграмотность как «степень неподготовленности человека к выполнению возложенных на него функций» и указывает, что она проявляется, в частности, в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечеткой передаче собственных» [Безрукова ЭР]. Именно этот аспект проблемы функциональной неграмотности особенно заметно проявляется в процессе преподавания языка (родного и/или иностранного).

В связи со сказанным выше в сфере исследований языка все более актуальным становится перенос акцента на изучение причин и условий возникновения функциональной неграмотности, а также на поиск способов ее преодоления. Следует признать, что состояние дел в этой сфере уже сравнительно давно привлекает внимание педагогов, психологов, социологов, но, к сожалению, не лингвистов.

Озабоченность вопросами, связанными с проявлениями функциональной неграмотности у студентов, привела нас к исследованию внутренней грамматики носителя языка, выявлению ее сущности и структуры (см. [Мягкова 2012; 2013а]). В плане теории это исследование опирается на понятие внутреннего метаязыка, понимаемого как метаязыковая деятельность человека, являющаяся необходимым условием пользования языком [Золотова 2005; Мягкова 2006, 2010]). Этот метаязык не может быть «выведен наружу», то есть оказывается недоступным для непосредственного наблюдения, но обязательно формируется у человека и становится необходимым условием речевой деятельности, выполняя, по меньшей мере, две основные функции: идентифицирующую и моделирующую.

Полагая, что исследование внутреннего метаязыка может привести к пониманию того, как действует «внутренняя грамматика», мы предположили, что уровень владения языком, зависит, с одной стороны, от степени сформированности «системы» внутреннего метаязыка, а с другой стороны, от соответствия внутренних моделей нормам «внешнего» языка.

С точки зрения методологии исследование внутренней грамматики неизбежно должно интегрировать данные целого ряда наук о человеке,

в первую очередь, физиологии, психологии, лингвистики и теории речевой деятельности. Теория языка исходит из признания неразрывной связи языка и мышления. Однако представления о характере этой связи значительно различаются. История языкознания дает представление о том, как развивались взгляды на эту проблему. Т.Н. Наумова [Наумова 1991] указывает, что в ходе развития отечественной лингвистики понимание необходимости обращения к человеку и особенностям его мышления обусловило возникновение психологически ориентированных теорий языка, в первую очередь, теорий грамматики. Характерной чертой таких теорий было то, что «лингвист такой ориентации никогда не анализирует одни только внешние знаки, никак не связанные с человеком, отделенные от человека, будь то изолированное слово, словосочетание или предложение. Он идет не от формы, а от содержания, которое является “внеязычным”, мыслительным, которое лишь *объективируется* в языковых единицах, но без рассмотрения которого невозможно лингвистическое описание» [Там же: 2]. Т.Н. Наумова отмечает также, что деятельностный подход к языку диктует и иной взгляд на проблему предложения: «Предложение в психологически ориентированных концепциях – это не выражение в национальной форме какого-либо конкретного языка универсального логического суждения». Предложение рассматривается в процессе его формирования, в процессе «сказывания» – с точки зрения его генезиса в сознании говорящих, как форма осуществления акта мысли. Оно – воплощение деятельности мышления; в речевой деятельности «человек объективирует мысль» [Там же: 3].

Если всякую мысль рассматривать как *«сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении»* [Сеченов 2001: 214] (курсив автора – *Е.М.*), то грамматику языка следует рассматривать как способ «фиксирования» различных отношений между мыслимыми объектами для объективации мысли в речевой деятельности. Важно, что в такой трактовке число отношений, в которых мысль «сопоставляет объекты друг с другом», видится как конечное и не значимо большое: существуют определенные типы таких отношений, которые можно соотносить с тремя главными категориями отношений (по И.М. Сеченову): сходством, сосуществованием и последованием [Там же: 215]. Соответственно, и на уровне языкового выражения существуют определенные типы отношений, закрепленные в языках разными способами реализации предикативности в рамках такой грамматической структуры как предложение.

В таком понимании соотношения языка и мышления становится понятным противоречие между формальными описаниями языка и внутренними «представлениями» о языке у рядового его носителя. В концепции Л.С. Выготского отношения мысли к слову нельзя понять без выяснения природы «внутреннего плана речи», особенностью которого является «совершенно особый синтаксис», который характеризуется фрагментарностью, сокращенностью, преобладанием смысла над значе-

нием, агглютинацией, «влиянием» смыслов, редуцированностью фонетики. Это – «чистая и абсолютная предикативность» [Выготский 1984]. По словам П.Я. Гальперина [Гальперин 1957], по сравнению с «чистым» мышлением внутренняя речь – это речь, а по сравнению с речевым сообщением – это особая форма мышления, которая служит переходом от внешней речи к «чистой» мысли и обратно к внешней речи.

Понятно, что все «мыслимые» типы устанавливаемых субъектом отношений между объектами мысли (и обозначающими их элементами языка) существуют в *предметном* мышлении, «*имеющем корни несомненно в чувствовании*» [Сеченов 2001: 215] (курсив автора – *Е.М.*). По словам А.А. Леонтьева [Леонтьев 2000], мы живем в мире предметных, а не вербальных значений. Последние появляются только тогда, когда возникает необходимость абстрагирования или осуществляется рефлексия. По мнению А.А. Леонтьева, в плане рефлексии существует два аспекта представления о языке: системное и интуитивное, и эти два представления о языке не являются независимыми друг от друга. В этом смысле можно, по-видимому, говорить о наличии у носителя языка некоторого «психологического» эквивалента системы языка, в котором уникальным образом сосуществуют (возможно, как разные виды знаний) интуитивная и «выученная» системы.

Следует признать, однако, что «качество» этих двух систем и их «взаимоотношения» зависят от целого ряда обстоятельств, важнейшими из которых являются факторы социального окружения ребенка в момент овладения языком, а также условия организованного обучения на каждом из его этапов.

Исходя из признания того, что проблемы функциональной неграмотности необходимо решать, но делать это можно только на основании хорошо продуманной программы, базирующейся на широкомасштабном научном исследовании, мы предприняли ряд мер по подготовке такого исследования. В качестве предварительного этапа были обобщены результаты работы студентов и аспирантов в рамках курса обучения переводу с английского языка по методике В.В. Милашевича [Мягкова 2013а]. В этом курсе грамматика осваивается обучаемыми через моделирование логической структуры предложения. Анализ результатов работы студентов и аспирантов над упражнением, в котором одно и то же предложение нужно было перестроить по моделям, содержащим причастный, деепричастный или герундиальный оборот, показал, что самую большую сложность представила категория вида глагола: ни студенты, ни аспиранты в большинстве своем не смогли ни правильно образовать соответствующую форму, ни объяснить, что представляет собой эта категория и чем отличаются друг от друга глаголы разных видов. Кроме того, наблюдения за работой обучаемых в группах подготовки к сдаче кандидатского экзамена полностью подтверждает сделанные М.А. Репринцевой [Репринцева 2010] выводы о том, что, хотя носители русского языка в состоянии «сознательно “смоделировать” дее-

причастие в виде моделей ДЕЛАЯ, СДЕЛАВ, они, по-видимому, не в состоянии смоделировать целую фразу с деепричастным оборотом, т. е. не «видят» взаимоотношения между реальным субъектом и предикатом высказывания» [Мягкова, Репринцева 2012: 228].

Еще один важный вывод можно сделать на основании наблюдения за работой обучаемых над моделированием целого предложения. Оказалось, что обучаемые не понимают (и не осознают), какую роль порядок слов играет в предложении с точки зрения передачи смысла высказывания. Получается, что работа над предложением превращается из «сопоставления мыслимых объектов друг с другом» (по И.М. Сеченову) в «игру» с формами слов.

Поскольку речевые ошибки «отражают особенности внутренней структуры речевой способности» [Горохова 1986: 14], мы провели пилотный эксперимент [Мягкова 2013а], материалом для которого послужили предложения, содержащие грамматические ошибки (например, ошибки в использовании деепричастного оборота, а также нарушение порядка слов). На основании результатов этого эксперимента был сделан вывод о том, что при выполнении задания его участники делали ошибки потому, что на уровне внутренней грамматики у них отсутствовали структурные опоры, которые позволили бы дать правильный вариант ответа. При этом многие из испытуемых могли озвучить правила, которые следовало использовать для выполнения задания эксперимента. Таким образом, обнаружилось явное расхождение между «внешней» и «внутренней» грамматиками.

С целью дальнейшего исследования внутренней грамматики из самых разных источников: научных текстов (авторефератов и текстов диссертаций, докладов и статей), газетных статей, новостных интернет-сайтов, текстов внешней рекламы и пр., были отобраны примеры предложений, содержащих различные грамматические ошибки. В ходе анализа полученного материала выяснилось, что в целом эти ошибки можно распределить по нескольким основным категориям.

Первую группу составили предложения, содержащие деепричастный оборот. Оказалось, что эта грамматическая конструкция любима носителями русского языка, которые очень часто ее используют, но, тем не менее, очень редко делают это правильно. Ниже приводятся примеры ошибок на использование деепричастного оборота, взятые из научных текстов (авторефератов и текстов диссертаций, научных статей и докладов по филологии, опубликованных в последние годы) (в примерах сохранена орфография и пунктуация оригинала – *Е.М.*).

1. *Глядя на раздаточный материал, у меня возник вопрос¹.

2. *Анализируя процесс синонимической аттракции, для нас было важно...

---

¹ Значок «*» указывает на наличие в предложении грамматической ошибки.

3. *Проанализировав работы ученых в русской и английской грамматике, вопрос выделения частей речи остается очень серьезной проблемой.

4. *Благодаря таким блестящим ученым как Л.С. Выготский и А.Н. Соколов, язык является средством не только интерперсональной, но и интраперсональной коммуникации.

5. *РТ игнорирующего молчания оценивается кооперативно всеми Ии., подтверждая мысль о кооперативности молчания в русском коммуникативном поведении.

6. *Не удивительно, что профессия преподавателя высшей школы вызвала диссонанс в оценках ии., поскольку, обсуждая любую профессию, первое, что приходит в голову – это ее «престижность» или «непрестижность».

Подобные примеры можно найти в текстах самого разного характера и тематики. Поразительно то, что ошибки в использовании деепричастного оборота встречаются в научных текстах (напомним, что проанализированы были только филологические тексты) ничуть не реже, чем в текстах масс-медиа.

1. *И верно, давая наказ старшему сыну, вспоминались ей тогда и сосны в Михайловском, воспетые великим мужем...

2. *Обращали внимание, что, приходя домой, у вас меняется настроение, появляются новые силы, открывается второе дыхание?

3. *Однако, остывая далее, трещин становится больше, и они уходят в более глубокие слои, пересекаясь под углом примерно в 120 градусов и высвобождая максимальное количество энергии при извержении вулкана.

4. *Выйдя замуж за принца Уильяма, известность настигла не только Кейт Миддлтон, но и всех членов ее семьи, в частности младшую сестру – Пиппу.

Следует обратить внимание на то, что в некоторых из этих примеров ошибка в использовании деепричастного оборота вызывает явное нарушение смысла предложения, иногда даже создавая комический эффект. Однако при чтении или слушании носители языка не всегда опознают эту ошибку и не в состоянии оценить степень комичности ситуации.

Вторую группу составили нарушения порядка слов. В уже упоминавшейся выше работе [Мягкова 2013а] были получены свидетельства того, что обучаемые не понимают (и не осознают) значение порядка слов в предложении для передачи смысла высказывания. При попытке переделать по модели предложение *Учёный бесплоден, если он только описывает свои объекты*, обучаемые опускали или переставляли слово *только*, не замечая, что при этом меняется смысл высказывания: **Учёный бесплоден, описывая свои объекты*; **Учёный бесплоден, описывая только свои объекты*. При указании на ошибку, предлагались другие варианты: **Учёный бесплоден, описывая свои объекты только*; **Учёный бесплоден, описывая свои только объекты*.

Обратим внимание на то, что последние два примера наглядно иллюстрируют интересный феномен, часто встречающийся в практике преподавания языка: если студент знает, что в упражнении необходима

какая-то трансформация, он будет предлагать все возможные и невозможные варианты, не обращая внимания на искажения смысла. Такую же тактику используют ученики школы; создается впечатление, что такой способ «работы» вырабатывается именно на этапе школьного обучения, когда иллюзия «бурной деятельности» нередко замещает реальную проверку усвоения материала и/или овладения действием.

Следует отметить, что ошибка в размещении слов *только/не только* в рамках предложения встречается довольно часто, ср.: **Думаю, что не только долг поэта, но и ученого заключается в том, чтобы увидеть живую целостность за многочисленными и часто внешне противоречивыми фактами.*

Еще один тип ошибки в порядке слов составляют предложения, в которых придаточные определительные расположены на некотором расстоянии от определяемого ими слова, например, **Семь международных конференций были посвящены проблемам интеллигенции, изданные материалы которых составили в общей сложности 15 томов.* Примечательно, что эта фраза переписана с информационного стенда одного из университетов. Часто предложения такого рода встречаются, например, в сообщениях политических аналитиков (**Необходимо предотвратить передачу информации третьим лицам, которая составляет государственную тайну*).

Следующая группа ошибок объединяет предложения, в которых неправильно расположены прямое и косвенное дополнения: **Госпрограмма позволяет получить покупателям скидку на легковые автомобили в размере 50 тыс. рублей...* Как ни странно, но эта ошибка очень часто встречается в названиях научных статей (**Особенности понимания старшими дошкольниками фразеологизмов*).

Третью группу составляют ошибки, которые на первый взгляд кажутся орфографическими, но на самом деле являются грамматическими. Они свидетельствуют о том, что у множества современных носителей русского языка не сформированы глубинные опоры, которые дали бы им возможность различать, например, формы настоящего времени и повелительного наклонения глагола (**Я просто даже не могла предположить, что вы все напишите сами; *В своем блоге вы объединили моду и искусство. Для кого вы пишете, кто ваш читатель?*). Такая же ситуация складывается с падежными окончаниями: **Данный купон дает право на получение скидки 300 рублей при одновременной покупке одежды и (или) обуви из новой коллекции; *Морозов добавил, что Минпромторг настаивает на увеличение стоимости приобретаемого автомобиля.*

В работе [Мягкова, Репринцева 2012] был сделан вывод о том, что те, кто участвовал в экспериментах на моделирование структуры предложения, в большинстве случаев не смогли вывести свои внутренние языковые ориентиры на уровень рефлексии. Представляется возможным заключить, что в ходе обучения в школе и в вузе и участники экспери-

ментов, и авторы приведенных в качестве примеров высказываний в достаточной степени не сформировали внутренние опоры для опознания/построения указанных типов предложений. Кроме того, подтверждается сделанный в [Мягкова 2013б] вывод о том, что, читая длинное предложение, обучаемые, как правило, не могут выстроить логику высказывания, поскольку «перестают видеть» главные члены предложения и их связи. Очень часто участники эксперимента не могут без дополнительных разъяснений понять значение правильного расположения слов в структуре фразы. Напомним, что в ряде случаев (чаще всего это выясняется в беседах со студентами и аспирантами) носители языка даже знают соответствующее грамматическое правило, но не могут применить его на практике [Там же].

Нельзя забывать, что с помощью языка человек взаимодействует с предметным миром, устанавливая между его объектами некоторые отношения. От того, насколько хорошо он умеет это делать, зависит не только успешность коммуникации, но и многие другие стороны его жизни. Это значит, что работа над формированием глубинных «правил» должна обязательно вестись в курсах обучения языку, прежде всего – родному языку. Примечательно, что в изданном в 1907 году учебнике И.А. Бодуэн де Куртене, обсуждая преподавание грамматики, отмечал, что «на существующий, живой, готовый материал никто не обращает внимания. Живой язык сам по себе, а обучение грамматическим тонкостям само по себе. Вместо того чтобы приучаться относиться сознательно к собственному, давно усвоенному языку, ученики должны зубрить бессмысленные определения и положения, чуждые всякой связи с живым материалом и, стало быть, психически мертвые. Куда ни заглянешь в такой одобренный и даже рекомендуемый учебник отечественного языка, везде натыкаешься на отсутствие психической жизненности и логического смысла» [Бодуэн де Куртене 2004: 6–7].

Данные упоминавшихся выше экспериментов, а также многолетние наблюдения в группах студентов и аспирантов показывают, что современные молодые люди, носители русского языка испытывают значительные трудности как в идентификации слов родного языка, так и в построении высказываний на родном языке. В частности, в результате неправильно сформированного навыка чтения у молодых людей выстраиваются весьма специфические отношения с родным языком.

Как указывает М.М. Безруких [2009], необходимо понимать, что письмо и чтение – базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Это сложнейшие интегративные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление. Обучение тактике письма и технике чтения не имеют самостоятельной ценности, если не приводит к письменной речи, не создает потребность в ней, не дает навыки именно письменной речи. Именно об этом писал Л.С. Выготский, говоря о культурно-

историческом смысле обучения ребенка письму и чтению. Л.С. Выготский указывал, что методики обучения (а *принципы* этих методик, очевидно, не изменились до настоящего времени) «не учитывают главное, и вместо письменной речи дают ребенку письменные навыки» [Выготский 1983: 196]. Главным Л.С. Выготский считал культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной речи. Однако у современных школьников часто формируется нерациональный, неэффективный механизм чтения, когда ребенок на самом деле дифференцирует одну-две буквы в начале слова, а затем пытается это слово угадать. Перучить такого ребенка будет очень сложно, и чаще всего это не удастся, а трудности чтения могут остаться на всю жизнь. У практиков даже появился термин «угадывающее» чтение [Безруких 2009], с которым и преподаватели вуза часто сталкиваются, но, к сожалению, редко обращают на это внимание.

Кроме того, экспериментально подтверждается предположение о том, что для носителей языка многие слова являются «пустышками», поскольку за ними не стоит реальный чувственный образ или рациональное знание (и количество таких «пустышек», по сравнительным данным наших экспериментов 1993-1994 годов и 2013 года, увеличивается). Можно согласиться с мнением многих ученых о том, что функциональная неграмотность связана, в первую очередь, с отсутствием или недостатком «предметных» знаний. Такое состояние дел обусловлено, с одной стороны, спецификой современной действительности в плане засилья электронных гаджетов, создающих «виртуальную реальность». Преобладающая аудиовизуальная информация значительно легче осваивается и легкодоступна. Но она, как правило, «представляет из себя «мозаику» разрозненных и несистематизированных сведений, фрагментарна и полна стереотипов» [Сметанникова ЭР]. Как показывают исследования последних лет, например, работа Т.В. Кружилиной [Кружилина 2014], преобладание визуальной информации в жизни детей младшего школьного возраста без «целенаправленной организации игровой, предметной и образовательной деятельности в дошкольном возрасте с целью формирования речевой способности» наносит ребенку непоправимый вред (в частности, ведет к снижению уровня сформированности способности понимания текста). В жизни взрослых, как считает Т.А. Филиппова, «не последнюю роль в том, что мы все меньше и меньше читаем, по мнению специалистов, играет и телевидение. А конкретно – огромное количество телеканалов и... пульт дистанционного управления. <...> При постоянном переключении с канала на канал картинка, воспринимаемая зрителем, оказывается составленной из отрывков программ, идущих параллельно по разным каналам. Зритель словно «монтирует» свою собственную передачу из кусочков разнородного видеоматериала» [Филиппова ЭР]. Значительный ущерб целостному восприятию наносит реклама, которая перебивает сюжет и переключо-

чает внимание, а также изобилие сериалов, которые можно смотреть чуть ли не с любого места. В результате «за последние пару лет наметилась тенденция: школьники теряют способность следить за сюжетом и поступками героев. Они практически потеряли навыки пересказа прочитанного текста» [Там же]. Отметим, что практически все, кто так или иначе затрагивает тему влияния телевидения и гаджетов на состояние функциональной грамотности современного человека, считают, что «подобные явления будут только нарастать» [Там же]. Отдельного внимания заслуживает вопрос соотношения функциональной грамотности / неграмотности и компьютеров, а также прочих «представителей» так называемой информационной культуры, который в последнее время все чаще поднимается в разного рода исследованиях (см., например, [Сорокин 2006]).

С другой стороны, негативную роль играют программы школьного и вузовского обучения, ставящие во главу угла не учащегося, а предмет как совокупность знаний. При этом способы оценки этих знаний, а, следовательно, и сам процесс обучения, не сосредоточены на формировании переносимых навыков, т. е. «живого знания» [Зинченко 1999], которое формирует личность и способствует ее развитию.

Представляется, что для более полного понимания сущности и причин, а также последствий функциональной неграмотности необходимы масштабные исследования современных условий овладения родным языком и факторов, влияющих на формирование и развитие навыков чтения и письма. Важным аспектом таких исследований должен стать учет мультимедийной среды, которая во многом определяет, например, содержание и результаты организованного обучения в целом. Методологической основой таких исследований должны стать культурно-историческая теория развития психики Л.С. Выготского, теория деятельности А.Н. Леонтьева и теория речевой деятельности А.А. Леонтьева.

Исследования внутренней грамматики позволили выявить некоторые особенности пользования родным языком. Во-первых, трудности овладения правилами чтения на английском языке во многом являются результатом недостаточной сформированности звукобуквенных отношений в родном языке: при встрече с незнакомым словом (на родном языке) обучаемый оказывается не в состоянии «увидеть» букву и, скорее всего, предпочтет стратегию угадывания, заменяя или переставляя буквы. Во-вторых, недостаточно сформированные навыки чтения приводят к возникновению трудности понимания. Затруднения при опознавании слов и форм слов непосредственно связаны с тем, что на уровне внутреннего метаязыка [Мягкова 2013а, 2013б, 2014] отсутствуют устойчивые связи между элементами содержательной структуры высказывания. По-видимому, выученные на этапе школьного обучения правила грамматики родного языка так и остались внешними правилами, но не привели к формированию метаязыковых опор. Для современных носителей

языка «мелочи» формы не являются значимыми, это приводит к увеличению количества фонетических и грамматических ошибок, основные типы которых обсуждались выше.

В качестве первостепенных задач исследования особенностей функциональной неграмотности с целью преодоления ее последствий можно назвать отбор и анализ языкового материала (например, различных языковых ошибок), разработку новых или модификацию имеющихся экспериментальных методик для выявления особенностей владения родным языком в различных возрастных и социальных группах и проведение серий экспериментов, а также психолингвистическое обоснование новых методик обучения языку. Только на основании комплексного подхода к решению сформулированных выше проблем возможно изменение отношения к чтению и преодоление функциональной неграмотности.

Литература / References

1. *Безруких М.М.* Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь М.: Эксмо, 2009. – 464 с.
2. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] URL: <http://refdb.ru/look /2054801.html>. Дата последнего обращения – 18.09.2015.
3. *Бодуэн де Куртене И.А.* Введение в языковедение. С приложением: Сборник задач по «Введению в языковедение». М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
4. *Вершиловский С.Г., Матюшкина М.Д.* Функциональная грамотность выпускников школ // Социологические исследования, 2007, № 5. С. 140–144.
5. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.
6. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
7. *Гальперин П.Я.* К вопросу о внутренней речи. Доклады АПН РСФСР, 1957, № 4. [Электронный ресурс] URL: http://flogiston.ru/ library/galperin_talk. Дата последнего обращения – 14.12.2015.
8. *Горохова С.И.* Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. – 16 с.
9. *Жукова Т.Д.* Функциональная неграмотность – бич XXI века? (2014) [Электронный ресурс] URL: <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxi-veka>. Дата последнего обращения – 26.01.2015.
10. *Зинченко В.П.* Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Сборник выступлений. Рига – Москва: Педагогический центр «Эксперимент», 1999. С. 18–30.
11. *Золотова Н.О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
12. *Кружилина Т.В.* Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. – 19 с.
13. *Леонтьев А.А.* Лекция для студентов 4 курса иняза КГПУ 26 апреля 2000 г. [Конспект].
14. *Мягкова Е.Ю.* Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иноязычного текста // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 122–130.

15. *Мягкова Е.Ю.* Язык – логика – грамматика: к проблеме моделирования метаязыка // Методология современного языкознания: Сборник статей. М.: АСОУ, 2010. С. 141–150.
16. *Мягкова Е.Ю.* О «формальной» и «внутренней» грамматике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2012, № 24. Вып. 4. С. 96–103.
17. *Мягкова Е.Ю.* Внутренняя грамматика и овладение иностранным языком // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013а, № 5. С. 257–264.
18. *Мягкова Е.Ю.* Еще раз к вопросу о грамматике говорящего // Известия ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2013б, № 4. С. 53–59.
19. *Мягкова Е.Ю.* Внутренняя грамматика и грамматическая ошибка // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014, № 4. С. 230–235.
20. *Мягкова Е.Ю., Репринцева М.А.* Исследование внутреннего метаязыка человека на материале грамматических ошибок // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2012, № 10. Вып. 2. С. 224–229.
21. *Наумова Т.Н.* Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике: Монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 176 с.
22. *Наумова Т.Н.* Психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике (XIX – первая треть XX века): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1991. – 34 с.
23. *Репринцева М.А.* К вопросу о системной организации «наивного» метаязыка (на примере причастия и деепричастия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. 1 (5): в 2-х ч. С. 196–199.
24. *Сеченов И.М.* Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
25. *Сметанникова Н.Н.* Грамотность, единственное или множественное число? К вопросу о функциональной неграмотности [Электронный ресурс] URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77. Дата последнего обращения – 26.01.2015.
26. *Сорокин Г.Г.* Влияние информационной культуры на функциональную грамотность социального субъекта: Дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006. – 189 с.
27. *Филитова Т.А.* «Попрыгунчики» разучились думать? [Электронный ресурс] URL: <http://agniyogaineverydaylife.bestforums.org/viewtopic.php?f=68&t=724>. Дата последнего обращения – 07.10.2015.
28. *Чудинова В.П.* Проблемы развитых стран – Функциональная безграмотность (почему люди не любят читать) (2014) [Электронный ресурс] URL: http://fevt.ru/publ/ne_umeut_chitat/12-1-0-173. Дата обращения – 18.05.2015.

СОТЕРИОЛОГИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ПРИЗМЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

С.Е. Никитина

SOTERIOLOGY OF CONFESSIONAL GROUPS FROM THE PERSPECTIVE OF ETHNO-CONFESSIONAL LINGUISTICS

S.E. Nikitina

ABSTRACT

The paper describes some of the constituents of the semantic field of **salvation** in the Christian confessional cultures of bespopovtsy Old Believers, of molokans (taking into account two their directions) and of dukhobors.

Methodologically, the research rests on the view of language, culture and religion as independent, ontologically different entities, which are very closely interconnected. This interconnection is of particular relevance in confessional groups in which faith penetrates into almost all the domains of culture. Due to this fact, the major part of the vocabulary and language stereotypes acquire confessional implications (or connotations) which become the main subject of investigation in ethno-confessional linguistics. The two basic methods that can be applied in the research of such kind are the comparative method and the method of thesaurus description, which is partly presented in the given paper. The methods in question allow to represent to a full extent the specifics of every keyword under consideration, the realia which is denoted by this keyword as well as the corresponding religious-cultural connotations. The paper dwells on the results of the analysis of such keywords peculiar to the three cultures under study as *salvation*, *paradise / the Kingdom of Heaven* and *penance* as well as such language stereotypes as *millennial kingdom*, or *earthly Kingdom of Christ*, in the culture of molokan jumpers. In addition, the means providing the purity of faith as a condition of salvation (for instance, the shared notion of *prohibition* in the three societies in question) are outlined in the paper.

In general, the ultimate aim of such researches may be to elaborate comparative religious-cultural (= confessional) language models of various types, in particular, of a thesaurus type.

Key words: confessional cultures; comparative description; thesaurus; faith, culture, language; salvation; paradise/the Kingdom of Heaven, the earthly kingdom of Christ, penance; purity of faith; means of salvation

АННОТАЦИЯ

В статье представлен фрагмент семантического поля христианского спасения в сравнительном описании трех конфессиональных культур – беспоповского старообрядчества, двух направлений молоканства и духоборчества. Описан методологический взгляд на взаимосвязь языка, культуры и веры в этих конфессиональных группах. Рассмотрена специфика в каждой культуре общих для

названных групп ключевых слов *спасение, рай / царство небесное, покаяние*; кратко описаны средства, обеспечивающие чистоту веры как условие спасения (например, термины *собор, исправа, гарь*, языковой стереотип *уход из мира* у старообрядцев; общий термин *запреты* у старообрядцев, молокан и духоборцев.

Ключевые слова: конфессиональные культуры; сравнительное описание; вера, культура, язык; спасение; рай/царство небесное, тысячелетнее царство, покаяние; чистота веры; средства спасения

В обширном и весьма неопределенном пространстве лингвокультурологии (Вероника Николаевна Телия как-то заметила, что лингвокультурология стала своего рода общим именем, объединяющем самые разные подходы к взаимодействию языка и культуры), лингвистические исследования языка, культуры и религии так называемых (этно)конфессиональных групп занимают свое особое место. Эти группы обычно исторически являются маргинальными в обществе с другой доминирующей религией. Религия, объединяющая членов такого сообщества, предстает не просто склеивающей – часто цементирующей силой, сплачивающей их в одно целое, способное выстоять под напором враждебной государственной и церковной власти. Так было в течение нескольких веков в России, что можно видеть и на примере старообрядчества – древней ветви православия, и русского народного протестантизма – молокан и духоборцев.

Всякая религия с самого начала своего возникновения реализует себя овеществлением в культуре в самых различных ее формах; в конфессиональной культуре вера как духовное начало пронизывает практически все ее элементы, как это было в средние века. Это отражается в языке и разных формах его функционирования, причем в лингвистическом описании разделение того, что относится к вере, а что к культуре, может показаться ненужным и даже невозможным. Тем не менее, я попытаюсь, где возможно, на такое разделение указать. Таким образом, я буду иметь дело с тремя сущностями – религией, культурой и языком, находящимися в тесной специфической взаимосвязи [Никитина 2014а], а саму область исследования, определяемую специфическим предметом и методологией, я называю этноконфессиональной лингвистикой [Никитина 2013а]; или такой сферой этнолингвистики, которая исследует взаимосвязи культуры и религии через анализ языковых стереотипов (этно)конфессиональных групп.

С позиций секуляризованного видения мира, по-видимому, можно сказать, что культура в самом общем смысле есть накопленный человечеством опыт, необходимый для выживания и проживания человека как биологического вида, принципиально отличного от других видов; фундаментом культуры и ее нижним слоем является *ничто* – материальное, вещное. Потребность в религии, особенно в ее сложившейся форме монотеизма, обусловлена страхом смерти как наступающего *ничто*, с

чем этот биологический вид не может смириться; фундаментом религии является основание духовное, невещественное – жажда бессмертия. И если «в религии устанавливается и переживается связь, связь человека с тем, что выше человека» [Булгаков 1994: 15], в культуре устанавливается и переживается связь человека с окружающим миром, воспринимаемым органами чувств. Схематически можно представить культуру как развивающуюся прежде всего по горизонтали: локальные этнические культуры – просторы земного знания, непрерывно нацеленные на свое расширение, увеличение земного комфорта, в частности, за счет друг друга. Религия же, основанная на уверенности в существовании высшего смысла и иного мира, устремлена по вертикали, в трансцендентное. Поскольку культура пронизана религией, то она развивается и по вертикали, выражая в разных областях человеческого творчества – литературе, поэзии, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре, иногда в науке – религиозные идеи. Поскольку религия овеществляется в культуре в различных типах и видах, а носителем религиозных и культурных идей является человек, она распространяется и горизонтально, захватывая новые земные пространства.

Овеществленные в религии культурные формы множатся и не всегда до конца осознаются людьми. Так, земную церковь можно назвать царством небесным, но заключенным в формы человеческой культуры, откуда исходят трагедии многих войн и расколов. В ренессансное и особенно в Новое время в христианстве происходит постепенное разделение религии и культуры, нашедшее выражение в отделении церкви от государства. Однако внешние признаки разделения не могут вырвать из культуры то, что вошло в ее плоть и кровь. Так, атеизм самыми прочными нитями связан с воспитавшей его культурой, пронизанной религиозными смыслами. Известно, например, что атеистическая советская культура формулировала моральный кодекс строителя коммунизма, почти повторяя пункты ветхозаветного закона Моисея.

Что же касается языка как одной из ипостасей рассматриваемой триады, то он призван обслуживать и религию, и культуру, являясь необходимым средством их описания и хранения, будучи, по выражению Э. Бенвениста, «интерпретантом всех семиотических систем» [Бенвенист 1974: 85], а также предоставляя человеку возможность общения как с земным, так и с божественным мирами. Часто язык рассматривается как часть культуры, однако на него можно смотреть как на самостоятельную сущность, не похожую на часть культуры именно потому, что язык выполняет глобальную задачу описания и интерпретации всех остальных ее частей и самого себя.

Интересно, что язык и вера в некоторых своих аспектах и до сих пор продолжают быть предметами изучения, лишь минимально связанными с культурой. Такова была волна системно-структурного исследования языка, таковой и сейчас является внутренняя лингвистика, исследующая фонологию и грамматику. Таковым в большой своей части представля-

ется христианское богословие, анализирующее церковную догматику, главным фундаментом которой является божественное откровение как существующее как бы вне динамики времени, изменяющей культурные формы.

Предметом моего описания будет конфессиональная лексика упомянутых выше групп, относящаяся к сфере христианского спасения. Напомню, что в конфессиональных культурах, пронизанных религиозным духом, большая часть даже бытовой лексики может быть названа конфессионально связанной, что я отмечала в других статьях [Никитина 2014а, Никитина 2014б, Никитина 2015]. Так, само слово *конфессия* семой 'вероисповедание' обращено к вере, семой 'сообщество людей' – к культуре; сложное слово *вероучение* соединяет в себе указание и на религию, и на культурный элемент учительства – а мы вспомним, что обучение присутствует не только в человеческом социуме, но и у высших животных. Термины церковной веры, указывающие на предметы, имеющие символические религиозные значения (например, *лестовка*, *антиминс* и др.), позволяют при их анализе отделять смысловую сферу веры от сферы материальной культуры: в данных примерах последнее содержит в себе физическое начало вещи, артефакт, то есть элемент культуры, семиотический смысл которого целиком связан со сферой веры. Интересен в этом отношении концепт христианской книги, совмещающий в себе элементы культуры, языка и вероучения особенно ярко. Ведь книга – изначально вещь культуры в самом «вещном» и даже «весомом» смысле: существует жизнь книги как физического предмета; она содержит в себе тексты словесного, а иногда и музыкального языка, и в этих текстах может излагаться религиозное знание, то есть вероучение.

Как известно, протестантизм признает Писание (Библию) священной книгой, но отвергает Предание. Молокане на мой вопрос «Почему так?» отвечают, что Библия содержит божественное откровение, истину, а Предание как совокупность текстов придумали люди. Люди же намеренно или невольно, но искажают истину в угоду своим мирским потребностям. Даже в Библии есть места, где *мирское* (культурное) пробивается. Так, один из молоканских пресвитеров объяснял мне, что в Евангелии от Луки в текст молитвы «Отче наш», данной Иисусом своим ученикам, проник элемент человеческого: «Вместо “хлеб наш насущный дай нам на сей день”, как написано у Матфея, у Луки стоит “на каждый день”, то есть, чтобы и сегодня, и завтра и послезавтра было бы что съесть – а это все мирские человеческие заботы!» – сказал пресвитер. Думаю, что молокане таким способом стремятся отделить элементы веры от элементов мирской культуры там, где это, по их мнению, возможно.

Сходные идеи высказывают и духоборцы, что можно видеть в текстах вопросо-ответных псалмов, где в ответах излагается учение духоборцев:

{В.} Как вы святых отцов опровергаете или почитаете, в каком смысле покладаете? {О.} Мы так разумеем, что они были человеки, но от человека ничто же, а вся сила-премудрость, суть от Бога (ЖК, пс. №1).

Можно указать также, что в нашей стране в советское время и в прошедшие постсоветские десятилетия по разным причинам буквально таяли конфессиональные библиотеки в сообществах верующих. Особенно заметно это было в старообрядческой среде, где для проведения богослужения нужно было очень много книг, да и для домашнего чтения также немало. А христианская книга была самым верным, законным, истинным источником знания, и во многих общинах, особенно беспоповских, такой источник иссяк. Оставались тетрадки с духовными стихами, тексты стихов и легенд в памяти. *Мирские пересказы* (так назвал их один из начетчиков благополучного в смысле книг сибирского старообрядческого селения), вобравшие в себя множество представлений народной дохристианской мифологии, тексты народной повседневной культуры, теперь во многих старообрядческих общинах стали главным источником религиозных знаний. Мне приходилось бывать на старообрядческих похоронах, где вместо книжных текстов отпевания – обычно самых стойких текстов старообрядческой культуры – исполнялись духовные стихи.

В среде молоканства главной, а среди так называемых постоянных молокан единственной священной книгой является Библия, и ее читают многие. Но, даже читая ее, рассказывают (особенно часто женщины) о библейских событиях не по Библии, узаконенной церковью, а используя устную «Народную Библию», общую для разных направлений христианства, см., например, [«Народная Библия» 2004]. Аналогом духовных стихов у молокан служат молоканские духовные песни, которые так же, как и духовные стихи православных, в простой, доступной форме дают представление о важных религиозно-культурных смыслах (часто с отклонениями от книжного оригинала) и призывают к исполнению религиозного долга. То же можно сказать о стилистически пестрых духовборческих псалмах, основанных, за исключением вопросов-ответных псалмов, преимущественно на библейских текстах, частично на духовных стихах, и до сих пор существующих в устной традиции. Иными словами, фольклорные конфессиональные тексты служат преимущественным материалом настоящего исследования,

Носители конфессиональной культуры, с которыми, главным образом, я имела дело в экспедиционных исследованиях, – не избранная элита, а, в основном, представители массовой части культуры, чаще всего связанные в настоящем или прошлом с крестьянской средой. Именно эта среда их воспитала, передала им традиционный взгляд на мир земной и небесный и указала, как нужно жить, чтобы заслужить спасение своей душе (имеется в виду представление проблемы спасения в этой среде в настоящее время, то есть в конце XX–начале XXI вв.).

Остановимся на том, что понимается под термином *спасение* в современном богословии. Как полагает богословие, Сын Божий сошел с небес, чтобы совершить дело спасения, а именно, освободить людей от пленения дьяволом, упразднить господство греха в нашей природе, победить смерть – дань греху. Русский богослов В.Н. Лосский пишет, что смысл христианского спасения заключается не только в акте искупления погрязшего в грехе человечества – искупления через смерть и воскресение Христа, но: «В своем конечном осуществлении, в будущем веке, – как наше соединение с Богом, как обожение твари, искупленной Христом» [Лосский 2000: 280], когда «каждый из нас также станет богом по благодати, или “причастником божественного естества”, по выражению св. апостола Петра (2Пет.1:4) <...> Рассматриваемая с точки зрения падения человека, эта цель Божественного Домостроительства называется спасением, или искуплением <...> Рассматриваемая же с точки зрения конечного призвания твари, эта цель называется обожением. Это положительное определение той же тайны, которая должна совершаться в каждой человеческой личности в Церкви и полностью раскрыться в будущем веке, когда, соединив все во Христе, Бог станет всем во всем» [Лосский 2000: 288].

Аспект спасения как искупления в качестве предмета размышления не очень популярен в народной среде (хотя часто можно слышать, что *Христос на кресте за нас страдал, терпел и нам велел*). Богословский термин *искупление* изредка появляется в авторских книжных поздних православных духовных стихах, например, «и кончилась ночь, что нависла над миром, и час **искупенья** для мира настал» и в молоканских духовных песнях: «**Искупитель** сего мира; К Тебе придут все народы».

Второй аспект спасения – богословское понятие обожения – в народном миропонимании и православных, и протестантов выражен неопределенно: освобожденный от грехов человек попадает в рай, или царствие небесное, где сможет лицезреть Бога, ангелов и святых и будет пребывать с ними навеки. Это и есть спасение, к которому стремятся в массе своей представители разных конфессиональных групп.

Рай и царство небесное употребляются в народном православии, в частности, в старообрядчестве, а также в народном протестантизме как синонимы, например, в духовных стихах:

Отворю вам, мои светы,
Врата пресветлаго рая,
Преславного моего рая,
Небесного моего царства! (ЭМА)

Или:

Вот тебе, душенька, тут век вековать,
В небесном царствии, пресветлом раю! (ЭМА)

Рай в народном православии описывается как закрытое пространство (он имеет *двери, ворота*, поэтому может быть *растворен* или *затворен*; в нем есть *райские селения*, иногда упоминаются *светлицы*) там поют *райские птицы*, растут благовонные растения и *виноградные деревья*, текут иногда *медовые реки* и т. д. Во времена Адама рай был на земле, в прекрасном Эдемском саду, теперь же рай – по крайней мере, в народном православии – скорее находится на небесах, хотя упоминается и восток, куда в духовных стихах направляются души праведные после Страшного Суда, Ангелы, слетевшие с небес, поднимают на пеленах *в небо высоко* душу убогого Лазаря, тогда как душу богатого Лазаря опускают на копьях *во ад глубоко*. В раю нет смены времен года, но царствует вечная весна и вечный свет (см., о рае, например, [Соболев 1913; Белова, Толстая 2009]).

В духовных стихах, на которые ориентируются современные старообрядцы как на источник религиозного знания, слово *рай* высокочастотно. При нем множество эпитетов: (*пре*)*светлый, пресолнечный, прекрасный, (пре)блаженный, святой, предивный, прелепый, небесный, Божий, преславный*, причем в некоторых текстах объясняется связь выбранного эпитета с тем, как рай обустроил Господь:

Раю ты раю *прекрасный*,
Тебе сам Господь *сотворил* есть;
Раю ты раю *пресветлый*,
Тебе сам Господь *просветил* есть,
Раю ты *саде предивный*,
Тебе сам Господь *насадил* есть (ЭМА).

Освоенность слова *рай* видна по количеству слов с прилагательным *райский*, имеющим одновременно два смысла: и ‘принадлежащий раю’, и ‘прекрасный, как рай’: *райские селения, райская пища, райские птицы, райские песни* – всем этим прекрасным рай красуется.

Царство же небесное практически не имеет описания своего вещного устройства. Оно связывается в первую очередь с духовным содержанием рая, которое есть вечная жизнь рядом с Богом, *видение его*, а это рождает *вечную радость и веселие* у всех праведников, достигших блаженства. В раю, или в царстве небесном, убогий Лазарь духовного стиха, который попал сюда потому что, будучи нищим, *насвятился голым телом*, сидит *на коленычках у Авраамия* – первого патриарха и видит адские муки своего брата – богатого Лазаря, не желавшего при жизни подать ему милостыню (ад оказывается рядом с раем).

В рай или в ад душа идет после Страшного суда. После смерти до Суда души находятся в некотором темном месте. Такое же представление о промежуточном месте между раем и адом существует и у молочан. Путь в рай после Страшного суда описан детальнее всего в духовных стихах. Он контролируется Михаилом Архангелом, не пускающим в рай грешников. Путь лежит через огненную реку, перевоз существует

только для душ праведных. Грешники всеми силами стремятся задобрить Михаила Архангела, даже пытаются деньги ему сунуть, но тщетно! Они либо погибают в огненной реке, либо идут на запад, в *ад* – *пропасть глубокую*, где их ждет *мука вечная*.

Каков же рай в русском народном протестантизме? О нем говорят меньше, он выглядит не таким красочным. Это связано с определенной скудостью описания рая в Библии как места христианского спасения, отсутствием обращения к Преданию, акцентированием утверждения, что царствие Божье внутри нас, если мы освобождены от греха. Однако молokane, как и духоборцы (добавлю, как и православные) считают, что человек не в силах не грешить, и чтобы достичь царства небесного, нужно трудиться всю жизнь во славу Господа и постоянно каяться в своих грехах перед ним; только тогда будет надежда попасть в рай.

В духоборческих псалмах описание рая заимствовано из духовных стихов православных, например,

Речет Господь и глаголет: вы подите, мои души праведные, <...>, вы подите, мои души спасенные во свой, во *пресветлый рай*; – там вам царские двери отворяются, пиши вам будут неистощимые, потекут реки медовые (ЖК, пс. 122).

В псалмах духоборцев, представляющих собой разные варианты апокрифа «Сон Богородицы», весьма популярного и у православных, находим указание на *радость* и *веселие* в *царстве небесном*, то есть в *раю*:

пошлется от меня ангел Божий и возьмет душу его от тела и послание с ним будет в недра к праведным, к Аврааму, Исааку и Иакову *в рай вечный* и там будет *веселиться в царстве небесном*, в *неизреченной радости* (ЖК, пс. 361).

То же находим в псалме, который называется «Призвание праведных в царствие небесное»:

Обрученная дева моя (то есть церковь Христова – *С.Н.*) ждала еси доселе верой, упованием; прими сия; я ж обещах тебе дати бессмертную славу, свет неба – наследие твое. Прийди в соседство к ангелам моим, прийди и *веселися* в ведение лица моего. С ангельскими чинами ликовать в радости вечной, совершенной любви. Прийди под десницу мою, лобзайтесь лобзанием вечной любви. <...> Подымут их облацы пресветлые на высоту небесную. Там со Христом пойдут *в жизнь вечную, в царствие небесное*, в телех хвалебных, духовных и в тот час святой придут в оную небесную Украину| пресветлую (ЖК, пс. 125).

Заметим, что праведные входят в царство небесное в новых телах – духовных, нетленных, не подверженных болезни, страданию и смерти.

В духовных песнях молокан-прыгунов, имеющих пророков, собственно раю – царствию небесному – посвящено немного песен. Вот один из текстов, в котором говорится, что *девушки-краснопевушки* поют:

Про небесную, все про царствию.
Рай ты мой рай, блаженный мой рай.
В тебе мой рай, стоит престол Божий.
От престола светит солнце с лучами.
Солнце с лучами, месяц со звездами.
Месяц со звездами, Ангелы с трубами! (СП, №175).

Гораздо больше духовных песен молокан-прыгунов посвящено тому, что предшествует во времени пребыванию человека в раю. Молокане-прыгуны – хилиасты, или милленаристы (как и многие другие сектанты); основываясь на текстах Апокалипсиса, связанных с пророческими текстами Ветхого Завета, они ждут наступления тысячелетнего царства. Второе пришествие Христа после катастрофического конца света будет началом *царства небесного*, или *земного царства Христа*, для праведников и страдальцев на обновленной земле; Сатана же будет связан на тысячу лет. Тысячелетнее царство молокан описано в книге молоканского пророка Максима Гавриловича Рудометкина [Дух и Жизнь 1975], а также в большом количестве духовных песен молокан; это царство очень похоже на рай. Например:

Говорит Господь Своим верным людям:
Сатану на тысячу лет теперь свяжу,
Я вам дети райский свет весь покажу.
Святорайские благоухание
Поют пташки там райские
Голоса у них Архангельские.
Они трубят во весь райский белый свет,
Созывают на изготовленный обед.
Стоят дома украшенные,
На столах пища изготовленная (СП, № 99)¹.

Или:

В царстве нашего Отца
Мы спокойно заживём.
Тысячу лет мы проживём,
Все спокойно, не в хуле,
В одной пламенной любви (СП, №740).

Тысячелетнее царство, по убеждению молокан-прыгунов, будет недалеко от священной горы Арарат. В нем будут жить люди, оставаясь молодыми сто лет. Раз в сто лет происходит изменение тела, наступает новая столетняя молодость. Через тысячу лет с небес опускается прекрасный град Новый Иерусалим, весь из драгоценных камней и золота:

---

¹ В цитатах из молоканского сборника песен сохранена пунктуация источника.

Скоро сойдёт град великий, Святой новый Иерусалим.
Окружённый воротами, Со всех четырёх сторон.
Украшенный внутри город, Чистым золотом везде.
Все комнаты и площади, Из смарагдовых камней.
Из сапфира и сардоникс, Стены, башни все блестят.
Нет там ночи, нет лампы, Сам Господь сияет в нём. (СП, №770)

Это уже рай – вечное царствие Боже, где праведники всех времен и страдальцы во имя Христова продолжают свою прекрасную жизнь после тысячелетнего царства, а другие, оправданные после Страшного Суда, только начинают жить в раю (подробнее о тысячелетнем царстве молокан см. [Никитина 2011, 2014в]).

В отличие от тысячелетнего царства, где обитатели живут нормальной человеческой жизнью: женятся, рожают детей, в раю нет женщин и мужчин, есть только люди в измененных, духовных телах, и есть одно занятие – славить Бога пением. Когда я спросила молоканина, что же делают обитатели рая, услышала в ответ: «ничего не делают, только поют». Старая духоворка об этом же говорит, вспоминая об обмирании: «Была там. Смотрю: стоят молодцы отдельно, женщины отдельно и поют. Пения, такая пения!». Про райское *ангельское* пение рассказывают и духовные стихи старообрядцев, однако в старообрядческом раю поют райские пташки и ангелы, тогда как, по мнению духоворцев и молокан, в раю поют *спасенные человеки*.

В фольклорных текстах избранных трех конфессиональных культур описываются приготовления человека или, вернее, его души к встрече с Богом после смерти. Отмечу, что для старообрядцев-беспоповцев, оставшихся после реформы Никона и отлучения от церкви патриаршей без священства, осталось мало опоры для надежды спастись. Очень распространены в Верхокамье стихи, где перечисляются грехи, которые не дают душе войти в царство небесное. Привожу фрагмент текста стиха такого рода:

Расплатится, растоскуется душа грешная, беззаконная,
Взираючи на пресветлый рай, на небесное царство вечное.
Поминаючи на вольном свету нерадиву жизнь, непотребную
О горе мне, всестрастной душе, отчужденная всех небесных благ.
Прожила весь век, окаянная, всегда в лености, с нерадением
Не стяжала я умиления, о благих делах попечения.
Всегда в злых делах упражнялася, Я и в гордости величалася.
Не имела я страха Божия, О душе своей рассуждения.
Не стяжала я милосердия, Токмо гневом злым надымалася.
Сего ради я осужденная От Христа Бога в муку вечную (ЭМА).

Существует много духовных стихов, а также молоканских песен и духоворческих псалмов, где в качестве средств спасения упоминаются молитва, милостыня/добрые дела и пост, чаще всего соединенный с молитвой [Никитина 2016].

Контрастом к приведенному тексту старообрядцев может служить духоборческий псалом, посвященный разговору души с Богом: эта душа уверена, что жила правильно:

Пришедши душа к Богу. Боже ей глаголет: Как ты, душа, скоро к Богу право пришла? – Так скоро к Богу право пришла: творила дела Божьи здраво. Как ты, душа, молилась? – Так я, душа, молилась: ни с кем не бранилась. Как ты, душа, спасалась? – Так я, я, душа, и спасалась: худых дел творить опасалась. Как ты, душа, постилась? – Так я, душа, постилась: на худые дела не льстилась. А как ты, душа, крестилась? – Ни на кого не лихостилась (ЖК, пс. № 170).

Возвращаясь к старообрядцам, укажу еще некоторые способы спасения грешной души. На них тоже указывают духовные стихи, и это называется *уходом из мира*. Спасение более надежно можно получить, если уйти из *прелестного, суетного, злого, греховного мира*, где господствует несправедная *новая вера*, уйти в *прекрасную пустыню*, где уже ничто внешнее не будет отвлекать от постоянного молитвенного состояния. Об этом старообрядцы верховьев Камы до сих пор поют стихи, их много. Например,

Уж полно тебе, человеце, в мире жити, аелуея.
| Не пора тебе, человеце, спастися, аелуея.
| Да на истинную путь обратится, аелуея.
Скидавай-ко ты, человеце, ризы-те цветныя, аелуея.
Надевай-ко ты, человеце, ризы-те черныя, аелуея.
Да возьми-ко ты, человеце, образа чуднаго, аелуея.
Да пойдди-ко ты, человеце, во пустыню дальнюю, аелуея.
Призови-ко ты, человеце, Бога на помощь себе, аелуея (ЭМА).

Обратим внимание на имплицитный вывод из первых двух строк: живя в мире, нельзя спастись. Но разве мир не есть люди и все созданное ими для жизни, то есть культура? Итак, перед нами *призыв порвать связи с культурой/миром во имя веры и спасения*.

Однако эти связи трудно разорвать. Призыв сменить ризы цветные на черные реализует противопоставление, общее для всей фольклорной (и не только фольклорной) культуры. Цветовое противопоставление *цветное-черное* пронизывает все тексты похоронных причитаний. В них оно культурный знак ухода из мира живых; в духовных стихах это форма, в которую облекся религиозный призыв к чистоте веры и надежда на спасение: *цёрноѣ платьице спасѣно*.

Присутствует в рукописных сборниках и текст, возникший, как предполагают некоторые исследователи, в среде старообрядческого согласия странников, или бегунов. В нем предлагается самый радикальный вариант спасения:

Вы бежите-ко, мои рабыни,
Во в пропасти во в земныя,

Хрящем-песком засыпайтесь,
Гладом и жаждою да помирайте,
Тем себе да спасение доставайте,
Царство небесное да доставайте (ЭМА).

Известные в истории России многочисленные самоожжения старообрядцев, имевшие множество разных причин, часто осмыслялись как путь *христианского спасения* через мученическую смерть, и это был *выбор поведения в культуре*, стимулированный верой и породивший термин *гарь*. Гари начались в XVII в., продолжались в XVIII и даже в XIX в. ([Виноградов 2013, Романова 2012] и др.).

Но вернемся к менее радикальным путям спасения – к труду многолетнего послушания. Уход из мира в спасительную *прекрасную пустыню*, которой посвящено много общерусских и старообрядческих духовных стихов, чаще всего приводит в монастырь или скит. Скиты есть, например, у часовенных – бывших беглопоповцев, ставших беспоповцами, и туда можно уйти от мира, стать иноками. Не имея таких возможностей, старообрядцы верховьев Камы создали свой вариант праведной жизни в миру. Это *собор* – аналог монашества на дому и средоточие духовной жизни верхокамских поморцев. Естественно, что соборными оказываются, особенно в наши дни, пожилые люди, отошедшие от активной жизни в миру: «В собор пошла, когда *не запроворила*». *Соборные* составляют всего несколько процентов жителей старообрядческого поселения, но они пользуются всеобщим почтением и уважением.

Верхокамские соборные оградили себя от мира мощной системой запретов практически во всех областях жизни: в пище, одежде, бытовом, сексуальном (разрыв брачных связей) и социальном поведении (отношении с государством), в использовании современной техники – транспорта, бытовых приборов и пр. Запреты на достижения цивилизации последних веков объясняются в этой среде как запреты на *антихристово*. Не сразу можно было увидеть в объединении в один перечень самых разных запретов вполне продуманную и динамичную систему требований к человеку, пронизывающую всю его жизнь с целью поддержания конфессиональной чистоты средствами, не менее действенными, чем молитва или пост. В целом же уход из мира, от суетной мирской культуры есть лучший способ сохранить чистоту своей *старой веры*, которая в понимании старообрядцев-беспоповцев есть главная ценность, дающая правильную ориентацию в жизни. У часовенных Тувы слои старообрядцев, исполняющих сходные запреты, но живущих в миру, называется *братией*.

Запреты обсуждаются и принимаются либо съездами соборов (как у поморцев Верхокамья), либо решения принимаются в скитах – как у часовенных Сибири и Урала. Последние десятилетия о таких системах или о типах запретов – на материале разных конфессиональных и этни-

ческих культур – много писали как о способе самосохранения культуры. Но в семидесятых годах прошлого века мы только столкнулись с ними, не до конца осознавая, что это такое. Так, один из последних верхокамских съездов-соборов местных старообрядцев в 1960 г. принял решение о соблюдении келейных/монашеских запретов, а также запретов, носящих выраженную старообрядческую конфессиональную окраску:

Баня запрещено.
Мясо отречено.
По новопечатным книгам не молица.
Иноверные иконы не молица

(примеры взяты из глубокого и тщательного исследования проблемы спасения верхокамских поморцев [Смилянская 2012: 80]).

В отношениях с властью, например, еще в конце XX века существовал запрет на получение от государства пенсии. В 1988 г. в Туве мне удалось познакомиться с постановлениями сибирских скитов, составленными «в лето 7487» (1979 г.), куда были внесены некоторые послабления. Вот фрагмент из текста, посвященного пенсии:

1) Разрешить безукоризненно только престарелым, не имущим кормыльца и в нужде живущим. 2) Имеющим возможность прожить помимо пенсии похвально. 3) Имеющим условия для прожитка получать зазорно.

Все запреты преследуют одно – сохранить чистоту веры как необходимое условие приближения к спасению. И здесь рождаются новые реалии, новые слова и словосочетания. Очень большое значение придается разделению в посуде, которая делится на *мирскую* и *добрую*. Последняя только для соборных. Разжигание *чистого* огня для соборной трапезы древними культурными способами (не спичками, а трением или «чиканием») – средство сохранения чистоты пищи. Такой огонь называется *чиканным*.

В русском народном протестантизме нет монашества, а потому нет *ухода из мира* как аскетического средства спасения, в какой бы форме это ни осуществлялось: в уходе в пустыню, в скиты/монастырь или в создании собора как монашества на дому. Отношения с миром сформулированы у молокан так же, как и у остальных сект: *мы живем в мире, но не являемся его частью*. Мировоззрение конфессиональной общины и внутренний мир его членов (в идеале, конечно) должны быть едиными: человек как существо социально-психологическое и религиозное формируется внутри общины, или конкретного конфессионального сообщества, что и обуславливает его поведение в миру. Система норм, правил, рекомендаций и запретов, структурирующих порядок жизни индивидуума и общины в целом, не делает из человека аскета, лишеного основных радостей жизни (разве что запрет на алкоголь) и возможностей пользоваться благами цивилизации. Ветхозаветные пищевые запреты на свинину, рыбу без чешуи и пр., изначально общие для моло-

кан и духоборцев, постепенно разрушаются (ср. из вопросо-ответных псалмов духоборцев, причисляемых к началу XIX в.):

{В.} Какую рыбу вы не едите? {О.} Свинину (!), сомину и рака (ЖК, пс. 2).

Главным же средством избавления от тяжкого бремени грехов на пути спасения все христиане называют *покаяние* (по-гречески – μετάνοια (метанойя), что значит ‘перемена ума’). Оно есть осознание своих грехов перед Богом и, как правило, сопровождается радикальным пересмотром своих взглядов и системы ценностей. Результат покаяния – решение об отказе от греха. Покаяние было известно и практиковалось у иудеев, но именно в христианстве оно стало выражать не только и не столько страх перед наказанием Господним, сколько отвращение от греха, понимание необходимости и возможности спасения своей души. Иоанн Креститель проповедовал в пустыне Иудейской: «покайтесь, ибо приблизилось царство небесное»; Христос, услышав, что Иоанн взят под стражу, удалился в Галилею и стал также проповедовать скорый приход царства небесного (Матф. 4 12, 17). Как считают христианские богословы, истинная вера невозможна без покаяния, которое является постоянным состоянием верующего человека.

Описываемые конфессиональные группы объединяет общий признак эсхатологической направленности: они живут под знаком скорого конца света. Старообрядцы-беспоповцы, оставшиеся без священства во второй половине XVII в., оказались в экстремальной ситуации, и хотя за триста пятьдесят лет острота ожидания страшного скорого конца существенно притупилась, проблема спасения, обретаемого через покаяние, остается животрепещущей.

Покаяние для соборных Верхокамья обычно осуществляется в ситуации так называемой *исправы*, когда соборный (ая) кается *духовному отцу/ наставнику* или *духовной матери*. Слово *исправа* содержит в своей внутренней форме идею μετάνοια (перемены), и именно эта удачная внутренняя форма служит стимулятором изменений в сознании.

Поскольку у беспоповцев нет священников, то духовник/духовница не может отпустить грех кающемуся, но только говорит: «Бог простит». Каяться можно много раз. *Исправа* бывает при вступлении в собор, перед великими праздниками во время постов. В экстремальных ситуациях каяться можно, как говорили мне и историку Е. Смелянской, избранным деревьям – березе и сосне (но, например, не пихте), а также матери сырой земле.

Самое главное покаяние – незадолго до смерти. Нужно успеть: духовный стих говорит: *Горе человеку умереть не покаившуся*. В духовных стихах о распятии, очень распространенном среди старообрядцев-беспоповцев, особенно на Севере, *покаяние* и *царство небесное* стоят рядом:

Восплачемся на всяк день и покаемся,

Господь Бог услышит *покаяние*,
За то нам и дарует царство свое,
Радости – веселию не будет конца! (Варенцов 1860: 56).

Для молокан-прыгунов, готовящихся к тысячелетнему царству, определяюще важным для спасения души является покаяние перед вторым пришествием Христа. Поэтому в духовных песнях прыгунов слышится призыв к покаянию:

Господь Духом возвещает,
К покаянию обращает;
Послушайте моего гласа,
Ожидайте конец часа;
Сия время при дверях,
А Дух Святой на сердцах (СП:№7).

В молоканский песенник попало возвещение одного молоканского пророка из книги «Дух и Жизнь», повторяющего слова Христа :

Размыслите о том, что я вам говорю:
Что во дни ваши и во дни чад ваших
Совершится суд Божий над человеками.
Внезапно придет Господь в Церковь Свою и возгремит.
От грома гласа Его содрогнется твердь небесная!
Пробудитесь современники мои!
Поспешите сотворить покаяние;
Ибо приближается Царство Небесное (СП, №235).

У так называемых постоянных молокан покаяние перед Богом каждодневно, постоянно, но посредников нет, поскольку освободить человека от греха может только Христос, которому они каются, заплативший за это своей кровью. Но покаяние пред людьми возможно: они берут на себя, как и тот, кто кается, ответственность за «перемену ума». В молоканском «Изложении догматов», составленном Н.М. Анфимовым в начале XX в., говорится: «Покаянием мы исповедуем сознание человеком своей вины перед Господом и ближним своим, и сокрушение о содеянном, ибо “печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть” (II Коринф.7: 7–11). Покаяние у нас производится перед Богом и перед людьми, с обещанием Господу исправиться. Покаянием достигается пришествие к Богу, прощение грехов, оправдание перед Господом и спасение души» [Изложение догматов 1975: 117–118].

О покаянии говорится во многих духовных песнях молокан, общих для постоянных и прыгунов:

Излечи мою бедную душу скорей
И прими во грехах *покаянье*;
О, услышь меня, Боже, я здесь у дверей
Твоей милости жду подаянье (СП, №817).

Пожилая молоканка *из постоянных*, жительница саратовского села, говорит о покаянии так:

– Зайди в свой дом, умойси, волосы причаши. Покройси – вот и взывай к Господу. Я спать ложуся – помолюся: Господи, прости меня, великую грешницу, помилуй меня, великую грешницу. Пожалей меня! Иисус Христос за нас кровь пролил, может, и ходатай за нас будет. Разве не каюсь?

В духовборских псалмах покаяние определяется как главный, самый высокий в ценностной иерархии поступок человека. В псалме «Двенадцать Другов» (ЖК, пс. 157) *покаяние* – последний, двенадцатый друг – *радость Богу*. В других псалмах повторяется: *Покаяние свыше добродетелей и свыше закона заповедей* (ЖК, пс. 17). Однако в псалмах духовборцев много противоречий. Если в одних текстах говорится о спасении (оправдании) верой (в согласии с протестантской лютеранской точкой зрения):

{В} Чем вы оправдаетесь? {О} Верую (ЖК, пс. 9, с.59) –

то в других читаем, или слышим на молитви:

{В.} Отчего духовные плоды уничтожаются? {О.} От излишнего упования на милость Божью, *без покаяния и без творения добрых дел* (то есть одной веры недостаточно – С.Н.) (ЖК, пс. № 31)

или:

Вера без дел мертва есть – цитата из Послания Иакова (2: 26).

Замечу, что спасение верой или добрыми делами и сегодня является предметом дискуссий у духовборцев и молоканских беседников, но многие рядовые члены молоканского собрания считают в деле спасения превыше всего милостью [Никитина 2013б: 66–68].

Покаяние как последнее обращение человека к Богу перед смертью у духовборцев заменяется чтением апокрифа «Сон Богородицы». Его читает или сам умирающий или кто-нибудь из близких родственников. Почему? Мне ответили: «Так принято». Но когда я прочитала все тринадцать вариантов, присутствующих в «Животной Книге духовборцев», то поняла почему. Например, в пс. 364 говорится:

А который человек верить не будет словам моим, всему моему листу, тот не достоин, *через грехи свои без покаяния злой смертью помрет*. А который человек верить будет словам моим, всему моему листу, сей лист при себе иметь будет, читать или слушать, или списывать, тот человек имел бы себе грехов сколько звезд на небе, песку в море, или листьев на древе и *те все грехи оттущены будут*, ему же будет честь и поклонение во имя Отца и Сына, Святому духу аминь.

Практически в каждом из 13 текстов «Сна богородицы» сказано, что человек, хранящий «Сон» в доме, читающий его, будет благополучен в жизни и удостоится царства небесного. Например:

Кто твой, матушка, себе сон в дому держать будет, тот будет благополучен в житейском, в бытейском, в путях и дорогах, в торгах, в базарах. Кто твой, матушка, при смерти сон вспомянет, тот будет избавлен от муки вечной, а будет *приставлен в царствие небесное* (ЖК, пс. № 366).

Или:

Кто твой сон проговорит в чистоте, в любви, да не в скверном слове, тот будет сохранен, помилован Богом в своем доме, в путях, в дороге, от грозы, от ветра, от воды, от пламени, от белого зверя, от злого человека, от напрасной смерти, будет от грехов избавлен во *царствие небесне приставлен* (Там же, пс. 371).

Каждый духоборец может выбрать себе к смерти любой из тринадцати вариантов.

Тем не менее ни один человек из рассмотренных трех культур не может быть уверен в том, что попадет в царство небесное. Смерть у молокан, например, может вести к воскресению, практически к спасению в тысячелетнем царстве и вечной жизни в раю, а может – сначала к воскресению на Страшный Суд а затем в вечную смерть, то есть, в ад [Никитина 2014в].

А что есть ад? Это тема отдельного рассмотрения, как и проблема греха в трех культурах. Однако кратко на этот вопрос отвечу словами, какими охарактеризовал ад старообрядец-беспоповец:

Там огненны валы стремятся и не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся, борющиеся множество веков.

Ответ интересен тем, что в нем элемент народной веры, а именно, рас пространенное (но не единственное!) представление об аде как всё сжигающем огне находит удобное вербальное выражение в совершенно чуждом народной культуре и народной вере текстовом пространстве. Это фрагмент известного стихотворения М.В. Ломоносова, посвященного научному описанию солнца. Стихотворение попало во многие рукописные сборники стихов старообрядцев-беспоповцев поморского согласия, представляя собой весьма своеобразный образец соединения народной веры, высокого стиля элитарной культуры и выразительных средств русского языка XVIII в.

Литература / References

1. Белова О.В., Толстая С.М. Рай // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Том 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 397–400.

2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974. – 448 с.
3. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. – 415 с.
4. *Виноградов В.В.* О самоожжении у раскольников-старообрядцев (XVII–XX вв.). Подготовка текста к печати Е.М. Сморгуновой // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сборник статей к XV Международному съезду славистов. Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. С. 38–58.
5. Дух и жизнь. Книга Солнце. Los Angeles, California, USA, 1975. – 766 с.
6. Изложение догматовъ и молитвенникъ истинныхъ духовныхъ христанъ (секты, именуемой «старо-постоянными молоканами»). Составлено Н.М. Анфимовым. Издание Якова Павловича Бурцова и Ивана Яковлевича Томила. Тифлис, 1912 г. Переиздан Сан Франциской общиной в 1975 г. С. 117–124.
7. *Лосский В.Н.* Богословие и боговидение. М.: Издательство Свято-Владимирского братства. 2000. С. 273–288.
8. «Народная Библия». Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой; Отв. ред. В.Я. Петрухин. М.: Индрик, 2004. – 576 с.; ил.
9. *Никитина С.Е.* Жизнь после смерти в культуре молокан-прыгунов // Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Академическая серия. Выпуск 49. М.: Институт славяноведения РАН, 2014в. С. 171–183.
10. *Никитина С.Е.* Заметки о ценностях и языковых оценках в конфессиональных культурах (русский народный протестантизм) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 325–343.
11. *Никитина С.Е.* Земное царство Христа в молоканском фольклоре сквозь призму ключевых слов // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: сборник статей. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011 С. 189–202.
12. *Никитина С.Е.* К вопросу о конфессиональной лексике и ее сравнительном описании // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности. Материалы Международной научной конференции, проходившей при поддержке РГНФ (19–22 сентября 2014 года) под ред. В.М. Грязновой. Ставрополь: Сервисшкола, 2014б. С. 216–230.
13. *Никитина С.Е.* Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия, 2013б. – 312 с.; ил.
14. *Никитина С.Е.* На скрещении наук: этноконфессиональная лингвистика // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. Москва, Калуга: Институт языкознания РАН, 2013а. С. 136–145.
15. *Никитина С.Е.* О взаимодействии веры, культуры и языка в конфессиональных сообществах // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 50. М.: МАКС Пресс, 2014а. С. 237–244.
16. *Никитина С.Е.* Пост, молитва и милостыня в русских конфессиональных группах: взаимодействие веры, культуры и языка (Доклад на Международной научной конференции 19–21 ноября 2015 г., Москва, Институт языкознания РАН.) // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. М.: УРСС, 2016. (в печати)
17. *Романова Е.В.* Массовые самоожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках / Екатерина Романова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 288 с. – (Studia Ethnologica; вып. 10).
18. *Смилянская Е.Б.* «Три дороги есть: одна в ад в муку, другая в огонь, а третья в рай...» Повествования о вере и спасении старообрядцев Верхотамья // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012. С. 49–166.
19. *Соболев А.Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад: Издание книжного магазина М.С. Елова, 1913. – 206 с.

Источники

1. ЖК – «Животная книга» духоборцев // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под ред. Владимира Бонч-Бруевича. Вып. 2. Виннипег: 1954. – 316 с.
2. СП – Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан Духовных прыгунов по всему миру. Первое издание. Los Angeles: 2004. – 1042 с.
3. ЭМА – Экспедиционные материалы автора.

‘ПРИРОДНОЕ’ И ‘КУЛЬТУРНОЕ’ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЗООМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ЧУВСТВ-ОЩУЩЕНИЙ» И ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Е.О. Опарина

‘NATURAL’ AND ‘CULTURAL’ IN RUSSIAN PHRASEOLOGY: ZOOMORPHIC CODE OF CULTURE AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING SENSES AND PSYCHOLOGY OF HUMAN BEINGS

Е.О. Опарина

ABSTRACT

In this paper I analyze a limited group of Russian restricted collocations (RCs) signifying some inborn abilities and psychological characteristics of human beings, namely the collocations with the base nouns *instinkt* (*instinct*), *n'ukh* (*scent, keen sense of smell*), *chut'jo* (*keen sense for smth, mainly about the sense of smell*). These RCs conceptualize human senses and psychological characteristics, manifesting themselves in behaviour, as a phenomenon belonging to two spheres usually opposed in anthropological (linguocultural) studies, i.e. the sphere of ‘NATURAL’, on the one hand, and the sphere of ‘CULTURAL’, on the other. Such dual conceptualization – with the participation of the zoomorphic metaphor as part of the zoomorphic code of culture – links this group of RCs to the system of cultural values coded in the Russian phraseology. I see a specific character of the word combinations under investigation in the interplay between ‘NATURAL’ and ‘CULTURAL’, as well as between the tropeic and the non-tropeic, in their semantics. Associative regularities within the RC group and their discourse characteristics are also taken into account. The analysis is carried out with special focus on the relations between the concepts of ‘NATURAL’ and ‘CULTURAL’ in phraseological images. The study shows that these concepts are not interpreted in phraseology as ultimately opposite: in some units belonging to the group of RCs under study they harmonically coexist to depict human beings positively.

Key words: ‘NATURAL’ vs. ‘CULTURAL’; human senses; psychological characteristics; lexical collocations; zoomorphic code of culture; metaphor

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется группа фразеологических сочетаний русского языка (мы их называем также лексическими коллокациями), которые своим содержанием отображают принадлежность человека к двум сферам бытия – ‘ПРИРОДНОЙ’ и ‘КУЛЬТУРНОЙ’. Это устойчивые словосочетания с опорными компонентами *инстинкт*, *чутье*, *нюх*, которые концептуализуют сенсорные свойства – врожденную способность человека «чувствовать» мир и ориентироваться в нем, а также характеризуют психологические особенности и поведение человека через соотнесение с природным, преимущественно зооморфным, кодом культуры. Данные фразеологизмы отличаются особенностями, связанными с тематикой и характером семантики опорных наименований: сенсорика, в определенной степени, объединяет человека и животных, то есть представителей культурного и при-

родного миров. Это проявляется в значении опорных компонентов и в культурно обусловленной семантике фразеологизмов: существительное *инстинкт* обозначает свойство, общее для человека и животных; существительные *чутье и нюх* также употребляются в прямом значении по отношению к животным, а в применении к человеку они предполагают метафоризацию. Поэтому смысл фразеологических сочетаний с их участием формируется как результат игры между представлениями о 'ПРИРОДНОМ' и 'КУЛЬТУРНОМ', с одной стороны, и между прямым и тропическим типами значения – с другой. В центре внимания – актуализация представлений о 'ПРИРОДНОМ' и 'КУЛЬТУРНОМ' во фразеологии и средства репрезентации их соотношения¹.

Ключевые слова: 'ПРИРОДНОЕ' vs. 'КУЛЬТУРНОЕ'; сенсорика («чувства-ощущения») человека; психологические свойства человека; фразеологические сочетания (лексические коллокации); зооморфный код культуры; метафора

Антитеза «ПРИРОДА» vs. «КУЛЬТУРА» является одним из основных понятий для определения сущностных характеристик феномена культуры и для характеристики человека как субъекта культуры. Ю.М. Лотман писал: «Вопрос можно сформулировать так: своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [Лотман 1992: 44]. Признавая, что границы между двумя сферами относительны и во многих конкретных случаях размыты, исследователь констатирует, что в более общем смысле граница между мирами природы и культуры «не только будет отделять человека от других внекультурных существ, но и будет проходить внутри человеческой психики и деятельности. Определенными своими сторонами человек принадлежит культуре, другими же связан с внекультурным миром» [Там же].

В данной статье корреляция между 'ПРИРОДНЫМ' и 'КУЛЬТУРНЫМ' исследуется на материале обозначения сенсорных способностей и психологических свойств человека определенной группой фразеологических сочетаний русского языка. К фразеологическим сочетаниям, или лексическим коллокациям (этот термин – калька с выражения *lexical collocations*, используемого, как и *restricted collocations*, в англоязычной терминологии), относится такой тип фразеологизмов, в которых пересмыслению подвергается один из компонентов; второй сохраняет прямое значение и выступает в роли номинативно опорного. Результатом процесса фразеологизации в этом случае становится единица с аналитической структурой и частично аналитическим значением, в котором каждый из компонентов выражает свою часть общего смысла, сохраняя определенную самостоятельность семантики. Семантическая целостность фразеологизма определяется, в частности, тем, что содержание связанного (часто – метафоризованного) компонента интерпретируется

---

¹ Данная статья представляет собой переработку доклада, представленного ранее: [Орагина 1998]. – *Е.О.*
286

исходя из значения опорного слова: *железный характер; корень ошибки; терять надежду* [Телия 1990].

В статье анализ проводится на материале фразеологических сочетаний с опорными компонентами *инстинкт, чутье, нюх*. Выбор был обусловлен семантическими особенностями этих субстантивов: специфическим является то, что они употребляются и по отношению к человеку, и по отношению к животным. Поэтому можно предположить, что данные лексические единицы и коллокации с их участием репрезентируют в языке «пограничное» положение человека между мирами природы и культуры, которое отмечал Ю.М. Лотман. Кроме того, воплощенная в них культурная информация является результатом игры между прямым и тропическим типами значения внутри словосочетания. Отметим, что мы не ставили целью сбор и изучение полного корпуса фразеологических сочетаний с данными опорными словами. Цель статьи – выявление основных направлений концептуализации в пределах данной группы фразеологизмов с точки зрения соотношения ‘ПРИРОДНОГО’ и ‘КУЛЬТУРНОГО’.

Опорные существительные исследуемых фразеологизмов связаны с проблематикой восприятия, или сенсорики – врожденной, данной, как принято говорить, «от природы», способности непосредственного отражения объективной действительности органами чувств (см. [Крысин 2007: 586]). По отношению к этой способности в общем языке употребляются также наименования *ощущения, пять чувств*; в научной сфере используется термин *перцепция*. Как отмечают исследователи, «способность испытывать ощущения издавна признается одной из существенных характеристик человека и необходимым условием для его выживания в мире и приобретения знаний о нем» [Нагорная 2015: 27]. Однако сфера человеческой сенсорики до настоящего времени толкуется противоречиво. Так, дискуссионными являются вопросы о количестве, источниках и границах «чувств-ощущений», в трактовке которых, особенно в обиходно-бытовой картине мира, часто смешиваются физическое и психологическое. Например, в европейской культуре принято считать, что каналов сенсорного восприятия пять (рус. *пять чувств*; фр. *le cinq sens*), но в европейских языках есть также выражение *шестое чувство* (англ. *the sixth sense*). Этим словосочетанием обозначаются и интуиция, и экстрасенсорное чувство, и способность эстетического восприятия. Еще более сложным предстает вопрос при изучении представлений о сенсорике за пределами конвенций западной культуры [Там же].

Сенсорика, ее характеристики и способы применения подвергаются в языке интерпретации с позиции представлений и ценностей, выработанных культурно-языковым социумом. Одним из главных средств их выражения служат языковые образы, а также смыслы, фиксируемые устойчивыми, воспроизводимыми сочетаниями слов, которые часто содержат образную мотивацию. Например, отмечаемый во фразеологических сочетаниях «перекос» в сторону природного, которое часто кон-

цептуализируется как 'ЖИВОТНОЕ / ЗВЕРИНОЕ' или 'ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ', обычно получает негативную оценку: *животные инстинкты; темные инстинкты*.

Приведем некоторые словарные дефиниции исследуемых опорных существительных, в которых выделены их ключевые смысловые характеристики.

Инстинкт определяется как: «1. Врожденная способность совершать целесообразные действия по непосредственному, безотчетному побуждению <...>. 2. Подсознательное, безотчетное чувство, внутреннее чутье» [Ожегов, Шведова 1996: 243]. В этой дефиниции подчеркивается неосознаваемый, безотчетный характер инстинкта; его действие в человеке не оценивается сугубо негативно, что следует из иллюстрации: *Понять что-н. инстинктом любящего человека*. Слово имеет метафорическую этимологическую основу, влияющую и на современное значение: лат. *instillatio* означает 'побуждение', 'наитие', 'вдохновение' [Крысин 2007: 305]². Отметим, что субстантив *инстинкт* является также частью научной биологической терминологии, в которой он применяется с нейтральной оценкой по отношению к животным и к человеку.

Чутье: «1. У животных: способность замечать, обнаруживать органами чувств, преимуществ. Обонянием <...>. 2. перен. Способность понимать, ценить что-н., разбираться в чем-н. *Политическое ч. Хорошее ч. Языка*» [Ожегов, Шведова 1996: 878]. Мы видим, что, в отличие от *инстинкта*, в дефиниции *чутья* разграничиваются прямое и переносное значения. Постулируется отнесение прямого значения к животным, и при этом отмечается синестетический характер этого чувствования. Отнесение данного существительного к миру человека определяется как метафорическое переосмысление, в котором чувствование переводится в сферу психологии и менталитета, связывается со способностью *homo sapiens* правильно оценивать явления и ситуации в социальной и культурной сферах³.

Нюх: «1. То же, что обоняние (у животных). *У собак хороший н. 2. перен. Сообразительность, чутье (разг. шутол.). У него н. на все новое*» [Ожегов, Шведова 1996: 415]. В семантике существительного *нюх* в значении, применяемом к человеку, также присутствует метафоризация. Отметим, что в качестве иллюстрации прямого значения приводится выражение, связанное с нюхом собаки: образ 'СОБАЧИЙ НЮХ' служит в обиходно-бытовой картине русского языка эталоном обоняния. В мета-

² Для сравнения: в Словаре В.И. Даля, вышедшем более столетия тому назад, *инстинкт* толкуется иначе. Он характеризуется как свойство животных; по отношению же к человеку *инстинкт* оценивается как то, что очень «дурно». Потому рекомендуется заменять это слово словом *побудок* [Даль 1989, Т.2: 46].

³ В.И. Даль также отмечает, что *чутье* относится к «общему», неопределенному чувству, но прежде всего к обонянию. Приведенные в словарной статье примеры свидетельствуют, что слово употребляется преимущественно с одобрительной оценкой (*тонкое чутье; Чутье сердца не обманет*) [Даль 1991, Т.4: 616].

форическом переосмыслении слово и словосочетания с его участием характеризуют, с долей иронии, способность *homo sapiens* чувствовать ситуацию и выбирать соответственно практической необходимости линию поведения. Человек при этом уподобляется животному, прежде всего – собаке (как в идиоме *держат нос по ветру*).

Таким образом, сама семантика опорных существительных соотносит формируемые ими коллокации со сферой природы и вводит проблематику зооморфного кода культуры. Этот код является одним из базовых для культурно обусловленной концептуализации в языке. Понятие кода культуры представляет собой одно из центральных понятий в лингвокультурологии. В данной работе мы опираемся на дефиницию, предложенную В.В. Красных: «код культуры – это формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и / или к одной сфере бытия» [Красных 2013: 61]. Коды культуры лежат в основе ее симболярия – символов, стереотипов, эталонов, представленных как в вербальной, так и в невербальной знаковых системах, таких как вещные символы, ритуалы, обычаи. В.Н. Телия подчеркивала роль кодов культуры как «строительного материала» для воплощенной во фразеологизмах культурной информации и как источника для интерпретации языкового знака в категориях культуры [Телия 2006: 777].

Исследуемая группа фразеологических сочетаний характеризуется также специфическими дискурсивными характеристиками. Они в основном принадлежат к тем сферам коммуникации, которые предполагают достаточно высокий уровень образования участников общения: это публицистические статьи, искусствоведческие и критические эссе. В них могут появляться авторские словосочетания, которые опираются на имеющиеся в языке ассоциативные модели и культурно-оценочные модусы.

В плане оценочного знака данные фразеологизмы также неоднозначны. Если *звериный инстинкт* и *животный инстинкт* выражают неодобрение или осуждение (они квалифицируют качество или поступок как 'недостойные человека'), то в других фразеологизмах с этими опорными словами культура как бы ищет поддержки у природы в концептуализации лучших человеческих способностей. Например, они обозначают творческий потенциал: *творческий инстинкт*, *поэтическое чутье* и *языковое чутье* представлены как 'природные склонности и дарования человека' (ср.: *человеческая натура*, *человеческая природа*), нацеленные на созидательную культурную деятельность. Следовательно, можно говорить о том, что «ПРИРОДА» и «КУЛЬТУРА» существуют в этих коллокациях не только в виде антитезы.

Специфика лексических коллокаций как типа фразеологизмов состоит в том, что они обладают ассоциативно-парадигматической регулярностью, отличающей их от идиом. Во-первых, связанные компонен-

ты фразеологических сочетаний выражают регулярные, воспроизводимые смыслы, указывающие на основные направления характеристики обозначаемого во фразеологии языка. Во-вторых, опорные наименования, принадлежащие к одним и тем же или к близким тематическим полям, часто выбирают одинаковые или сходные связанные компоненты для концептуализации аналогичных параметров [Телия 1996; Orapina 1998]. Это свойство фразеологических сочетаний позволяет выявить, в частности, те направления, которые оказываются в фокусе внимания при концептуализации сложного феномена психики человека в исследуемой группе фразеологизмов.

Приведем группы примеров, иллюстрирующих сказанное⁴.

В концептуализации *инстинкта* участвуют атрибутивные коллокации *животный инстинкт*, *звериный инстинкт*, *стадный инстинкт*. В этих словосочетаниях, взятых вне контекста, нет метафоризации связанного компонента (ср. *железный аргумент*; *коренной перелом*), и они в принципе могут относиться к «миру животных», не неся в себе позитивной или негативной оценочности. Однако при характеристике человека в целых словосочетаниях актуализируется метафоричность; при этом прямая апелляция к зооморфному коду усиливает экспрессию. Используя метафорическую модель, можно квалифицировать смысл коллокаций следующим образом: 'человек или группа людей проявляют себя так, как если бы они были животными, и это расценивается как поведение, недостойное человека, и подвергается осуждению'.

В коллокации *инстинкт толпы* метафоричность конструируется иначе: связанный компонент относится к «миру людей», с зооморфным кодом на поверхностном уровне семантики коллокацию связывает опорное слово. Оно помогает интерпретировать смысл целого словосочетания: 'группа людей, представлена так, как если бы они были стадом животных. Имеется в виду, что они легко внушаемы, поддаются манипулированию, чувству страха или ненависти. Такое состояние и вызываемое им поведение осуждаются'.

В ряде атрибутивных словосочетаний *инстинкт* представлен как агрессивная разрушительная сила, ассоциируемая, в том числе через зооморфную метафору, с до-культурным («внекультурным»), по ранее цитированному выражению Ю.М. Лотмана) состоянием: *неуправляемый инстинкт*; *необузданный инстинкт*; *примитивный инстинкт*; *дикие инстинкты*; *темные инстинкты*. Денотаты этих словосочетаний противоположны Космосу как воплощению идеи 'ПОРЯДКА' и культуре, опирающейся на порядок и выработанные социумом нормы.

В советский период в официальном дискурсе (имеются в виду прежде всего советские средства массовой информации) использовалась группа устойчивых словосочетаний с опорным словом *инстинкт*, кото-

---

⁴ Примеры словосочетаний взяты из словарей русского языка, из эссе О.Э. Мандельштама «Разговор о Данте» и из средств массовой информации.

рые характеризовали стремление иметь собственность и богатство как недостойное человека «чувство», уравнивающее его с животным или зверем: *инстинкт обогащения; частнособственнический инстинкт; хищнический инстинкт собственника* (ср. *хищнический капитализм*).

Вместе с тем, *материнский инстинкт*, обозначая материнскую любовь как природную сущность, несет в себе одобрительный оценочный модус. Это словосочетание можно рассматривать как часть концепта МАТЬ – одного из важнейших для русской культуры. Способность человека избегать опасностей и неприятностей, ориентируясь по чувству или безотчетному ощущению, характеризуется словосочетанием *инстинкт самосохранения*, которое также может употребляться с одобрительным оценочным знаком.

Кроме того, существуют устойчивые словосочетания *творческий инстинкт, инстинкт созидания*. Авторские коллокации, строящиеся по их ассоциативной модели, варьируют в критическом дискурсе «о литературе и искусстве» концепт *ИНСТИНКТ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСКОЙ СИЛЫ: формообразующий инстинкт поэта* (выражение принадлежит О.Э. Мандельштаму [Мандельштам 1967]); *здоровый инстинкт кассового чемпиона* (из радиопередачи о работе известного и успешного кинорежиссера).

Сходные направления концептуализации наблюдаются в коллокациях с опорными существительными *чутье* и *нюх*, в которых зооморфный код также применяется для позитивной характеристики творческого потенциала человека, как и его способности ориентироваться в мире: *языковое чутье / чутье языка; поэтическое чутье; режиссерское чутье; тонкое чутье на что-л.; безошибочный нюх на что-л.; особый нюх на что-л.*

Таким образом, можно сделать вывод: фразеологические сочетания с опорными компонентами *инстинкт, нюх, чутье* являются языковым доказательством утверждения Ю.М. Лотмана о том, что граница между мирами природы и культуры проходит внутри психики человека, проявляя двойственность человеческой природы.

Проанализированные фразеологизмы показывают, что смыслы ‘ПРИРОДНОЕ’ и ‘КУЛЬТУРНОЕ’, представляющие собой антитезу при общем лингвокультурологическом подходе, не всегда представлены в языке как полюсы бинарной оппозиции. В ряде лексических коллокаций они гармонично сосуществуют, обозначая свойства, которые необходимы человеку в повседневной жизни и играют позитивную роль (*материнский инстинкт* или *тонкое чутье на что-л.*). Креативные способности человека, проявляющиеся в сфере культуры, также могут концептуализироваться через ассоциацию с ‘ПРИРОДНЫМ’ – как естественно присущие человеку свойства.

Различия в направлениях концептуализации связаны, как нам представляется, с разными культурно-смысловыми слоями. Само противопоставление ‘ПРИРОДНОЕ’ vs. ‘КУЛЬТУРНОЕ’ является базовым для пони-

мания феномена культуры, и в этом смысле его, вероятно, можно назвать «архетипическим».

Осуждение «животного начала»⁵ как недостойного человека восходит к библейскому слою культуры, согласно идеологемам которого человек обладает душой, созданной по образу и подобию Божию [Быт. I, 27, II, 7] (цит. по: [Архимандрит Никифор 1990]), и противопоставляется «бездушным» тварям. В этой группе коллокаций проявляются также следы мифологических представлений об устройстве космического порядка и о противоположности Космоса и Хаоса (*инстинкт разрушения; темные инстинкты*).

С другой стороны, представления о родстве человека с природой, в том числе животным миром также связаны с тем культурным слоем, который В.Н. Телия относил к «корневыми» формами осознания мира [Телия 2006: 781]. Они восходят к мифологии, например, к мифам о животных-первопредках (тотемах), о зооморфных и зоантропоморфных божествах [Мифологический словарь 1991: 670]. В современных языках на отголоски этих представлений наложились элементы научной картины мира, постулирующей общность происхождения животных и человека. Поэтому во фразеологии природа помогает человеку – от концептуализации ситуаций повседневной жизни до представления о творчестве как природном феномене. В определенных дискурсах происходит расширение поля устойчивых языковых словосочетаний авторскими, которые, однако, следуют имеющимся в языке ассоциативным направлениям и связанным с ними культурным смыслам.

Литература / References

1. Архимандрит Никифор. Человек // Библейская энциклопедия: Труд и изд. Архимандрита Никифора. М.: Издат. центр «Терра», 1990. С. 785–786.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1989. Т. 2. – 782 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1991. Т. 4. – 684 с.
4. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и размотается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 58–67.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: Свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. – 272 с.
7. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967. – 88 с.
8. Мифологический словарь / Гл. ред. Мелетинский Е.М. М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
9. Нагорная А.В. Перцептивные феномены как объект исследования в современных гуманитарных науках // Человек: Образ и сущность: Ежегодник / РАН. ИНИОН. М.,

---

⁵ Фразеологические сочетания с опорным словом *начало* демонстрируют сходные с *инстинктом* направления концептуализации, подтверждая ассоциативно-парадигматическую регулярность этого вида фразеологизмов: *животное начало; темное начало; созидательное начало; творческое начало*.

2015. – Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании / Ред.-сост. А.В. Нагорная. С. 27–38.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. АН; Рос. Фонд культуры. 3-е изд., стереотип. М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
  11. *Телия В.Н.* Послесловие: Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Фразеологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
  12. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
  13. *Телия В.Н.* Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 559–560.
  14. *Orarina E.* Associative-paradigmatic relations in restricted collocations // 3rd International symposium on phraseology ISP-3, Stuttgart April 1st–4th, 1998: Proceedings of the symposium / Coord. a. ed. by Heid U. Stuttgart, 1998. P. 195–199.

**МИФОЛОГЕМА «ЦАРСТВО БОЖИЕ» КАК
СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В «ДУХОВНОМ
КОСМОСЕ» ПРАВОСЛАВИЯ
(ТЕОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ)¹**

В.И. Постовалова

**THE MYTHOLOGEME OF “THE KINGDOM OF HEAVEN”
AS A SYMBOLIC REALITY IN “THE SPIRITUAL COSMOS”
OF ORTHODOXY
(THEOLINGUOCULTUROLOGICAL REFLECTIONS)**

V.I. Postovalova

ABSTRACT

The paper dwells on two basic variants in which the anthropological paradigm of the study of language is realized in the modern humanities – immanent-anthropological and transcendent-religious. The author argues that within general linguoculturology there can be singled such special branch as confessional theolinguoculturology with its more specific subdivision into Orthodox Christian theolinguoculturology. The main ways of developing theolinguoculturology as a particular field of research that aims to explore the interplay between language, culture and religion are analyzed. The author focuses on the issue of metalanguage that is chosen for the study of theolinguocultural reality and introduces a new notion of ‘the spiritual cosmos’. Special attention is paid to the correlation of symbol and myth in the culture. To study this correlation, the mythologeme of “the Kingdom of Heaven” is analyzed as a spiritual reality within the framework of the Orthodox Christian tradition. The interpretations of the given mythologeme in different types of religious discourse are given. The research carried out appears rather relevant due to the increasing interest of modern linguistics and the humanities in the study of spiritual culture and its symbolic nature, the synergetic world-cognition as well as in the elaboration of realistic philosophy of language. The results obtained can shed more light on the role that the anthropological paradigm plays in the study of the interaction of language, culture and religion.

Keywords: linguoculturology; Orthodox theolinguoculturology; anthropological paradigm; epistemology; linguocultural and theolinguocultural reality; symbol; myth; metalanguage; the Kingdom of Heaven

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о соотношении символа и мифа в культуре на материале аналитического описания мифологемы «Царство Божие» как духовной реальности в православно-христианской традиции и истолкования данной мифологемы в разных типах религиозных дискурсов. Обосновывается целесо-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130). Курсивы принадлежат автору данной статьи.

образность выделения в составе общей лингвокультурологии особой дисциплины (раздела, направления) – конфессиональной теолингвокультурологии, направленной на изучение взаимосвязи языка, культуры и религии, а в ее составе – православно-христианской теолингвокультурологии. Обсуждается проблема выбора метаязыка для изучения теолингвокультурологической реальности.

Ключевые слова: лингвокультурология; православная теолингвокультурология; антропологическая парадигма; эпистемология; лингвокультурологическая и теолингвокультурологическая реальность; символ; миф; метаязык; Царство Божие

*Ибо царствие божие не пища и питие,
но праведность, и мир и радость во Святом Духе*
Рим 14. 17

1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ВОСХОЖДЕНИЕ К «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Творческий путь Вероники Николаевны Телия пришелся на один из самых сложных моментов в становлении науки о языке XX – начала XXI вв. – на период смены базисных парадигм изучения языка. Это было время осуществления перехода от *имманентной парадигмы* постижения языка «в самом себе и для себя», рассматривающей язык как автономное структурно-семиотическое образование, к *антропологической парадигме* изучения языка в тесной связи со всеми фундаментальными сторонами бытия человека – его мирозерцанием, сознанием, культурой и духовной жизнью.

В самосознании самих лингвистов такая смена парадигматики воспринималась как закономерный этап в формировании науки о языке. По мысли Луи Ельмслева, с именем которого связывается идея разработки наиболее радикальной версии структурно-семиологической парадигмы представления языка, имманентный подход был первым шагом на пути изучения языка в его полноте. Ельмслев утверждал, что «временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его *тайны*» [Ельмслев 1960: 381]. На заключительном же этапе «лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы в ее схеме и узусе, в ее всеобщности и ее индивидуальности, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка» [Там же].

И тогда, резюмирует Ельмслев, «лингвистическая теория достигнет той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» [Там же]. К осмыслению языка в свете этого «*humanitas et universitas*» в различных аспектах и ракурсах их проявления и приступает современная лингвистическая мысль, вставшая на путь антропологического подхода в изуче-

нии языка и создания новых комплексных дисциплин, к числу которых относится и активно развивающаяся в наши дни лингвокультурология.

Как утверждает Р.М. Фрумкина в своей программной статье «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?», одним из типичных проявлений расшатывания парадигмы является «выход науки за пределы уже освоенных территорий» [Фрумкина 1995: 84]. При этом «обнаруживается как бы “новая реальность”», для описания которой требуется и новый инструментарий, каковым становится «новый язык описания» [Там же]. Чтобы узреть такую новую реальность, замечает Фрумкина, «необходимо иметь о ней некоторое “предзнание”», а также, пусть даже и самые приблизительные, представления о метаязыке, «приемлемом для описания этой “новой реальности”» [Там же]. Ведь невозможно, например, выделить фонему, «не имея первоначального “предзнания” о том, что фонема – это абстракция, удовлетворяющая определенным априорным требованиям» [Там же].

Эти общеметодологические установки эпистемологической программы Р.М. Фрумкиной, касающиеся обнаружения и описания «новой реальности» при создании научных дисциплин на основе новых научных парадигм, легли в основу и лингвокультурологической концепции В.Н. Телия [Телия 2002]². «Лингвокультурология <...> выходит <...> в сферу взаимодействия языка и культуры. Она изучает “новую реальность” в русле формирующейся, новой же для лингвистики, антропологической парадигмы <...> рассматривающей языковые процессы как антропометричные – соответствующие языковой и культурной компетенции носителей языка как акторов речемыслительных процедур», – говорится в совместной статье В.Н. Телия и А.В. Дорошенко [Телия, Дорошенко 2010: 8].

Вопрос о природе реальности, изучаемой в науке, относится к числу сложнейших проблем эпистемологии, идет ли речь об установлении реальности лингвистической или же глобальной физической реальности. «Когда неспециалист говорит “реальность”, – замечает один из создателей квантовой механики Вольфганг Паули, – он обычно считает, что речь идет о чем-то самоочевидном и всем хорошо известном» (цит. по: [Копейкин 2014: 140]). Однако это не так, полагает Паули. Наиболее важной и чрезвычайно трудной задачей нашего времени, по его убеждению, является «разработка новой идеи реальности» [Там же]. Выявление и раскрытие невидимой реальности в науке предполагает поиск теоретических понятий как «новых органов восприятия», позволяющих обнаруживать новые грани этой реальности [Там же: 71].

В качестве такого «нового органа восприятия» и осмысления открывающейся реальности в лингвокультурологии в работах В.Н. Телия

---

² По мысли В.Н. Телия, свою «эпистемическую объемность объект лингвокультурологии обретает только при условии обращения в своей частной эпистемологии к фактам семиотически иноприродной языку предметной области культуры» [Телия 2002: 91].

выступает *категория символа*. В этом своем выборе Телия следует за Э. Кассирером, согласно которому человек, в отличие от обитателей животного мира, пребывает «не просто в более широкой реальности», но «живет как бы в новом измерении реальности», воспринимая реальность через посредство символов [Кассирер 1998: 471]. Согласно Кассиреру, человек как *homo symbolicus*, «погружен» в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы [Там же]. Он обитает в своей «символической Вселенной», или символическом универсуме, составляющими которого выступают язык, миф, искусство, религия [Там же].

В понимании В.Н. Телия, реальность, стоящая за лингвокультурологическими построениями, раскрывающими взаимосвязи языка и культуры, имеет *символическую (семиотическую) природу*. По выражению Телия, культура есть «семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира “символическая Вселенная”» [Телия 2004: 680]. Обитателем и творцом этого символического универсума и является *homo symbolicus* – «человек символический», в глубинах языкового сознания которого запечатлеваются, по выражению Телия, древнейшие формы «окультуренного» освоения мира³.

Антропологическая парадигма изучения языка при своей опытной реализации может осуществляться в двух вариантах – *имманентно-антропологическом* и *трансцендентно-религиозном*. В первом, наиболее распространенном случае, язык рассматривается в пределах имманентного существования человека, представляемого в его самодостаточном бытии. Во втором случае, реализующемся в религиозных концепциях, изучение языка происходит путем выхода за пределы имманентного человеческого существования в высшую – *теоантропокосмическую* – реальность, необходимым моментом которой выступает и язык. В этом втором случае «человек говорящий», или *homo loquens*, предстает как *homo religiosus* – «человек религиозный». В первом же случае считается невозможным или просто излишним активно вводить религиозный аспект в научно-теоретическое представление лингвистической реальности по причине неадекватности, непроницаемости или недоступности такого ее плана для научного познания.

В рамках трансцендентно-религиозного варианта развертывания антропологической программы изучения языка возможно создание особой дисциплины (раздела, направления) внутри лингвокультурологии – *конфессиональной теолингвокультурологии*, направленной на изучение взаимосвязи языка, культуры и религии, а в ее составе – *теолингвокультурологии православно-христианской*. Возможно развертывание также *общей лингвокультурологии*, включающей в свой состав и теолингвокультурологию как свой самостоятельный раз-

---

³ Подробнее о категории символа и его творческом осмыслении у В.Н. Телия см. в нашей работе [Постовалова 2013].

дел. Такая общая дисциплина не стала бы ограничиваться только каким-либо одним взглядом на культуру – конфессиональным или же секулярным. Собственно говоря, как подчеркивает А.Ф. Лосев: «Существует один и единственный опыт <...> В более насыщенной форме он проявляется как мистический опыт; в более пустой и внешней – как т[ак] н[азываемый] чувственный... Выбор той или иной интуиции, чувственной и сверхчувственной, в их бесконечных оттенках и разнообразии, зависит <...> от самих же интуиций <...> Интуиция здесь действует не логикой смысла, а силой смысла <...> Для ап[остола] Павла, конечно, наилучший аргумент в его религии, это – событие на пути в Дамаск» [Лосев 2013: 196].

При любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии остается в силе основной методологический постулат, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самодостаточные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека.

2. ТЕОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИСХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЯЗЫК ОПИСАНИЯ

Предметом осмысления теолингвокультурологии является особый тип реальности в составе теoантропокосмической действительности – *реальность теoлингвокультурологическая*. Согласно исходной позиции данной дисциплины, универсальную черту самосознания homo religiosus'a составляет тот факт, что объемлющей категорией в его жизненном мире признается не культура, а религия, выступающая источником, основанием и носительницей абсолютных смыслов. И, хотя культура и рассматривается как «совокупность *абсолютных ценностей*, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие» [Франк 2001: 43], она считается не источником и создателем таких абсолютных ценностей, но их воплощением и свободным творческим осмыслением. По одной из дефиниций, культура есть «совокупность безграничного по своему содержанию и, следовательно, *свободного творчества воплощения абсолютных ценностей*» [Франк 1996: 558].

По лаконичному определению А.Ф. Лосева, культура есть «прежде всего творчество жизнепонимания» [Лосев 1993б: 550].

В религиозном самосознании, абсолютные смыслы культуры обретаются в мистических опытах Богооткровения. Для определения таких абсолютных ценностей, бытующих в культурном самосознании, и их истоков необходимо выйти уже за пределы культуры в область ее религиозно-мифологических оснований – в мир религиозного духовного опыта и конфессионального мирозерцания, имеющего надязыковой,

наднациональный и надкультурный характер. Религиозное мирозерцание, касающееся глубинных миропредставлений человека, не определяется в своей сути ни языком, ни культурой (как общенациональной, так и конфессиональной), но, имея духовно-опытное происхождение, само определяет их.

Такой статус культуры в иерархии взаимосвязи духовного опыта, языка, религии и культуры в религиозном самосознании православия лаконично выражен в следующем тезисе П.А. Флоренского: «Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура» – человеческая деятельность, которая «существенно словесна» [Флоренский 1994: 39; 2004: 410]. Всякая культура, в видении Флоренского, «представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную» [Флоренский 1994: 39]. То есть «служит некоторому предмету веры», – резюмирует Флоренский.

Подобное воззрение на приоритетный статус религии в мире человека отличается от более привычного понимания, принятого в семиотике культуры, согласно которому культура рассматривается как «автономная сфера бытия, развивающаяся по своим собственным имманентным законам <...> самоорганизующейся информационной (семиотической) системы *sui generis*» [Степанов 1999: 8]. В составе этой семиотической системы, наряду с другими типами, описываются и сакральные (религиозные) смыслы. По одной из современных дефиниций духовной культуры, она есть «смысловая система человеческой жизнедеятельности», содержащая в качестве своей разновидности и религию как «систему сакральных смыслов» [Культурология 1997: 377].

Один из сложнейших методологических вопросов общей лингвокультурологии касается понимания того, стоит ли за теоретическими построениями в данной дисциплине онтологическая реальность или же такие построения суть лишь теоретические конструкты исследователя. Реалистическая эпистемология, принимаемая в теолингвокультурологии, избирает первый подход. П.А. Флоренский так поясняет взаимоотношение откровения и реальности при данном подходе на примере определения эпистемологического статуса «идеи» у Платона. Он пишет: «Открыта может быть некая реальность, до тех пор, по условиям своего бытия или по условиям бытия того, кому она открывается, – сокрытая от него. Но и до открытия, и после открытия эта реальность есть нечто от познающего ума независимое, – не модус ума, а бытие объективное <...> Открываемая, т. е. в дан[ном] случае открываемая Платоновская “идея” (или откровенная) – в вечности. Она была, есть и будет и во времени лишь открывается» [Флоренский 1999: 319].

Между тем в современном мышлении такое представление становится проблематичным. «Неверие в реальность пронизывает и философию и гуманитарные и фундаментальные науки. В каждой из этих дисциплин это неверие имеет различные аспекты применимости и различ-

ный смысл», – замечает прот. А. Геронимус и связывает подобное отрицание реальности с отдалением от Бога, воспринимаемого в православии как «единственный Источник реальности» [Геронимус 2002: 98]. Опираясь на учение преп. Максима Исповедника, согласно которому символы реальности «премяются» на причастие самой реальности лишь в конце движения творения к своим логосам, Геронимус утверждает, что при таком видении «реальность является не наличной, но всегда искомой» [Там же]. В этом рассуждении прот. А. Геронимуса, богослова и математика, предлагается третья позиция относительно статуса реальности, стоящей за научными построениями.

Православно-христианское мирозерцание есть *символический реализм*, согласно которому сверхчувственная духовная реальность открывается человеку в символах, имеющих онтологическую (реалистическую) природу. По одной из дефиниций, принадлежащих В.Н. Топорову, символ есть «такой знак высшей энергии, который не просто сигнализирует о явлении, но сам обнаруживает себя как это явление, как своего рода эпифания, прорыв феноменального слоя силою иной природы» [Топоров 2004: 381]. Говоря о том, что Литургия есть символ и выражается в символах, прот. А. Шмеман называет символом «реальность, которая не может быть выражена, явлена в категориях “мира сего”, то есть чувственно, эмпирически, видимо» [Шмеман 2006: 391]. Реальность, называемая им «тбинственностью», присуща всему творению, но человек перестал ощущать и опознавать ее в «падшем “мире сем”» [Там же].

Символ, по выражению Вяч. Иванова, подобно солнечному лучу, «прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности» [Иванов 1994: 143]. Не будучи «условными человеческими измышлениями», символы, как полагает Иванов, выявляют во Вселенной «предмирные знаки, вчечаненные в сокровенную сущность вещей, и как бы *тайный язык*, посредством которого осуществляется общение» [Иванов 1974: 664]. Символ тесно связан с мифом как своим смысловым развертыванием. «В каждой точке пересечения символа как луча нисходящего со сферою сознания, – пишет Иванов, – он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе» [Иванов 1994: 143].

Смысловое же развертывание мифа осуществляется в культуре, в основе которой, как это обосновывается в философии культуры А.Ф. Лосева, всегда лежат определенные мифы. По его утверждению, миф есть наиболее полное выражение того мира, который «открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию» [Лосев 1993а: 773]. В мифе конденсируется «весь смысловый экстракт данной культуры» [Лосев 2001: 476].

Совокупность всего открываемого и переживаемого в Богопознании, осмысливаемого в вероучении и культуре и воплощаемого в жизненной практике образует то, что метафорически можно назвать «*духовным*

космосом» православия. Или символической обителью «человека православного» (ἄνθρωπος ὀρθόδοξος). Частично пересекаясь в концептуальном плане с «символическим универсумом» Кассирера, духовный космос православия охватывает собой все многообразие бытования символических форм в его разных сферах – религиозно-мистической, жизненно-практической, культурно-исторической.

Основу мирозерцания и жизнедеятельности «человека религиозного» составляет *религиозная картина мира*, запечатлевающая его видение реальности и жизненного мира с позиции конкретного конфессионального вероучения. В православно-христианской картине мира, воссоздаваемой усилиями богословов, религиозных философов и культурологов, выделяют несколько модусов представления реальности. Согласно С.С. Аверинцеву, различаются три таких модуса [Аверинцев 1997: 110–113]. Первый модус – *исторический*, или *временной*. В нем противопоставляются друг другу «век сей» и «век будущий» (настоящее и грядущее). Второй модус – *космологический*, или *пространственный*, где противопоставляются друг другу «мир земной» и «мир небесный». Третий модус – *онтологический*, или *философский (логический)*, где противопоставляются друг другу материя и дух, мир чувственный и мир умопостигаемый, а также категории времени и вечности. Все три модуса, по выражению Аверинцева, сопряжены в «единой символической системе как взаимозаменяемые смысловые эквиваленты» [Там же: 112].

В видении православно-христианского мирозерцания, реальность по вертикали членится на два яруса – нижний (*земной*) и верхний (*небесный*). Данные ярусы представляют два «мира» – «мир посюсторонний» и «мир потусторонний» в их тесной взаимосвязанности (взаимопроникновенности). Первый ярус образует смысловое триединство «век сей – мир земной – время». Второй ярус образует смысловое триединство «век будущий – небесный мир – вечность». Отмеченные смысловые единства, равно как и частично перекрывающее их глобальное противоположение «тварное – нетварное», образуют основной контекст для объективации важнейших воззрений человека на бытие и его положение в мире, возникающих в сознании «человека религиозного» в актах мирозерцания и творческого осмысления в культуре образов первичного бытия – природного, человеческого и Божественного.

Одной из сложнейших задач теолингвокультурологии как нового направления в составе лингвокультурологии является *формирование языка (метаязыка)* для изучения и описания теолингвокультурологической реальности.

Формирование метаязыковой системы при создании новых комплексных дисциплин осуществляется обычно на основе трансферирования – переноса и адаптации терминов из разных терминологических систем и традиций словоупотребления. Стратегии и глубина такой адаптации зависят от того, воспринимается и проектируется ли созда-

ваемая новая дисциплина как *самостоятельная* синтетическая дисциплина или как *комплексное объединение* различных дисциплин и направлений, их известная встреча и диалог в некоем общем коммуникативно-дискурсивном пространстве познания и общения.

В первом случае в центре внимания находится задача выработки самостоятельного языка описания для создаваемой синтетической дисциплины на базе метаязыков объединяемых дисциплин. Во втором случае актуальным становится установление взаимопонимания в коммуникационно-дискурсивном пространстве, где представление изучаемой реальности происходит на разных языках: мистики и аскетики, символов и архетипов, религиозного и культурного мифотворчества⁴. В этом случае, который в ходе становления нового научного направления часто предваряет первый, возможно более свободное пользование общей терминологией. Без уточняющих смысловых модификаций при использовании терминов. И без особой рефлексивной работы по гомогенизации теоретического пространства изучаемой теолингвокультурологической реальности.

В современной теолингвокультурологической мысли представлены обе установки при изучении взаимосвязи языка, культуры и религии – «комплексная» и «синтетическая». И это созвучно двум общим тенденциям в современном познании.

Первую тенденцию составляет установка на стирание границ между отдельными науками и формирование общего коммуникативного пространства по обсуждению важнейших проблем в познании. Как отмечал в середине прошлого века В.И. Вернадский в своей незаконченной монографии «Научная мысль как планетное явление»: «... рост научного знания XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по *проблемам*. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой, – расширять охват его со всех точек зрения» [Вернадский 1977: 54].

Другую тенденцию нашего времени, связанную с «антропологическим поворотом» в современном познании, составляет стремление к обретению утрачиваемой цельности человеческого духа, когда, по словам философа и логика Е.П. Никитина, «духовный мир, некогда такой гармоничный и единый, по сути, превратился в разбегающуюся вселенную» [Никитин 1991: 5].

В русле этой второй установки находится стремление теолингвокультурологической мысли осознать и выразить восприятие духовно-

---

⁴ Вопросы о соотношении языка, культуры и религии касаются, помимо собственно теологических дисциплин (догматика, экзегетика, гомилетика и др.), христианская антропология, религиоведение (конфессиональная компаративистика), религиозная философия. А среди дисциплин секулярной направленности – общая семиотика, концептология, дискурсивно-коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика с ее языком компьютерных метафор и др.

го космоса православия и его реалий *изнутри* целостного православно-христианского мирозерцания в свете «внутреннего видения» разных его планов: сферы Откровения и его восприятия, выражения в вероучении, осмысления и развертывания в культуре, а также реализации в жизненном опыте.

Каждый из двух путей развертывания теолингвокультурологии содержит свои трудности, с которыми сталкиваются и при попытке теолингвокультурологического описания базисных библеизмов, касающихся важнейших событий Священной Библейской истории и их осмысления в «духовном космосе» православия.

К числу таких библеизмов, представляющих собой абсолютную ценность для $\alpha\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\varsigma \omicron\rho\theta\acute{\omicron}\delta\omicron\varsigma$, относится «Царствие Божие», именуемое в Новом Завете также «Царствием Небесным» или просто «Царствием» («Царством»). В различных истолкованиях Царство Божие именуется также Градом Божиим и Небесным (Новым) Иерусалимом, «символически представляющем Вечное Царство» [Геронимус 2014: 367].

3. «ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ» В САМОСОЗНАНИИ ПРАВОСЛАВИЯ

В рефлексивном осмыслении метатеолингвистики, «Царствие Божие», рассматриваемое с позиций эпистемологии, предстает как «мифологема» (от др.-греч. $\mu\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$ – ‘сказание’, ‘предание’ и др.-греч. $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ – ‘мысль’, ‘причина’), под которой понимается базисная составляющая религиозно-мифологического дискурса (в данном случае – библейского дискурса) как текста особого рода, за которым стоит свой особый концептуальный «мир» и своя особая «ментальность».

Слово «мифологема», как полагают историки культуры, было впервые употреблено в работе К. Кереньи и К.Г. Юнга «Введение в сущность мифологии» (1941) для именованя архаических повествований мифологического характера. Там говорилось: «Искусство мифологии определяется своеобразием своего материала. Основная масса этого материала <...> содержалась в повествованиях о богах и богоподобных существах, героических битвах и путешествиях в подземный мир – повествованиях (“*мифологема*” – *вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения*), которые всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества» [Кереньи, Юнг 1996: 13].

Впоследствии термин «мифологема» как синоним термина «миф» стал широко использоваться для обозначения различных мифологических сюжетов, а также универсальных образов в культурах народов мира. В современном гуманитарном познании термин «мифологема» входит в один терминологический ряд с «эмическими единицами» филологических наук (типа фонемы и морфемы в лингвистике), «философемами» культурологии, а также символами и «архетипами» аналитической психологии К. Юнга. Как утверждает у К. Кереньи и

К. Юнга: «Если речь идет о подлинной мифологеме, то этот смысл есть нечто, что не может быть так же хорошо и так же полно выражено немифологическим путем» [Там же: 14]. Содержание религиозного мифа наиболее адекватным образом передается с помощью религиозных символов, известных своей многозначностью, и затем интерпретируется в культуре. Размышляя над гносеологическим статусом мифа, и, прежде всего, мифа религиозного, С.Н. Булгаков отмечает особое – срединное – положение его в пространстве познания между областями «небесного» и «земного». По словам Булгакова, «содержание мифа относится к области бытия божественного, на линии соприкосновения с человеческим» [Булгаков 1994: 61]. Это позволяет мифу, выступая в качестве «орудия религиозного ведения», служить в то же время и основанием культуры. Хотя «остов религиозного мифа, существенное его содержание не создается мышлением и не творится воображением, а рождается в религиозном опыте», утверждает Булгаков, однако то, что «отлагается в сознании в форме мифа, вступая в общее человеческое сознание, затрагивает все способности души, может становиться предметом мысли, научного изучения и художественного воспроизведения» [Там же].

Это наблюдается и при осмыслении мифологемы «Царствия Божия». «Каково последнее задание культуры?» – задается вопросом прот. С. Булгаков и отвечает: «Задача культуры – дело богочеловечества, т. е. очеловечение мира и обожение человека. В этом смысле задание культуры совершенно беспредельно <...> Недостижимый предел культурного творчества есть *Царство Божие*» [Булгаков 1993: 642]. А православный богослов Парижской школы П.Н. Евдокимов поясняет: «Если каждый человек, образ Божий, является Его (Христа – *В.П.*) живой иконой, то культура есть *икона Царствия Небесного*» [Евдокимов 2002: 444].

Как же понимается в православном духовном космосе эта таинственная реальность – благовестуемое в Евангелии и истолковываемое в бесчисленных святоотеческих творениях «Царство Божие», «иконой» которого и выступает, по Евдокимову, культура?

Сопряжение Священного Писания Нового Завета и Священного Предания, представляемого святоотеческими творениями, здесь не случайно. Оно выражает важнейший *синергийный принцип библейской экзегезы*, базирующийся на представлении о богооткровенности Библии и нерасторжимости для церковного сознания Писания и Предания. Согласно современной богословской интерпретации В.Н. Лосского, «если Писание и все то, что может быть сказано написанными и произнесенными словами, литургическими изображениями или иными символами, если все это – различные способы выразить Истину, то Священное Предание – единственный способ воспринимать Истину» [Лосский 2000: 525]. Священное Писание как слово Божественного Откровения для православно-христианского самосознания «богодухновенно» (2 Тим 3. 16). Согласно принципу синергии, постижение Библии как богооткровенного текста предполагает известную «богодухновенность»

и ее прочтения. По словам Лосского, Предание есть «жизнь Духа Святого в Церкви – жизнь, сообщающая каждому члену тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей сиянии, а не в естественном свете человеческого разума» [Там же].

Суммируем кратко основные черты мифологемы «Царствия Божия» как духовной реальности в православно-христианской духовной традиции, а также основные принципы такого видения, опираясь на некоторые опыты истолкования данной мифологемы в мистическом и литургическом богословии, аскетике, гомилетике (церковной проповеди), духовной поэзии и религиозной философии. В каждом из таких толкований привносятся свои акцентуации в воссоздаваемый соборными усилиями образ Царствия Божия.

Общим для всех этих истолкований является то, что осмысление мифологемы «Царства Божия» осуществляется в контексте Священной истории⁵, основные вехи которой, раскрывающие восхождение человека к Богу (а в лице человека и всего творения) на пути спасения, составляют Творение, Рай (Эдем), Грехопадение, Богочеловек (Воплощение), Конец мира, Парусия (или Второе Пришествие Христа), Всеобщее Воскресение и Суд, а также Восстановление (создание «нового неба и новой земли»). И, наконец, «новая жизнь, “пакибытие” новой твари, свободной от греха и смерти и собранной “под главою Христом” (Еф 1. 10)» [Хоружий 2012: 121]. Именно этот последний момент и связывают обычно в первую очередь с идеей Царства Божия как жизни вечной и как *состояния бытия*, в котором воцарился «бесконечно прекрасный замысел Творца» [Мень 2005: 189].

В видении христианства Царство Божие не совпадает по своему содержанию с Раем (или Эдемом), рассматриваемым в святоотеческой традиции как «притвор» Царства Божия [Евдокимов 2002: 464]. В динамическом видении православия Рай, понимаемый духовно как блаженное состояние души, не разделенной с Богом, не является тождественным Царству Божию, завершающую этот ряд. Оно рассматривается как «утро человечества». В раю, как развивает эту мысль прот. А. Геронимус: «еще не было ни грехов, ни ран, ни битв, а в Царство Божие не только Сам Христос, но и все мученики входят со свидетельствами тех страданий, тех подвигов, которые они пронесли через свою земную жизнь. Царство Божие содержит в себе искупленную кровью Христовой и удобренную кровью мучеников всю историю человечества от начала до конца» [Геронимус 2014: 336]. Царство Божие противопоставит по своему существу Аду, понимаемому духовно как вечная смерть и состояние «абсолютного противления» Божественному замыслу [Флоровский 1998: 464].

---

⁵ О возможности понимания Священной истории как Мифологии см. [Лосев 2001: 349].

В религиозно-философской интерпретации С.Л. Франка, развивающей сходное понимание, Царство Божие предстает как «воплощение уже сущего и вечного господства благой воли Божией “на небесах”, т. е. в онтологических глубинах бытия» [Франк 1998: 78]. Оно понимается как «некий вечный внутренний строй бытия», суть которого – «имманентная укорененность человеческого бытия в реальности Бога» [Там же]. Евангельская весть свидетельствует, что Царствие Божие есть вечная небесная родина человека и его вечное достояние, открывая вместе с тем и то, в чем состоит «совершенное, просветленное и преображенное состояние бытия» [Там же: 77].

И хотя «Царство Божие едино, как един Бог» [Ильин 1999: 104], в святоотеческой традиции в разных контекстах его раскрытия оно именуется по-разному. То как Царство Бога Отца (Царство Небесного Отца). То как Царство Христово (Христа). То как Царство Святой Троицы. То как Царство Отца и Сына и Святого Духа. Как пишет Иларион Святогорец: «Там, где Божия благодать, там Царство Отца и Сына и Святого Духа» [Иларион Святогорец 1995: 21-22]. И поясняет: «... святой Григорий Палама, “проповедник благодати”, есть тем самым проповедник Царствия Божия, благовествование которого есть альфа и омега Нового Завета» [Там же]. Иногда Царство Божие отождествляют с Третьим Лицом Пресвятой Троицы – с Духом Святым.

По мысли прот. А. Геронимуса, прообразом Царства Небесного является «Сошествие Духа на Иордане» [Геронимус 2014: 170]. Говоря о том, что «мистическое восхождение направляет душу к Царствию Божию», П.Н. Евдокимов утверждает, что «отцы Церкви называют Святой Дух Царством Божиим» [Евдокимов 2002: 170, 464]. Так полагал преп. Серафим Саровский, который говорил Н.А. Мотовилову: «... благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: “Царство Божие внутри вас есть”. Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие внутри вас теперь и находится <...>» (цит. по: [Ильин 1999: 93]). Так же полагал и старец Силуан Афонский: «Если бы все люди покаялись и хранили заповеди Божии, то рай был бы на земле, ибо “Царствие Божие внутри нас”. Царствие Божие есть Дух Святой, а Дух Святой и на небе и на земле тот же» [Старец Силуан 1996: 304].

Согласно православному вероучению, Царство Христово выступает в трех своих ипостасях: как *Царство природы* (весь мир). Как *Царство Благодати*, или внутреннее Царство в сердце человека (собрание верных на земле, или Церковь). И грядущее *Царство Славы* (все блаженные на Небесах, т. е. праведные, святые) (см. [Филарет Дроздов 1995: 39; Давиденков 2000: 182; Геронимус 2014: 174]).

Полнота Откровения о Царстве недостижима для человека. Она всегда лишь «отчасти». Духовная сфера «Царства Святой Троицы» остается таинственной. Она не может быть адекватно выражена на человеческом языке.

Процессы такого выражения сталкиваются с ограниченными возможностями человеческого языка и логики для передачи Откровения. Как замечает архим. Софроний (Сахаров): «Человеческий язык никому не давал возможности адекватно выразить ни духовный опыт, ни принесенное Христом познание о Боге» [Софроний Сахаров 2000: 27]. Это объясняется тем, что «все языковые понятия наши выработаны в связи с эмпирической действительностью; они выражают или отношения, или энергии» и «выразить созерцаемую нами Божественную реальность они не могут, потому что или вносят слияние несводимых одна на другую Ипостасей или разделение их – трибожие» [Там же: 179]. Сходное отмечает и П.Н. Евдокимов, который пишет: «Но язык мистиков в тех немногих писаниях, которые они оставили, отличен от языка богословов. Мистики говорят в терминах опыта и причастности. Перевести их на язык логической системы невозможно» [Евдокимов 2002: 168].

Для самосознания православия Царство Божие – *абсолютная реальность*. Как выражает такое мироощущение архим. Софроний (Сахаров): «И когда сердце наше становится чистым (Мф 5. 8), тогда вселяются в нас и Отец, и Сын, и Дух Святой, и мы вводимся в непоколебимую реальность Божьего Царства, где неисповедимое величие слито воедино с соответствующим ему смирением и кротостью» [Софроний Сахаров 1991: 26].

Характерным признаком Царства Славы и его вечного существования, в святоотеческом истолковании, является *благодарение, прославление Бога и духовное созерцание*. «В грядущем Царстве Христа составным элементом явится неугасимое пламя благодарности Господу Иисусу, спасшему нас Своими страданиями. Так мы вечно пребудем в восхищении от созерцания всего “дела” Его (Ин 17. 4)», – утверждает архим. Софроний (Сахаров) [Софроний Сахаров 2000: 100–101]. «Быть в этом состоянии чистого ума, который стоит непрестанно пред лицом Абсолютного Бога, – вот в чем действительно “Пришедшее в силу Царство Небесное”», – полагает он, обращаясь к словам апостола Марка о том, что некоторые «не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу» (Мк 9. 1) [Софроний Сахаров 2007: 77].

Духовное созерцание в Царстве сопровождается состоянием вечного и ничем не помрачаемого *блаженства*. В представлении св. Василия Великого, блаженное состояние праведников после страшного Суда явится результатом «лицезрения Божья в радости» и «знания лицом к лицу» (цит. по: [Макарий Окснюк 1999: 233]). В видении свт. Григория Нисского, небесное блаженство будет заключаться в «созерцании божественной природы», или в «познании Истинно-Сущего» [Там же: 340]. Такое небесное блаженство, по словам св. Григория Богослова, будет состоять в совершеннейшем познании и созерцании «святой и царственной Троицы, Которая тогда будет озарять (их души) яснее и чище» и «всецело соединится с полным умом», в чем одном собственно и состоит, как полагает он, Небесное Царство [Там же: 250].

С представлениями о Царстве Славы неразрывно связаны темы *Света* и *Имени Божия*. Как утверждает св. Василий Великий, для праведников, достигших Царства, «Сам Бог будет <...> вечным светом, озаряя их сиянием Своей славы» [Там же: 233]. «Прелюдией» ко грядущему Царству святые отцы называли Фаворский свет [Иларион Святогорец 1995: 24]. Когда же с призыванием Имени Иисуса соединяется пришествие Несозданного Света, замечает архим. Софроний (Сахаров), «тогда особенно ясно открывается значение сего Имени» [Софроний Сахаров 1991: 193]. Оно «становится ключом, отверзающим двери в Царство Божие» [Захария 2002: 269].

В самосознании православия, Царство Божие есть Царство «всецелой любви». Оно – *Божественная Любовь*. «Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обетовал Апостолам, что вкусят ее в царстве Его», – утверждал преп. Исаак Сирий [Исаак Сирий 1993: 398]. «Мне представляется, – говорил архим. Софроний (Сахаров), – что “вечные муки” (во аде – *В.П.*) <...> в том, что мы окажемся недостойными войти в Святое Царство Любви Божией» [Софроний Сахаров 1985: 57]. По словам старца Силуана Афонского, «кто имеет любовь на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною» [Старец Силуан 1996: 339]. И «кто больше любит Бога на земле <...> тот сильнее стремится к Богу, тот ближе будет к Нему. Каждый будет прославлен в меру любви своей» [Там же: 301].

В видении преп. Иоанна Кронштадтского, Царство Небесное есть «святость, правота, чистота, воздержание, молитва, целомудрие, любовь к Богу и ближнему» [Симфония 2007: 724]. И оно «силою берется, то есть силою благодатной помощи Божией и собственным усердием» [Там же]. Но «не открываются нам врата Царствия Небесного, раз мы не стучались делами во врата добродетелей; не вкушаем наслаждения вечных благ, раз не просили в молитве благодати ведения», – замечает преп. Максим Исповедник в одном из своих писем [Максим Исповедник 2007: 87]. Но – «не имели ни малой любви к Божественному, но, приковав ум к земным вещам, их порчей испортили и всю свою жизнь. Все земное прошло и исчезло, как дым, а наша вина осталась неизбывно навсегда» [Там же]. «Заграждают вход в Царствие Небесное житейские страсти и похоти наши: злоба, гнев, ненависть, зависть, невоздержание, нечистота, жестокосердие и немилосердие», – утверждает св. Иоанн Кронштадтский [Симфония 2007: 722].

Путь в Царство Небесное лежит через *исполнение заповедей и крестоношение*. «Многими скорбями и смертьми подобает нам наследовать Царствие Небесное, да умертвится наш ветхий человек <...> и да соделается сердце способно к приятию Божественной благодати», – пишет св. Игнатий Брянчанинов [Игнатий Брянчанинов 1995: 242]. «Все, что заповедал Господь (Мф 28.20), надо в точности исполнять, ибо это есть путь в Царство Небесное, где будем видеть Бога», – говорит старец Силуан [Старец Силуан 1996: 365]. Всякий же грех препят-

ствует пути в Царство. Он есть «преступление против вечного Царства Света и Любви» [Захария 2002: 124].

Каким же образом «приходит к человеку Царствие Божие в этой жизни?» – задается вопросом преп. Иоанн Кронштадтский и отвечает: «Через сердечное *покаяние*» [Симфония 2007: 720]. Покаяние, по выражению преп. Исаака Сирина, есть «трепет души перед вратами Царства» (цит. по: [Евдокимов 2003: 214]). Оно «направлено на то, чтобы выявить грех в его онтологической глубине и таким путем исцелить всего человека: восстановить связь его жизни с онтологическим планом жизни в Царстве Божием» [Захария 2002: 258]. «Когда Бог будет во всех мыслях, желаниях, намерениях, словах и делах человека, тогда приходит <...> к нему Царствие Божие», – заключает преп. Иоанн Кронштадтский [Симфония 2007: 720]. По православно-христианской вере, «смирненная любовь Христова <...> освобождает падших и открывает им Царство Небесного Отца» [Захария 2002: 196].

* * *

Величайшее знание – это знание того, что мы окружены тайной.
Альберт Швейцер. Жизнь и мысли.

В завершение своей статьи об эпистемологии лингвистики, к идеям которой обращалась В.Н. Телия в своих поисках новой реальности в лингвокультурологии, Р.М. Фрумкина приводит слова философа М.К. Мамардашвили о нашей «способности к объективному видению и пониманию, не имеющими предела в каком-либо конечном, окончательном знании...» [Фрумкина 1995: 113]. И в свете такого понимания оставляет финал своего очерка об эпистемологии лингвистики «открытым». Такими же «открытыми» для будущих исследований являются многие работы Вероники Николаевны Телия, творческая мысль которой была направлена на поиск новых путей к постижению сокровенных тайн лингвокультурологической реальности.

Литература / References

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. – 343 с.
2. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. – 416 с.
3. *Булгаков С.Н.* Сочинения в 2 тт. М.: Наука, 1993. Т. 2. Избранные статьи. – 752 с.
4. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. В 2-х книгах. Книга вторая. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. – 192 с.
5. *Геронимус А., прот.* Рождение от Духа. Что значит жить в православном Предании. М.: Никея, 2014. – 496 с. («Встречи с Богом»).
6. *Геронимус А., прот.* Современное знание в свете антропологии преподобного Максима Исповедника // Богословская конференция русской православной Церкви. Учение Церкви о человеке. 5–8 ноября 2001 г. Материалы. 2002. С. 84–105.
7. *Давиденков О., иерей.* Катихизис. М.: ПСТБИ, 2000. – 232 с.
8. *Евдокимов П.[Н.]*. Православие. М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2002. – 500 с.

9. *Евдокимов П.[Н.]*. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. М.: Свято-Филаретовская высшая православно-христианская школа, 2003. – 229 с.
10. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
11. *Захария (Захару), архим.* Христос как путь нашей жизни. Введение в богословие старца Софрония (Сахарова). Свято-Иоаннно-Предтеченский монастырь, Эссекс: Издательство ЛЕПТА–ПРЕСС, 2002. – 400 с.
12. *Иванов Вяч. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. – 428 с. (Серия Мыслители XX века).
13. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. II. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – 852 с.
14. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.; СПб.: Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995. – 847 с.
15. *Иларион Святогорец, иером.* Исповедание православной веры святого Григория Паламы. М.: Изд. Подворья в Москве Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря, 1995. – 30 с.
16. *Ильин В.Н.* Преподобный Серафим Саровский. М.: Христианское издательство, 1999. – 152 с.
17. *Исаак Сирий, преп.* Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1993. – 522 с.
18. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. – 781 с.
19. *Кереньи К., Юнг К.Г.* Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
20. *Копейкин К., прот.* Что есть реальность? Размышления над произведениями Эрвина Шрёдингера. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. – 138 с.
21. *Культурология: XX век: Словарь.* СПб.: Университетская книга, 1997. – 631 с.
22. *Лосев А.Ф.* <О единстве онтологии > // София. Альманах. Вып. III. Евразийство и А.Ф. Лосев: Миф и эйдос в русской мысли. Уфа, 2013. С. 181–268.
23. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993а. – 959 с.
24. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. – 558 с.
25. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993б. – 960 с.
26. *Лосский В.Н.* Богословие и Боговидение. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 2000. – 632 с.
27. *Макарий (Оксиук), митр.* Эсхатология св. Григория Нисского. М.: Паломник, 1999. – 674 с.
28. *Максим Исповедник, преп.* Письма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 285 с.
29. *Мень А., прот.* Верую... Беседы о Никео-Царьградском Символе Веры. М.: Храм святых бессеребренников Космы и Дамиана, 2005. – 191 с.
30. *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991, № 8. С. 3–12.
31. *Постовалова В.И.* Символ и реальность в православном богослужении // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 83–103.
32. *Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского.* М.: «ДАРЪ», 2007. – 768 с.
33. *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога как Он есть. Essex: STAVROPEGIC MONASTERY OF ST. JOHN the BAPTIST, 1985. – 255 с.
34. *Софроний (Сахаров), архим.* Духовные беседы. Т. 2. Эссекс-Москва: Св. - Иоанно-Предтеченский монастырь. Издательство «Паломник», 2007. – 336 с.
35. *Софроний (Сахаров), архим.* Рождение в Царство непоколебимое. – М.: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Паломник, 2000. – 224 с.
36. *Софроний (Сахаров), архим.* О молитве: Сборник статей. Paris: Ymca Press, 1991. – 207 с.
37. *Старец Силуан Афонский.* М.: Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в г. Москве, 1996. – 464 с.

38. *Степанов Ю.С.* Краткая справка о системе взглядов // *Философия языка: в границах и вне границ.* Харьков: Око. [Т. 3–4]. 1999. С. 8–13.
39. *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // *С любовью к языку: Сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой.* М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 89–97.
40. *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
41. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурология в системе научного знания: методология, принципы, гипотезы // *Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2 т. М.; Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. Язык. Ментальность. Культура. С. 5–12.*
42. *Топоров В.Н.* Имя как фактор культуры (на злобу дня) // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
43. *Филарет (Дроздов), митр.* Пространный христианский катихизис православной кафедральной восточной Церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 104 с.
44. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4-х т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. – 621 с..
45. *Флоренский П., свящ.* Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1994. – 799 с.
46. *Флоренский П.А., свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. – 685 с.
47. *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. – 488 с.
48. *Франк С.Л.* Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 592 с.
49. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. – 738 с.
50. *Франк С.Л.* Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998. – 256 с.
51. *Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца 20 века.* М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 74–117.
52. *Хоружий С.С.* Исследования по исихастской традиции: В 2 т. Т. 1. К феноменологии аскезы. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 240 с.
53. *Швейцер А.* Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. – 528 с.
54. *Шмеман А, прот.* Литургическое богословие. СПб.: Изд-во «Библиополис», 2006. – 440 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ: ОТ ПРЕДМЕТНОСТИ К АССОЦИАТИВНОСТИ

М.Ю. Сидорова, П.П. Гостев

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF IMAGE DESCRIPTION: FROM OBJECTS TO ASSOCIATIONS

M.Yu. Sidorova, P.P. Gostev

ABSTRACT

The article presents some results of human image description analysis in the communicative grammar paradigm. Linguistic analysis of image descriptions is relevant 1) for confirmation, expansion and correction of associative dictionaries; 2) for studies of non-visual (e.g. evaluative) meaning transfer via images; 3) for the enhancement of human-likeness of computer-generated texts as well as for linguistic creativity studies. The experiments discussed in the article allow to distinguish between three communicative strategies selected by speakers performing an image description task formulated in questions «What do you see?» and «What is in the picture?». The study shows that while the literal strategy respondents answer the posed questions by putting together within a syntactic structure the names of visual entities represented in the picture, the expanded and associated strategy responses may result from subjective reformulation of the task which impacts on the selection and combination of semantic and lexical components.

Key words: Russian language; image description; speech modeling; communicative strategies; associations

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования являются описания изображений, полученные экспериментальным путем и проанализированные в парадигме коммуникативной грамматики. В статье обосновывается значимость лингвистического изучения подобного материала для моделирования речевой деятельности и характеризуются три стратегии, использованные респондентами при описании изображений: буквальная, расширенная и ассоциативная. Использование говорящими расширенной и ассоциативной стратегий при выполнении задания, сформулированного как требование ответить на вопросы «Что вы видите?» или «Что на картинке?», рассматривается как результат внутреннего переформулирования этих заданий. Результаты исследования могут быть использованы для подтверждения, расширения и корректировки данных ассоциативных словарей; для изучения передачи невизуальных смыслов, в том числе оценочных, с помощью изображений; для разработки методов приближения текстов, генерируемых компьютером, к человеческим, а не просто человекоподобным (при условии, если такая задача рассматривается); для исследования языковых проявлений творческой способности.

Ключевые слова: русский язык; описание изображений; моделирование речевой деятельности; коммуникативные стратегии; ассоциации

На протяжении всей профессиональной деятельности предметом интереса проф. В.Н. Телия были те аспекты языковых единиц и категорий, в которых отражается «многомирие» человеческого существования, изучение которых приближает нас не только к лучшему пониманию языковой материи, но и к познанию сложного взаимодействия человеческой психики и окружающей реальности, субъективного и объективного. Исследования коннотативного аспекта семантики языковых единиц [Телия 1986], сущности и языковых механизмов экспрессивности [Телия 1991], языковой картины мира [Телия 1988] – это только некоторые из направлений научных поисков проф. Телия, расширяющие рамки традиционной лингвистики и приближающие ее к бахтинскому идеалу основной гуманитарной науки о человеке. На пути к этому идеалу особое значение приобретает осмысление языкового материала во всей его сложности и полноте как воплощения речевой деятельности говорящих, их осознанных коммуникативных целей и неосознаваемых индивидуальных особенностей. Известно, однако, что реальный языковой материал, извлекаемый из имеющихся в нашем распоряжении устных и письменных текстов или получаемый экспериментальным путем, не всегда «готов» подтвердить гипотезу исследователя или аккуратно уложиться в предлагаемые классификационные рамки.

Если профессиональному лингвисту сказать, что два столбика следующей таблицы (см. табл. 1) представляют собой ответы респондентов одной выборки, полученные по одному и тому же экспериментальному заданию, то первой реакцией, очевидно, будет рекомендация исключить либо один из столбиков как нерелевантный (например, по причине того, что респондент не понял задание), либо в целом полученные данные из рассмотрения («что-то не так с заданием и методикой эксперимента»). По зрелом размышлении и при постановке этих данных в более широкий контекст желание «избавиться» от неудобного материала переходит в желание этим материалом продуктивно воспользоваться. О том, как и для чего, мы и будем говорить в данной статье.

Таблица 1. Ответы респондентов¹.

жалость, грусть, тоска, скорбь	старушка и черно-белая корова
спокойствие, умиление, красота	корова с теленком на лугу
грация, красота, мощь	черная лошадь в осеннем поле

¹ Здесь и далее: во всех ответах респондентов сохранено написание оригинала.

спокойствие, умиротворение	рыжая корова и белая коза
жалость, тоска, грусть, желание помочь	грустный теленок
сила, мощь, красота	корова в горах
красота, грация, изящность	дремлющая корова
умиление, радость, спокойствие	в коровнике
сила, изящность	портрет коровы
близость, умиление	корова с теленком пасутся у реки
не знаю, что писать здесь(	так получают молоко
страх, ненависть, злоба	не туда забрел
красота, спокойствие, терпение	коровы в горах
терпение, страх, дееспособность	стадо в реке
страх, злоба, ненависть	коровы и пастух идут по грязной дороге
преданность, любовь, терпение, помощь	Дозор
радость, умиление, спокойствие, любовь	портрет пастуха
грация, умиление, красота	розовый поросенок
умиление, красота, спокойствие, любовь, жизнь	удивленный ребенок на фоне коровы
любовь, жалость, тоска, скорбь	нежность

Два столбика представляют собой описания цветных изображений людей и домашних животных на природном фоне, выполненные в ходе лингвистического эксперимента двумя семнадцатилетними московскими школьниками, русский язык у обоих родной, первый столбик – ответы молодого человека, второй – девушки. Формулировка задания требовала письменно ответить на вопросы «Что вы видите? Что на картинке?», которые подавались как равнозначные. Далее – для ориентации читателя в отсутствие самих изображений – приводятся их описания, сделанные экспериментатором (аспиранткой филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова):

1. бабушка с коровой на лугу;
2. корова с теленком пасется на лугу;
3. воронья лошадь скачет на лугу;
4. картинка «корова и коза»;
5. картинка «корова утешает теленка»;
6. корова идет по горному лугу;
7. корова лежит на горном лугу;
8. корова с двумя телятами;
9. корова с колокольчиком;
10. корова с теленком на берегу пруда;
11. корову доят;
12. коровы и медведь;
13. коровы на горном лугу;
14. коровы переходят реку;
15. пастух гонит коров;
16. пастух на лошади и с собакой пасет коров на лугу;
17. пастух со своими коровами;
18. поросенок на черном фоне;
19. ребенок фотографируется на лугу;
20. коричневая корова и теленок.

Разумеется, сопоставление приведенных выше ответов респондентов с другими в возрастной выборке и с ответами в более старших по возрасту выборках наводит, как мы уже сказали, на мысль об исключении первого столбика из анализа как нерелевантного (не соответствующего заданию) или рассмотрение его как представляющего «отклонение от нормы» (в зависимости от гипотезы и целей эксперимента). Однако при значительном количестве собранного материала выясняется, что в этом столбике в концентрированном виде представлен один из возможных типов описания изображений, который спорадически встречается и у респондентов, дающих в большинстве случаев достаточно стандартные, буквальные описания (см. последний пример во втором столбике), причем в разных возрастных группах и для разных категорий изображений. Например, варианты ответов для изображения из серии «Картина на стене»:

Картина – морской пейзаж на стилизованной под дерево стене;

На серой деревянной стене висит морской инопланетный пейзаж с маяком и чайками. На переднем плане конусы гейзеров;

Тишина, покой, безмятежность.

Средний возраст респондентов 21–22 года, неоконченное высшее образование.

Иначе говоря, описание изображения через абстрактные лексемы (единичные или ряд) является реализацией одной из возможных стратегий говорящего, которую он избирает при получении указанного выше

задания (другой вопрос, что эта стратегия не совпадает с тем, чего хочет экспериментатор). Такие ответы вряд ли стоит выкидывать в мусорную корзину – у них достаточно много продуктивных аналитических применений в эпоху визуальной риторики, визуальной грамотности и активной разработки проблем искусственного интеллекта.

Во-первых, их можно использовать для подтверждения, расширения и корректировки данных ассоциативных словарей.

Во-вторых, результаты изучения подобных реакций могут быть востребованы в любых сферах деятельности, где ставится задача воздействия на человека с помощью изображений (см., например, работу [Phillips 1996] об образах животных в рекламе, где представлены «когнитивные карты» пингвина, муравья, гориллы и енота и выявлены смыслы, выражаемые этими образами в рекламных текстах) или задача определения смыслов, эмоций и оценок, выражаемых человеком при использовании изображения в качестве коммуникативного средства, например, в Интернете (например, размещение фотографии спящего волка с подписью «Я сегодня» или совмещение фотографии известного политика с фотографией какого-либо животного при отсутствии подписи). Насколько нам известно, автоматическая регистрация эмоций (emotion extraction) реализована сейчас только для словесных текстов, хотя исследования выражения чувств и эмоций ведутся на мультимедийном материале [McDonald 2007; Siersdorfer & Hare 2010; Yuan et al. 2013; Bourlai & Herring 2014].

В-третьих, результаты такого анализа могут быть полезны для моделирования речевой деятельности человека и разработки на этой основе способов приближения (если такая задача вообще ставится) текстов, генерируемых компьютером, к человеческим, а не просто человекоподобным: прогресс и направление работ по автоматическому описанию изображений в частности демонстрирует, что задача отграничения (и соответствующей вербализации) изображения птицы, летящей в небе, от самолета и птицы, сидящей на ветке или на крыше, либо американского орла от попугая выглядит более легкой и достижимой, чем дифференцированное получение описаний типа *симпатичный веселый поросенок* или *грустный поросенок*, соответствующих изображениям. В целом, чем больше «шума» и многовариантности описаний удастся инкорпорировать в обучающую систему, тем ближе к «человекоподобности» оказываются машинные описания [Chen et al. ЭР].

В-четвертых, поскольку мы в данном случае имеем дело с описанием статического визуального стимула и можем непосредственно соотносить денотат с его вербализацией, эксперименты такого типа дают материал для исследования языковых проявлений творческой способности (creativity), аналогичного, например, представленному в [Kuznetsova et al. 2013].

Для того чтобы продуктивно использовать подобный материал, следует сначала определить его место в общем массиве данных, получае-

мых в экспериментах по описанию изображений. Удобно описать это в терминах коммуникативных стратегий, выделяя три общих типа таких стратегий, применяемых респондентами при решении общей задачи:

1. буквальный;
2. расширенный;
3. ассоциативный.

Каждый испытуемый, получая от экспериментатора задачу, решает для себя: «Я буду выполнять ее так», – и реализует свое решение более или менее последовательно в рамках имеющейся у него языковой компетенции (о степени, в которой участники эксперимента остаются удовлетворены соответствием исполнения замыслу, мы можем судить весьма ограниченно – только если они эксплицитно указывают на недостаточную удовлетворенность: *Пасущийся олень. (Почему-то хочется сказать: «В Исландии», однако, не уверен, что они там обитают)*). Часть испытуемых отвечает на вопрос «Что я вижу на изображении?» буквально, выбирая точное следование объектному содержанию изображения с «зримыми» характеристиками, т. е. *красный мяч, деревянный дом*. В этом случае описание состоит в основном из предметных имен, обозначений перцептивных признаков, глаголов физического действия, пространственных локализаторов, дейктических показателей (*смотрит на нас, на другом берегу* и т. п.) и не включает темпоральных, пространственных и логических выходов за пределы картинки. Другие респонденты предпочитают отвечать на вопрос «Как я вижу ситуацию, представленную на изображении?», используя более сложный тип описания, который строится на основе дополнения изображения за счет стереотипического обобщения представленной визуальной информации и соответствующего расширения используемых семантических компонент. Наблюдаемые признаки и предметы фиксируются не сами по себе, а как атрибуты объектов «более высокого порядка». Например, не просто *коридор с белыми стенами, а больничной коридор*. Одушевленные объекты приобретают внутреннюю сферу и включаются в событийную цепь, выходящую за пределы картинки: не *Олень на опушке леса возле реки, а Олень вышел из леса попить воды*. Наконец, третий тип респондентов реализует ассоциативную стратегию, которая в принципе не нацеливается на воспроизведение предметного содержания картинки. Те, кто ее придерживаются, скорее переосмысливают задание на «Как я реагирую на изображение?» Предметные имена замещаются абстрактными. Репродуктивный регистр – реактивным или волюнтивным: *Как же скучно!; Ох уж эти инстинкты!; Что ты там увидела?; А ну пошли!* Используются прецедентные тексты: *Альпен Гольд; Коровы Павлова*. В текст могут также включаться отражения ассоциаций с изображенными объектами. Где в этом случае пролегает граница нормы, вопрос сложный, но не безнадежный для лингвистического изучения.

Естественный вопрос о том, в какой мере предпочтение и стабильность той или иной стратегии обуславливаются параметрами субъекта (индивидуальные характеристики респондентов) или объекта (характере-

ристики описываемой картинки), также требует дальнейшего исследования. В настоящий момент можно предположить, что к буквальной стратегии стимулируют изображения с простым контекстом и без эксплицитной апелляции к воображению и фоновым знаниям наблюдателя. К расширенной стратегии описания апеллируют более сложные объекты, особенно те, в отношении которых сформировался определенный визуальный стереотип или которые могут быть определены через имя собственное, например, широко известные типы интерьеров (больница, дворец, музей), знаменитые места etc. На ассоциативную стратегию могут провоцировать, например, сложные изображения с малой степенью реалистичности: произведения нефигуративного изобразительного искусства, изображения с множественным контекстом, в которых наблюдателя подталкивают делать выводы, например, видеть ночное море в черном прямоугольнике. При описании изображения (рис. 1), буквальная стратегия вербализации которого выражалась в тексте *Белая стена здания, на которой нарисовано поле и домик на восходе или закате. Выше – темный прямоугольник*, были получены и ассоциативно построенные ответы, отражающие видение респондентами черного щита в «художественном» контексте: *Угол дома, на нем 2 картины. Верхняя поменьше – ночное море, нижняя – солнце, поля и далекие холмы. Яркая, нарисовано будто пастельными мелками; Ростись стены двумя картинами. Верхняя и меньшая – ночное море, нижняя и большая – поля в солнечную погоду.*

Рис.1. Изображение типа «картина на стене», демонстрирующее одновременно прайминг- и контекст-эффект.

Такая достаточно далекая от буквализма интерпретация простого темного объекта связана с двойным эффектом обусловленности.

Во-первых, сам контекст эксперимента, задача в котором ставилась как «описать картину на стене», и опыт описания предыдущих изображений (*одна картина на стене*) дает прайминг-эффект [Warren & Morton 1982] на установку «видеть картину в любом прямоугольном объекте». Во-вторых, на прайминг накладывается эффект контекста [McClelland & Rumelhart 1981], т. е. влияние факторов среды на восприятие объекта. Так, одна картина провоцирует видеть в подобном ей геометрически объекте подобную же сущность.

Рис. 2. Использованное в модельном эксперименте изображение типа «картина на стене».

В проведенном модельном эксперименте по описанию одного изображения (см. рис. 2) группой людей были использованы все возможные стратегии описания. Буквальной стратегией воспользовались большинство респондентов (67%). В рамках этой стратегии проводилось варьирование оценочных характеристик объектов, однако базовый их набор оставался неизменным и совпадающим полностью или частично с формальным перечислением изображенных предметов. При использовании этой стратегии были получены такие описания:

1. Картина на стене с рваными обоями;
2. Стена;

3. Картина висит на стене, оклеенной полосатыми обоями с оторванным куском;
4. Картина, обои;
5. Картина на стене с порванными обоями;
6. Ремонт. Стена. Картина;
7. Картина на стене;
8. Старая картина на облезших обоях;
9. Картина висит на стене; обои полосатые, частично пошарпаны;
10. Черно-белая фотография на стене;
11. Полосатые обои и картина;
12. Криво висящая картина на ободранных обоях;
13. Картина на стене;
14. Старые обои, фотография;
15. Рваные обои;
16. Покосившаяся картина.

Расширенная стратегия описания строилась на стереотипном обобщении факта существования обшарпанной стены. Здесь строилась логическая цепочка «обшарпанная стена» – «ремонт» или «обшарпанная стена» – «старый дом / квартира / etc». Такой стратегией воспользовались значительно меньшее число респондентов – 21%:

1. Картина в неухоженной комнате;
2. Старая картина в доме, где не было ремонта;
3. Старый дом заброшен, картина на стене;
4. Зброшенная квартира с милой картиной;
5. Съёмная квартира.

При использовании ассоциативной стратегии описания логические связи становятся более личными и сложными для обратного проектирования. Доля построенных так описаний немного выше допустимой статистической погрешности и составляет всего 13%:

1. Воспоминания;
2. Дым (?);
3. Ремонт не помешал бы.

Полученные данные во многом соответствуют известным дополнительным результатам, полученным Р.М. Фрумкиной в экспериментах по исследованию цветообозначений, когда были выделены разные типы испытуемых в соответствии со стратегиями, применявшимися для решения задачи (педанты, буквалисты, метафористы и др.). Также на наш материал можно распространить и следующее высказывание Р.М. Фрумкиной: «В таком эксперименте, как наш, заведомо нельзя ожидать выявления “чистых” типов стратегий. “Чистые” типы стратегий – это скорее удобный способ обобщения данных, нежели психологическая реальность. Тем не менее только такое упрощение позволяет

описать те аспекты поведения информантов, которые принципиально важны для интерпретации смысловых отношений между словами, как их представляют наши информанты» [Фрумкина 2001: 77]. Мы в настоящий момент можем позволить себе применять термины «буквальный», «расширенный», «ассоциативный» к стратегиям продуцирования конкретного описания, а не к типологии испытуемых (по преобладающим стратегиям или когнитивным стилям), однако значимая параллель прослеживается.

Также предлагаемое разграничение стратегий можно сопоставить с обычно выделяемыми в литературе тремя типами описаний изображений: концептуальными, не визуальными и перцептивными. «*Conceptual image descriptions identify what is depicted in the image, and while they may be abstract (e.g., concerning the mood a picture may convey), image understanding is mostly interested in concrete descriptions of the depicted scene and entities, their attributes and relations, as well as the events they participate in. Because they focus on what is actually in the image, conceptual descriptions differ from so-called non-visual descriptions, which provide additional background information that cannot be obtained from the image alone, e.g. about the situation, time or location in which the image was taken. Perceptual descriptions capture low-level visual properties of images (e.g., whether it is a photograph or a drawing, or what colors or shapes dominate)... Among concrete conceptual descriptions, a further distinction can be drawn between specific descriptions, which may identify people and locations by their names, and generic descriptions (which may, e.g., describe a person as a woman or a skateboarder, and the scene as a city street or a room)*» [Hodosh et al. 2013: 857]. В цитируемой работе указывается, что для целей автоматического описания изображений наибольшее значение имеет последний тип – описания наблюдаемых на картинке объектов с помощью имен класса. Но цели исследования описаний, как мы уже показали, бывают разными, и «понимание изображений» (image understanding) далеко выходит за рамки конкретной предметности, особенно в эпоху, когда изображения воспринимаются как «“vital signs” that play a key role in social life» [Collette-VanDeraa, Kellner 2007: 163]. Неслучайно У. Митчелл – «отец» идеи «поворота к визуальности» в современных гуманитарных науках начинает одну из основных своих книг «Чего хотят изображения?» («What do pictures want?») с описания связей между визуальными образами и желаниями и со способности визуальных образов генерировать «дополнительные ценности» («surplus value»): «He opens with an extremely effective gambit of using detailed readings of images of the 9/11 terror attacks and of the cloned sheep Dolly to illustrate the sway of images and the ways that they can evoke powerful fears, as well as seduce, attract, and illuminate our daily lives. While pictures can be destroyed, images can continue to live on, haunting, tempting, and perhaps frightening or inspiring us. They are thus part of what Freud and others designated “the uncanny,” and which critics today refer to as “strange attrac-

tors,” or noxious repulsers as the case may be” [Там же: 164]. Изображения не просто используются человеком, но влияют на его эмоциональную и ценностную сферу значительно больше, чем позволяет предсказать их простое предметное наполнение. Дальнейшее изучение форм этого влияния – серьезная междисциплинарная задача, вне которой не может оставаться и лингвистика.

Литература/ References

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
2. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
3. *Телия В.Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 8–35.
4. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. – 320 с.
5. *Bourlai E.E., Herring S.C.* Multimodal Communication on Tumblr: “I have so many feels!” // ACM Web Science 2014 Conference. Bloomington, 2014. Pp. 171–175.
6. *Chen J., Kuznetsova P., Warren D.S., Choi Y.* De ja` Image-Captions: A Corpus of Expressive Descriptions in Repetition [Электронный ресурс] URL: <http://www3.cs.stonybrook.edu/~jianchen/papers/naacl2015.pdf>. Дата последнего обращения – 10.01.2016.
7. *Collette-VanDeraa H., Kellner D.* Book Review: W.J.T. Mitchell, What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images. Chicago: University of Chicago Press, 2005 // International Journal of Communication. 2007, № 1. Pp. 162–169.
8. *Hodosh M., Young P., Hockenmaier J.* Framing Image Description as a Ranking Task: Data, Models and Evaluation Metrics // Journal of Artificial Intelligence Research. 2013, № 47. Pp. 853–899.
9. *Kuznetsova P., Chen J., Choi Y.* Understanding and Quantifying Creativity in Lexical Composition // EMNLP, 2013. Pp. 1246–1258.
10. *McClelland J.L., Rumelhart D.E.* An Interactive Activation Model of Context Effects in Letter Perception: I. An Account of Basic Findings // Psychological Review. 1981, № 88. Pp. 375.
11. *McDonald D.* Visual Conversation Styles in Web Communities // Proceedings of the 40th Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE Computer Society. Washington, DC, 2007. P. 76.
12. *Phillips B.J.* Advertising and the Cultural Meaning of Animals // Advances in Consumer Research. 1996, Vol. 23. Pp. 354–360.
13. *Siersdorfer S., Hare M.* Analyzing and Predicting Sentiment of Images on the Social Web // Proceedings of the 18th ACM International Conference on Multimedia (Firenze, Italy, October 25-29). ACM, NY, 2010. Pp. 715–718.
14. *Warren C., Morton J.* The Effects of Priming on Picture Recognition // British Journal of Psychology. 1982, № 73. Pp. 117–129.
15. *Yuan J., McDonough S., You Q., Luo J.* Sentitribute: Image Sentiment Analysis from a Mid-level Perspective // Proceedings of the Second International Workshop on Issues of Sentiment Discovery and Opinion Mining (Chicago, IL, August 11–14). ACM, NY, 2013. P. 10.

РУССКИЕ ДЕМИНУТИВЫ КАК ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (имена существительные нарицательные¹)

Г.Н. Скляревская

RUSSIAN DIMINUTIVES AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON (COMMON NOUNS)

G.N. Skliarevskaia

ABSTRACT

The article is dedicated to the analysis of Russian diminutives in their linguocultural and semantic-pragmatic aspect. The lexical material for the article was taken from the "Electronic Lexical Fund" of the multi-volume Modern Comprehensive Dictionary of the Living Russian Language which is being compiled at St Petersburg State University under the general guidance of the author of the present paper. It was complemented by contexts from open lexical sources, the Internet and the author's personal card-index. The main theoretical setting of the research, that is the understanding of lexical meaning as a complex and excessive structure, has determined the choice of methods: integral analysis, stylistic identification, the classical method of definitions, as well as the traditional method of text interpretation and context as a whole. The main conclusions are as follows: 1) the specific trait of diminutives is manifested in their semantic structure, the pragmatic component of which can force out its denotative content, filling the entire space of lexical meaning; 2) diminutive's content does not belong to the word but can vary depending on linguistic and extra-linguistic factors. In future, as part of the new anthropocentric paradigm in linguistics diminutives may become an object of research in such fields as semasiology, linguopragmatics, communicative linguistics, linguoculturology, language conceptualization of the world, theory of translation, ontholinguistics and gender linguistics (with a way out to psycholinguistics, as markers of women's language consciousness.) Thus, Russian diminutives become a promising field of linguistic studies.

Keywords: diminutive; semantic structure of lexical meaning; pragmatic component of meaning; word-forming expressiveness; language evaluation

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу русских демиинутивов в семантико-прагматическом и лингвокультурологическом аспектах. Показана семантическая специфика демиинутивов, которая проявляется в том, что в их семантической структуре прагматический компонент может вытеснить денотативное содержание, заполняя целиком все пространство лексического значения. Семантика демиинутива не

---

¹ Такое ограничение материала продиктовано тем обстоятельством, что демиинутивы личных имен подробно исследованы А. Вежицкой [Вежицкая 1997: 89–199], а демиинутивные прилагательные, наречия и предикативы – предмет отдельной статьи.

закреплена за словом и меняется в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: деминутив; семантическая структура лексического значения; прагматический компонент значения; словообразовательная экспрессивность; языковая оценка

Как же быть с прикреплением
слова к его значению,
неужели это крепостная
зависимость?

О. Мандельштам

Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть.

А. Ахматова

Иностранец, услышавший русскую фразу типа *мне горяченькие сосисочки с горчишкой* (телеканал «Моя планета»); *сейчас бы щец горяченьких да с потрошками* (кинофильм «Место встречи изменить нельзя»); *немец был старенький, в очочках* (Веллер), также *рюмочка водочки, оставьте задаточек 10 тысяч, примите наш подарочек* (при том что это люстра), *некрасивенькая девочка, быстренько собираемся, приветик, вечерком зайдем, кусочек с коровий носочек, и ногу ножкой называть* и т. п., воспринимает это как языковую причуду, испытывая, вероятно, недоумение и смущение.

Однако, то, что для иностранца представляется языковой причудой, для носителя русского языка является одним из самых естественных и привычных речевых средств выражения разнообразных эмоций и отношений, а для лингвиста представляет собой ценный языковой материал в семасиологии (при исследовании экспрессивных, эмотивных и оценочных языковых средств) и в лингвокультурологии (при реконструкции русской языковой картины мира, в которой стихия деминутивов формирует наряду с «лингвоспецифичными», по А.Д. Шмелеву, словами *душа, судьба, тоска, воля, удаль* и т. п. [Шмелев 1996: 86]) своеобразный и пока еще мало изученный участок).

Статья не претендует на исчерпывающий анализ материала и его детальную классификационную разработку и имеет целью показать разнообразие деминутивов в отношении их семантических свойств, специфических коннотаций, прагматического потенциала, способности к выражению имплицитных смыслов, сочетаемостных потенциалов и других особенностей этого своеобразного лексического пласта.

Изучение деминутивов в отечественной лингвистике началось, как известно, еще в первой половине XIX века в рамках исследования категории «субъективной оценки». К.С. Аксаков первым выявил компонент «ласкательности» через специальную формулу «милому свойственно быть малым» (цит. по: [Виноградов 1972: 97]). На этом этапе исследованных словам с уменьшительными («ласкательными») суффиксами приписывали статус не самостоятельного слова, а формы слова. Эту точку зрения, высказанную и аргументированную К.С. Аксаковым, поддержал в дальнейшем А.А. Шахматов, и сам В.В. Виноградов не опровергал ее (см. [Виноградов 1972: 97–99]). В современных лингвистических исследованиях, по свидетельству А.Б. Пеньковского за деминутивами закреплён либо статус «новых имен», либо «форм», а в некоторых случаях они описываются без определения их природы [Пеньковкий 1999: 148].

При семантическом анализе деминутивов уместно использовать разработанную В.Н. Телия макрокомпонентную структуру значения, в которой, помимо обязательных грамматического [Г] и денотативного [Д] макрокомпонентов представлены оценочный [О], связанный с ценностной картиной мира, мотивационный [М], имеющий дело с ассоциативными механизмами мышления, эмотивный [Э], указывающий на чувство-отношение субъекта к обозначаемой реалии и стилистически маркированный [С], который связан, помимо семантической компетенции, также с компетенцией прагматической, то есть отражает цели использования языка, а также знание об уместности/неуместности ведения той или иной языковой игры [Телия 1991: 40–41 и след.]. (В соответствии с задачами данной статьи выделенные В.Н. Телия два уровня представления каждого макрокомпонента – глубинный и поверхностный – во внимание не принимаются).

При первой же попытке соотнести семантическое и прагматическое содержание деминутивов с данной структурой мы обнаруживаем, что прагматический компонент не просто представляет «сплетенность с семантической информацией» [Апресян 1995: 140 и след.], но может даже вытеснять семантическое содержание и занимать предназначенное для него пространство. Денотативный компонент (и в этом случае тоже существенно нагруженный эмотивным и стилистическим макрокомпонентами) сохраняется только в незначительной части деминутивов, в определенной ситуации общения, а именно при общении с маленькими детьми. На первый взгляд кажется, что это и есть самое естественное назначение деминутивов – в разговоре с ребенком (заметим, что на этой функции деминутивов построена вся русская детская литература, начиная с народных сказок, прибауток и песенок: *снесла курочка яичко...*; *Мышка бежала, хвостиком махнула...*; *аленький цветочек*; *умой свое личико ключевой водичкой*; *муха по полю пошла, муха денежку нашла*; *придет серенький волчок, он ухватит за бочок...* Однако даже «детские» деминутивы не отличаются семантической и прагматической однородностью: компонент ‘милый’ (условимся использовать этот вы-

деленный Аксаковым компонент как маркер оценки при семантическом анализе деминутива), характеризующий денотат, реализуется только в некоторой части детских деминутивов, а именно при назывании ребенка и частей его тела: *умой личико, наклони головку, дай ручку, постучи кулачком, повернись на бочок, устали ножки, болит животик?, горлышко полечим, закрой глазки, пошевели пальчиками* и т. п.

Однако даже в этом случае компонент [Д] существенно ослаблен за счет гипертрофированных компонентов [Э] и [С]. Обращенная к ребенку фраза (1) *умой личико* семантически не равнозначна нейтральной фразе *умой лицо*, поскольку, помимо иллокутива побуждения, несет в себе мощный компонент [Э] и имеет такую семантическую интерпретацию:

(1) я называю твое лицо *личиком* потому, что оцениваю твое маленькое лицо как милое, также потому, что оцениваю тебя как милого, испытываю к тебе хорошие чувства и хочу, чтобы ты знал это.

Что касается использования детских деминутивов при назывании предметов детской одежды, а также всех предметов окружающего мира, так или иначе попадающих в поле зрения ребенка (*застегни рубашечку, надевай ботиночки, ложись в кроватку, возьми карандашик, спой песенку, сорви цветочек, пей молочко, почитаем книжечку, пойдём на солнышко* и т. п.), то здесь компонент [Э] указывает на чувственно-отношение субъекта не к обозначаемой реалии, а к объекту высказывания. Так, обращенная к ребенку фраза (2) *почистим ботиночки* может быть интерпретирована так:

(2) я называю твои ботинки ботиночками не потому, что оцениваю твои маленькие ботинки как милые, а потому, что тебя оцениваю как милого, испытываю к тебе хорошие чувства и хочу, чтобы ты знал это.

Эта функция «детских» деминутивов имеет всеобъемлющий характер и дает возможность образовать деминутивы даже от слов негативной семантики, которая никак не предполагает «ласкового» восприятия и отношения и оценки как ‘милого’, например, (3) *сейчас я тебе сопельки вытру*, (контекст из [Русский язык в его функционировании: 124]). В этом случае гипертрофированные [Э] и [С] подавляют [Д], и высказывание интерпретируется таким образом:

(3) я называю твои сопли сопельками, не потому, что оцениваю твои сопли как милые, но потому, что оцениваю тебя как милого, испытываю к тебе хорошие чувства и хочу, чтобы ты знал об этом.

Гетерогенный характер массива деминутивов позволяет обнаружить и обособить другие группы, с другими функциями деминутивных суффиксов, существенно отличающиеся от «детских» и передающие самый широкий спектр чувств-отношений. При этом все деминутивы в любом коммуникативном акте сохраняют одно общее для всех свойство: уча-

стие в речевой ситуации относительно низкой социальной значимости, в которой коммуниканты либо равны, либо субъект по статусу выше объекта [Скляревская 1993: 172–173].

Вторую группу составляют деминутивы, образованные от слов предметной семантики, имеющих значение размерности и сохраняющих компонент «милому свойственно быть малым». Как правило, этот семантический компонент в высказывании поддерживается определениями соответствующей семантики: *симпатичная дачка, аккуратненький диванчик, изящный кувшинчик, изысканная чашечка, молодое деревце, синенький скромный платочек, лодочка легко скользит по волнам, тучки небесные, вечные странницы* и т. п.

(4) у самого леса мы увидели симпатичную дачку

(4) я называю эту дачу дачкой потому, что, учитывая ее маленький размер и характеристику «симпатичная», оцениваю ее как милую

Еще одна группа деминутивов формируется именами существительными, означающими живое существо (человека или животное), которое вызывает расположение, дружественные чувства. К ним относятся термины родства или наименования людей, связанных с говорящим дружбой, симпатией, близкими общениями и т. п.; что касается животных, то это либо домашние животные, либо дикие, но некрупные, привлекательные, вступающие с человеком в контакт, обычно не хищные, многие из которых являются сказочными персонажами (ср. *белочка, зайчик, лисичка, синичка, воробушек, голубок, коровка, овечка, лошадка*, но не **крокодильчик, *страусик, *шакальчик, *тигр, *гиена*). Образованные от слов, не имеющих семантики размерности, такие деминутивы, в отличие от всех других, демонстрируют в чистом виде компонент 'милый', иными словами, [Э] «ласкательность»: *мамочка приехала, мой сынок институт закончил, какая кошечка пушистая, лошадка, везущая хворосту воз, пойду овечек загоню, курочек покормить надо, зайчики спасаются от половодья*.

(5) мой сынок институт закончил

(5) я называю своего взрослого сына сынком потому, что оцениваю его как милого, испытываю к нему хорошие чувства и хочу, чтобы мой собеседник знал это

Совсем другую функцию выполняют деминутивы, образованные от существительных негативной семантики, обычно несущей информацию о моральном или телесном изъяне, недостатке, маргинальности и т. п. Семантика деминутива в этом случае служит цели смягчения соответствующей пейоративной оценки: *что ты выдумал, дурачок; миловидная толстушка; мой сын трусишка; добродушные гопнички*². В этих случа-

² Функция «смягчения» более характерна для деминутивных прилагательных (*худенький ребенок, некрасивенькая девочка, слабенький голосок, тепленькая вода* и т. п.), которые будут рассмотрены в отдельной статье.

ях негативные свойства вызывают не осуждение или неодобрение, а сочувствие: Ср.: *толст'уха...* Разг. Неодобр. Толстая женщина, реже девушка, девочка. Толстуха мне на ногу наступила. Ну и толстуха твоя жена! Дочку в школе обзывают толстухой. *толст'ушка...* Разг. Смягчит. к толстуха. Миловидная толстушка.

(6) *душой компании была веселая жизнерадостная толстушка*³

(6) зная, что такое свойство, как излишняя полнота, вызывает у людей негативную реакцию и неодобрение, я называю эту толстую женщину толстушкой потому, что этот ее недостаток не влияет на ее позитивные свойства и на мое хорошее отношение к ней и хочу, чтобы собеседник знал это

Далее обращает на себя внимание чрезвычайно распространенная в русском языке функция деминутивов, которую весьма условно называют «квазивежливостью». Известна и обобщенная классификация наиболее частотных деминутивов такого рода: в формулах угощения (*передайте селедочку, кушайте ветчинку, попробуйте перчики, еще рюмочку*); «магазинные», «покупательские» деминутивы (*батончик колбаски взвесьте, десяточек яичек, пару лимончиков покрупнее*); «больничные», «врачебные» деминутивы (*на правый бочок перевернитесь, поработайте кулачком, часик отдохнуть в палате*) (примеры из [Русский язык в его функционировании: 125]). Не менее частотны «квазивежливые» образования от обозначения денег: *денежки, десяточка, копеечка, рублик, пятерочка, даже тысячка* (чаще, впрочем, пренебрежительное *тысчонка*), а также новые *валютка, баксики, еврики*.

(7) *Будь плохенький, да если наберется Душ тысячки две родовых, – тот и жених* (Грибоедов).

(8) *Так рассуждают люди, всю жизнь складывающие копеечку к копеечке, а теперь и валютку – российский червончик к американскому баксику* (Невское время, 01.08.01).

На основании анализа экспрессивной деривации русских личных имен А. Вежицкая делает важный вывод: «Если, находясь с адресатом в определенных личных отношениях, говорящий называет ее *Катя, Катенька, Катюша, Катька, Катюха, Катюшенька* и т. п. в строгом соответствии с силой испытываемого к ней чувства и состоянием отношений между ним и адресатом на момент речи (как понимает его говорящий), то это, по всей видимости, означает, что русские считают крайне важным передать все оттенки возникающих между людьми чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними» [Вежицкая 1997: 49–50]. Как показывает наш материал, этот вывод может быть

³ В качестве примера приведены словарные статьи из «Современного толкового словаря живого русского языка», разрабатываемого в СПбГУ под общим руководством автора данной статьи.

отнесен не только к личным именам, но в равной мере и ко всем видам деминутивов.

В этом случае обращенная к продавцу фраза (9) *батончик колбаски взвесьте* имеет такую семантическую интерпретацию:

(9) я называю батон батончиком, а колбасу колбаской не потому, что оцениваю батон и колбасу как милые, но потому, что испытываю к Вам расположение и хочу произвести на Вас хорошее впечатление

В ситуации покупки это, конечно, не столько вежливость, сколько именно желание произвести хорошее впечатление с корыстной целью получить желаемое. Надо заметить, что такого рода «квазивежливость» возникла и закрепились в русском языке советской эпохи, когда условия тотального дефицита сформировали в языковом сознании советских людей уверенность (разумеется, ложную) в своей зависимости от воли продавца. А в ситуации неофициальной, частной покупки такое желание могло приводить даже к льстивому заискиванию. Характерна в этом отношении ситуация покупки театрального билета «с рук», что и до сих пор случается при покупке билета на спектакль, пользующийся ажиотажным вниманием. В связи с этим важно иметь в виду, что в русской речевой практике за театральным билетом, приобретаемым в кассе, закрепились номинация ‘билет’, а за покупаемым «с рук» – ‘билетик’. Ср.:

(10) *Премьера состоялась в БДТ у Товстоногова, и билетики стреляли за два квартала* (Веллер).

(10) я называю билет билетиком не потому, что оцениваю его как милый, а потому, что, надеясь, что Вы продадите мне его, демонстрирую по отношению к Вам свою доброжелательность, даже, можно сказать, в некотором роде льстивую

Сложная и неоднозначная семантика деминутивов часто ставит нас перед неизбежностью субъективных решений. В любом случае, помимо основного массива деминутивов, более или менее поддающихся необходимой в лексикографии обобщенной классификации (см. [Скляревская 2016]), неизбежно существует лексическая периферия слов, требующих субъективного рассмотрения.

Деминутивы могут успешно использоваться как выразительный прием при смысловой и аксиологической трансформации слова, особенно с целью его понижения на аксиологической шкале и/или иронического представления, когда семантика исходного слова противоречит значению уменьшительности. Это происходит в следующих случаях:

(а) при наименовании посредством деминутива крупных объектов:

(11) *Генерал отгрохал себе трехэтажную дачку.*

(11) называя эту большую, благоустроенную, дорогую дачу дачкой, я демонстрирую свою иронию и чувство неодобрения

(б) при наименовании воспринимаемых позитивно объектов (высоких моральных и интеллектуальных качеств, духовных ценностей, а также лиц высокого социального статуса и связанных с ним предметов и т. п.); здесь реализуется свойство, которое А.Б. Пеньковский квалифицировал как обесценение, в отличие от отрицательной оценки [Пеньковский 1999: 150].

(12) *Это наша американская беда: с сэндвичами все в порядке, а культуры не хватает* (Улицкая).

(12) я называю культуру культуркой потому, что сознательно умаляю ее понятийный статус, демонстрирую свое отношение к ней как к объекту низкой аксиологической значимости

(13) *Сначала они поговорили о литературе, потом раскупорили винца, потом поставили музыку, потом зажгли свечку и погасили лампу* (Веллер).

(14) *Да, счастье, у кого есть эдакий сынок! Имеет, кажется, в петличке орден?* (Грибоедов).

(15) *Как станешь представлять к крестнику ли, к местечку, Ну, как не порадеть родному человеку!..* (Грибоедов).

(в) при наименовании негативно воспринимаемых объектов (явлений асоциальной или даже преступной среды, низменных чувств и т. п.). В этом случае умаляется их значимость для общества, обесценивается их негативное воздействие, показывается их ничтожность. В таком деминутиве [Д] существенно нагружен [Э] (я испытываю пренебрежение, выражаю насмешку, иронию) и [С] (я плохо отношусь и призываю всех плохо относиться).

(16) *Хороший тариф «взяточка» А еще можно сделать тариф «терроризм» или «ограбленьце». В уголовном кодексе много названий для тарифов – бери не хочу* (из Интернета).

(17) *И бедные спортсмены <...> кондрабандишкой промышляли, валюткой баловались, гонорары за зарубежные соревнования оборачивали как могли...* (Веллер).

В функции дискредитации предмета речи успешно употребляются деминутивные наименования национальностей (*французик из Бордо...* (Грибоедов); *Шведик вел себя – прелесть* (Веллер), а также наименования профессий и должностей: *Первым объектом явился шведский инженерик* (Веллер). *Ты отвечаешь за подчиненных матросиков, а матросик по природе своей любит облегчить себе работу* (Веллер). *Чиновнички будут определять, какой Интернет нам нужен* (из Интернета).

(18) *Наш начальничек опять проект завалит.*

(18) я называю начальника начальником потому, что оцениваю его как не отвечающего своему назначению, демонстрирую свое неуважение к нему, свою иронию и чувство неодобрения

Чрезвычайно выразителен в этом отношении деминутив *интеллигентик*, придуманный и введенный в революционный языковой оборот Лениным, когда тоталитарное языковое сознание формировалось не только с помощью лозунгов и прямых запретов, но и с помощью продуманных и внедряемых в сознание людей семантических трансформаций. Этот деминутив надолго сохранился в языке советской эпохи, – с полнотой разрушенной денотативной структурой, наделенный мощным прагматическим компонентом уничижительности и презрения (подробнее [Скляревская 2006: 439 и след.]).

(19) *Карать их исключением. Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков <...>, идти навстречу трудностям, идти с революционными рабочими* (т. 21, с. 355).

(19) я называю интеллигентов интеллигентами потому, что оцениваю их как ничтожных, беспомощных, трусливых, жалких, чуждых нашей цели и заслуживающих презрения, при этом я делаю вид, что не знаю о таких характеристиках интеллигента, как образованность, владение достоянием культуры, высокая нравственность, альтруизм, бескорыстие, способность к самопожертвованию

Ср. также: (20) *Наступил 1905 год, и девятое января еще раз изобличили всех непомнящих родства интеллигентиков* (т. 8, с. 120). (21) *Большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно <...> учет, контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки* (т. 21, с. 440).

При определенных условиях деминутив утрачивает свое денотативное значение, пространство которого заполняется прагматическим компонентом, содержащим чувства-отношения в самом широком диапазоне смыслов. Так, в пушкинском (22) *Ах, ножки, ножки, где вы ныне...* едва ли можно говорить о ‘маленькой нижней конечности’, здесь [Д] вытеснен [О] [М] [С], и его место в структуре лексического значения заполнено имплицитными смыслами ассоциативно-эротического содержания.

Другой пример:

(23) – *Юсуф Абдуррахманович, позвольте ботиночек почистить, запачкался! – наперебой кричали служители.* (Акунин)

Эта реплика обращена к игроку в игорном доме, выигравшему очень большую сумму. Если сравнить с примером (2), то станет очевидным, что здесь в деминутиве *ботиночек* слово явно отрывается от своего значения – уже не связано с семантикой ‘предмет обуви’ поскольку денотативное ядро полностью вытеснено прагматическим компонентом. Функция этого деминутива – в использовании для выражения подобост-

растного отношения говорящего (нескольких говорящих) к владельцу ботинка. Слово в этом случае настолько десемантизировано, что без изменения смысла и иллокутивной функции высказывания вполне могло бы быть заменено любым другим из того же ряда: *портфельчик, брючки, перчаточка, шарфик* и т. п. В некоторых случаях прагматическое содержание «подобострастия» непосредственно эксплицируется контекстом.

(24) [В игорном доме:] – *Никогда вас здесь не видал, – сказал незнакомец, снимая шляпу и искательно улыбаясь. – Впервые изволите? – Впервые – Могу сопроводить. Подсказать, уберечь, объяснить. <...> – Красненькую **фишечку** пожалуйста, сударь, мне и довольно будет.* (Акунин).

(24) я называю фишку фишечкой потому, что чувствую себя перед Вами униженным, испытываю по отношению к Вам подобострастие (снимаю шляпу, искательно улыбаюсь, обещаю уберечь, объяснить), рассчитывая получить от Вас эту фишку, с которой связываю надежду на выигрыш

Еще одну группу составляют деминутивы с максимально диффузной семантикой, сплетенной с прагматикой, в которую входит набор коннотаций самого широкого спектра: несерьезное отношение к предмету речи, снисходительное отношение к адресату, насмешка, шутливость, фамильярность, в некоторых случаях доходящая до развязности и т. п. Это хорошо представлено в контексте:

(25) – *Ты, **пацанчик**, <...>. Все будет путево. Хотя Валера назвал его уничтожительным словом, Раздолбай не обиделся. В тоне приятеля было не высокомерие, а всего лишь обаятельная развязность, в ауре которой Раздолбай чувствовал себя свободнее. Неосознанно он копировал нагловатые манеры Валеры и его стиль общения, основанный на добродушном подтрунивании* (Санаев).

Чтобы такая функция могла реализоваться, контекст должен быть достаточно широким и при этом насыщен деминутивами:

(26) *Как жили! Братцы мои, как же мы хорошо жили! **Водочки** выпьешь, **колбаской** с **батончиком** белым закусишь, **сигаретку** закуришь... и никаких беспокойств о будущем, потому что партия по телевизору все уже решила: стабильность* (Веллер).

Насыщенностью текста деминутивами создает своеобразный коммуникативный напор с выразительным экспрессивным эффектом, который А. Вежбицкая называет «высокой эмоциональной температурой текста» [Вежбицкая 1997: 55]. Ср.:

(27) *В почтовом ящике – насильственно доставляемые каталоги: купи посуду, расписанную **розочками**; обклей внутренность посудного **шкафчика** самоклеющейся пленкой: **уточки** с желтыми **бантиками**, улыбаясь, следуют за **курочками** в красных капорах.* (Т. Толстая).

(28) Доктор, [соблазненный] видом **спиртика** и звуком струи из склян-ки, **набулькал себе полмензурочки**, **закусил сырком**, **засмолил болгарской сигареткой**... (Веллер).

Итак, семантика деминутива не закреплена за словом и меняется в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов (контекста, конситуации, отношений между субъектом и объектом речи, пресуппозиции в целом, иллокутивной установки, возраста и языковой практики участников коммуникативного акта и т. п.). Без знания этих условий невозможно говорить о семантике и прагматике деминутива. При одном и том же [Д] обнаруживается большое разнообразие [М], [Э] и [С].

Рассмотрим эту ситуацию на примере деминутива 'личико' в двух разных ситуациях, когда он обращен (а) к ребенку и (б) к женщине или девушке:

(а) (29) **Личико** у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шелка, **глазки – живая сияющая лазурь**, а особенно украшали ее **волосики, вившиеся золотыми колечками** (Гофман).

(29) я называю ее лицо личиком потому, что оцениваю его как милое и ее оцениваю как милую, очень красивую, я подчеркиваю это, называя ее глаза глазками, волосы волосиками, а кольца волос колечками

(30) [Ребенок] был сонный, **жмурился от света и отворачивал маленькое личико**. Ему было годика три. Ручки и ножки его висели, как у тряпичной куклы. <...> Шарль проснулся, Эйлин положила его себе на колени, **поглаживая по спинке, и он свис вниз ручками, ножками и головой. Головку он не держал.** (Улицкая).

(30) я называю его лицо личиком не потому, что оцениваю его как милое и не потому, что оцениваю его как милого, но потому, что испытываю к нему, маленькому, больному и беспомощному, жалость и сострадание

(31) **Появились чьи-то дети в большом количестве. Странные малосимпатичные дети с немного зверушечьими личиками.** (Улицкая).

Семантический анализ последнего примера осложняется тем, что здесь речь идет не о реальных детях, а о явленных персонажу в предсмертном бреду. Здесь неожиданные, непривычные для «детского» деминутива коннотации, поддержанные определениями «малосимпатичные» и «зверушечьи»:

(31) я называю их лица личиками не потому, что оцениваю их как милые (мне известно, что лица зверушечьи) и самих детей как милых (мне известно, что дети малосимпатичные), но потому, что умаляю их значимость и испытываю к детям плохие чувства.

(б) (32) **Где твое личико смуглое?** (Некрасов)

(32) я называю твое лицо личиком потому, что оцениваю твое лицо как милое и тебя оцениваю как милую, испытываю к тебе хорошие чувства и хочу, чтобы ты знала это

(33) *Марина была девочка <...> на крепкую четверку: ножки стройные, личико овальное, – милая блондиночка, и даже с мыслью в глазах.* (Веллер).

(34) [Молчалин:] *Какое личико твое! Как я тебя люблю!* (Грибоедов).

Эта фраза, обращенная Молчалиным к Лизе, вырванная из широкого контекста могла бы быть интерпретирована как (32). Однако в рамках широкого контекста (а широкий контекст в данном случае – вся комедия «Горе от ума»), из которого мы знаем, что Молчалин лукавит с Лизой (так же, как с Софьей), на самом деле им руководят низменные чувства. Если учитывать эту информацию, то деминутив получает совершенно другую семантическую интерпретацию:

(34) я называю твое лицо личиком не потому, что оцениваю его как милое и тебя как милую и не потому, что испытываю к тебе хорошие чувства и хочу, чтобы ты знала это, а потому, что, используя в речи привычную и общеизвестную «уменьшительно-ласкательную» формулу, лукаво льщу тебе с корыстной целью.

(35) *Тут он заметил, что у Кати немолодое морщинистое личико и ручки, сложенные лодочкой под подбородком, тоже немолодые.* (Улицкая).

(35) я называю ее лицо личиком не потому, что оцениваю его как милое и ее как милую, но потому, что она, имея немолодое и морщинистое лицо, вызывает мою жалость, и я испытываю к ней чувство сострадания

Создается впечатление, что в русской языковой практике свободный от коннотаций деминутив (с «чистой» семантикой уменьшительности), если он не имеет терминологического значения (как в случаях *винтик часового механизма, чашечка цветка, носик чайника*), не употребляется. Что касается нейтрального оборота с определением «маленький» (*маленький дом, маленький ботинок, маленькое лицо*), то он, следует признать, выглядит не совсем по-русски.

Ср.: (36) *Там, в холле, она и увидела первую жену своего мужа, стройную, чуть угловатую даму с трепещущим маленьким лицом под исполлинской черной шляпой* (Набоков).

«Нерусскость» этого контекста вполне объяснима – известно, что роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта», откуда взят приведенный контекст, был написан Набоковым по-английски и только впоследствии переведен на русский язык.

Подводя итоги, отметим, что, по-видимому, именно в деминутивах со всей полнотой проявляется отмеченные А. Вежицкой такие свойства русского национального характера, как экспрессивность, эмоциональность, экспансивность, легкость в выражении чувств, импульсивность [Вежицкая 1997: 34] и что деминутивы необходимы русскому языку как средство языковой актуализации этих свойств.

Итак, семантическое своеобразие деминутивов заключается, во-первых, в том, что прагматическое содержание его лексического значения не является вторичным, дополнительным, периферийным, а входит в семантическое ядро на правах равноправного компонента, образуя вместе с денотативным содержанием синкретическое семантико-прагматическое единство, а в некоторых (достаточно частых) случаях и вытесняет денотативный компонент, заполняя предназначенное для него пространство в структуре значения. Иными словами, мы имеем основания говорить, что в деминутивах прагматический компонент не только спаян с семантикой и даже не просто входит в ядро лексического значения как равноправный с семантическим компонентом, но, в зависимости от контекстных условий, может вытеснять денотативное содержание, заполняя целиком предназначенное для него пространство в структуре лексического значения. Во-вторых, создается впечатление, что деминутив не имеет объективной и устойчивой семантики, его семантика полностью формируется контекстом (обусловленным конституацией и зависящим от функции деминутива): достаточно сравнить один и тот же деминутив в разных ситуациях (*личико*), а также один и тот же контекст (например, *повернись / повернитесь на бочок, почистим ботиночки*) в котором деминутив выступает в функции «детского», «квазивежливого» или «подобострастного».

В перспективе в русле новой, антропоцентрической, парадигмы в лингвистике деминутивы могут стать объектом исследования в семиологии и лингвопрагматике, в коммуникативной лингвистике, в лингвокультурологии, при изучении языковой концептуализации мира, в теории перевода, в онтолингвистике, а также в гендерной лингвистике (с выходом в психолингвистику – как маркеры языкового сознания женщин). Русские деминутивы, таким образом, становятся актуальной и перспективной областью лингвистических исследований.

Литература / References

1. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Том 2.* М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 135–155.
2. *Вежибицкая Анна.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. второе. М.: Высшая школа, 1972. – 718 с.
4. *Пеньковский А.Б.* Лексикографические пометы субъективной оценки терминов (к соотношению внутренней формы и актуального значения) // *Язык, культура, гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность.* М.: Научный мир, 1999. С. 148–155.
5. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев.* М.: Наука, 1993. – 220 с.
6. *Склярёвская Г.Н.* Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // *Scando-Slavica, Tomus 39 / Stockholm, 1993.* С. 166–178.

7. *Склярёвская Г.Н.* Русские деминутивы: семантика и прагматика (лексикографический аспект) // Материалы Международной конференции «Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект». Трнава, 2016. (В печати).
8. *Склярёвская Г.Н.* Русские понятия *интеллигенция, интеллигент*: размышления о семантических трансформациях // *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat.* Böhlau Verlag Köln Weimar Wien. 2006. S. 435–447.
9. *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
10. *Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение “русской души” // Русский язык в школе. 1996, № 4. С. 83–90.

О НАРЕЧИИ ДУШЕВНО

О.Е. Фролова

ABOUT THE ADVERB *DUSHEVNO*

O.E. Frolova

ABSTRACT

This article discusses the semantics and functioning of the Russian adverb *dushevno*, which is derived from the Russian word *dusha* 'soul'. The article analyzes the meaning of the noun *dusha*. According to the dictionaries used in the analysis, the non-anthropocentric meaning of the noun *dusha* is replaced by the anthropocentric one. The reason for such a replacement (or meaning shift) is that the human being is recognized as the only bearer of the soul. Changes in the semantics of the noun *dusha* also relate to the transition from the intellectual sphere to the emotional one. The research of functioning of the adverb *dushevno* is based on the data drawn from the Russian National Corpus. As the analysis has shown, in the XVIIIth century the adverb under consideration is used in the context of modal verbs. The XIXth century is characterized by the use of adverbs describing the emotional state as well as etiquette in the letters. At the end of the XXth century and the beginning of the XXIst century the adverb *dushevno* begins to be used as the stative predicate rather than a characteristic of the predicate; the adverb loses the semantics of sincerity and emotional state, and describes a pleasant, comfortable state of a person.

Key words: noun *dusha* (soul); adverb *dushevno*; non-anthropocentric meaning; anthropocentric meaning; intellectual sphere; emotional sphere; characterization of the predicate; predicate condition; change in the semantics of adverbs

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются семантика и функционирование наречия *душевно*. Проанализированы значения существительного *душа*, которое обнаруживает переход от неантропоцентрической к антропоцентрической семантике, поскольку единственным носителем *души* признается человек. Изменения в семантике касаются перехода от интеллектуальной к эмоциональной сфере действия *души*. Функционирование наречия *душевно* анализируется на материале Национального корпуса русского языка. В XVIII в. наречие употребляется в контексте модальных глаголов. Для XIX в. характерно употребление наречия для описания эмоционального состояния человека, а также его этикетное употребление в письмах. В конце XX и начале XXI вв. наречие *душевно* начинает употребляться не как характеристика предиката, а как предикат состояния, при этом наречие утрачивает связь с искренностью и эмоциональностью, а обозначает приятное, комфортное состояние субъекта.

Ключевые слова: существительное *душа*; наречие *душевно*; неантропоцентрическое значение; антропоцентрическое значение; интеллектуальная сфера; эмоциональная сфера; характеристика предиката; предикат состояния; изменение семантики наречия

Наречие *душевно* происходит от прилагательного *душевный*, а оно уже от существительного *душа*, которое в свою очередь является одним из важнейших в ментальном лексиконе носителей славянских языков, в том числе, русского (см.: [Wierzbicka 1992; Никитина 1999; Толстая 1999; Урысон 1997; Урысон 1999; Шмелев 1997; Шмелев 2000]). Толкование деривата в словарях обычно дается с отсылкой к исходному слову, наречие фиксируется словарями уже в конце XVIII в., меж тем, значение существительного толкуется по-разному.

Мы видим нашу цель в том, чтобы рассмотреть семантику наречия *душевно* и его употребление в речи. Для этого мы намереваемся проанализировать отражение в словарях семантики существительного *душа*, проследить по Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] изменение функционирования наречия.

Нами были рассмотрены десять толковых словарей разного времени: «Словарь Академии Российской» в двух редакциях – «Словарь Академии Российской [Словарь Академии... 1794–1799] (САР–1) и «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» [Словарь Академии... 1806–1822] (САР–2), «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. [Словарь церковнославянского... 1847] (СЦСРЯ), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Толковый словарь живого... 1978–1980] (ТСЖВРЯ), «Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук» Я.К. Грота–А.А. Шахматова [Словарь... 1891–1930] (СРЯ–1), «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова [Толковый словарь... 1996] (ТСРЯ), «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт. [Словарь современного... 1948–1965] (ССРЛЯ), «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [Словарь... 1985–1988] (СРЯ–2), «Большой академический словарь русского языка» [Большой академический... 2004–...] (БАС), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [Большой толковый... 2002] (БТСРЯ).

Различия в толкованиях касаются количества выделяемых значений, формулировок и определения статуса владельца души. Количество выделяемых значений весьма различно: в САР – 2, в СЦСРЯ, у Д.Н. Ушакова, у Я.К. Грота–А.А. Шахматова, в БТС – 10, у В.И. Даля – 5, в МАС – 6, в БАС-1 и БАС-2 – 8 значений.

В САР толкование сформулировано так: *душа* – «1) Вообще дух, влияющий в тело животное <...>. 2) Особенно душа человеческая <...>» [Словарь академии... 1806–1822, 2: 291, 292]. Толкование СЦСРЯ выражено иначе, чем в САР, и не связывает однозначно первое значение с человеком: «1) Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею <...>. 2) Церк. Дух, влияющий в тело животного, жизнь <...>. 3) Душевное свойство человека <...>» [Словарь церковнославянского... 1847, 1: 379]. В словаре В.И. Даля *душа* – «бессмертное духовное суще-

ство, одаренное разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом; в более тесном; || человек без плоти, бестелесный, по смерти своей» [Толковый словарь живого... 1978–1980, 1: 504]. У Д.Н. Ушакова: «1) В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека. <...> 2) В старой психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека» [Толковый словарь... 1996, 1: 816–817]. Если мы обратимся к Словарю под редакцией А.П. Евгеньевой, получим такое толкование: «*Душа* – 1) Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п. <...> || В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. <...> || По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом» [Словарь... 1985–1988, 1: 456]. Многотомные словари толкуют значение слова *душа* так: «1) Условно употребляемый термин, обозначающий внутренний, психический мир человека <...>. 2) Черты, качества, присущие определенному лицу; человек как носитель тех или иных черт, качеств» [Большой академический... 2004–..., 3: 1184–1188]; «1) Внутренний мир человека, его чувства, переживания, настроения <...>. 2) В идеалистической философии – особая нематериальная субстанция, независимая от тела; по религиозным представлениям – нематериальное бессмертное начало в человеке, составляющее сущность его жизни и связывающее его с Богом; дух (в 1 знач.)» [Большой академический... 2004–..., 5: 252–255]. В одностомном словаре под редакцией С.А. Кузнецова такое толкование: «По религиозным представлениям: духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека (иногда животных, растений), покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке» [Большой толковый... 2002: 290].

Первое лексикографически зафиксированное изменение семантики таково: в словарях XVIII, XIX и первой половины XX в. отмечается, что человек наделен душой как всякое живое существо. Как видим, толкование семантики у Д.Н. Ушакова следует более ранней лексикографической традиции, четкий переход к антропоцентрическому видению души происходит в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, т. к., начиная с этого лексикографического источника, авторы настаивают на том, что душой обладает не просто живое существо, а человек. Второе изменение касается инструментальной семантики души: в САР, СЦСРЯ за душой закрепляются интеллектуальные способности: ‘существо бестелесное, одаренное способностью понимать, мыслить, рассуждать, хотеть и проч. и которое имеет уверенность о своих действиях, также волю, свободу и есть главная сила на тело действующая’ [Словарь Акаде-

мии... 1806–1822, 2: 291, 292], в СЦСРЯ и у Даля отмечаются *разум* и *воля* [Словарь церковнославянского... 1847, 1: 379; Толковый словарь живого... 1978–1980, 1: 504]. Словари отмечают в качестве одного из значений слова *душа* ‘совесть’ [Словарь Академии... 1806–1822, 2: 291, 292]. У Д.Н. Ушакова в семантике слова *душа* доминирует уже не интеллектуальная, а эмоциональная сфера: ‘в старой психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека; Внутренний, психический мир человека’ [Толковый словарь... 1996, 1: 816–817] (см. также [Иорданская 1984]).

САР-1 определяет значение наречия *душевно* как ‘от всей души, охотно’ [Словарь Академии... 1794–1799, 2: 826]. Словарь под редакцией С.А. Кузнецова при толковании семантики слова *душевно* отсылает к прилагательному *душевный*, у которого отмечаются три значения: «1) связанный с внутренним миром человека, его психическим состоянием. <...> || Связанный с нарушениями в области психики. <...> 2. Искренний, сердечный, идущий от души. <...> 3. Добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке)» [Большой толковый... 2002: 290].

Теперь обратимся к анализу функционирования наречия на материале Национального корпуса русского языка. Для удобства поиска мы задали несколько хронологических подкорпусов: а) 1700–1800 – 26 документов, 26 вхождений, б) 1801–1850 – 129 документов, 196 вхождений; в) 1851–1900 – 414 документов, 619 вхождений; г) 1901–1917 – 157 документов, 215 вхождений; д) 1918–1991 – 424 документов, 816 вхождений; е) 1992–2015 – 286 документов, 392 вхождения.

В семантике существительного *душа* словари отмечали наличие орудийного значения: душа описывалась как инструмент воли. В материалах корпуса встречаются относящиеся к XVIII в. конструкции с модальными глаголами (примеры 1, 2):

(1) **Желала** б я **душевно**, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил. (Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782) [НКРЯ])

(2) Генерал не успел сего услышать, как вдруг переменял тон, и стал нам клясться и божиться, что хотя бы он и **душевно желал** пособить нам в сём случае, но не находит себя ни мало к тому в состоянии, и чтоб мы пожаловали его в сём случае – извинили! (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800) [НКРЯ])

В XVIII и в XIX вв. наречие *душевно* выступает как характеристика предикатов состояния, выраженных глаголом *страдать*, прилагательным *добр* (примеры 3, 4).

(3) В Василькове, быв осмотрены таможеню без всякой обидной строгости, выехали за границу, и я возблагодарил внутренне бога, что он вынес меня из той земли, где я **страдал** столько **душевно** и **телесно**.

(Д.И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия (1786–1787) [НКРЯ])

(4) **Душевно** был **добр, открыт, сердоболен**, но **горяч и страстен**, влюблялся поминутно и во всех, а более всего упрям. (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 1–2 (1788-1822) [НКРЯ])

Состояния души по материалам НКРЯ описываются в следующих конструкциях: *душевно доволен, сильнее, утешается, терзается, рад, погубляет, стараться, умножить*.

Словари отмечают тесную связь тела и души как сосуда и его содержимого, соответственно наречия *душевно* и *телесно* встречаются в одних конструкциях (примеры 3, 5). Различие в примерах заключается в том, что в примере 3 выражена эмпатия говорящего к экспериенцеру, участнику ситуации, который испытывает определенное состояние, в примере 5 эмпатия – к субъекту-действию.

(5) Богом, и судом его страшным, в том всегда ответ дать могу, как сущее мне господь Бог **душевно** и **телесно** да поможет. (Петр I. Генеральный регламент (1720) [НКРЯ])

Материал Корпуса показывает, что диапазон эмоциональных состояний, характеризующихся наречием *душевно*, в XIX в. расширяется: это конструкции *душевно сохраняю память, опечален, благодарю, предан, благодарить, любишь, жаль, уважал, сожалел, огорчен, уважаю, отдыхаю, тронут*.

(6) ...дамы успокоились, **душевно** смеялись над легкомыслием Березовского. (Н.В. Кукольник. Максим Созонтович Березовский (1844) [НКРЯ])

Значение искренности, о котором упоминает САР, объясняет употребление наречия в контексте глаголов речи (пример 7).

(7) С каждым он **поговорит** – тихо, **душевно**, так что в три недели он знал всех насквозь со всеми нашими слабостями и достоинствами. (А.П. Боголюбов. Записки моряка-художника (1888) [НКРЯ])

Материал XIX в. демонстрирует устойчивое этикетное употребление наречия в позиции конца эпистолярного текста (примеры 8–12). Наречие входит в формулу уважения к адресату. С одной стороны, слово *душевно* выступает как сигнал искренности, с другой – как интенсификатор. В некоторых случаях, как в примере 8, метафорически переосмысливается акциональный глагол *обнимать*. Демонстрирует устойчивость конструкция *душевно преданный*, она встречается в текстах на протяжении всего XIX в. Наблюдаются также случаи опущения причастия в той же позиции конца текста (см. пример 13).

- (8) Остаюсь **душевно почитающая** вас невестка А. Адуева. (И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847) [НКРЯ])
- (9) Жена моя тебе усердно кланяется, обнимаю тебя **душевно** и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцов. (М.С. Воронцов. Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову (1845–1855) [НКРЯ])
- (10) Прощайте. Вам **душевно преданный** *Макар Девушкин*. (Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846) [НКРЯ])
- (11) Остаюсь навсегда **душевно** тебе **преданный** М. Воронцов. (М.С. Воронцов. Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову (1845–1855) [НКРЯ])
- (12) Если ты согласен на это, то уведошь меня, и, еще раз повторяя эту просьбу от себя и от Александра Васильича, остаюсь **душевно** тебе **преданный** А. Писемский. (И.А. Гончаров. Письма (1842–1859) [НКРЯ])
- (13) Жена и я очень кланяемся Вашей супруге. **Душевно Ваш** В. Докучаев. 2 апреля 1895 г. (В.В. Докучаев. Письмо А.А. Измаильскому (1895) [НКРЯ])

В советский период количество подобных формул с причастием *преданный* в эпистолярных текстах сокращается. Мы обнаружили только 2 контекста, датированные предвоенным временем (примеры 14, 15). В примере 15 соединяются две формулы: преданности и уважения.

- (14) Обнимаю Вас горячо. **Душевно преданный** Вам *Н. Евреинов*. (Н.Н. Евреинов. Письма Юрию и Юлии Ракитиным (1928–1938))
- (15) Шлю Вам сердечный привет и очень жду Вашего приезда. **Душевно преданный** Вам и высоко уважающий *А. Сумбатов-Южин*. (А.И. Южин. Письма В.А. Теляковскому (1918–1924))

С помощью наречия *душевно* в эпистолярных текстах XIX в. также оформляется этикетная формула благодарности (примеры 16, 17). В подкорпусе текстов советского времени подобных конструкций нами не обнаружено.

- (16) Любезнейший друг Дмитрий Васильевич, **благодарю** Вас **душевно** за ваше письмо. (И.А. Гончаров. Письма (1842–1859) [НКРЯ])
- (17) Начинаю с того, чтобы **благодарить** тебя **душевно**, как от себя, так и от жены моей. (М.С. Воронцов. Кавказские письма М.С. Воронцова к А.П. Ермолову (1845–1855) [НКРЯ])

В конце XX и начале XXI в. наблюдается новое явление в функционировании наречия *душевно*: оно перестает употребляться в качестве определения предиката, более того, само выступает как предикат состояния при дативном субъекте (примеры 18, 19). При этом пишущие авторы вполне различают старое непредикатное и новое предикатное употребления (см. примеры 19, 20).

- (18) Ищите человека, с которым вам будет **душевно** хорошо. [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1–500) (1999) [НКРЯ]]

(19) Вот уже и постарели вроде, и даже похоронили кое-кого, и детей пережили, и внуков растим, а нам вместе по-прежнему **душевно** и хо-рошо. (Любовь Кабо. Правдѣнка (1997) [НКРЯ])

(20) В глуши ведь живу, **душевно** настрадался, поверьте!...» (Любовь Кабо. Правдѣнка (1997) [НКРЯ]).

Зависимый именной компонент конструкции, называющий второго участника ситуации, употребляется в творительном падеже с предлогом *с* (пример 21).

(21) Слава богу, жена Коли очень хорошая, **с ней** легко, **душевно**. (Га-лина Щербакова. Год Алены (1996) [НКРЯ])

Вторая конструкция употребления наречия – с локативом, выражен-ным именной группой в предложном падеже с предлогами *в, на* (пример 22), или же локативным наречием, при этом дативный субъект не выра-жен эксплицитно (примеры 23–25).

(22) **В Пиренеях** зимой не менее **душевно**, чем в Альпах. (Зимние секре-ты суперагентов (2002) // «Домовой», 2002.12.04 [НКРЯ])

(23) И никуда не хочу уезжать из Амстердама, **здесь душевно**, тепло. (Александр Иличевский. Перс (2009) [НКРЯ])

(24) Понимаете, Леночка, **здесь** всё глубоко **душевно**, хоть снаружи вро-де бы обыкновенный натюрморт. (Олег Павлов. Карагандинские девяти-ны, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001 [НКРЯ])

(25) И так **там** было **душевно** и полновесно, что Илье спьяну очень захо-телось быть таким же, как эти мужики. (Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013 [НКРЯ])

Наконец, третья конструкция не предполагает ни эксплицитного субъекта состояния в дательном падеже, ни локативного распространи-теля: предикатное наречие употребляется изолированно, довольно часто в контексте наречий со значением положительной оценки *хорошо, здо-рово, мило* (примеры 26, 27). В некоторых случаях на письме предикат выступает как неполное предложение (пример 28). В этом случае речь идет о положительной оценке ситуации в целом.

(26) Вроде черт-те что, а хорошо, **душевно**. (Валерий Панюшкин. Алеша Паперный вырабатывает характер (1997) // «Столица», 1997.07.01 [НКРЯ])

(27) Было очень хорошо и **душевно** – свои вдали от родины. (Констан-тин Ваншенкин. Писательский клуб (1998) [НКРЯ])

(28) В общем здорово и мило. **Душевно**. Уже будучи послом, каждый год в полном семейном составе посещал эту процедуру. (Александр Бо-вин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999) [НКРЯ])

Важнейший вопрос, сохраняется ли у наречия в позиции предиката состояния семантика, связанная с существительным *душа* и прилага-

тельным *душевный*? На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Попытки заменить наречие *душевно* на слова, из зоны толкования *искренне, сердечно* приводят к нарушению смысла высказываний. Заменой, при которой смысл фразы не страдает, следовало бы признать слова *приятно, комфортно*. Следовательно, значения, связанные с эмоциональной сферой жизни человека, отходят на второй план, актуализируется лишь семантика положительной оценки. Ясно, что пребывание в заграничной поездке, не предполагает ни доверительности, ни искренности, ни эмоциональной близости. Сложнее с анализом примеров 19, 21. И в этих случаях, как мы полагаем, метод синонимических замен позволяет предложить вариант *легко*, описывается состояние, которое называется *душевым комфортом*. Таким образом, речь может идти об изменении семантики наречия *душевно* в его предикатном употреблении.

Подведем итоги. Наречие *душевно*, образованное от прилагательного *душевный* и хранящее в своей семантике «семантические следы» существительного *душа*, которое в современном русском языке отвечает за эмоциональную сферу жизни человека, в своем употреблении демонстрирует ряд особенностей. Можно говорить о непредикатном и предикатном типах употребления наречия: и только в первом случае наречие сохраняет связь с производящей основой существительного и прилагательного. В непредикатном употреблении выделяется группа этикетных конструкций *душевно преданный, душевно Ваш*, характерных для эпистолярных текстов XIX в. и вышедших из употребления в советскую эпоху. В предикатном употреблении в семантике наречия происходят изменения, оно означает в зависимости от контекста ‘приятно’, ‘комфортно’, ‘легко’ и утрачивает связь с эмоциональной сферой жизни человека: искренностью, доверительностью, сердечностью.

Литература / References

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–20. М.–СПб.: Наука, 2004–... – [БАС].
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. – [БТСРЯ].
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980. – [ТСЖВРЯ]
4. *Иорданская Л.Н.* Сердце // *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. С. 131–146.
5. *Никитина С.Е.* Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 26–38.
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. 1–6. СПб.: при Императорской Академии наук, 1806–1822. – [САР–2]
7. Словарь Академии Российской. Т. 1–6. СПб.: при Императорской Академии наук, 1794–1799. – [САР–1]
8. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук / Я.К. Грот, А.А. Шахматов. СПб., 1891–1930. – [СРЯ–1]
9. Словарь русского языка: Т. 1–4. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. – [СРЯ–2]

10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – [ССРЛЯ]
  11. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. 1–4. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1847. – [СЦСРЯ]
  12. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: Терра, 1996. – [ТСРЯ]
  13. *Толстая С.М.* Душа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1–5. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 162–167.
  14. *Урысон Е.В.* Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 11–25.
  15. *Урысон Е.В.* Душа // *Апресян Ю.Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 447–450.
  16. *Шмелев А.Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 481–495.
  17. *Шмелев А.Д.* Широта русской души // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. С. 356–367.
  18. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. NY, 1992. – viii + 487 p.
- Электронный источник примеров**
1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorgora.ru>. Дата последнего обращения – 25.01.2016. – [НКРЯ]

МЕСТО СВЯЗАННОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ И ЕГО РОЛЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Л.О. Чернейко

THE PLACE OF BOUND MEANING OF THE WORD IN THE TYPOLOGY OF LEXICAL MEANINGS AND ITS ROLE IN LANGUAGE AND SPEECH

L.O. Cherneyko

ABSTRACT

The present paper is devoted to the issue of the bound meaning of the word. A special place this type of meaning occupies in the typology of lexical meanings is explained by the fact that the bound meaning, having the status of “secondary predicates”, underlies the process of semiotization of phenomena belonging to the invisible world. Resting on the conceptions of a number of scholars, such as V.V. Vinogradov, V.N. Teliya, V.G. Gak, the present research sets out to further elaborate the theory of the bound meaning. In doing so, the analysis of texts that refer to different genres is conducted. Special attention is paid to the study of projective senses of abstract entities. This study is based on the analysis of non-free combinability of names of abstract entities and is carried out with the help of the method of implicit images extraction. The method in question opens up new routes for investigations concerning the combinability of special terms with well-known verbs and adjectives used to shape scientific speech as well as provides the opportunity to model the scientific worldview.

Key words: free meaning; bound meaning; lexical functions-parameters; phraseological paradigm of the abstract name; descriptive predicates; connotations; projective senses

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме связанного значения, которое по своей «объяснительной» значимости занимает центральное место в типологии лексических значений слова, поскольку именно этот тип значения в статусе «вторичных предикатов» обслуживает сферу семиотизированных сущностей невидимого мира. Особое место уделяется истории вопроса: концепциям В.В. Виноградова, В.Н. Телия, В.Г. Гака. Рассматриваются такие проблемы, как соотношение свободного и несвободного типов значения, несвобода косвенно-производного (собственно переносного) значения, конструирование фразеологической парадигмы абстрактного имени (АИ), значимое для реконструкции языковой картины мира. Описательным предикатам (ОП) как альтернативному способу грамматического оформления информации в предложении противопоставляются связанные словосочетания, характеризующиеся безальтернативностью (обязательностью) грамматического оформления мыслимых параметров (модусов существования) абстрактной сущности в их проекции на предметы опыта. Важной науковедческой задачей является исследование механизмов сочетаемости

термина с глаголами и прилагательными общеизвестного языка, многие из которых выполняют роль «вторичных предикатов».

Ключевые слова: свободное значение; связанное значение; лексические функции-параметры; фразеологическая парадигма непредметного имени; описательные предикаты; коннотация; проективные смыслы

Одиночество фразеологизма достигает предела.
М.В. Панов. Позиционная морфология.

1. Современное отечественное научное сообщество развивается стремительно, что, однако, не приводит к такому же стремительному росту научных достижений. Много исследователей, гораздо меньше ученых, а организаторов науки совсем немного. В.Н. Телия, обладая всеми качествами ученого, имела и этот дар. В 90-е годы под ее руководством начинается беспрецедентная для отечественной лексикографии работа по составлению русского фразеологического словаря особого типа, в котором гармонично сочетаются традиция и новаторство: фразеологические единицы русского языка, являющиеся частью его лексикона, рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте – как языковые знаки, имеющие свой ассоциативный ореол и отражающие специфику русскоязычного взгляда на мир. Проблемной группой «Лингвокультурология» создан «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий», выдержавший четыре издания и высоко оцененный в России и за рубежом как не имеющий аналогов. Но такой словарь вряд ли оказался бы возможным без теоретической разработки В.Н. Телия проблемы лексического значения слова и его типологии. Одним из бесспорных теоретических достижений ученого является созданная ею стройная концепция «связанного» лексического значения, которому посвящена ее докторская диссертация «Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке», защищенная в 1982 г.

2.1.1. В основе известной и ставшей классической классификации типов лексических значений В.В. Виноградова лежат такие параметры, как «отношение знака к действительности» (семантика), «отношение говорящего к знаку» (узко понимаемая прагматика) и «отношение знаков друг к другу» (по парадигматической и синтагматической осям, представленным в речи как селекция единиц лексикона и их комбинация). Выделяя «свободное» и «фразеологически связанное» типы значения [Виноградов 1977], В.В. Виноградов под последний тип подвел достаточно разнородные синтагмы, такие, как *безысходная грусть, печаль, впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в бедность* и др., с одной стороны, и *преклонный возраст* – с другой, осознавая при этом различие в «степени тесноты, замкнутости и слитности фраз, характере

образности <...> и степени несамостоятельности словесных компонентов» [Там же: 181], что открыло перспективу дальнейшего изучения лексико-семантической несвободы сочетаемости.

Но и под так называемое «свободное» значение слова подводятся достаточно разнородные факты. Известно, что для реализации свободного значения слова существуют определенные синтаксические правила, по которым создаются свободные словосочетания. В свободной сочетаемости слов отражается логика мира, а это разного рода отношения между а) семиотизированными явлениями действительности, например: часть-целое (*окна дома, вагона; ручка двери, крышки*), элементно-множество (*деревья леса, парка; экспонаты музея, выставки*), причина-следствие (*слезы тоски, радости; тоска одиночества, грусть разлуки*), б) явлением и его параметром – свойством или модусом существования (*прозрачный лед, стекло; горькая трава, лекарство; шуриание листьев, бумаги; разбить чашку, вазу; сломать ветку*). Как отмечает В.Н. Телия, «комбинирование слов, обладающих номинативно автономным значением, регулируется их собственным лексико-семантическим потенциалом, что и послужило основанием для определения словесных значений этого типа как свободных» [Телия 1981: 6].

В структуре высказывания логическая связь между явлениями или явлением и его параметром выражается в семантическом согласовании обозначающих их лексических единиц: *облокотиться о край стола* (**облокотиться спиной, ступней*), *притулиться на краю скамейки* (**притулиться на площади*), *старуха семенит к алтарю* (**семенит, широко шагая*). В предложении *Он лежал, облокотившись на руку* (Л. Толстой) нарушение семантического согласования очевидно. Если сочетание *облокотиться рукой* на что-то (*Лишь раз гусар, рукой небрежно облокотясь на бархат алый, скользнул по ней улыбкой нежною*. А. Блок) вписывается в семантическую структуру глагола как она представлена в толковых словарях ('опереться на руку' – Д.Н. Ушаков), хотя и является избыточным, то словоупотребление Л.Н. Толстого нельзя не признать ошибочным по причине наличия в глаголе живой внутренней формы.

2.1.2. Проблема определения степени свободы реализации словом своего лексического значения остается дискуссионной. Как отмечается в «Грамматике–80», «абстрактные синтаксические образцы в той или иной степени лексически не свободны» [РГ/2 1980: 11], что дает основания для построения «шкалы семантической свободы/несвободы сочетаемости» – от ограничений исключительно со стороны предметно-логических связей фрагментов внеязыковой действительности через «очевидные тенденции к преимущественному использованию определенного лексического материала до строгой закрытости синтаксического образца для целых семантических разрядов слов» [Там же: 11–12]. Именно на этом основании вычленяются два типа свободных словосо-

четаний – «лексически не ограниченные» и «лексически ограниченные» [Там же: 80].

Из этого положения следует, что значения приведенных выше глаголов *облокотиться*, *притулиться*, *семенить*, а также *щурить*, *карабкаться* и подобных следует признать свободными, но лексически ограниченными, однако такая их квалификация представляется логически противоречивой. Глаголы с узким значением, обозначающие либо детализированное действие или состояние субъекта и по необходимости включающие признак признака (наречие) в свою семантику (*семенить*, *притулиться*), либо специфическое состояние, присущее определенному классу явлений (*щурить глаза*, *моргнуть*), представляют собой такой лингвистический объект, синтагматика которого не имеет однозначной квалификации.

Но и такая одновременная квалификация лексического значения, как «свободное номинативное» и «конструктивно обусловленное», которую предлагает В.В. Виноградов (*интересы* и *интерес к*, *предмет* и *предмет чего*, *хлопотать* и *хлопотать о* [Виноградов 1977: 188]), наводит на размышления о правомерности связи идеи свободы и идеи ограничения применительно к характеристике одного и того же значения, тем более что морфологическая специфика реализации того или иного значения слова служит, как пишет В.В. Виноградов, «указанием на границы разных значений», способствуя их «дифференциации» [Там же: 187, 189].

Способствует дифференциации значений и другой грамматический ограничитель – распределение по синтаксическим позициям значений прямых (*Жили-были на болоте журавль да цапля*. Сказка) и переносных (*Проклятая цапля! он, верно, завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства*. Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего; *«Бриан – это голова!» – сказали они вздыхая*. И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок). Однако переносное значение признается по семантико-синтаксической функции предикативно-характеризующим, по степени свободы реализации – несвободным, по характеру налагаемых ограничений – синтаксически ограниченным. Значения «конструктивно обусловленные» В.В. Виноградов считает «гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова – значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных» [Там же: 186] по той причине, что в языках синтетического строя семантика и грамматика прочно слиты и в рамках слова-лексемы, и в отдельной словоформе, являющейся единственной очевидной реальностью речи.

Исследуя лексические средства выражения высокой степени проявления признака («степенные» модификаторы – адвербиальные или адъективные определители), Г.И. Кустова отмечает, что «лишь очень небольшое количество «основных» степенных слов (*очень*, *ужасно*,

страшно, сильно, крайне) имеет относительно свободную сочетаемость (*ужасно добрый, страшно устал*), хотя и такие общераспространенные и частотные показатели значения высокой степени имеют определенные сочетаемостные ограничения (*большие, колоссальные трудности – *сильные трудности*) [Кустова 2008: 230], лежащие в сфере идиоматики. Следует отметить, что сочетание *ужасно добрый* вряд ли относится к нормативному.

2.2. Связанность словосочетаний «Грамматика–80» усматривает в таких комбинациях, которые включают в себя либо «нерасчленимые простые или сложные словосочетания» (*собака по кличке Фрам, дядя со стороны отца*), либо обязательное «согласуемое определяющее слово» (*победа любой ценой, девочка с голубыми глазами, человек с трудной судьбой*) [РГ/2 1980: 82]. В.Н. Телия термину «связанность» придала строгий лингвистический смысл, позволяющий очертить зону его референции. Если В.В. Виноградов связал «широту фразовых связей слова» с «его грамматической структурой» [Виноградов 1977: 167], то В.Н. Телия сосредоточила свое внимание на семиотическом статусе слов, группирующихся вокруг связанного значения слова и образующих лексико-семантическую парадигму, названную В.В. Виноградовым «замкнутой фразеологической серией». Особый статус этих имен определяется принадлежностью стоящих за ними «непредметных сущностей» «ненаблюдаемым мирам» (словоупотребления В.Н. Телия), а для человека самый ближний круг этого мира – его психический мир.

В предложенном В.Н. Телия подробном обзоре и теоретическом обобщении основных направлений исследования фразеологического состава языка останавливает внимание констатация ею двух фактов: это а) «употребление семантически зависимых слов с определенными их хозяевами “предписывается языковым обычаем”» [Телия 1981: 26], «былым словоупотреблением, вошедшим в языковой обиход в силу [его – Л.Ч.] нормативного закрепления» [Там же: 34], и б) концентрация «внимания фразеологов на готовом структурно-семантическом результате несвободной сочетаемости» [Там же], что оставляет в стороне вопрос о закономерностях выбора и комбинации компонентов несвободных сочетаний.

Исследование связанной сочетаемости слов В.Н. Телия ставит на прочный семантический фундамент, а именно на идею семантического согласования компонентов сочетания. При этом в лингвистическом фокусе может быть как семантически ключевое слово (*гнев, терпение, надежда*) с обслуживающими его предикатами – глаголами и прилагательными с несвободным, неавтономным, т. е. со связанным значением (соответственно: *вспыхнуть, лопнуть, питать*), что дает возможность

построения фразеологической парадигмы¹ абстрактного имени (*гнев – вспыхнул, разгорелся; душит, ослепляет; бушует, захлестывает, буря гнева* [Там же: 17]), так и слово со связанным значением, очерчивающем круг слов (имен существительных), в сочетании с которыми («замкнутая фразеологическая серия», по В.В. Виноградову) это значение реализуется: *завязать – отношения, дружбу; разговор, дискуссию; бой, перестрелку* [Там же: 35].

При этом во всех словах «замкнутой фразеологической серии» при связанном значении глагола *завязать* В.Н. Телия усматривает единое семантическое основание – ‘перфективно охарактеризованный зачин того, что обозначено именами, семантика которых отражает взаимоотношение или взаимодействие «равноучаствующих» в них, симметричных по своей значимости сторон’, отмечая при этом, что и ключевые слова между собою «обнаруживают смысловую близость, имеющую семантическое основание», и «семантика глагола тонко реагирует на семантику партнеров» [Там же]. Бесспорно, что тонкие семантические отношения между лексическими единицами трудно обнаруживаются и в парадигмах лексикона, куда они входят, и в синтагматических комбинациях, которые ими создаются, особенно, если речь идет о непредметных именах, за которыми стоят абстрактные сущности, принадлежащие миру умопостигаемому. Однако, как остроумно заметил Л.В. Щерба, «трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствие искомого» [Щерба 1958: 70].

Далеко не во всех синтагмах, приводимых В.Н. Телия в качестве примера «отношений равнозначности» [Телия 1981: 18], полной семантико-прагматической эквивалентности, эта равнозначность реально присутствует. Представляется, что в таких синтагмах, как *заводить/завязывать дружбу* или *приходить/впадать в отчаяние*, семантика глаголов *заводить* и *завязывать*, *приходить* и *впадать* очень «тонко реагирует на семантику» своих партнеров, за которыми стоят сложные социальные отношения (*дружба*) или сложное психическое состояние (*отчаяние*). При общем семантическом основании синонимов *заводить–завязывать* (‘начинать’, в терминах лексических параметров CauslOper1 = ‘каузировать начало’) и *приходить–впадать* (‘начинаться’, в терминах лексических параметров InserOper1=‘начинаться быть’) второй член обеих оппозиций вводит такой тонкий смысл, как ‘степень интенсивности проявления модусов’ (отношения и состояния).

Принципы структурной семантики, воплотившиеся в модели «Смысл–Текст», определили алгоритм решения проблемы несвободной сочетаемости непредметных имен: глубинные смыслы, представленные в рамках лексических функций (ЛФ) списком ЛФ-замен и ЛФ-

---

¹ «Вокруг семантически ключевых абстрактных существительных группируются целые парадигмы слов в их связанном значении» [Телия 1981: 4]. Терминологическое сочетание «фразеологическая парадигма» принадлежит В.Г. Гаку [Гак 1968: 495].

параметров, стали базой описания семантических отношений между лексическими единицами языка как в плане парадигматики, так и в плане синтагматики. При произвольно выбранных субстантивах определенный глубинный смысл-параметр воплощается в разрешенных нормами словосочетаниях, а сама глагольная сочетаемость непредметных субстантивов квалифицируется как поверхностная (лексическая, узуальная).

Лингвистическая ценность предлагаемого В.Н. Телия семантического обоснования связанной сочетаемости компонентов синтагмы состоит не столько в том, что в ее концепции устраняется противопоставление сочетаемости лексической и семантической (ср.: «все семантические и сочетаемостные соотношения данного слова с другими словами» [Мельчук, Жолковский 1984: 70]), характерное для интерпретационной модели «Смысл–Текст», сколько в открывающейся перспективе моделирования языковой специфики видения мира той или иной культурой (его концептуализации), для которого такая универсалия, как «глубинный смысл», мало пригодна, поскольку именно образные представления означенных фрагментов действительности, опирающиеся на «обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт некоторого языкового коллектива» [Телия 1981: 13], направляют связанную сочетаемость значимых для культуры непредметных абстрактных имен (АИ).

3.1.1. Как пишет В.Н. Телия, «связанное значение основано на имплицитивно-выводном знании, извлекаемом из структуры фрейма опорного наименования» [Телия 1995: 33]. Из приводимого ею примера следует, что связанное значение ('суть') конкретного имени *зерно* в сочетании *зерно истины* основано на знании, извлекаемом из имени *истина*. Но с этим именем в нашем обыденном сознании связано не знание (как со словом *зерно*), а умопостигаемая идея (пучок представлений, мифологема), проецируемая на семя, зародыш растения, с которым, в свою очередь, связаны коннотации 'начало' и 'сущность'. В связанной номинации конкретное имя, актуализирующее свое переносное значение (а оно не может квалифицироваться как свободное, поскольку означающим конкретного знака в его переносном, косвенно-производном значении является синтагма), одухотворяется, а абстрактное имя, не меняя значения, опредмечивается.

Трудно поэтому согласиться с утверждением В.Н. Телия, что у связанного значения слова *зерно* в этом сочетании «свободный по значению партнер» [Там же: 28]. Имя *истина*, будучи ключевым словом синтагмы, семантически (денотативно) свободно, а прагматически (коннотативно) зависимо. Ассоциативный ореол любого значимого для культуры абстрактного субстантива возникает из вещных коннотаций абстрактной сущности, материализующихся в прагматически связанной сочетаемости ее имени с именем (или глаголом) того предмета (или его модуса, обозначенного глаголом), на который она проецируется. Если

коннотативные признаки способны «регламентировать сочетаемость слов» [Телия 1981: 247], то разные вещные коннотации абстрактной сущности задают синтагматический вектор имени этой сущности с прагматически мотивированными ограничениями.

3.1.2. Сочетания типа *вести борьбу, дружбу* В.Г. Гак определил как «фиксированные», а сочетаемость компонентов в них – как «прихотливую», но характеризующуюся взаимозависимостью [Гак 1977: 207]. Можно сказать, что «синтагмой» (термин В.Г. Гака), т. е. мотивирующим, связующим компонентом фиксированных сочетаний является прагматическая взаимозависимость его компонентов, обусловленная интеракцией ассоциаций. Смысл целого словосочетания не складывается, если слушающий не нашел основания связи слов, не обнаружив основания связи явлений, т. е. синтагмемы, внутренней формы словосочетания. Чтобы в потрескавшейся штукатурке увидеть иероглиф, нужно уже иметь в памяти его «опытный» образец.

Разрабатывая сочетаемость непредметных имен с применением такого инструмента, как «фразеологическая парадигма» абстрактного имени и уподобляя ее парадигме словообразовательной, В.Г. Гак в синтагме *завязать дружбу* приписывает «глаголу-сателлиту» опорного имени роль аффикса, аналогичную функции словообразовательного компонента деривата [Гак 1968]. Но, продолжая словообразовательную аналогию В.Г. Гака, можно сказать, что если глагол – аффикс, а имя – корень, то во фразеологической парадигме АИ (аналоге словообразовательного гнезда производных слов) это корень связанный, а не свободный, а сама фразеологическая парадигма представляет собой совокупность отсубстантивных глагольных дериватов.

Фразеологические парадигмы некоторых абстрактных имен можно извлечь из материалов «Толково-комбинаторного словаря», где в основном (что семиотически закономерно) отражена их несвободная сочетаемость, реализующая, как уже было сказано выше, определенные глубинные смыслы, обобщенные и представленные «на языке лексических функций» (параметров), например: *авторитет*, мыслимый как агенс, – *возрастает, повышается, растет, снижается, рушится, укрепляется; пошатнулся, покачнулся; лопается*; мыслимый как пациенс – *повышать, поднимать, ронять; ослаблять, подрывать, поколебить, подтачивать, укреплять; терять, утрачивать; завоевывать* [Мельчук, Жолковский 1984: 110–111]).

С сочетаемостью имени *авторитет* во многом пересекается сочетаемость имени *власть*. И хотя обе сущности мыслятся как отчуждаемые принадлежности (*потерять, утратить*), мифологическое различие между ними обусловлено различием в их логическом статусе: *власть* – это социальная функция субъекта (субъектов), тогда как *авторитет* – его социально значимое личностное свойство (параметр), эпифеноменом которого является ненасильственное подчинение других носителю этого

свойства. Именно поэтому *авторитет* не может быть *дан* или *передан*, к нему нельзя *привести*, им нельзя *облечь*, *наделить* и т. д. В конечном счете, авторитет связан с идеей «быть», тогда как власть – с идеей «иметь».

На модели «Смысл–Текст» основан и метод описания несвободной сочетаемости непредметных имен через систему исчисляемых глубинных смыслов (ЛФ-параметров) в проекте «Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен» [Бирюк и др. ЭР]), сфокусированный на глаголах, позиционно распределенных в синтагмах с разными опорными субстантивами: например, параметр *Исер* («начинаться») при имени *скандал*-субъекте воплотится в глаголе *разразиться*, при имени *ссора* – *вспыхнуть*, при имени *драка* – *завязаться*. Этот важный аспект исследования связанной сочетаемости слов с опорой на глагол должен сопровождаться составлением фразеологических парадигм, потому что именно они открывают перспективу моделирования сложившихся в культуре представлений о фрагментах непредметной, метафизической действительности (их концептуализации), из чего и складывается языковая картина мира. Например, имя *время* как субъект действия сочетается с такими глаголами физического действия, как *разрушать*, *стирать*, *ломать*, *проглатывать* (и многими другими), в которых воплощается глубинный параметр *Liqr*, и не только с глаголами этой группы: *Время, прежде чем убить, лечит, и надежней не найти средства*. (А. Королев. Вокруг да около.) Следует отметить, что чем более абстрактным значением обладает глагол, тем меньше его роль в создании «конвенциональной образности» (подробно в [Чернейко: 2015]), тем более он «строевой».

Л.В. Щерба писал, что «формами следует <...> почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, то есть в которых непременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в свободном значении» [Щерба 1958: 35]. Применяя это положение к квалификации фразеологической парадигмы абстрактного имени, мы можем констатировать, что эта парадигма объединяет мыслимые в культуре формы-проекции абстрактной сущности, материализованные в сочетаемости ее имени с несвободными значениями предикатов. При этом в несвободном (связанном) словосочетании семантически свободное АИ является прагматически зависимым. И чем лучше будут изучены фразеологические парадигмы АИ, тем точнее будет представлена языковая картина стоящих за ними фрагментов мира.

Следует еще раз подчеркнуть, что вещные коннотации абстрактной сущности и предопределяют сочетаемость ее имени, и выводятся из нее. Через несвободную (фиксированную) сочетаемость абстрактного имени, через фразеологическую парадигму и, в частности, через «аффиксы» абстрактного имени (слова с дескриптивным типом семантики в переносных значениях) сознание мыслит умопостигаемое (возможное) в его

разных конкретных обличьях-проекциях как действительное, что и обусловливает прагматически мотивированные ментальные действия над умопостигаемым. И если мир видимый подвергается категоризации, членению на классы, в результате чего создается денотативная лексика, то значимые для социума абстрактные сущности, заполняющие пространство невидимое (чувствуемое и мыслимое), концептуализируются – о них складываются представления, направляющие комбинаторику (сочетаемость) их имен. Абстрактное имя мифологично, как мифологично все, что не имеет опоры в эмпирической действительности.

3.2. Главная семантическая особенность непредметных имен обусловлена отсутствием у них «наглядности», т. е. того перцептивного образа, который связывается с именами визуально воспринимаемых фрагментов физического мира – с именами предметными («денотативами» в концепции Д.Н. Шмелева). В.Н. Телия справедливо полагает, что «сама возможность сочетаемости слов с отвлеченным типом семантики со словами, прямые значения которых обладают предметно ориентированным значением, обусловлена способностью абстрактных существительных актуализировать коннотации, возбуждаемые в их значении на основе <...> “опредмеченности”» [Телия 1981: 4]. Но возникает закономерный вопрос о природе коннотаций абстрактных существительных и, шире, о механизмах возникновения коллокаций, ответ на который искала не только В.Н. Телия, но одновременно с нею искали и ищут теперь другие исследователи семантики и синтагматики абстрактного имени. Так, определяя коллокации как «несвободные сочетания, не относящиеся к идиомам», и усматривая их специфику в «неслучайном сочетании двух и более лексических единиц, характерном как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов», Е.В. Ягунова формулирует свой вопрос: «Если коллокации не заданы списком, не заданы правилами, то что такое коллокация?» [Ягунова 2010].

Абстрактные имена играют основополагающую роль в духовной жизни социума. Они являются той мерой, которую разум прикладывает к миру. Так писал И. Кант. А еще он писал, что «представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1966: 202–203]. Ему вторит Ш. Балли: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли 2001: 221]. Из этой позиции следует, что думать и рассуждать об абстрактных предметах возможно только с привлечением «вторичных предикатов» – глаголов и прилагательных, не утративших своих буквальных «физических» значений, стандартные актанты которых являются источником наглядности (вторичного опредмечивания) для абстрактной сущности.

У всего нашего опыта языковое измерение: у физического категоризация (с разной глубиной таксономии одного семантического пространства в разных языках), у метафизического – концептуализация (с разными проективными смыслами одной абстрактной сущности). Прототипом «вещного» портрета абстрактного имени является сложившаяся в социуме конвенциональная образность стоящей за ним абстрактной сущности, отображающая различия (модификации) в ее понимании и оценке.

«Вещный» портрет абстрактных существительных неоднороден и противоречив, как неоднородна в своих проекциях и противоречива в оценках социума стоящая за ними сущность: стандартные глагольные синтагмы *уважать свободу, дать свободу, вернуть свободу, нарушить свободу, лишить свободы, ограничить свободу* соседствуют в пространстве современного русского языка с такими нестандартными глагольными и именными синтагмами, как *купить свободу, расхлебывать свободу, свалка свободы, тиски свободы*. Важно отметить, что эти синтагмы находятся в отношениях дополнительного распределения, но не привычного позиционного, как, например, распределяются по разным типам контекстов разные значения одного слова (прямые и переносные). Они распределены мировоззренчески позиционно, т. е. не встречаются в пределах одного дискурса. И здесь есть исследовательская перспектива.

4.1. Современная теория словосочетания, разработанная в рамках коммуникативно-функциональной грамматики (М.В. Всеволодова и ее ученики), строится на таком понимании грамматики, в котором охватываются все факты, где обнаруживается действие языкового механизма [Всеволодова 2011]. В этой концепции описательным предикатам (ОП) типа *дать совет (советовать)* придается особый статус, отличающий их и от создаваемых по грамматическим моделям свободных сочетаний (*дать книгу*), и от воспроизводимых фразеологических единиц (*дать дуба*), а также ведется активный поиск «правил образования и функционирования» описательных предикатов [Там же: 76]. Один из видов описательных предикатов (экспликаторы) представляет собой развертку глагола, которая квалифицируется как альтернативный способ грамматического оформления информации в предложении. Но в языке много таких словосочетаний, которые по своей формальной структуре аналогичны дескрипциям-экспликаторам. Имеются в виду сочетания глагола с синтаксически зависимым, но семантически главным абстрактным существительным, т. е. связанные сочетания.

Существенное отличие связанных сочетаний непередметного имени с глаголом (*проглотить обиду*) от описательных предикатов (*нанести обиду = обидеть*) состоит в их грамматической безальтернативности – в синтагматической необходимости имени невидимой сущности соединяться с вторичными предикатами при передаче ее мыслимых модусов

существования. Если в лингвистическом описании словосочетания сфокусироваться не на глаголе, являющемся семантической функцией от имени, а на абстрактном имени, задающем топик суждения, то в его фразеологическую парадигму попадут члены достаточно хорошо изученных и расклассифицированных описательных предикатов. Некоторые из них находятся с сочетаниями-«проекциями» в отношениях пересечения (например, ОП-1 с экспликаторами *вводить в заблуждение*, *вселять надежду*, *осыпать упреками*). Неоднородные по степени своей «семантической опустошенности» экспликаторы описательных предикатов скорее ставят проблему сочетаемости субстантивов, чем решают ее.

Бесспорный факт обязательной, а не факультативной символичности абстрактных сущностей (и, соответственно, содержаний имен этих сущностей), обуславливающий их сочетаемость и объясняющий её, является достаточным аргументом для «грамматикализации» этого объекта. Что касается обязательности проективного смысла и регулярности формы, его выражающей, то следует признать, что проективные смыслы [Чернейко 2009, 2015] абстрактной сущности могут квалифицироваться как обязательные (по причине отсутствия в сущностях наглядности) и регулярные (поскольку имеют специфическую форму своего выражения – вторичные предикаты, противопоставленные своим буквальным значениям).

В дополнение к таким хорошо изученным дескрипциям, как описательные предикаты с экспликатором (*оказать помощь*, *сделать шаг*), можно ввести особый класс синтагм с абстрактным именем, синтаксически аналогичных как словосочетанию (*проглотить обиду*), так и предикативной конструкции (*обстоятельства складываются*, *события разворачиваются*), и назвать их, например, «словосочетания-проективы» (или, используя терминосочетание В.Н. Телия «реляционно-аналитический», которое она предложила для характеристики особой разновидности связанного значения, словосочетаниями «проекционно-аналитическими»), что указывает и на специфику фрагмента действительности, стоящего за семантически главным элементом словосочетания, и на способ его символизации в конкретном языке.

4.2. Концепция грамматики А.М. Пешковского и Р. Лангаккера (членность содержания и конвенциональная образность), подробно изложенная в [Чернейко 2015], позволяет подойти с грамматических позиций к анализу и объяснению связанных словосочетаний. В.Н. Телия отмечает, что слова со связанным значением при непредметной лексике «выполняют в языке роль номинативных средств» [Телия 1981: 10]: *горький* – опыт, истина, разочарование / *сладкий* – сон, слова, грезы; *искать (найти)* – правду, истину, опору / *потерять* веру, покой, терпение. В.Н. Телия определила подобный тип связанного значения глаголов и прилагательных как «реляционно-аналитический».

Метод моделирования проекций абстрактных сущностей на элементы повседневного (эмпирического) опыта отражает такой взгляд на язык, в основе которого лежит понимание языка как хранителя когний (знаний и представлений о мире) и речи как их транслятора. Алгоритм выявления проективных смыслов достаточно прост: это сопоставление переносного (связанного) значения глагола при АИ, позволяющее выделить имплицитную метафору из стандартного актанта (агенса, пациенса, инструмента и т. д.) глагола в его буквальном значении (*проглотить кусок/обиду*: обида = 'вкушаемое'; многие психо-соматические состояния мыслятся в гастрономическом коде, как известно, в одном из самых древних кодов христианской культуры). Из этих имплицитных метафор выводится и аксиология абстрактной сущности (например: жизнь может мыслиться как дар и как наказание, мода – как витальная потребность в статьях журнала «Домовой» или как враг в статьях журнала «7 Дней» [Чернейко, Башкатова 2008]). Можно предположить, что чем больше абстрактных субстантивов приходится на текст, тем выше его скрытая метафоричность² (resp. мифологичность), поскольку ни в повседневной, ни в художественной, ни в научной речи у абстрактных субстантивов практически нет собственных предикатов.

Таким образом, выявление проективных смыслов абстрактной сущности опирается: а) на анализ актантной структуры глагола в его буквальном значении, который сочетается с именем сущности в своем связанном переносном значении, выступая в роли «вторичного» предиката, что позволяет составить список имплицитных метафор имени; б) на обобщение проективных смыслов в «лексикоды» (термин У. Эко), осуществляемое на содержательной основе (разграничение прагматики и семантики в этом случае нерелевантно); в) на сопоставление лексикодов для обнаружения повторяемости проективных смыслов, что обуславливает возможность схематического представления символического пространства АИ в зависимости от степени его членности. Именно повторяемость проективных смыслов в ассоциативном пространстве содержания разных имен дает возможность членения этих пространств, позволяющего говорить об их форме, а о проективных смыслах – как о мере ассоциативных отношений между ними и как о лингвистическом инструменте определения этой меры.

В противоположность термину «коннотация» (и даже «вещная коннотация» [Успенский 1997]) проективный смысл является инструментальным термином активной грамматики. Он ориентирован на моделирование конвенциональной образности ассоциативного (символического, мифологического) пространства абстрактной сущности, обуславливающей синтагматику ее имени – сочетаемость с глаголами и прилага-

---

² «Сколько метафор должно быть на одной странице текста, чтобы он мог считаться «метафорическим»? – так ставил вопрос Ц. Тодоров [Тодоров 1975: 55], а о «возможности написать грамматику размещения метафор» писал Р. Якобсон [Якобсон 1975: 219].

тельными. Информативна и сочетаемость с пространственными предложениями. Кроме того, в этом термине снято противопоставление образов логических и чувственных.

5.1. «Общим знаменателем» дефиниций термина «наука» в словарях разного типа (толковых и энциклопедических) является такой параметр, как объективные знания о мире, которые наука вырабатывает и систематизирует, фиксируя в особых языковых знаках-терминах. Помимо номинации *научный язык* вербальные средства научной сферы обозначаются и такими аналитическими единицами, как *научный стиль*, *научный дискурс* и *язык науки*, в которых профилируются их разные аспекты. Не касаясь тонких семантических обоснований правомерности этих трех номинаций и их неизбежности, можно сказать, что термин *язык науки* является наиболее объемным, охватывающим и язык-код, существующий на правах подсистемы литературного языка, и научную речь. Большое сомнение вызывают такие выделяемые в науковедении параметры языка науки, как его независимость от национальных языков, общезначимость и безличность.

5.2. Исследования терминологических тезаурусов показывают, что основной корпус терминологии любой научной области представлен именами существительными, а среди них наибольший процент составляют имена абстрактные (*множество*, *бифуркация*, *сознание*, *частотность*, *кульминация*, *построение*, *свойство*, *инерция*, *водность*, *экземплярность*). Как писал А.М. Пешковский, «форма существительности имеет огромное значение для нашей мысли. Без нее невозможно было бы никакое знание, никакая наука» [Пешковский 1920: 58]. Что касается прилагательных, то они либо дублируют семантику существительного, являясь их дериватами (относительные прилагательные), либо входят в состав аналитических терминов (*эйдетический образ*, *солнечное сплетение*, *солнечный ветер*).

Глаголов в тезаурусах практически нет, например, в Словаре Л.С. Выготского – ни одного глагола. При этом установлено, что большая часть глаголов выступает в речи как экспликатор описательных предикатов (*устанавливать* – *связь*, *соотношение*, *происхождение*; *приводить к* – *возникновению*, *гибели*, *нарушению*, *раскрепощению*; *производить* – *расчеты*, *вычисления*, *наблюдения*), в которых основная смысловая нагрузка приходится на имя существительное, а глагол выполняет грамматическую роль. Но, как было сказано выше, и среди описательных предикатов (ОП) есть такие, по которым можно восстановить скрытые проекции абстрактных сущностей (*вселять надежду*, *осыпать упреками*), но много и таких словосочетаний, которые не охватываются термином «ОП», но при этом являются проекционно-аналитическими сочетаниями термина, поскольку обслуживаются глаголами в их связанном значении: *укорениться в сознании* (*во внимании); *внимание притупилось* (*сознание), *рассеянное внимание*

(*память), *сосредоточить внимание* (*сознание, память), но *напрячь память* (*внимание, сознание).

Кроме того, в научной речи немало так называемой «скрытой» предикации, по которой легко восстанавливаются проекции сознания на здание и, шире, – на градостроение: *подвалы, порог* и даже *вестибюль сознания*, а также его *тупики и лабиринты*.

Н. Бор писал, что у языка науки нет «никакого другого выбора, как пользоваться повседневными понятиями, может быть, улучшенными терминологией классической физики» [Бор 1971: 281–282], поэтому язык науки не может быть независимым от национального языка. Возникает закономерный вопрос о принципах отбора общеизвестных глаголов и прилагательных, сочетающихся со специальным знаком-термином, который воплощает научное сознание. Науковедение ответило на этот вопрос введением понятия «базисные предположения» [Тулмин 1978: 173–174], с изменением которых связывают «решающие интеллектуальные переходы в науке», приводящие к сменам научных парадигм как форм видения мира.

5.3.1. Особый лингвистический интерес представляет изучение сочетаемости терминов в научных идиолектах, где, вопреки идеальным установкам науковедения, при бесспорной научной общезначимости трудов исследователя отсутствует безличность текста. Так, изучение сочетаемости базового для психологии термина *сознание* в идиолекте одного из ведущих отечественных психологов В.П. Зинченко обнаруживает возможность моделирования того «базового предположения» о «чтойности» и устройстве сознания, на базе которого ученый строил свою концепцию этого феномена, определяющую векторы сочетаемости его термина: *обладать сознанием, собственник сознания, ничейное сознание; сознание возникает, строит себя, формируется, развивается; порабощенное, опустошенное, бодрствующее сознание; полифония сознания, тайна сознания; понимание, трактовка сознания; территория сознания, сознание находится между индивидами; слово – материя сознания* (по тексту монографии [Зинченко 2010]).

5.3.2. Анализ сочетаемости базового в лингвистической концепции М.В. Панова термина «позиция» по тексту монографии «Позиционная морфология» [Панов 1999] позволяет выстроить видение той эпистемологической сущности, которая стоит за этим инструментальным термином: *по велению позиции, позиция требует, позиция распоряжается смыслами, позиционный диктат, позиционные сдвиги, нетерпимость позиции, многоэтажная позиция*. Синтагма *многоэтажная позиция* воплощает проекцию позиции на здание, поскольку типовое, закрепленное в узусе и отраженное в словарях номинативное значение прилагательного *многоэтажный* не зачеркивается, а, напротив, актуализируется в этом атрибутивном сдвиге при имени непредметной сущности позиция, благодаря чему и происходит проецирование ее мыслимого

параметра на имплицитный, но эмпирически постигаемый носитель «многоэтажности», представленный в стандартной сочетаемости данного прилагательного – *многоэтажное здание (дом, гостиница)*. Таким образом, уподобление позиции многоэтажному дому в тексте «Позиционной морфологии» направляется представлением М.В. Панова о грамматической позиции как о комплексном, многоуровневом феномене, включающем определенный состав грамматических форм, порядок слов, общий грамматический смысл конструкции.

Как писал В.В. Налимов, «сама наука есть не более чем символическое описание Мира» [Налимов 1989: 255], а речь, по Гегелю, – это «чистейшая форма объективности для субъективного» [Гегель 1973: 47], наполняющего своими проективными смыслами абстракции умопостигаемого мира и заполняющего этот мир наглядностью. Все связанные значения слова при абстрактных именах воплощают символику идеального, тогда как проекции параметров материального предмета на материальный служат перевоплощению материального.

ВЫВОДЫ

Содержание слова логикой постижения мира не исчерпывается, поскольку логика и вырастает из символики, мифологии как дологической формы мышления и обрастает ею в процессе освоения умопостигаемого мира. Если свободная сочетаемость слова регулируется синтаксическими правилами и логикой отношения между означенными фрагментами внеязыковой действительности, то сочетаемость связанная направляется сложившейся в языковых практиках социума конвенциональной образностью абстрактной сущности. Эта образность семантически обязательна, что обусловлено невозможностью вовлечения метафизического в эмпирический опыт без наглядности, и регулярна, что обусловлено противопоставлением любого предиката, взятого в его вторичной функции (в функции «вторичного предиката» при АИ), его буквальному значению, со стандартных актантов которого и считываются проективные смыслы абстрактной сущности.

Ассоциативный ореол умопостигаемых сущностей, имена которых терминологически квалифицируются и как «ключевые слова», и как «культурные концепты», может и должен стать объектом грамматического описания. Объективные причины следующие: а) модель ассоциативного ореола абстрактной сущности (resp. содержания ее имени) представляет собой членимое пространство, в котором объединены выделенные при анализе сочетаемости ее имени проективные смыслы, входящие в зону конвенциональной образности; б) высокая степень повторяемости проективных смыслов в лексико-семантической сочетаемости разных АИ с предикатами позволяет квалифицировать их как лингвистический инструмент описания. Повторяемость проективных смыслов дает ключ к обнаружению механизма возникновения несвободной (связанной) сочетаемости слова и к объяснению роста конкрет-

ности ассоциативного ореола абстрактной сущности за счет ее образных проективных смыслов.

Схематичность символического пространства АИ по-новому высвечивает и лингвофилософскую проблему языковой формы. Поскольку проективные смыслы и их инварианты (лексикоды) напрямую связаны с правилами построения словосочетаний с абстрактным субстантивом, постольку их дальнейшее изучение внесет вклад и в грамматику словосочетания, и в философию грамматики, расширив границы ее объекта введением тех фактов, которые традиционная грамматика не считала научными, но в которых, тем не менее, обнаруживается действие языкового механизма.

Предпринимаются попытки создания словаря сочетаемости непредметных имен. Однако нужен полный словарь фразеологических парадигм хотя бы ключевых абстрактных субстантивов. Создание словаря сочетаемости АИ на базе не только художественных текстов, но и тех, которые отражают основу нашего языкового бытия в повседневности, в еще большей степени помогло бы прояснению особенностей как нашей ментальности, так и нашей повседневности. Что касается отраслевых словарей сочетаемости терминов, то создание таких словарей имело бы теоретическую и практическую ценность как для соответствующей сферы знания, так и для лингвистики. Решение этой отраслевой проблемы не выходит за те исследовательские рамки, которые очерчиваются лингвистическими принципами анализа сочетаемости общеизвестного абстрактного имени с вторичными предикатами.

Литература / References

1. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. – 392 с.
2. *Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю.* Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен. [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru>. Дата последнего обращения – 10.04.2016.
3. *Бор Н.* Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971. – 676 с.
4. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
5. *Всеволодова М.В.* Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора В.Ю. Копрова. Воронеж: Наука–Юнипресс, 2011. С. 74–82.
6. *Гак В.Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Дис... д-ра филол. наук. М., 1968. – 248 с.
7. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
8. *Гегель.* Эстетика. Т. 4. М.: Искусство, 1973. – 676 с.
9. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
10. *Кант И.* Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. – 743 с.
11. *Кустова Г.И.* Электронный словарь степенной сочетаемости на базе НКРЯ // Труды международной научной конференции «Корпусная лингвистика–2008». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 229–239.
12. *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. – 992 с.

13. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. – 287 с.
14. *Панов М.В.* Позиционная морфология. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
15. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2. М.: Госиздат, 1920. – 499 с.
16. Русская грамматика (РГ) / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1–2. М.: Наука, 1980. – 784 с.
17. *Телия В.Н.* К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык–система. Язык–текст. Язык–способность. Сб. статей. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 25–36.
18. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. – 269 с.
19. *Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. С. 37–113.
20. *Тулмин С.* Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 170–189.
21. *Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: ЯРК, 1997. С. 146–152.
22. *Чернейко Л.О.* Грамматика семантики // Памяти А.А. Поликарпова. Сборник статей. Электронный вариант. МГУ, 2015. С. 551–556.
23. *Чернейко Л.О.* Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XI международной конференции. Т. 1. М.: ТВТ Дивизион, 2009. С. 162–175.
24. *Чернейко Л.О., Башкатова Д.А.* Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. 2008, № 2. С. 86–99.
25. *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Том 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 182 с.
26. *Ягунова Е.* «Зачем», «что» и «как» в исследовании коллокаций. Размышления на тему Е. Ягуновой. Семинар по автоматической обработке текста. СПб., 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/Imp/ss-3842400> Дата последнего обращения – 01.04.2016.
27. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРИСТАНЬ НАУЧНОЙ ЛЮБВИ (В ПАМЯТЬ О ЛЮБИМОЙ МНОЮ В.Н. ТЕЛИЯ)

В.И. Шаховский

RUSSIAN PHRASEOLOGY AS V.N. TELIYA'S SCIENTIFIC LOVE WHARF

V.I. Shakhovsky

ABSTRACT

The article deals with V.N. Teliya's development of theoretical approaches to different aspects of Russian phraseology: its imagery, expressivity and emotivity, including evaluative connotation. The investigation aims at analyzing V.N. Teliya's methodology of new Russian phraseology school. The paper highlights the full list of her scientific papers, dictionaries and presentations on the problem of different Russian phraseology parameters.

All of them are used as the material for our analysis. The analysis consists in the detailed study of V.N. Teliya's dictionaries and of the ways the scholar explored and described phraseologisms' inner contents. V.N. Teliya paid special attention to imagery. The comparative analysis carried out reveals the gradual development V.N. Teliya's interests, moving from phraseology to connotation, then to expressivity, and, at last, to linguoculture.

Finally, the scholar addressed the study of issue concerning the Russian language cultural code is rooted in the depth of phraseological semantics.

One of the relevant results of our research is the discovery of "spiral" dynamics of V.N. Teliya's theoretical interests as well as the disclosure of her methodology of the Russian language code research. Besides, our investigation, as we hope, has made contribution to V.N. Teliya's dictionary's popularization in the world scientific community.

This article also proves V.N. Teliya's creation of a new phraseological school and a new methodology as well as the theory of the Russian language cultural code.

All this will help to study cultural codes of other languages and make their comparison in search of universality and differences among them.

Key words: Russian phraseology, linguoculture, Russian language cultural code, Big Russian phraseology dictionary, symbolarium, connotation, cultureme

АННОТАЦИЯ

Рассматривается динамика теоретической мысли В.Н. Телия в процессе ее научной работы в течение всей ее жизни. Подчеркивается ее возврат время от времени к ее первоначальному интересу – фразеологии русского языка. Такой возврат в данной работе определяется как спиралевидный. Фразеология неизменно присутствует во всех новых парадигмах лингвистики, разрабатываемых В.Н. Телия. Даже коннотацию, экспрессивность и образность В.Н. Телия рассматривает сквозь призму фразеологии. Логическим завершением всей творческой деятельности В.Н. Телия является фундаментальный фразеологический

словарь, разработанный на авторской концепции. Целью этой концепции было выявление культурного кода русского языка. Этот словарь позволил В.Н. Телия заложить основы такой парадигмы языкознания, как лингвокультурология.

Ключевые слова: русская фразеология; лингвокультура; культурный код русского языка; Большой фразеологический словарь русского языка; символярный; коннотация; культурема

Неизбежно только одно – смерть.
Всё остальное можно избежать.
Камю.

Мне представляется, что Камю можно подправить: смерти тоже можно избежать, только не всем. Таким людям, как В.Н. Телия, обеспечено бессмертие и вечная память мировой лингвистической общественности за ее теоретические труды и, особенно, за ее фундаментальный «Большой фразеологический словарь русского языка» [Большой... 2006].

Вступив на тернистую научную стезю, В.Н. Телия посвятила свои первые лингвистические изыскания фразеологии русского языка [Телия 1966]. Ее научное отплытие в Большую Науку от маленькой «Ростовской пристани» произошло в 1966 году. Это пристань ее первой Любви. И это было начало начал: «Что такое фразеология?» Этот вопрос Вероника Николаевна задала, прежде всего, самой себе, и ей удалось ответить полностью, как это ей тогда казалось, на этот вопрос. Однако жизнь показала, что надо было пройти между Сциллой и Харибдой, чтобы докопаться до культурного кода русского языка с помощью фразеологии как землеройного снаряда. Это было традиционное до 1966 года исследование, но ее пылкий ум хотел как можно глубже проникнуть не только в структуру и функционирование ФЕ, но и в специфику и глубину их семантики. Добывая все новые и новые знания, В.Н. Телия не могла не обратить внимание на образность, экспрессивность, оценочность и эмоциональную / эмотивную окрашенность фразеологии. Она также заметила, что в объемной, почти голографической семантике ФЕ неизбежно проявляются различные и многочисленные дополнительные оттенки значения, которые на определенном этапе развития мировой лингвистики получили название *коннотация*. Этой проблеме, мало разработанной в 80-х годах прошлого столетия, В.Н. Телия посвятила свою монографию [Телия 1986], а также терминологическую статью «Коннотация» [Телия 1998а: 236].

Позже, в другом издании, В.Н. Телия несколько модифицировала свое определение коннотации: «*Коннотация* (ср.-лат. *connotatio*, от *connoto* – имею дополнительное значение) – ‘эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера. В широком

смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, ее форму и т. п. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т. е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» [Современный русский... 1999: 59–60]; ср.: [Телия 1998а: 236]. Признаю, что определение В.Н. Телия полно и объемно выражает суть понятия *коннотация*.

С особой пристрастностью она занялась осмыслением недостаточно внятной в то время концепции экспрессивности и эмотивности языка. Разнобой в различных подходах к экспрессивности был значителен, и я не буду перечислять тех лингвистов, которые успешно путались в этом понятии. Очевидно, поэтому экспрессивности, эмоциональности и оценочности была посвящена коллективная монография, в которой В.Н. Телия использовала уже работавший в тогдашней лингвистике, как зарубежной, так и отечественной, термин *эмотивность* [Человеческий фактор... 1991; Шаховский 1987, 2009]. В ее определении соединяются в единое целое все конституэнты коннотации: эмоциональный, оценочный, экспрессивный, культурный, стилистический, вершинным из которых является эмотивный [Телия 1986].

Поскольку ряд моих работ был посвящен национально-культурной специфике коннотации, я во время одной из наших встреч обратил внимание В.Н. Телия на этот интересный и перспективный аспект исследования в межкультурной коммуникации. В своей следующей монографии В.Н. Телия подробно осветила и лингвокультурологический аспект фразеологии [Телия 1996]. При Институте Языкознания была создана проблемная группа, которая меняла свое название – от «Общей фразеологии» в конце 80-х до «Фразеологии в контексте культуры». Так ее называет сама Вероника Николаевна в своем предисловии к словарю «От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках» [Культурные слои... 2004: 10]. Сейчас эта проблемная группа в рамках сектора теоретического языкознания называется «Лингвокультурологические исследования», и руководит ею верная ученица Вероники Николаевны, доктор филологических наук М.Л. Ковшова.

Движение научной мысли В.Н. Телия от фразеологии через коннотацию и эмотивность к страноведению, а затем к лингвокультурологии

представляется естественным. Как отмечала В.Н. Телия в своем юбилейном докладе, «культура, по блестящему определению Эрнста Кассирера, – это символическая вселенная» (доклад на конференции 2010 г., посвященной 80-летию В.Н. Телия). Это достаточно широкое определение культуры. Напомню, что существует более трехсот ее определений, и ни одно из них не является всеобъемлющим, т. к. культура голографична. Ее голограмма состоит из множества смысловых слоев. Эти слои диффузны, не имеют четких границ и постоянно изменяются, образуя fuzzy sets (Лофти А. Заде).

Мысли В.Н. Телия были обращены к методологическим и методическим проблемам исследования фразеологического состава русского языка. Она настойчиво вводит свое понимание лингвокультуры и обосновывает, почему именно фразеология должна изучаться не просто как воспроизводимая единица языка, а именно в контексте культуры, отмечая, что именно такая воспроизводимость позволяет через особую методику проникнуть в тайные кладовые языка и вытащить на поверхность (обнародовать) один за одним все таксоны культурного кода языка.

В своих работах В.Н. Телия четко обозначила основные задачи лингвокультурологии, дала определение культуры, культурного кода, культурной компетенции, ввела в лингвокультурологический обиход лихачевское понятие культуросферы. По сути дела, не осталось ни одной проблемы лингвокультурологии, которую бы не исследовала Вероника Николаевна. Она предложила такие понятия, как культурная матрица, знаки симболярия, культурный контекст, культурные знаки, культурные коннотации, окультуренное восприятие мира, явленное в языковой оболочке, предложила некоторый набор культурных кодов русского языка на примере русской фразеологии. Отметим, что это далеко не полный список, а создание максимально полного перечня культурных кодов русского языка сможет обеспечить адекватную межпоколенную связь, несмотря на смену культуросфер под бременем неукротимого времени истории. Указанная идея получила реализацию в энциклопедической монографии Н.В. и А.К. Устиных [Устин, Устина 2013], в ней красочно анализируется окультуренное самосознание и его координация с геномом культуры.

Все работы В.Н. Телия являют собой блестящую аргументацию и развитие положений Гумбольдта и Вайнрайха, известных всем лингвокультурологам. В них лингвокультурология рассматривается как наука о способности ФЕ языка нести сигналы, сообщающие об их референции к семиотике культуры. Список публикаций В.Н. Телия наглядно демонстрирует ее преданность и любовь к фразеологии русского языка, ведь даже обращение к коннотации, экспрессивности и эмоциональности она связывает с ФЕ и их образностью, что подтверждает животворную функцию языка и фиксацию в нем национально-самобытного характера его пользователей.

Обращение к работам В.Н. Телия позволяет проследить «спиралевидную динамику» ее научных интересов от ФЕ как единиц языка к их страноведческому фактору, далее к лингвокультурологическому с возвратом к ФЕ как экспрессивно, эмоционально-оценочно образному феномену, начиненному многослойными культурными смыслами, а от них – к геному культуры и культурному коду русского языка. Пожалуй, ни один лингвист не смог охватить столь объемно и полно энциклопедическую сферу нового знания о языке, включая и демонстрацию того, как лингвокультурология работает с образами, которые картируют мир. Ее теория убедительно подтвердила мысли Л. Витгенштейна и Дж. Хинтики о том, что люди общаются не словами, а образами, которые и формируют окультуренное восприятие мира.

На современном уровне научного познания мира и себя в этом мире лингвокультурология выступает как высокозначимая (валёрная) отрасль современного теоретического и прикладного языкознания. Ее прикладным аспектом являются культурные компетенции носителя языка как акты речемыслительных процедур и знаки языков культуры, ибо культура многоязычна и представлена в различных семиотических системах. В своих высказываниях иногда человек воспроизводит лексические и фразеологические единицы, но креативно, поскольку каждый раз выступает как автор артефактов и ментефактов разных семиотических систем, актуальных для данного периода. Говорящий исходит из своей личностной и коллективной (национально-культурной) ценностной ориентации, определяя духовность культуры в момент говорения.

В.Н. Телия сформулировала эту проблему в своих трудах следующим образом – воздействует ли культура панхронически на человека и на общество? Отвечая на поставленный вопрос, она заметила, что конечной целью бытия является познание человеком самого себя. С этих позиций лингвокультурология является сутью человековедения и речеведения, а речеведение включает не только культуру речи, но и экологию языка/речи, что указывает на связи лингвокультурологии с современной коммуникологией и эмотивной лингвоэкологией [Шаховский 2015б; Эмотивная лингвоэкология... 2013]. По мнению В.Н. Телия, культурные коннотации слова значимы для коммуникологии, т. к. они определяют культурное содержание текста/высказывания и демонстрируют вторжение в культуру конкретной языковой общности/социума. Множество работ, написанных в отечественной лингвистике, уточняют данные идеи.

Остается ли культурный код постоянным? В культуре любое существенное событие серьезно меняет общий облик духовности. Все это оказывает несомненное влияние на геном культуры, поскольку, как сказал Демокрит, «все течет, все изменяется», возникает вопрос – не меняется ли и геном культуры при этом? Это серьезнейшая научная проблема для лингвокультурологов.

В упомянутом выше выступлении В.Н. Телия поэтапно расширяет голографическое содержание смыслов определения культуры: «Культура – это результат и бесконечный процесс познания и самопознания человеком духовно-личностного и национального бытия». Она доказывает, что человек является автором и творцом культуры с одной стороны, а с другой стороны, он же сам в процессе своей коммуникативной деятельности, в зависимости от различных интенций и мотиваций, размывает референции в ориентации в своей духовной деятельности и в деятельности своего общества.

Давайте посмотрим на то, что происходит с культурными смыслами в начале XXI-го века. В 2000-е годы в русском языке появилось огромное количество единиц с социокультурными коннотациями, трансформирующими традиционные культурные смыслы и свидетельствующими о межпоколенном разномыслии исходных культурных кодов русского языка: *грантоежки, витязи православия, говношоу, деревянный макинтош, арлеанская девственница, бабальон, фейковость* и др. Они расшатывают традиционные духовные скрепы языкового общества. Правдивость этого утверждения подтверждается современной коммуникативной практикой, когда ТВ через сбитый фокус целенаправленно меняет ценности и, соответственно, их духовную сущность. Прогрессивные журналисты, как могут, сопротивляются этим вывертам наизнанку «мехом вовнутрь». Однако пропаганда побеждает и информацию, и коммуникацию. По данным института опроса, 85% населения России верят ЦТВ, а по данным «Эхо Москвы» – 60% им не доверяют («Эхо Москвы», 23 апреля 2015 года). Такое различие во мнениях зависит от разной мотивированности адресатов. Если мотивацией является не правдивая информация, а пропаганда фактов, сконструированных «смысловиками», так называемыми некоторыми журналистами «спецвойсками по информационной терапии» [Шаховский 2008, 2014], то информация, повторенная несколько тысяч раз, опускается в подсознание реципиента, а затем поднимается и закрепляется в структуре сознания. И переубедить такого реципиента уже трудно. Не случайно В.Н. Телия тесно связывает ценностные ориентиры человека с духовностью и познанием собственного «Я». Увы, сквозь призму сбитого информационного фокуса самосознание своего «Я» теряет ценностные ориентиры, что порождает «многоточие зрения» и неспособность людей к дискуссии о культурных и ценностных различиях и трансформациях.

С середины 90-х годов прошлого столетия В.Н. Телия все чаще повторяла, что в культуре любое существенное событие меняет общий облик духовности, что, в свою очередь, неизменно оказывает свое влияние на геном человека, что только через культуру возможно духовное единение народа. Базой для этого единения, как она впервые заявила в 1996 г. [Телия 1998б], является культурный код русского языка. Под ним она понимала, прежде всего, общность культурных знаний, истории страны, ее корней, имен, понятий. Справедливость этого утверждения

подтверждается многократно на примерах утраты духовности российским (постсоветским) социумом, фиксируемом в единицах языка. К данному моменту можно отметить серьезные изменения (порой реверсии) духовных ценностей [Шаховский 2010]. Появились признаки иной духовной ориентации, наблюдаются серьезные изменения в динамических процессах на всех уровнях русского языка, ухудшение качества образования приводит к утрате традиционных культурных ориентиров и кодов.

Возвращаясь к анализу достижений известного лингвокультуролога, отмечу, что именно В.Н. Телия впервые поставила задачу разработки метаязыка лингвокультурологии, установления лингвокультурных референций [Телия 1998а: 17], тем самым заложив программу лингвокультурологического исследования, венцом которого стало издание «Большого фразеологического словаря русского языка» (далее – БФСРЯ) [Большой... 2006].

В этой программе важное место отводилось вопросу пересечения двух предметных областей – языка и культуры, были выделены постулаты культурно-национальной специфики ФЕ (что позднее было доказано на многочисленных конкретных примерах, ставших материалом БФСРЯ), а также выделена категория образности как культурная база ФЕ – через ФЕ представляются культурные установки конкретного социума (гештальты, культурные коннотации, эталоны, стереотипы) и константы культуры (универсальные и национальные).

В этот период В.Н. Телия впервые дала определение кода культуры и показала его связь с одной из функций языка – вербализацией знаков культуры в языке. В этой и в последующих работах В.Н. Телия неоднократно возвращается к проблеме тезауруса культуры, к проблеме культуросферы. Она предложила в рамках лингвокультурологии использовать термин *симболарий* – все то, что несет надличностный культурный смысл, и указала на факт, что ФЕ могут быть распределены в две смысловые категории: ФЕ со сверхличностными смыслами и ФЕ с личностными смыслами в контексте культуры конкретной личности и конкретной нации, объяснив это тем, что «субъект языка всегда является субъектом культуры» [Телия, Дорошенко 2010]. По словам В.Н. Телия, лингвокультурологии следует искать ответ на следующие вопросы: действует ли культура панхронически на речь современных носителей языка, живут ли даже самые архаичные ее пласты в сознании субъектов языка и культуры?

Через 12 лет после программных статей [Телия 1998б; Телия, Дорошенко 2010] В.Н. Телия приходит к выводу, что лингвокультурология с неизбежностью вписывается в антропологически ориентированную парадигму современной лингвистики. Она видит необходимость установления методами лингвокультурологии смысловых связей между ФЕ и культурным кодом языка, прескрипций конкретной культуры, которые имеют всегда ценностно-ориентированный характер. Интересным

представляется и высказанное Вероникой Николаевной мнение о *языках культуры*: их много, они проявляются как в артефактах, так и в ментефактах, т. е. могут иметь не только вербальные, но и невербальные и паралингвистические проявления, что особенно заметно в культурных сценариях эмоций, так подробно описанных А. Вежбицкой. Кроме того, ею было отмечено, что языки культуры могут отличаться в своих различных слоях и в различных дискурсах своей «спиралевидной динамикой».

Венцом «спиралевидной динамики» творческих интересов Вероники Николаевны является созданный под ее руководством БФСРЯ [Большой... 2006]. В составлении этого уникального словаря принимали участие М.Л. Ковшова, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова. БФСРЯ не имеет аналогов в мировой лексикографической практике, т. к. толкования 1500 фразеологизмов впервые сопровождаются описанием ситуации, в которой употребляется фразеологизм, даются стилистические пометы и цитаты из текстов всех жанров письменной речи, в т. ч. из Интернета, указываются функциональные особенности фразеологизмов. В этом словаре впервые показаны образно-смысловые «гнезда» фразеологизмов в одной общей для них словарной статье.

Новым и необычным является предложенное в БФСРЯ измерение культурной ценности, отраженной в конкретном фразеологизме: насколько *«достойно / недостойно»* отношение человека к природе, к себе самому как личности, к социальному окружению, а также к мистически – духовно воспринимаемым первоначалам бытия всего сущего» [Телия 2006].

По замыслу авторов словаря (и этот замысел успешно осуществлен) каждый фразеологизм, включенный в него, не только сам культурно ориентирован, но и культурно ориентирует пользователей этого словаря, что достигается с помощью объяснительного культурологического комментария, который и составляет абсолютную новизну, уникальность БФСРЯ. В словаре определена та роль, которую ФЕ выполняют в концептосфере культуры как ее знаки-символы, как эталон или стереотип. Словарь утверждает воспроизводимость ФЕ и его культурологическую родословную. ФЕ здесь выступает как носитель культурной памяти русского народа и русского духа его языка. Впервые в БФСРЯ в словарную статью внесены такие параметры, как вершинный модус культурной коннотации, семантизация образа, характерная для представителей данного языкового коллектива [Шаховский 2007а, 2007б]. Сделанное указанным авторским коллективом под руководством В.Н. Телия вызывает уважительное отношение, тем более, что все ее коллеги и ранее разрабатывали лексикографические форматы описания ФЕ, послужившие прообразами (прототипами) БФСРЯ.

Я сознательно повторил в данной статье основную информацию о БФСРЯ, т. к. подросло новое поколение филологов, возможно, незнакомых с этой выдающейся лексикографической энциклопедией.

Хорошо бы каждую конференцию, посвященную В.Н. Телия, начинать с прослушивания ее классического доклада о Лингвокультуре, чтобы слышать ее голос, видеть ее и навсегда запомнить пристань ее настоящей Любви – русскую фразеологию.

Она ушла от нас, но не от Лингвистики. Никто из нас не вечен. А лингвистика – вечна. И имя Вероники Николаевны Телия в ней тоже вечна. Ей удалось избежать «неизбежные неизбежности» (вопреки мнению Камю). *Забвение* В.Н. Телия не грозит.

Все лингвистическое творчество и обиходное общение с В.Н. Телия указывало на ее яркую лингвистическую и даже лингвокультурную индивидуальность, что позволяет мне говорить о ней, как национально-специфичной, нашей, отечественной *лингвокультуре*.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что В.Н. Телия создала оригинальную научную школу и открыла новое научное направление по исследованию культурного кода русского языка.

Литература / References

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с. – [БФСРЯ]
2. Современный русский язык: Система основных понятий: Учебное пособие: В 2 ч. / Под общ. ред. Л.Б. Селезневой. Ч. I: Понятия общие. Фонетика. Лексикология. Словообразование / Сост. Л.Б. Селезнева, Т.А. Пережогина, М.Ф. Шацкая. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 184 с.
3. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 144 с.
4. *Телия В.Н.* Коннотация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998а. С. 236.
5. *Телия В.Н.* От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 9–16.
6. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1998б. С. 13–24.
7. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
9. *Телия В.Н.* Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. – 219 с.
10. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Язык. Ментальность. Культура. Материалы Международной научной конференции «Живодействующая связь языка и культуры». Том 1. М.; Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. С. 3–11.
11. *Устин А.К., Устина Н.В.* Культурносфера: монография. М.: ФГНУ ИСП РАО, 2013. – 460 с.
12. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Институт языкознания / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. – 214 с.

13. *Шаховский В.И.* «Золотой типун»: журналисты могли бы спасти наши уши и глаза, и души (наблюдение лингвиста за речетворчеством журналистов) // Журналистика и культура. Сб. науч. статей. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 116–122.
14. *Шаховский В.И.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с. (рецензия) // *Stylistyka: style and time* (журнал польской академии наук). Opole. 2007a, № 16. С. 649–658.
15. *Шаховский В.И.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с. (рецензия) // *Русистика*. Киев: ВПЦ «Киевский университет», 2007б. С. 70–75.
16. *Шаховский В.И.* Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. Изд. стереотип. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015а. – 144 с.
17. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987; М.: 2009. – 402 с.
18. *Шаховский В.И.* Когнитивная вооруженность при рационализации эмоций // Вопросы психолингвистики. 2015б, № 2(24). С. 132–144.
19. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
20. *Шаховский В.И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
21. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

ОБЪЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ*

С.Г. Шулежкова

THE OBJECT OF PHRASEOLOGY IN POLYPARADIGMATIC LANGUAGE SCIENCE

S.G. Shulezhkova

ABSTRACT

The article deals with the problem of object identification in modern phraseology in the age of polyparadigmatic linguistics. The arguments about the nature of a phraseological unit began 70 years ago after V.V. Vinogradov's publication in which the main phraseological terms were discussed. V.N. Teliya's ideas concerning this subject were expressed in her book "What is Phraseology" as well as in her other works. Teliya's studies brought her into one line with the most outstanding Russian phraseologists. She became a founder of a new linguoculturological approach in phraseology and studied phraseological items in close relation with national culture. In the context of the broaden view of "general phraseology" and its object, Teliya's conception serves as a foundation for researches in the field of paremiology, catchword studies as well as in some other branches of modern phraseology.

Key words: object of phraseology; polyparadigmatic; anthropocentrism; functionalism; linguoculturological

АННОТАЦИЯ

70 лет назад была опубликована первая из статей В.В. Виноградова, положивших начало отечественной фразеологии, по поводу объекта которой долгое время велись ожесточенные споры. В 1966 г. в книге «Что такое фразеология» В.Н. Телия, проанализировав путь, пройденный новой дисциплиной, обозначила ее важнейшие проблемы и указала на необходимость развития общей фразеологии, объектами которой должны стать все сверхсловные языковые единицы. Имя В.Н. Телия неразрывно связано с крупнейшими достижениями в области фразеологии. В условиях полипарадигмального состояния мирового языкознания, главными принципами которого стали антропоцентризм и функционализм, В.Н. Телия, заложила основы лингвокультурологического направления во фразеологии. Взгляд В.Н. Телия на объект фразеологии и методика лингвокультурологического описания фразеологизмов служат опорой для ряда ответвлений современной общей фразеологии, в том числе для паремиологии и крылатологии, единицы которых описываются в специальных словарях.

Ключевые слова: объект фразеологии; полипарадигмальность; антропоцентризм; функционализм; лингвокультурологический

---

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности» (2015, № 15-24-06001а(м)).

Вопрос об объекте фразеологии с момента возникновения самой науки о сверхсловных языковых единицах был одним из самых обсуждаемых в лингвистике XX столетия. Принадлежащая к плеяде известнейших фразеологов страны, В.Н. Телия, 50 лет тому назад, будучи еще молодым исследователем, охарактеризовала достижения советских ученых за то время, которое прошло после публикации первой из статей В.В. Виноградова, послуживших толчком к активному развитию отечественной науки о фразеологических единицах (ФЕ) [Виноградов 1977]. «“Скрытый” период кончился, – писала она тогда, – начался период дискуссионный: во фразеологии можно наметить несколько направлений, каждое из которых по-своему определяет основные понятия, объем и задачи фразеологии. Все еще недостаточно ясно <...> что следует понимать под понятием “фразеологическая система (или уровень) языка”...» [Телия 1966: 3]. В этой же книге, наряду с фразеологическими сращениями и единствами, В.Н. Телия перечисляет другие разновидности сверхсловных устойчивых единиц: «всевозможного рода штампы, клише, формулы речевого обихода, присущие той или иной эпохе, стилю, среде», «крылатые слова», «пословицы, поговорки, сказочные формулы» и выражения, выполняющие роль служебных частей речи [Там же: 6–7]. Все эти обороты в русле идей своего учителя, В.Л. Архангельского, она рассматривает в качестве объектов «общей фразеологии», хотя и замечает, что «общей фразеологии как сложившейся дисциплины <...> не существует» [Там же: 8].

Спустя 20 лет, в монографии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты», характеризуя два этапа («классический» и «постклассический»), пройденные отечественной фразеологией (вначале под влиянием структурно-семантической парадигмы, а потом – в период ее кризиса), В.Н. Телия писала: «... длящаяся и по настоящее время замкнутость фразеологии “в самой себе и для себя” привела к обособлению ее проблематики не только от взаимодействия со всем пространством лингвистической науки, но и с целостным пространством самого языка, в котором и совершаются коммуникативные процессы» [Телия 1996: 270]. О «замкнутости “в самой себе и для себя”», скорее всего, можно было говорить по отношению только к тому течению во фразеологии, которое на первом этапе ее развития было озабочено теоретическими проблемами зарождающейся науки и считало ее объектом лишь совокупность сверхсловных языковых единиц, принадлежащих (по терминологии В.В. Виноградова) к идиомам и сращениям. Особенно ярко это течение проявило себя в 1950–1960-е гг., что нашло свое отражение и в первом фразеологическом словаре русского языка [Фразеологический... 1968], и в целом ряде монографий этих лет. Общая же фразеология формировалась стихийно в жарких спорах с ревнителями идиоматической концепции объ-

екта новой науки. И здесь весомую роль сыграли представители историко-лингвистического течения во фразеологии, изучавшие устойчивые словесные комплексы (УСК) древнерусских и старорусских памятников, а также исследователи корпуса крылатых выражений (КВ) русского языка. И тем, и другим, действительно, было тесно в рамках узкого понимания объекта фразеологии. В Самаркандской фразеологической школе, в Ростовской-на-Дону, в Туле, на Южном Урале и в других научных центрах еще в 1960–1970-е гг. вызревало иное, более широкое представление об объекте фразеологии – как о сверхсловной языковой единице – устойчивой, воспроизводимой, обладающей постоянным, закрепленным за данным оборотом, узуальным значением. Говорить в таких условиях о фразеологии постклассического этапа как о науке, «замкнутой в самой себе и для себя», вряд ли справедливо.

Настоящий «прорыв» фразеологии в поле общетеоретических проблем языкознания совершился в 1964 г. с выходом в свет монографии «Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии» В.Л. Архангельского, кстати, начинавшего свой путь в науку в качестве историка языка – с изучения фразеологии «Поучения» Владимира Мономаха [Архангельский 1950]. В.Л. Архангельскому на обширном языковом материале удалось доказать, что устойчивые фразы (УФ) должны стать объектом общей фразеологии наравне с фраземами, так как они обладают существенными признаками, позволяющими «подводить и первые, и вторые под понятие ФЕ» [Архангельский 1964: 178], а значит, следует их признать элементами языковой системы. Дифференциальными признаками всех ФЕ В.Л. Архангельский считал устойчивость, воспроизводимость, «определенную последовательность элементов», «единое комбинаторное значение», обладающее стабильностью <...> в отношении означаемого или выражаемого [Там же]. Кроме того, он дал в руки исследователей безотказный «инструмент» обнаружения и всестороннего описания ФЕ, к какому бы структурно-семантическому или функциональному типу они ни принадлежали.

С конца 1940-х до середины 1960-х гг. было предложено немало терминов, называвших дифференциальные свойства объекта фразеологии, но именно В.Л. Архангельский «нащупал» в их дефинициях самое уязвимое место – трактовку термина «устойчивость». Среди фразеологов вряд ли можно найти исследователя, который бы не признавал устойчивости в качестве одного из важнейших свойств ФЕ. Однако каждый фразеолог трактовал устойчивость по-своему. В.Л. Архангельский же считал, что устойчивость ФЕ «основана на совокупности ограничений (в выборе переменных), не свойственных ее свободному эквиваленту» [Архангельский 1964: 120]. А проявляется устойчивость, во-первых, как «устойчивое соотношение между ФЕ как означающим и означаемым <...> и, во-вторых, <...> устойчивое соот-

ношение между значением ФЕ и стабильным сочетанием знаков, выражающих это значение...» [Там же].

В.Л. Архангельский разработал теоретические основы общей фразеологии и дал исчерпывающее, непротиворечивое толкование ее объекту, опираясь на важнейшие достижения мирового языкознания, прежде всего, философии языка, что выдвинуло его в ряды самых ярких фигур отечественной фразеологии. Лексема «устойчивый», ключевая в его концепции, входит в названия различных типов сверхсловных языковых единиц, когда под ФЕ понимают либо все объекты фразеологии, либо (в противовес единицам с идиоматичным значением) те, что не обязательно обладают образностью, идиоматичностью значения, эквивалентностью слову, непереводаемостью. Ср., например, *устойчивые сочетания / словосочетания (УС)* [Костючук 1963; Селиванов 1973 и др.]; *устойчивые словесные комплексы (УСК)* [Ломов 1969; Ройзензон 1971, 1977; Индекс 2014; Индекс 2015 и др.]; *устойчивые сравнения / компаративы* [Огольцев 1978, 2001, 2015; Лебедева 1996, 1998, 1999, 2003; Мокиенко 2016] и др.

Признавая необходимость разработки проблем общей фразеологии с толкованием ее объекта в духе В.Л. Архангельского, В.Н. Телия пошла по другому, непроторенному пути, сосредоточив свое внимание на тех объектах фразеологии, которые труднее всего поддаются описанию с точки зрения требований, предъявляемых ученому-фразеологу на современном этапе развития мирового языкознания. В монографии 1996 г. она излагает сущность лингвокультурологического подхода к описанию ФЕ и настаивает на необходимости изучения объектов фразеологии как элементов культуры: «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9]. Позиция В.Н. Телия отвечала потребностям времени. В условиях полипарадигмального состояния лингвистики с ее основополагающими принципами – антропоцентризмом, функционализмом, экспансионизмом и экспланатарностью (см. об этом: [Демьянков 1995; Кубрякова 1995; Степанов 1995; Паршин 1996; Попова 2002; Ажеж 2003; Шулежкова 2008] и др.) – лингвокультурологический подход, учитывающий роль говорящего человека в познании окружающей действительности (с ее этнически самобытной культурой) и в формировании языковой картины мира, оказался особенно плодотворным. Значимость нового направления во фразеологии, основанного В.Н. Телия, оказалась по-настоящему весомой оттого, что она опиралась на достижения ученых, занимавшихся историко-этимологическим и этнолингвистическим анализом сверхсловных языковых единиц. Достаточно упомянуть здесь цикл книг, написанных в 1970–1980-е гг. [Мокиенко 1975, 1980, 1986], которыми была подготовлена почва для справочника по русской идиоматике «От Авося до Ятя» [Мокиенко 1998] и уже не раз переизданного историко-этимологического «Словаря рус-

ской фразеологии» [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 2001, 2005, 2007].

Объект фразеологии в трудах В.Н. Телия конца 1990–2000-х гг. по-настоящему «очеловечивается», семантика ФЕ «добывается», раскрывается путем погружения исследовательской мысли вглубь истории культуры, предопределяющей морально-нравственные установки носителя языка и его жизненные ориентиры. Вершиной научного творчества В.Н. Телия стала реализация ею (совместно с группой единомышленников) проекта толкового фразеологического словаря с культурологическим комментарием, который, по справедливому замечанию составителей, «не имеет аналогов в мировой лексикографической практике» [Большой фразеологический... 2006]. Отбирая ФЕ для словаря нового типа, коллектив авторов, вероятно, намеренно исходил из критериев, которые осложняли выполнение поставленной задачи. Так, например, в словарь включались единицы, «в которых просматриваются древнейшие культурные слои, восходящие к моделирующим мироустройство архетипическим и мифологическим формам осознания мира, к религиозным формам мирозерцания» [Телия 2006: 777]; фразеологизмы, образное основание которых в целом или отдельные его части «включают в себя многообразие “кодов культуры”» [Там же]. Толкование каждой единицы в словаре предусматривает заполнение семи «подзон», которые отражают «движение от традиционного для лексикографической практики краткого определения значения <...> к развернутому <...> смыслу типовой ситуации <...> далее – к эмоционально-оценочному отношению говорящего к тому, что обозначается фразеологизмом в целом, и к социально значимым условиям общения» [Там же].

Ученики, коллеги, последователи В.Н. Телия, соавторы по «Большому фразеологическому словарю русского языка» [Большой фразеологический... 2006] каждый по-своему успешно продолжают ее дело (см., например [Красных 2002; Ковшова 2012, Зыкова 2014] и др.).

Теоретические основы общей фразеологии, заложенные в трудах В.Л. Архангельского, вкупе с лингвокультурологической концепцией В.Н. Телия, опирающейся на принципы антропоцентризма и функционализма, открывают новые перспективы для современных фразеологов. В доказательство приведем лишь примеры лексикографического анализа объектов общей фразеологии, значительно отличающихся (и по времени возникновения, и по структуре, и по сферам функционирования, и по привязке к «кодам культуры») от фразеологизмов, описанных в [Большой фразеологический... 2006].

Так, во «Фразеологическом словаре старославянского языка» [Фразеологический... 2011] описаны УСК как предикативного, так и номинативного характера. Некоторые из них обладают переносными, образными значениями, другие – значениями, вытекающими из значений их компонентов. Однако за каждым УСК его общее значение закреплено в языковом узусе. Составители называют свой словарь толковым и эн-

циклопедическим, ибо в нем читатель найдет не только «толковательную» и историко-этимологическую информацию. Книга содержит сведения из социальной, культурной, и религиозной жизни славян X–XI вв., а также данные о событиях, легших в основу содержания старославянских текстов, которые породили УСК и повлияли на формирование их семантики. Это позволяет читателю Словаря понять, какие этические ценности были сформированы у славян, принявших крещение, чем руководствовались они в своей духовной и обыденной семейной жизни, что осуждали и что одобряли, как веровали и как строили свои отношения с властью и с самим Господом Богом. Кроме того, каждая единица описывается как знак, занимающий определенное место в старославянской языковой системе с учетом ее парадигматических и синтагматических связей. Словарная статья выстраивается по шести параметрам: она содержит шесть зон – инициальную, семантическую, культурологическую (при необходимости дополняемую историко-этимологической справкой), иллюстративную, синоним-антонимическую и справочную, в которой через фиксацию УСК в исторических и современных словарях отражается его судьба. См., например:

Въ животъ (вѣчьнѣи), въ жизнь вѣчьнѣжъ вѣннѣи; вѣннѣи въ животъ (вѣчьнѣи), въ жизнь (вѣчьнѣжъ)

Попастъ в рай, в царство небесное.

► Слова **животъ** и **жизнь** используются в этом обороте в значении ‘иная, не земная, а небесная, вечная жизнь; жизнь в царстве небесном, в раю, куда попадают после смерти праведники, свято соблюдавшие в «сей», земной жизни заветы Христа’, хотя вне устойчивого словесного комплекса **въ животъ, въ жизнь вѣннѣи** они обычно используются в значении ‘жизнь вообще’; для именованя же райской жизни в старославянском языке были выражения **жизнь вѣчьнаѣа, животъ вѣчьнѣи**, для именованя земной жизни – **жизнь си, животъ съ** (ср. **Животъ** <...> 1. ζωή, τὸ ζῆν, βίος, ἀναστροφή, ζωός vita, vivere <...> жизнь život <...> **животъ съ** αὐτῆ ἡ ζωή эта жизнь, земная жизнь tento život, pozemský život [Старославянский... 1994: 217]).

аще око твоє слажнаатъ тѣ • изъми є и врьзи отъ себе • доврѣа ти естъ съ единѣмъ окомъ въ животъ вѣннѣи • неже дѣвѣ очи имѣцю вврѣженоу вѣти въ огнь вѣчьнѣи (Мф 18: 9)
Зогр пал 162, вѣннѣи въ животъ Мар 61-62; і се етеръ пристѣпъ рече ємоу • оучителю бл҃гты • что бл҃готвориѣ • да имамъ животъ вѣчьнѣи • онъ же рече ємоу • что ма гла(го)леши бл҃га • никтоже бл҃гъ тѣкмо єдинъ в(ог)ъ • аще ли хоцешѣи въ животъ вѣннѣи • събл҃уди заповѣди (Мф 19: 16-17) Мар 67, Ас 90, Зогр 27, въ животъ вѣннѣи Сав 26; **Антоним: понти въ геонѣ**

♦ **Вступать [входить] в жизнь, вступать [войти] в жизнь.** Начинать жить самостоятельно [Молотков 1987: 85]; Войти, войду, войдёшь, вошёл, -шла, -шло; вошедший; войдя <...> **Войти в жизнь.** 1. Получить признание, приобрести значение необходимого, обязательного <...> 2. (какую или чью). Освоиться с окружающими условиями, средой и т. п., проявить деятельное участие [Большой толковый... 2000: 145]; **Войти/входить в жизнь** – а) встретившись, стать необходимым, привычным для кого-л. <...> б) освоиться с окружающими условиями, средой и т. д. <...> в) получить признание. Стать повседневным, необходимым [Тихонов, т. 2, 2004: 160] [Фразеологический... 2011: 103–104].

В готовящемся к изданию «Словаре современных лозунгов России и Германии» коллектив составителей (научные сотрудники Словарной лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова) также организуют словарные статьи с учетом лингвокультурологических факторов. Каждая УФ в Словаре должна быть описана по шести зонам. В *инициальной зоне* лозунг представляется в его нормативной, исходной форме. В *источниковедческой* должна содержаться информация о времени возникновения лозунга, его авторе(ах); здесь же указывается (при необходимости) название произведения, из которого взята фраза; описываются обстоятельства его популяризации. В *семантической зоне* помимо указания на принадлежность лозунга к определенному концептуальному блоку, необходимо дать характеристику его значения с учетом интенции адресанта и ожидаемой реакции коллективного адресата. Особого внимания к себе требует зона с описанием *сферы функционирования лозунга*, где нужно указать, какой партии, какому общественному движению принадлежит лозунг; где, в каких ситуациях он употребляется. В *иллюстративной зоне* должны быть приведены примеры употребления лозунга. Завершать словарную статью следует *сведениями о фиксации* лозунга в справочных изданиях.

Таким образом, основы общей фразеологии, заложенные в трудах В.Л. Архангельского, вкупе с лингвокультурологической концепцией В.Н. Телия, открывают новые перспективы для исследователей, которые в условиях полипарадигмального состояния мирового языкознания видят и в идиоматичных, и в неидиоматичных объектах фразеологии «яркий культурноносный слой языковых единиц».

Литература / References

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 316 с.
3. Архангельский В.Л. Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1950. – 16 с.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. / Под ред. проф. В.М. Мокиенко. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.; 2-е изд., испр. / Под ред. проф. В.М. Мокиенко. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.; 3-е изд., испр. и доп. М.: Ас-

- трель; АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.; 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2007. – 926 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – [БТСРЯ]
  6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с. – [БФСРЯ].
  7. *Виноградов В.В.* Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины (1946) // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 118–139.
  8. *Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
  9. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. – 52 с.
  10. Индекс устойчивых словесных комплексов Архангельского и Туровского евангелий / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: Д.В. Жигулина, О.С. Климова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, Н.В. Позднякова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова; гл. ред. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. – 92 с.
  11. Индекс устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия / Науч.-исследоват. словарная лаб.; сост.: А.Н. Махин, А.А. Осипова, В.Ф. Хайдарова, Д.А. Ходиченкова, С.Г. Шулежкова; гл. ред. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ, 2014. – 126 с.
  12. *Ковшиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
  13. *Костючук Л.Я.* К вопросу об устойчивых словосочетаниях в языке деловой письменности XI–XIV вв. // Уч. зап. ЛГПИ им. А.Г. Герцена. Т. 248 (вопросы языкознания). Л., 1963. С. 273–287.
  14. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
  15. *Курьякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сб. науч. ст. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
  16. *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 300 с.
  17. *Лебедева Л.А.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1996. – 161 с.
  18. *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1999. – 196 с.
  19. *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1998. – 272 с.
  20. *Ломов А.Г.* Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей. Дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. – 541 с.
  21. *Мокиенко В.М.* (ред.) Устойчивые сравнения в системе фразеологии: колл. моногр. / Отв. ред. В.М. Мокиенко; ред.: Т.В. Володина, И.В. Кузнецова, А.В. Савченко. СПб.; Грайфсвальд, 2016. – 266 с.
  22. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М.: Просвещение, 1975. – 174 с.
  23. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
  24. *Мокиенко В.М.* От Авосья до Ятя. Почему так говорят?: Справочник по русской идиоматике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 492 с.
  25. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: «Высшая школа», 1980. – 207 с.
  26. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: АСТ, 2001. – 800 с.

27. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
28. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Либроком, 2015. – 178 с.
29. *Паршин П.Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996, № 2. С. 19–41.
30. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии / АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1988. – 235 с.
31. *Попова Е.А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002, № 3. С. 69–77.
32. *Ройзензон Л.И.* Об одной группе фразеологизмов русского язык, не имеющих однословного эквивалента (к изучению природы разговорной речи) // Материалы XXVII науч. конф. СамГУ (20–25 марта 1970 г.). Актуальные вопросы фразеологии. Вып. 2. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои, 1971. С. 1–6.
33. *Ройзензон Л.И.* Русская фразеология: учеб. пособие. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои, 1977. – 120 с.
34. *Селиванов Г.А.* Фразеология русской деловой письменности XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1973. – 50 с.
35. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. – 842 с. – [СССР]
36. *Степанов Ю.С.* Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца XX века: сб. науч. ст. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 7–34.
37. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
38. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
39. *Телия В.Н.* Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. – 87 с.
40. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968. – 544 с. – [ФСРЯ].
41. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулержкова, члены редколл.: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. М.: Флинта : Наука, 2011. – 424 с. – [ФССЯ].
42. *Шулержкова С.Г.* История лингвистических учений. М.: Флинта: Наука, 2008. – 408 с.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Алпатов Владимир Михайлович – д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Vladimir M. Alpatov – Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Беляевская Елена Георгиевна – д.ф.н., профессор кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Elena G. Beliaevskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of English Stylistics, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Брилева Ирина Сергеевна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Irina S. Brileva – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of the Russian Language for Foreigners studying Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Бубнова Ирина Александровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Россия, Москва)

Irina A. Bubnova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (Russia, Moscow)

Валуїцева Ирина Ивановна – д.ф.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета (Россия, Москва)

Irina I. Valuitseva – Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University (Russia, Moscow)

Величко Алла Васильевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Alla V. Velichko – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language for Foreigners studying Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Гостев Павел Павлович – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Pavel P. Gostev – Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Гудков Дмитрий Борисович – д.ф.н., профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Dmitry B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language for Foreigners studying Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Гулимова Анна Дмитриевна – к.ф.н., преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка факультета гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Anna D. Gulimova – Candidate of Philology, Lecturer, Department of Grammar and History of the English Language, Faculty of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Демьянков Валерий Закиевич – д.ф.н., профессор, зам. директора Института языкознания РАН, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, НОЦ ТиПК и сектором теоретического языкознания (Россия, Москва)

Valery Z. Demyankov – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director of the Institute of Linguistics, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Centre for Communication Theory and Practice and Department of Theoretical Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Егорова Анастасия Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка, и.о. зав. кафедрой русского языка МАРХИ (Россия, Москва)

Anastasia V. Egorova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Acting Head of the Department of the Russian Language, Moscow Architecture Institute (State Academy) (Russia, Moscow)

Заботкина Вера Ивановна – д.ф.н., профессор, проректор по инновационным международным проектам РГГУ, руководитель НОЦ когнитивных программ и технологий (Россия, Москва)

Vera I. Zabolkina – Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Innovative International Projects, Director of the Centre for Cognitive Programmes and Technologies, Russian State University for Humanities (Russia, Moscow)

Залевская Александра Александровна – д.ф.н., профессор кафедры теории языка и перевода факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Alexandra A. Zalevskaya – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language and Translation, Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University (Russia, Tver)

Захаренко Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Irina V. Zakharenko – Senior Lecturer, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Зыкова Ирина Владимировна – д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Irina V. Zyкова – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Иванова Светлана Викторовна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета (Россия, Уфа)

Svetlana V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Bashkir State University (Russia, Ufa)

Карасик Владимир Ильич – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград)

Vladimir I. Karasik – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russia, Volgograd)

Кирилина Алла Викторовна – д.ф.н., профессор, проректор по научной работе Московской международной академии (Россия, Москва)

Alla V. Kirilina – Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Science, Moscow International Academy (Russia, Moscow)

Красных Виктория Владимировна – д.ф.н., профессор кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Victoria V. Krasnykh – Doctor of Philology, Professor, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Кржишник Эрика – д.ф.н., профессор философского факультета Люблянского университета (Словения, Любляна)

Erika Kržišnik – Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, Ljubljana University (Slovenia, Ljubljana)

Лазуткина Елена Михайловна – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Elena M. Lazoutkina – Candidate of Philology, Leading Researcher, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language (Russia, Moscow)

Левицкий Андрей Эдуардович – д.ф.н., профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Andrej E. Levitsky – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Мед Наталья Григорьевна – д.ф.н., профессор кафедры романской филологии, зав отделением испанского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Natalia G. Med – Doctor of Philology, Professor, Department of Latin Languages, Director of the Department of the Spanish Language, Faculty of Philology, S.-Petersburg State University (Russia, S.-Petersburg)

Мещерякова Ольга Александровна – д.ф.н., профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Россия, Елец)

Olga A. Meshcheryakova – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Documentation, I.A. Bunin Yelets State University (Russia, Yelets)

Мяжкова Елена Юрьевна – д.ф.н., профессор Тверского института экологии и права (Россия, Тверь)

Elena Yu. Myagkova – Doctor of Philology, Professor, Tver Institute of Ecology and Law (Russia, Tver)

Никитина Серафима Евгеньевна – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Serafima E. Nikitina – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Опарина Елена Олеговна – к.ф.н., старший научный сотрудник ИНИОН РАН (Россия, Москва)

Elena O. Oparina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Постовалова Валентина Ильинична – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (Россия, Москва)

Valentina Il. Postovalova – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Сидорова Марина Юрьевна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Marina Yu. Sidorova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Скляревская Галина Николаевна – д.ф.н., профессор, заведующая лабораторией, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Galina N. Skliarevskaia – Doctor of Philology, Professor, Head of Laboratory, Faculty of Philology, S.-Petersburg State University (Russia, S.-Petersburg)

Фролова Ольга Евгеньевна – д.ф.н., руководитель Межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Olga E. Frolova – Doctor of Philology, Head of the Laboratory for Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Хухуни Георгий Теймуразович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета (Россия, Москва)

Georgy T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Theory of Language and English Studies, Moscow State Regional University (Russia, Moscow)

Чернейко Людмила Олеговна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Ludmila O. Cherneyko – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Шаховский Виктор Иванович – д.ф.н., профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград)

Victor I. Shakhovsky – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russia, Volgograd)

Шулежкова Светлана Григорьевна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Россия, Магнитогорск)

Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Linguistics and Mass Communication, Institute of History, Philology and Foreign Languages, G.I. Nosov Magnitogorsk State University (Russia, Magnitogorsk)